

СЛОВЕСНОСТЬ 2016

альманах ■ **книга 11** ■ фантастика ■ поэзия и проза
диалог культур. греция ■ история россии ■ новые литературные
знакомства ■ история российской словесности ■ мастерская
публицистика ■ имена и символы эпох ■ НЕшуточные страницы
путешествие литератора ■ семейное чтение рецензии
история российской словесности

ББК 84 (2Рос = Рус) ISBN 5-86676-097-5

СЛОВЕСНОСТЬ 2016

Проза, поэзия, публицистика, исторические и литературоведческие исследования, фантастика, новые литературные знакомства, воспоминания, фотографии. Альманах. Книга 11. — М., «Библиотека газеты «МОЛ», 2016, 228 с. с илл., тираж 400 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ, ПРОЗАИК, ФИЛОСОФ, ПОЭТ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕКЦИИ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА;
ДМИТРИЙ ЦЕСЕЛЬЧУК, ПОЭТ, ПОЭТ-ПЕРЕВОДЧИК, СОПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ;
НИНА ДАВЫДОВА, ПУБЛИЦИСТ, АВТОР ИДЕИ АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»;
НАТАЛЬЯ РОЖКОВА, ПОЭТ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕКЦИИ ПОЭЗИИ;
СЕРГЕЙ ШЕЛОВ, ДОКТОР ФИЛОЛ. НАУК, КООРДИНАТОР СЕКЦИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Графика: Наталия ПАХОМОВА

Дизайн, компьютерная вёрстка, обложка, форзацы: Любовь ЕЗЕРОВА

Альманах «Словесность», ежегодное издание Союза литераторов России, выходит с 2007 года. В 2013 г. увидели свет два сборника, книги 7 и 8. В одиннадцатой книге альманаха представлены поэты, прозаики, публицисты, литературоведы из разных регионов России. Среди них много новых имён; появился и новый для «Словесности» раздел — «Фантастика», открывающийся рассказом одного из победителей литконкурса «Филигрань». Раздел «Диалог культур» целиком посвящён Греции: в 2016 году проходит перекрестный год культуры Греции в России и России в Греции. В разделе «Публицистика» читателя может заинтересовать материал «Дело Вудки» (из архивов КГБ). В разделе «История России» опубликована беседа со священником Виталием Шатохиным «Сергиева Святая Русь». Традиционно представлены в альманахе разделы «Имена и символы эпох», «Из истории русской словесности»; «Семейное чтение», «НЕшуточные страницы»; «Путешествие литератора»; «Рецензии», «Мастерская». Так же традиционно самая большая «площадь» отведена для раздела «Поэзия и проза». Открывают альманах размышления о России и русской словесности юбилеев 2016 года — Н.М. Карамзина, Ф.М. Достоевского, В.О. Ключевского и Ю.В. Мамлеева.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ «МОЛ» (Рег. А-0470 от 27 мая 1994 года)

Главный редактор «Библиотеки газеты «МОЛ» Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

© «Библиотека газеты «МОЛ», 2015»,

адрес сайта: soyuzlitr.ru

...И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО,
ДОРОГА ДОЛГАЯ ЛЕГКА...

Александр Блок

Николай Михайлович Карамзин, 250 лет со дня рождения:

...Есть у нас песни и романсы, сложенные два-три века тому назад, где мы находим самое трогательное, самое простодушное выражение любви, дружбы и проч...

...Есть у нас и старинные рыцарские романы (герои их обычно военачальники князя Владимира, нашего Карла Великого) и волшебные сказки — некоторые из них достойны называться поэмами.

Но вот, милостивый государь, что поразит вас, быть может, более всего — года два назад в наших архивах обнаружили фрагмент поэмы, озаглавленной «Слово о полку Игореве», которую можно поставить рядом с лучшими местами из Оссиана...

Фёдор Михайлович Достоевский, 195 лет со дня рождения:

...Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, — точно так, как мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке. Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал...

...Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности. Недаром же мы говорили на всех языках, понимали все цивилизации, сочувствовали интересам каждого европейского народа, понимали смысл и разумность явлений, совершенно нам чуждых.

Василий Осипович Ключевский, 175 лет со дня рождения:

... Пётр Великий ...трудным ломаным путем из Москвы через Полтаву, Гангут и Ништадт двинул Россию в семью европейских держав и народов. С той минуты Европа была объединена и закончена, впервые стала цельной и сплоченной, Западно-Восточной Европой...

...Мы и наши потомки обязаны отделять от своего народного существа все лишнее, как случайный нарост, пока не предстанет пред миром и русский народ с тем обликом, который провиден поэтом. Тогда и исполнится то, о чем некогда мечтал Пушкин вместе с Мицкевичем, «...о временах грядущих, / Когда народы распри позабыв, / В великую семью соединятся»...

В этой мирной семье народов под знаменем Петра Великого и займет свое место мирный русский народ...

Юрий Витальевич Мамлеев, 85 лет со дня рождения:

Да, несомненно, мы — и не Восток и не Запад, не Европа и не Азия, и не их синтез, хотя отдельные черты всего этого у нас есть. Но даже то, что было взято нами — быстро и стихийно; неодолимой творческой силой России преображалось в «другое», в наше, в свое...

И неужели не ясно, что мы — особая, самобытная, ни на кого не похожая, уникальная цивилизация, которая еще только начинает свое восхождение, восхождение, которое может вывести ее за пределы того человечества, которое существует сейчас на Земле.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Наталья РОЖКОВА

ИЗ ЗАПИСОК СУМАСШЕДШЕЙ

* * *

Достали камень из почки
лежит на ладони
лёгкий как пемза
но больше похож на метеорит
вот и лги что ты не пришелец

ПОЭТ

Последний день Помпеи. В плащ закутан,
Стоит спасённый отрок, и глядит
На зарево, руины, мёртвых лица...
Он вырастет. В своих стихах бессмертных
Поведает об этом — и сгорит
Через века — в последний день Одессы.

НЕЗНАКОМОЙ МОСКОВСКОЙ СТАРУШКЕ

Дождь наискосок, промозглый ветер,
У погоды — дел невоворот,
Бабушка в поношенном берете
Тихо мимо митинга бредёт.
Отчего её встречаю снова?
И хотя в глазах упрёка нет,
Бабушка, тебе отдать готова
Вместе с Крымом — новый свой берет.
И пусть капли падают за ворот,
Улыбнись! Ещё нам хватит сил,
Севастополь, вечный русский город,
Словно никуда не уходил.

Вспомним мы в неспешном разговоре
Светляков, магнолии и штиль...
Там, где ходим — завтра будет море,
Послезавтра — солнечная пыль.

ПОЛЁТ В 2.45

*Меганевра — гигантская стрекоза, жившая в
каменноугольном периоде (размах крыльев — 65 см).*

Мягкий бархат небес
На востоке истёрся слегка,
Где-то изредка всхлипнет в ночи
Одинокая птица,
Разрезая на равные части,
Как ткань, облака,
Меганевра степенно летит
Над притихшей столицей.
На балконе от ветра трепещет,
Как знамя, бельё,
Опустевшая мёртвая площадь
Подобна пустыне.
Слышишь, крылья шуршат,
И квадратик сетчатки её
Отражает тебя и меня —
В настоящем, прошедшем и ныне.
Это странная весть,

Или — душный, пророческий сон...
И не скажет, пожалуй, никто,
Что здесь — была или небыль.
Два часа сорок пять. И опять выхожу на балкон.
Я пока ещё здесь, на Земле,
Но уже и немного — на Небе.

AFTER YOU (ПОСЛЕ ТЕБЯ — АНГЛ.)

В.

Каменной бабой,
Столбом соляным,
А в реальности —
Дважды вдовой
Я посредине квартиры,
С погоста вернувшись, стою.
Песня звучит, та,
что так мы любили с тобой,
Кто её пел — и не вспомнить уже...
«After you» — так называлась.
Проклятое радио, что ты орёшь?
Рифмы нет к слову «любя»
Кроме слова «скорбя»,
А за окошком танцует свой танец
Безудержный дождь,
С жизнью совсем непонятной,
Которая — после тебя.

ПИНГВИН И ЛАСТОЧКА

Для чего меня здесь держат,
Кормят рыбой прошлогодней,
От уборщицы метлою
Получаю по хвосту.
А она сидит на ветке,
Хвостик-штепсель смотрит в небо,
Зажигает солнца люстру
И смеётся на лету.
Для чего мне эти крылья,
Словно жалкая насмешка,
Семенящая походка
И увесистый живот?
Что ты смотришь? Интересно?

Я живу на всём готовом,
И ничто не угрожает,
А тебя поймает кот.
Как мне вырваться из плена,
Улететь на смехотворных,
На своих коротких крыльях
В снежносиние края?
Я, однако, размечтался...
Кыш отсюда, надоела!
Круглоглазая летунья,
Чёрно-белая, как я.

Виктория ДОВЖИК

БУДНИ ЧОКНУТОЙ СЕМЕЙКИ

(Продолжение, начало в «Словесности 2015»)

2 ГЛАВА

— Привет, Компот! Тебе работа нужна? — вынырнув из сладкой утренней дремы, Капа попыталась сосредоточиться на слове «работа». За окном мокло серенькое осеннее утро. Трубка бубнила в ухо про интересный заказ, щедрую клиентку и доброго дядю Игоря, который всегда готов помочь племяншке. Капа закрыла глаза и лишь изредка поддакивая, слушала до безобразия бодрый голос бывшего дальнего родственника.

— Шанцева, ты что, спишь? Я уже к повороту подъезжаю, — последняя фраза быстро привела Капу в чувство, и она ринулась в ванную. Дядя Игорь не выносил ожидания. Это была одна из причин, по которой у него с Капиной двоюродной теткой не срослось. Он просто в один прекрасный день вышел из квартиры, чтобы прогреть мотор, пока жена надевает сапоги и, прождав ее полтора часа, психанул и уехал навсегда.

Капа выскочила из подъезда ровно через десять минут, на ходу пытаясь застегнуть куртку, и огляделась. Дядькиной синей «Газели» нигде не было видно. Можно расслабиться и нормально причесаться. Если, конечно, в сумке, которую Капа схватила в прихожей вместе с курткой, есть расческа.

Причесанная и застегнутая на все кнопки Капа сидела на краешке скамейки, подложив под попу папку с портфолио. Игорь все не ехал. Отгоняя воспоминания о теплой постели, Капа решила извлечь хоть какую-то выгоду из своей ранней побудки и вдохнула полной грудью, представив себя никуда не спешащей пенсионеркой на лавочке. Воздух охлаждал ноздри, кончик носа сразу замерз.

Легкая осенняя свежесть с ноткой пряной палой листвы. Можно разливать во флаконы и продавать в парфюмерных магазинах. Просто сидеть и дышать было скучно. Мелькнула мысль о комплексе упражнений на турнике и пробежке вокруг квартала. Вот, как раз подходящее время, чтобы выполнить, наконец, обещание, данное себе лет пять назад. Но, как всегда, нашлись причины, из-за которых именно сейчас занятия зарядкой были невозможны. Даже если Игорь задержится еще на полчаса, принять душ она не успеет, а ехать к клиентке как распаренная после скачки кобыла — нет уж, увольте. И не хотелось идти домой, менять сапоги на кроссовки. Ну и, если честно, заниматься дрыгоножеством и рукомашеством совсем не тянуло.

Хотелось плюнуть на все, отменить встречу с клиенткой и, вытащив из кладовки этюдник, написать спящий двор в молочно-белом тумане. Умбристые темные стволы на фоне красных кирпичных домов, голые ветки и акварельное небо в хмурых росчерках низких облаков. Круглую клумбу с остатками чахлых астр и облупленным постаментом в центре. Совсем недавно на нем стояла ваза с выкрошенными щербатыми краями и торчащей вместо ручек арматурой — символ давно ушедшей эпохи. Капа часто гоняла с нее местных детишек, которых неумная обезьянья натура заставляла залезать на все, что выше табуретки. Видимо, кто-то из них и свалил вазу. Хоть бы никого не придавило. Пустой постамент в потеках сырой побелки выглядел осиротевшим. Капа представила, как можно передать сонную тишину осеннего двора. Черт, какой интересный этюд мог бы получиться, но нужно ехать к клиентке.

Вот так всегда. Есть настроение и волшебный пейзаж. И совсем нет времени. А когда это время появится, по закону подлости — главному закону жизни, дома проснутся,

исчезнет загадочная, наполненная особым смыслом тишина. Ветер смахнет сказочный туман, деревья потеряют изысканную кружевную графичность и снова станут унылыми и обыденными. Двор из нездешнего, не принадлежащего этому городу и этой планете тайного места превратится в кучку обшарпанных сталинских двухэтажек с круглой клумбой, помятыми качелями и ржавой соседской «Нивой» перед подъездом.

Сзади хлопнула подъездная дверь и, обдав Капу неповторимым ароматом помойки, мимо скамейки проковыляла Тамара, местная сумасшедшая. Сердце у Капы немедленно нырнуло в задники осенних сапог. Было в этой потерявшей разум несчастной бабушке — мусорщице что-то необъяснимо жуткое, какая-то темная, давящая на психику пустота, от которой хотелось бежать со всех ног куда-нибудь подальше. Или забаррикадироваться какими-нибудь ватными матрасами, чтобы не видеть ее, не слышать это невнятное монотонное бормотание. Капа вздрогнула и невольно потянулась взглядом к согнутой в три погибели фигуре в бесформенном черном пальто и мужских ботинках.

И ведь кроме скорбной головы, никаких других болячек у нее нет, — с тоской подумала Капа, глядя на голые бабкины икры. Увешанная сумками Тамара прошлепала в сторону ближайших мусорных баков. Сказочное безмолвие разрушили шаркающие шаги, и левитановская легкая грусть пейзажа сменилась картинкой из «Сонной лошинуы». Зловещие деревья тянут изломанные голые сучья к мрачному небу, дома смотрят слепыми глазницами окон и сторбленная черная колдунья уходит в туман. Готика. Бёртоновщина. В общем, бесовщина. Разочаровавшись в ненарисованном этюде, Капа отвернулась и стала демонстративно высматривать машину, мысленно обзывая Игоря всякими обидными словами.

«Газелька» выскочила из-за угла соседнего дома и, лихо развернувшись, гостеприимно распахнула переднюю дверь.

— Садись, Шанцева. Карета прибыла. — Дядя Игорь хлопнул рукой по пассажирскому сидению. Капа торопливо подхватила папку с работами и залезла в машину. — Кофе будешь? Я на тебя взял. — Он, не глядя, ткнул ей

в руки пакет с фастфудом. Капа вспомнила, что еще не завтракала и великодушно простила Игорю свое ожидание на холодной скамейке.

— Ну, как там твои оглоеды? Хату еще не разнесли? — Игорь когда-то принимал непосредственное участие в ремонте Капиной квартиры и очень болезненно воспринимал разруху в ее жилище. Капа, напротив, относилась к этому процессу философски. А как иначе? Кошка, собака, дети. Если переживать по поводу каждой царапины на обоях, можно очень быстро сойти с ума.

— А этот клопез так и живет у вас? — Что было хорошего в диалогах с дядей Игорем, так это то, что отвечать ему не обязательно. Он и так знал ответы на свои вопросы.

Капа кивнула и, откусив кусок от черствого кекса, запила странной темной жидкостью из картонного стаканчика. Бывшего родственника очень удивляло наличие еще одного, «дополнительного» ребенка в ее семейке. Ну да, живет у них приятель пацанов, Жека. Гостил позпрошлым летом, да так и остался. Детям в радость, его собственная мама вроде бы не возражает, она с младшими братишками Жеки и бабушкой ютится в однокомнатной хрущевке. А Капе он не мешает. После третьего ребенка уже все равно, сколько их скачет по квартире. Тем более что они чаще сидят, уткнувшись в мониторы.

— Лучше бы ты, Шанцева, мужиков коллекционировала, а не детей, — выдав это глубокомысленное заявление, дядя Игорь задумался и неожиданно предложил, — а хочешь, я тебе мужа найду? Не такого дурака, как у тебя последний был. Хорошего, работающего, чтобы деньги в семью приносил.

— Да кому я нужна, — засмеялась Капа, — тем более с моей оравой.

— Та не вопрос. Вон сзади трое сидят. Выбирай любого. — Игорь царственным жестом владельца крупного конезавода махнул рукой в сторону заднего сидения. Обернувшись, Капа заглянула в темное нутро «Газели». На нее смотрели три пары внимательных черных глаз.

— Здравствуйте, — смущенно пробормотала Капа. Ей стало неловко. Оказывается, в машине были посторонние, которые слышали, как бесцеремонно дядя Игорь ее сватал.

Мужчины поздоровались, блеснув белозубыми улыбками.

— А знаешь, как они ремонт делают! Они тебе квартирку твою на раз-два вылижут, — разливался соловьем Игорь.

— Бери Улана, он плитку кладет как ювелир. Кафелька к кафельке. Сделает тебе такое джакузи, закачаешься! Будешь в ванне сидеть как королева!

Капа покосилась на парней, сидящих между мешками с цементом и шпаклевкой. Неужели они воспринимают этот бред всерьез? Но в темных, косо разрезанных глазах застыла такая неизбывная тоска о постоянной регистрации, прописке и великом и могучем гражданстве, что все сомнения у Капы отпали.

— Да, ты что, Игорь. Они же мне в сыновья годятся. Ну, в крайнем случае, в младшие братья. Спасибо, конечно, за заботу. Ты мне лучше расскажи про заказ. Что делать нужно? — Капа решила перевести стрелки.

— Очень хороший заказ. Нужно столик перекрасить и цветами размазывать. Ну, где-то подновить, а то ему сто лет в обед. Клиентка хорошая, платит без проблем. Я про тебя сразу вспомнил. А что, ты разве не реставратор?

Через полтора часа, стараясь не смотреть на свое отражение в многочисленных зеркалах, Капитолина спешила вслед за изящной маленькой женщиной с прямой спиной и балетной выворотной походкой. Философские вопросы «Зачем людям нужны дворцы?» и «Как можно жить в Эрмитаже?» она решила оставить на потом, а пока, нацепив на лицо подходящую к случаю маску профессионала, оценившего вкус хозяев и размах ремонта, пыталась настроиться на разговор с клиенткой.

— А этот витраж мы заказывали в Италии — хозяйка плавно взмахнула рукой в сторону распашных витражных дверей, — Муранское стекло. Полтора года ждали.

— Очень красиво, — совершенно искренне восхитилась Капа.

Витя очень талантливый художник и плавленные стекла у него получаются просто изумительно. Не хуже, чем у прославленных муранских стеклодувов, которые, кстати, витражами уже лет сто не занимаются. Зато Витькина жена, Ирина, во время турпоездки в Венецию сумела

договориться с одним из таких мастеров. Карло клепап стеклянных зверюшек в крохотной мастерской, ругал Бердускони за кобелизм и мечтал о независимой Венеции, когда ему на голову свалилась заполошная бабища с командным басом и неиссякаемым запасом русских идиоматических выражений. Теперь Витек работает в совместном российско-итальянском предприятии, где от Италии только адрес сайта, яркие буклеты и сертификаты качества. Он счастлив, так как может делать один заказ в год, воплощая самые безумные свои мечты. Да еще и по расценкам муранских стеклодувов, а не бедных русских витражистов. Но больше всего его радует факт, что идейная вдохновительница этого проекта и гендиректор по совместительству, наконец, оставила в покое своего непутевого мужа, подала на развод и навевается в Россию всего пару раз в год. Кажется, они с Карло купили домик на побережье Сардинии. Витек как-то по пьяной лавочке проболтался.

Капа подумала, что развод Ирины с Витькой не был таким болезненным, как ее собственный разрыв со вторым мужем.

Витька может теперь спокойно выпивать с такими же творческими личностями у себя в мастерской, писать для души авангардистские шедевры и без оглядки на жену соблазнять философскими разговорами молоденьких натурщиц. Своему итальянскому преемнику он искренне сочувствует. Хотя, на мой взгляд, абсолютно зря. Карло выиграл счастливый билет в страну огнедышащих борщей, котлет по-киевски и русских блинов на завтрак. Он ухожен, наглажен и называет свою русскую музу Мадонной. Ирина воистину великая женщина. Так круто поменять свою судьбу в сорок с лишним лет. Ее ровесницы давно смирились с пьющими мужьями, дачной повинностью по выходным и своим отражением в беспощадных зеркалах. А Ирка в это время устраивает выставки молодых российских художников в Милане. Ну и, конечно, в полном восторге Маришка, Витькина дочка. В свои четырнадцать она свободно щебечет по-итальянски и уже снялась в рекламе шампуня, благо папа когда-то строго-настрого запретил ей стричь русую косу толщиной в кулак и длиной до пояса. Ира возит ее на всевоз-

можные кастинги и отгоняет от дочки любвеобильных итальянских подростков.

— Здесь у нас будет зимний сад — клиентка открыла стеклянную дверь и грациозно поднырнула под мутную, в потеках краски полиэтиленовую завесу, за которой истерично визжала болгарка и стучали молотки.

Конечно же, Капитолина запуталась в трех слоях пленки и чуть не сорвала эту занавеску к чертям собачьим. Когда она, наконец, вылезла и приладила полиэтилен на место, заказчица уже стояла в дальнем конце атриума вместе с дядей Игорем, придирчиво рассматривая циклопическое сооружение из розового, в коричневатых прожилках, мрамора. Видимо, дела у рабочих шли не очень хорошо. Насколько Капа помнила, вдохновение у Игоря было обратно пропорционально успехам его работяг. Сейчас он размахивал руками как мельница, пытаясь привлечь внимание хозяйки на уже проделанную работу. С десяток гастарбайтеров изо всех сил транслировали трудовой энтузиазм, старательно приближая светлый миг окончания ремонта и долгожданной зарплаты.

Разбор полетов затягивался. Пробравшись сквозь завалы стройматериалов, Капа присела на ступеньку раскоряченной стремянки и приготовилась ждать. Хозяйка была в своем священном праве, нерадивые рабы могли огрести, если не плетей, как лет триста назад, то уж точно лишиться части заслуженных непосильным трудом пряников.

Бокowym зрением Капа уловила какое-то движение. В мутной взвеси строительной пыли ей почудился плавный взмах смуглой руки в звенящих браслетах и обрывок приторно-сладкой восточной мелодии. Развернувшись, Капа наткнулась взглядом на высокую, почти в рост человека, скульптуру в коконе из пленки. На уровне лица несколько слоев были оборваны и в прорехе виднелись равнодушные бронзовые глаза с ровными полукружьями бровей и точкой на переносице.

«Фу, ну привидится же всякая чушь. Недосып и нехватка кислорода» — Поставив себе диагноз, Капитолина оттянула воротник свитера — в будущем зимнем саду было душно как в парилке.

— Это Девадаси — храмовая индийская танцовщица, —

услышав голос клиентки за своей спиной, Капа чуть не подпрыгнула.

— Посмотрите, как это все будет выглядеть, — ей в руки лег увесистый альбом с проектом зимнего сада. Над затейливым мраморным пьедесталом парила бронзовая девушка, раскинув руки с причудливо сложенными пальцами. Внизу раскинулись настоящие тропические джунгли. С вежливым интересом Капа перелистала альбом — компьютерную графику она не признавала.

— Вот, — клиентка постучала блестящим розовым ногтем по странице. — В этой нише будет композиция из кальянов. Я сначала хотела заказать сюда комод из Индонезии, а потом поняла, что у меня уже есть подходящий. Пойдемте.

Когда Капа уже устала удивляться количеству комнат в этом бесконечном доме, клиентка остановилась. В коридоре между хозблоком и кухней сиротливо жался к стене аляповатый комодик. Судя по нескольким слоям краски совершенно невероятных оттенков и яркой позолоты, расписывала его целая банда оставленных без присмотра детсадовцев.

— Моя дочь одно время увлекалась дизайном интерьеров. Это была одна из первых вещей, которые она оформила. Сейчас она учится в Лондоне. — Женщина сделала многозначительную паузу. — Вот, сказала, все выбросить. Я хотела оставить этот комод как память. Но она ни в какую. Я подумала, что если расписать комод в индийском стиле, то он прекрасно впишется в уголок с кальянами. Капа с жалостью покосилась на жертву юного дизайнера. Лет сто назад это был буфет с изящными балясинами и тонким кружевом резьбы. На его полках стояли расписанные синими розанами чашки и пузатые графины с домашними наливками. Горничные в хрустящих крахмальных фартучках терпеливо натирали воском полированные бока. Вороватые хозяйские отпрыски таскали колотый сахар и крыжовенное варенье из хрустальных вазочек, спрятанных от шалунов на самой верхней полке. Буфет помнил войны и революции, времена нэпа и прелести коммунального быта. Но на старости лет удача от него отвернулась, и он попал в цепкие ручки девицы из секты мебелененавистниц, использующих для пыток

салфетки для декупажа, кракелюрный лак и позолоту в промышленных масштабах.

Присмотревшись, Капа разглядела неаккуратные спилы, оставленные криворуким столяром, лишившим буфет верхней части и поняла, что возьмется за эту работу хотя бы из уважения к его почтенной старости. Ну и просто во имя торжества справедливости.

Через час она уже бодренько шагала по раскисшей обочине в сторону города. Автобусной остановки рядом с элитным поселком не было, но Капа этим обстоятельством была даже довольна. Нагрудный карман приятно грел очень даже весомый на ее взгляд аванс, воздух был свеж, а глаз радовало разноцветье осеннего леса на горизонте. Когда еще удастся прогуляться по сельской местности. Сзади бибикнула машина, Капа оглянулась и поняла, что коварство гиподинамии не знает границ. Из-за лобового стекла замызганной «Газели» щерился улыбкой дядя Игорь.

— Шанцева, ты куда припустила? Я ж тебе сказал, что сейчас освобожусь.

— Так ты на другой объект собрался вроде бы, — не очень искренне удивилась Капа.

— Собрался. Но по объездной до города тебя докину, — Игорь чиркнул зажигалкой и кабину затянуло вонючими клубами дыма.

«Ну вот, подышала воздухом и прогулялась», — обреченно подумала Капа, защелкивая ремень безопасности. Но проситься обратно на дорогу было глупо, и она промолчала.

— Ну как тебе домик? Тебе б такой, да? Прикинь, сколько б ты детей смогла в него напихать. — Игорь хохотнул над своей шуткой. — У твоих спиногрызов столько друзей не наберется.

Хмыкнув, Капитолина вспомнила свою заповедную мечту. Всем чадам и домочадцам по отдельной комнате и персональному клозету. Не в этой жизни, к сожалению.

— Вот я не понимаю, что перемыкает в мозгах у человека, когда у него появляются большие деньги, — дядя Игорь затянул свою любимую песню о богатых чудиках — заказчиках. Капа слушала его краем уха. Люди не стано-

вятся интереснее, когда обычные тараканы в их головах превращаются в золотых. Смысла обсуждать их странности она не видела. Лишь бы платили, а кого нужно изображать: Ганешу, Ктулху или дорогого Леонида Ильича Брежнева (был у Капы такой юморист в клиентах) — неважно.

В лобовое стекло длинным росчерком впечаталась капля, затем другая и вот уже мир снаружи выцвел, насутился, закрипели натужно дворники, размазывая осеннюю серую муть с дрожащими огнями встречных фар и неоновыми вспышками дорожных знаков. Капа поняла, что забыла взять с собой зонт и благодарно посмотрела на дядю Игоря. Как же вовремя он подкатил на своем железном коне.

Газель резко притормозила на пустынном светофоре, чуть не познакомив Капин лоб со стеклом, сзади что-то пронзительно и очень противно закрипело, раздался треск, как будто в машину въехала разошедшаяся старая телега.

— Вот черти узкоглазые! Просил же дверцы закрепить, — Игорь выругался коротко и нецензурно. — На, — Капе на колени шлепнулся полупрозрачный рулончик клейкой ленты, — сгоняй, залепи свою мебель, пока стоим.

Взяв скотч, Капа пролезла между креслами в сумрачное нутро газели, пропахшее бензином и скипидаром, и сразу же наткнулась коленкой на распахнутую дверцу комода.

— Шанцева, ты там осторожнее. У меня свет в салоне не работает, руки все не доходят электрику починить, — запоздало предупредил Игорь.

Комод слегка дрожал в такт двигателю, будто загнанный в клетку зверь с шершавой как у носорога шкурой. От него веяло каким-то абсолютно человеческим тоскливым ужасом. Спеленав дверцы скотчем, Капа бережно погладила столешницу и мысленно пообещала непонятно кому (не мебели ведь, в самом деле), что все будет хорошо.

«Какой все-таки Игорь замечательный человек. И ведь давным-давно не родственник», — думала она растроганно, протискиваясь во влажную духоту автобуса. По- дождал, пока приедет маршрутка, не стал высаживать

Капу под дождь. А еще отказался от процента с заказа, даже возмутился, когда Капа попыталась настоять. И за очистку краски с комода не захотел брать деньги, а всего лишь попросил Капу нарисовать картинки с интерьерами одному из своих клиентов.

«Шанцева, тебе некуда деньги девать? Детям бананов купишь».

Улыбнувшись, Капа подумала, что нужно будет написать Игорю натюрморт в подарок. Бутылку вина, виноград и лимон с кожуркой-спиралькой. Как у голландцев. Или нет, лучше что-то в стиле Петрова-Водкина — с граненым стаканом и поллитрой. Представив, как будет прописывать розовые прожилки на сале — пастозно, смачно, чтобы от одного взгляда на холст у зрителя слюнки текли, Капа пропустила момент, когда маршрутка захрипела как смертельно раненый зверь и, резко дернувшись, рванула вперед.

Не успевшую принайтаться к поручням Капитолину протащило по салону и впечатало в спину одного из пассажира. «Ох, как нехорошо получилось, зашибла мужика», — успела подумать она, судорожно цепляясь за ближайшее сиденье.

— Да сколько можно, в конце концов! — мужчина развернулся и оказался совсем молодым парнем, наверное, не старше Ярика, с рассерженными, стеклянными от гнева глазами и желваками на скулах.

— Вы! Взрослая женщина, а ведете себя... — Парень замолчал, раздувая ноздри, но потом, видимо, не выдержал и прибавил гнусное словцо, услышав которое, Капа мысленно ахнула и проглотила все приготовленные извинения.

— Достали! Стервятники! — неожиданным фальцетом выкрикнул он. — Что вам всем от меня нужно! Отстаньте! Кино смотрите, книги читайте! — парень размахнулся и со всей дури жажнул кулаком по двери маршрутки, требуя, чтобы шофер немедленно его выпустил.

Перепуганная Капа вжалась в спинку сиденья, стараясь не смотреть бесноватому в лицо. В памяти всплыло, что психи этого не любят. Или хищники? Точно она не помнила, но на всякий случай упорно таращилась на его засаленный до блеска воротник плаща и петельку, в ко-

торой болталась полуоторванная пуговица. К великому облегчению Капитолины, маршрутка подкатила к обочине, двери с лязгом открылись и сумасшедший, бормоча невнятные проклятия, выскочил в серый от грязи придорожный бурьян.

Автобус рванул с места, спеша увезти нормальных, уверенных в крепости своего рассудка пассажиров, от своего больного на голову собрата.

Капа проводила взглядом сутулую фигуру в кургузом черном плащике, яростно махавшую проезжавшим мимо машинам. Давным-давно бабушка учила ее молиться за драчливых мальчишек, от скуки цеплявшимися ко всем девочкам в детском саду. Сейчас Капитолина перекрестила глазами своего обидчика, торопясь, пока он не скрылся за поворотом, и попыталась выбросить эту странную и неприятную встречу из головы. Но приподнятое настроение возвращаться не хотело. На душе было гаденко, не спасал даже солидный аванс, полученный от клиентки. Капа прокручивала в уме сегодняшнее утро, и ей казалось, что все она делала неправильно. Не так была одета, даже удивительно, как хозяйка впустила ее в свой дом-музей без бахил, с такими-то потрепанными сапогами. Почему Капа вместо затрапезных джинсов не надела брючный костюм и ботинки на шпильке? Знала ведь, что едет к богатой клиентке. А еще она говорила какие-то глупости и фальшиво улыбалась. Замялась, когда обсуждали гонорар. Потом слишком быстро спрятала деньги в карман. Клиентка теперь подумает, что она какая-то нищая оборванка. И мальчишка еще этот ненормальный. Сколько ему лет, интересно? Двадцать? Двадцать два? С кем он живет? И где?

— Да с Шараповки этот полоумный, — надтреснутый старушечий голос уверенно ответил на ее мысль. Вздрогнув, Капа оглянулась.

— Он в универсаме скупается, где семейная аптека сбόку, — рассказывала пожилая дама с тонкими, словно под линейку вычерченными бровями. — Раненько так приходит обычно, к самому открытию. У меня бессонница, поэтому я тоже с утра хожу. Но на людей он в магазине не бросается. Тихо себя ведет. Пельменей наберет с макаронами и на кассу.

— Такой молодой и уже душевнобольной, — сокрушенно покачала головой старушка в платочке. — Куда мир катится?

— Осень, — отозвалась кондукторша. — У психов обострение. Я их, знаете, сколько за последние две недели повидала?

«Осень», — с неожиданной щемящей тоской подумала Капа. «Птицы улетели на юг, люди сошли с ума, а дождь, скорее всего, зарядил до самого снега. И у меня впереди только зима. Мое лето уже отцвело».

Она еще немного помучилась, упиваясь своей печалью, но потом мысленно послала все свои переживания куда подальше. — «У меня есть дети. Их нужно довести до ума. И это хорошо. А вот то, что я забыла в машине у Игоря папку с работами — действительно паршиво».

(Продолжение следует)

Михаил НИКОЛАЕВ

* * *

...Смех с каменным лицом...

И врассыпную, галькой разноцветной по паркету, Сухая, камешками дробь со среза перекошенного рта.

Пришелец. Изваяние. Чужак отпетый.

До горла плащ, а дальше — темнота.

Зачем ты здесь? Тебе никто не нужен,

Ты — отрицание, во мне и вне меня.

Да и с собою ты не слишком дружен,

Фантом сомнения, холодного огня.

Уйди, уйди, без заклинаний,

В глухую клинику, достойную обитель,

Кромешных дел торжественный притон!

Накаркал верно, но к чему надменный тон,

Нездешний житель?!

Твой смех — как подаяние занятому зверью.

И я твоё питьё с опаской пью.

Последнее оставляю на потом...

Нелепостью красиво шапито,

Здесь, где земля под горький шёпот грезит небом,

Где хлеб не из печи, всё меньше пахнет хлебом,

Где тесто истины замешано на лжи...

Такой режим...
Ты оставайся, я уйду. Уйду не сразу, не заметишь.
В безвременном провале ты да я,
Да камешки твои цветные эти —
Познаний, тайных знаний чешуя.
Зачем, о чём они? Не надо, никому не говори.
Умрёт загадка, не срывай цветка ответа!
Немного в храме истинного света.
Но он стоит. И мы толпой внутри...

* * *

Киммерийская конница —
Это лютное крошево боя,
Цепкий цокот копыт
До нефритовой грани прибоя!
Расколдуешь едва ль
Горловой исчезающий шёпот:
Черноморская даль,
Этот грозный, воркующий ропот.
До Ассирии выжженный след,
До Урарту и стен Вавилона —
Тусклой бронзы три тысячи лет
От седой бороды Аквилона!
Взгляд червлёный в ночи,
Свист стрелы, огнегтивное ржание.
От дольменов, пещерной золы —
Всё по ветру, в распыл! Внедержавие!
На слоистый закат стынет степь,
Низко стелется, скалится, клонится.
Киммерийский каскад —
Раскачалась камчатная конница!..

* * *

Кривая угроза надрыва и среза,
Взахлёб, до оваций обласкан обвал.
С родным, достоверно надёжным обрезом
Ступенчато сходим в бесславный подвал.
Дуэтом двустольным дуплетная правда,
Мазила и снайпер достойно молчат.
И будет на Зло обречённый оправдан,
Зачислен в когорту случайных зайчат.

Всё дело в причуде удачных привычек,
И кратер зрачка разделяет вполне,
С материей тёмной, ночную добычу
Меж рубленим «Да!» и отъявленным «Нет!».
Вчера умирает в надежде на завтра,
Размыта рассветом бредовая грань.
Куранты под утро — как рашпиль на завтрак.
Коррида реалий! В такую-то рань...

* * *

Я сизмальства не собирался
Седлать крылатого коня,
Уж, кто, не знаю, постарался
И за себя, и за меня.
Парить заоблачно неплохо,
Но, обитая в замке грёз,
Я в эту жёсткую эпоху
Жил в Зазеркалье. И всерьёз.
Манило брошенное поле
С которым мало кто знаком —
Непроходимо - в общей воле,
А только лишь — особняком.
Бесповоротная окрестность -
По-волчьи светятся огни,
А может это — звёзды, местность,
Где вовсе некого винить!
Иль эта видимость сокрыта
В непостижимой голове,
Где вся Вселенная — корыто,
Давно дырявое на свет!

* * *

Мне хорошо и лютно
В древней, седой стране.
В поисках абсолюта,
Без суеты извне.
Тёмных корней удельность —
Каждому — свой аршин.
Заповедь — в запредельность,
В зов снеговых вершин,
В берёстяной равнины

Аховый необхват —
 Азия в половину
 Западу невпопад.
 Беспроводное право —
 Тёсанный кол в умах —
 Сбитень взойдёт на славу!
 Как вам такой замах?!
 Ветрены, недоступны
 Дальние полюса,
 Пляшут у чёрта в ступе
 Грубые голоса,
 Брошенный, неудобный,
 Береговой косяк,
 Бешеный, шелопутный,
 Меченых дел висяк.
 Рубленая махина,
 С красным углом изба.
 Сладким огнём рябина
 Выцвела на губах...
 Сказка меня касалась,
 Чуда не торопил.
 Только сказать осталось:
 Был там, и мёд там пил...

* * *

Снова ступаем на старые грабли,
 Увековечена шишка на лбу!
 Не сомневайся — будешь ограблен,
 Даже в последнем, дощатом гробу!
 Милое сердцу зверё, воронё,
 Зубчатый свет ошельмованных башен!
 Что же поделать — это моё,
 Даже, наотмашь скажу — это наше!
 До горизонта рукой не подать,
 Высокогорье знамён не осилить,
 Вера ушла как живая вода,
 Разве не сами ожглись, напросились?!
 Здравствуй, несметных богатств нищета,
 Гордость наивная Третьего Рима!..
 Эта дорога дана неспроста —
 Вера с подвохом — светла. И незрима...

Владимир ГЛАНЦ

МОНАХ

Уже с самого утра Монах почувствовал беспокойство. Его обычно неторопливые хозяева засуетились что-то, за-
 собирались. Спокойная жизнь с двумя кормежками за-
 кончилась еще раньше — с исчезновением дней за пять
 до этого Рыжего. На его, Монаха, веку всякое бывало:
 сначала, года четыре назад, исчезла младшая мама, а че-
 рез год — и старшая. Он так и не понял, куда они поде-
 вались. А последние три года они жили вдвоем с Рыжим,
 если не считать хозяев. Теперь вот и Рыжий запропал. Не
 сказать, чтобы Монах трусливо отмалчивался и не ставил
 перед своими господами вопроса о Рыжем. Он задавал
 его и день и ночь: «где он, куда вы подевали моего папу?»
 На что обыкновенно получал от Самого старым шлепан-
 цем. Кое-что у Монаха и раньше уже отложилось в памя-
 ти на Самого, а новые сведения продолжали поступать и
 откладываться. Все это требовало времени и серьезного
 обдумывания. Но для начала следовало признать, что и
 у таких людей бывают достоинства. Монах признавал,
 например, у Самого его очень умную и ловкую правую
 руку. А все эти выкрики Самого, типа того, что с годами
 из Монаха вырастет настоящий Артист, потому, де, что
 против факта способностей не попрешь, или еще короче:
 «Немедленно к Куклачеву!», — все это, так обнадеживав-
 шее вначале, принесло одни разочарования.
 Хозяйка была основательней Самого, надежней, но и ее
 приходилось сторожить день и ночь. Стражу эту когда-
 то, еще в незапамятные времена, придумал Рыжий. Как
 только свет гасили, Он укладывался у Самого в ногах, так
 он когда-то раз и навсегда решил. Монаху же досталась
 гладкая, всегда хорошо пахнущая голова. Слегка пароди-
 руя черную котиковую шапку, Монах выглядел никак не
 слабее ее. Служить человеку — это и было ее, шапкино
 назначение, своей собственной нужды садиться кому-то
 на голову она не имела. Монах же был напрямую заин-
 тересован Саму не упустить. Два стража — в головах и
 в ногах — так было надежней. В рассуждении здорово-
 го крепкого сна это не очень удобно, но ведь выспаться

можно и потом — на вешалке, а кормежку пропускать не резон. И без того Сами не очень пунктуальны, и сколько уж лет не могут ответить строго определенного времени для кормления. Они, шут их знает, когда и сами-то кормятся. Но что интересно, едят что-то совсем другое и всегда разное. Это неприятно и вызывает естественную брезгливость, как и любая нестабильность, вечно ведущая к анархии. Взять хотя бы такой вопрос, куда они каждое утро сломя голову убегают? Вот он, например, Монах, благодаря Бога, уже целых семь лет живет на этом свете, и что же? Хотя раз выходил он за порог? То есть выходил конечно, но только до лифта, когда уж очень ждал возвращения Самой. Нет, тревожно все это, все эти их нынешние хлопоты. Как бы не завезли куда-нибудь, откуда и дороги обратной нет. Вселенная ведь устроена вполне разумно и просто: большая комната и маленькая, кухня и балкон. А что там за границами этого замечательного мира, того и знать не хотелось. А то еще свихнешься и станешь говорить такие же глупости, как Сам после шестой бутылки «Старого мельника». Когда-то, во дни своей юности был Монах игрив и резов и носился по квартире, пока язык не вывалится.

Было у Монаха и вполне официальное имя, которым его нарекли при рождении. Но сплошь черный, без единого просвета, окрас и как-то вдруг открывшееся пристрастие к лампадному маслу (Сама доглядела) навели на имя Монах. Потому и еще, что в свои семь лет он ни разу не испытал настоящей нежности к какой-нибудь хвостатой симпатяге. Скажем прямо. Он даже не догадывался об их существовании и потому жил, дышал и возрастал, словно наперекор взбесившемуся именно на этом пункте миру в совершеннейшем целомудрии.

Наконец, закончив сборы, Сам изловил Монаха и посадил его в новую пластмассовую клетку. Тот хотел возразить: «вот еще новости!» и вырваться, но сверху опустилась крышка и серьезно щелкнула щеколда. Кот пробовал жаловаться самым детским, самым берущим за душу голосом, но тщетно. Клетку с сидящим в ней Монахом вынесли на лестничную площадку. «Нет, точно завезут» — с большой жалостью к себе подумало животное. «Завезут и бросят». Самое страшное, что на вопрос «куда?» у

Монаха не было никакого ответа, потому что не было никакого представления о какой-либо другой реальности. Куда? — это пропасть, неизвестная жуть, место гибели. Было с чего загрустить. Когда этому симпатяге, этому, как когда-то выразился о нем Сам, выставочному коту всего полгода, произошло ужасное. К Самому приехал очень большой и шумный человек и прямо-таки варварски грубо покидал в огромный черный мешок пятерых братьев и сестер Монаха. Того спасла только необыкновенная в его возрасте сообразительность. Он спрятался за холодильник ровно посередине его задней стенки, так что ни слева, ни справа его никак нельзя было достать. «А, хрен с ним!» — сказал, тяжело отдуваясь, большой человек и уехал на лифте вниз. Он ухнул вниз с ужасным, кошмарным мешком, откуда доносились такие душераздирающие «мяу!», что впору было заводить международный скандал — дело о киднепинге или... чего уж там мелочиться — о геноциде кошачьего племени. С той поры у Монаха вошло в обычай при появлении в доме любого незнакомца прятаться на антресоли или куда подальше, понадежней.

Иной истории, кроме этой трагической, Монах не имел, и потому приговорился насмерть стать за свои права, орать во все горло и что есть мочи и изо всех сил.

В давние годы, если верить Самому, жил где-то в германских землях ученый кот Мурр. Он тем и славен был, что, несколько зная грамоте, написал свои «Ученые записки». Но ведь не изобрел же отдельную котячью иероглифику, нет, подлец, писал вполне по-человечьи, немного, правда, путаясь в артиклях. Ну, и почерк подгадил, отдавал чем-то, знаете ли, этаким... Сразу видно — не человек писал. Так вот он-то, этот самый Мурр, как кот ученый, может быть, и мог бы составить нужную бумагу, скажем, в «Интернешнл-Эмнисти» или там в какой-нибудь эдакий, Гаагский, простите, трибунал. Что-нибудь в этом роде. Его, кота Мурра, разящее перо и его, пера, язвящее жало, может быть, и смогло бы начертать или оттиснуть те кровавые письма теми кровавыми чернилами, которыми уже захлебывалось буквально и дословно хвостатое племя. Может быть, и смогло бы. А, впрочем, надежды мало. Это уж обычное дело — стоит им только

выучиться и чуть-чуть приподняться, как они тотчас же забывают, откуда и зачем вышли, кому обещались служить до последнего дыхания и, нисколько не смущаясь, в ту же минуту переходят на службу правящему классу. «Ведь я этого достоин!»

Однако столь испугавшее Монаха падение в лифте оказалось просто микроскопической кучкой воробьиного дерьма, не больше, в сравнении с железным лязгом и грохотом электрички. «Неужели стучать и лязгать — это надолго?» — в ужасе думал Монах. Эта мысль толкнула другую, еще более страшную: «А может быть, еще хуже? Может быть, отныне это вообще наш новый дом? Но какой странный! Никак не угадаешь, где тут кухня, где холодильник?»

Сам щелкнул щекой и, прихватив кота своей умной правой рукой, приподнял его к окну, утешая и одновременно показывая, где они и что происходит. Но за окном так мелькало и несло, как никогда в длинной монаховой жизни. Очень скоро разбирать натиск всех этих новых образов не стало никаких сил. Спасая разум, котик задремал.

И как же хорошо сделал! За то время, что он, накрыв голову лапой, спал, Сам, приняв не то семь, не то восемь бутылок «Велкопоповицкого козела», вышел покурить в тамбур. Обычное дело. Но там, чего котик не видел, к нему жестко приклеился какой-то очень неприятный тип. Приклеился, пристал, прилип, как банный лист, со своими все понимающими улыбочками и ядовитым осклабом. Вдруг котик проснулся в большой тревоге и огляделся. Сама дремала на скамейке напротив, но Самого не было. Монах, легко подняв головой плохо закрытую крышку, освободился из клетки и грациозно-бесшумно прошествовал в тамбур. Увидев Самого, он стал привычно завивать вокруг его ног восьмерки, и невольно стал свидетелем разговора.

— Чего ты до меня доскребся? — спросил Сам, и, словно отзываясь на угрозу в его голосе, где-то в глубине вагона заплакал грудной ребенок.

— А ты еще не понял? Это русская электричка, а в ней ты единственный, — ядовитый недобро усмехнулся, — с такой формой носа.

— А что-нибудь не так с нашим носом? — Сам потрогал свой нос, как бы проверяя его форму.

— Ты — один не русский в русской электричке.

— А-а-а, теперь понял, ты — что-то вроде эксперта? Так?

— Ты правильно понял.

— Я все могу понять кроме одного, — как бы задумчиво, почти мечтательно сказал Сам, — как там у вас на роль экспертов в такой деликатной области берут людей... вроде тебя?

Хорошо зная Самого, Монах сразу почувствовал в этих словах какой-то подвох. Монах, но не его собеседник.

— Что же здесь странного?

— Видишь ли, для стопроцентного славянина у тебя слишком вросшие мочки ушей.

Монах, вообще-то неплохо понимавший человеческую речь, пока не понимал ничего кроме гаденьких интонаций с обеих сторон. Но шерсть на нем по инстинкту начала ерошиться. Две-три искры с треском слетели со шкуры. Парень был нахрапист, но вдвое моложе Самого. Он еще не родился, когда лет сорок назад, а, может, и больше, с самого-самого верха пошел этот едкий дым. — Сильно-больно умный? По роже захотел? — спросил, ядовито ослабляясь, тот тип. Хотя это была только запоздалая реакция на вросшие мочки, Монах понял фразу как объявление войны и вдруг заорал на парня таким грозным голосом, какого Сам никогда у него не слышал. Так ночью во дворе орут друг на друга битые с рваными ушами бойцы.

— Останови своего, чего он орет! — немного струхнул парень.

— Порода такая. Кот черный, московский, сторожевой. В данном случае защищает хозяина, — сказал Сам и продолжил, — а вот чего действительно очень хочется, так это пос...ть.

— Вот так все вы юлите и хитрожошите.

— Ну это ты зря. После пива сильное желание оправиться, я бы сказал, при — ссуже человеку. А потом кто эти, как ты говоришь, все вы?

— Я по-моему отчетливо сказал, кто эти все вы.

— Скажи, я правильно понимаю, что ты испытываешь неприязнь к инородцам определенной национальности?

— Чего ты дурака валяешь? Я же сказал, какой национальности.

— Но обыкновенная политкорректность не позволяет...

— Брось! Мы здесь в тамбуре, а не в телевизоре.

— Это — как посмотреть... Буквально еще несколько минут назад мы действительно были в тамбуре, но сейчас это уже не тамбур, а страница моего рассказа. И здесь не металл под нами лязгает и грохочет, а только слова об этом.

— Что? Может быть, я уже и в рожу тебе не могу дать?

— Исключено. Ни один редактор не пропустит.

— Ну, вы ловко устроились...

— Мы-то устроились, а ты-то, ты-то знаешь, для чего пиво пьют? Чтобы по-бла-го-душествовать. Но с тобой не закайфуешь.

— Так ты что, пьющее лицо определенной национальности? Не смеши. Они же не пьют, — сказал он с гордостью за себя. Ему понравилось, что эти с ним никогда не закайфуют.

— Почему ж? Я с пяток лет ехал на такой русской электричке, на какой ты со своими мочками вряд ли катался. Станколит называется. Там научат.

— Догадываюсь кем ты там был, снабженцем, наверно...

— Не угадал — станочником. На Станколите было всего два лица такой национальности — начальник финансово-сбытового отдела, что как бы естественно, и я — фрезеровщик.

— Рассказать своим — не поверят, что я попал в такую переделку, или, как ты говоришь, в рассказ. А этот? — показал он глазами на кота.

— И этот из рассказа. Точнее даже так, рассказ-то не о нас с тобой, а о нем.

— Опять обычные ваши увертки, — сказал парень. — Короче так, — он поплевал на свою сигаретку, — молись своему Богу определенной национальности, что я тут схожу и заодно навсегда выхожу из твоего поганого рассказа. Догадываюсь, как ты все это подашь. Тут вы — умельцы.

— И он мужественно сжал губы, давая понять об окончании разговора, чтобы и тень подозрения о возможном компромиссе к нему не пристала. Может быть, вспомнились в этот момент товарищи по борьбе?..

А Сам погладил кота и сказал:

— Хвалю! Ты мне очень помог.

Да-а-а! Если бы Черный, то бишь Монах, весь этот бредовый разговор мог уразуметь, — а коты надо, пора это признать, не просто сообразительны, а прямо умны и даже глубокомысленны, — то, возможно, он и прозрел бы тянущийся за Самим шлейф, да что там шлейф, целую тяжело груженную арбу вечной гонимости, ровно бы тот был не больше не меньше, чем и сам Монах — всегда, вечно подозреваемый во всех тяжких черный кот. Не более черного кота.

Откуда, спрошу, у обоих эта горькая складка ума, эти горестно тяжелые веки (поднимите, поднимите мне их!), эта вечная во взгляде и неразстворимая никакими, даже и самыми лучшими сортами пива печаль? А «Хольстен» пробовали? Неужели даже «Хайнекен» бессилён? Пожалуй, что так. Горечь горечью не зальешь. Как сказал поэт:

*Пиво горькое на солоде
Затопило мой покой.
Все хорошие, веселье,
Один я — плохой...*

Скоро ли сказка сказывается, не знаем, но только в конце концов перестало лязгать и мелькать, и все пассажиры благополучно до чего-то доехали: и Монах, и Сам, и Сама. И сразу пересели с гремящего на шуршащий. Эта поездка была значительно тише и приятней. И приятней еще тем, что по сегодняшним меркам быстро закончилась. Оставалось только немного пройти. В незнакомом дворе, где его сразу же выпустили, Монаха ожидала приятная неожиданность — кто-то очень знакомый, едва ли не оплаканный уже им его рыжий Папа? Но в этом еще не было полной уверенности, пока тот, подойдя, не начал привычно облизывать Монаха, как бы прописывая его по новому месту жительства.

Однако монахова рана была не наружной, а внутренней. И битый месяц он шершаво страдал и притирался, и, как рассказывают, не всегда был адекватен, и жил на чердаке, и всего и вся пугался. Пока не подружился с совсем юным и маленьким, но страшно опытным Белым,

с тяжело провисающим от вечного обжорства, а может быть, и рахита, — животом. Но таким веселым, стремительным, снующим. И Белый, как вполне бездомный, и никаким воспитанием неискалеченный, к счастью, совершенно ничего не знал о том, что черные — какие-то не такие, что черных следует избегать. Если конечно не хочешь себе несчастья. И по этой ли, по другой ли какой причине Белый постепенно сблизился и подружился с Черным. То-то они напрыгались и набегались по дорожкам запущенного сада. И Черный не сразу, конечно, но перестал удивляться тому, что устройство Вселенной противоречивей, сложнее его ранних, теперь с высоты опыта, таких смешных представлений. И перестал удивляться тому, что на этой, не такой уж маленькой Земле, есть странные места, где зелень растет не в горшках, а прямо из пола. И тому — что Сама этих полов никогда не моет, как дома, а моют их теплые дожди и ливни. А яблоки по ночам падают и падают в траву и на дорожки сада и на тебя и пребольно бьют иногда по темени. Тому, наконец, что его кормилица Сама — это сама доброта, а Сам — абсолютно непьющий и вполне терпимый мужик. Целый день, не разгибаясь, сидит на лавочке и обрабатывает яблоки. Не сразу, ох, не сразу, но пошло дело, вошло в колею. С умилением взирал Сам, как Монах, обратившись мордой к иконам, смиренно выслушивает утренние молитвы. «Они закона Божьего никогда не нарушают, не то что мы, — еретичествовал Сам в своей душе, — кому бы и спастись и спастись, как не им? «В дому моем обителей много», — говорит и Господь». Глядя на скачки и пробежки Белого и Черного, Сам иногда говорил, со свойственным ему несколько неуклюжим юмором: «Вот вам прекрасная и полная иллюстрация к стихотворению Маяковского «Блэк энд Уайт».

В целом же, глядя на него, Черный мог бы заключить, если бы оставалось на то время: Сам спокоен и счастлив, что живет в самом сердце русской глубинки, в стороне от больших дорог, и вокруг — хорошие все, русские люди. Определенной национальности. Те самые, что никогда ни словом, ни взглядом не оцарапали его: не свой, мол, ты брат.

Более или менее приличные мысли приходили в голо-

ву Самому между двумя затылками. Так он и подумал однажды о котах: «Почему они так скоро сдружились? Происхождение, возраст и опыт — совершенно разные. Но должны были сойтись и сошлись. Альбинос и Черный всегда сойдутся, потому что Черный — то же выпадение из нормы, что и Белый, так сказать, негатив белой вороны. И, может быть, та же ворона, что и я сам».

Татьяна КАЙСАРОВА

И СОЛОВЬИ...

От шелестящего шоссе,
упавшего с небес, тайком,
скользнёшь по влажной полосе,
почувствуешь, как счастья ком
горячей плавится волной
и пахнут сумерки дымком,
и предзакатной полосой
укрыт и стал невиден дом.
И, соловьи...

Не надо дома!

На слух нанизываю свист,
и внемлет голосу иному
край неба мглист.

Я, ВПРОЧЕМ, НЕ О ЧЕМ

Я, впрочем, не о чем. Виной дожди с утра.
Вид из окна уныл, в слезах долина.
Туманы, как безвременья пора...
Смотреть бы на огонь — да нет камина.

Всё так случайно, так обречено,
так перекрестно сведено до точки,
что, видно, не судьбою нам дано
все таинство любви и первой строчки.

О, не вникай в судьбы круговорот —
разгадкою причин себя не мучай —
и наш союз не от земных щедрот,
а, от небес невероятный случай.

И если не понять, не разглядеть,
не думать (по инерции — вернее),
бессмертью предпочесть тоску и смерть —
то наш союз — пустышка в лотереи!

МЕЛОС

Дорога потемневшая легка,
машина обгоняет облака
ночные. Лист припал к стеклу
и музыка его листает версты...
О, Ференц, ты пронизываешь мглу
стремительно, изысканно и просто!

Случайные участники игры,
в которой перекрещены миры,
мы, где-то в центре мелоса земного.
Забывшие о доме и тепле,
с мелодией соединяем слово,
как первые живые на земле.

УСНУТЬ

Бунтующей толпе, снующей второпях,
нет повода скрывать животный страх.
Нехватка времени, стихийный бунт ведомых...

А что потом? «Содом» перетерпеть,
стремиться полюбить, и не успеть,
увязнув в безысходности надлома...

Сжимая горло собственной строкой,
искать несуществующий покой,
сменив мозги субстанцией таллома?

Читать псалмы, тиранить интернет,
на сотни «да» найти сто тысяч «нет»...
У истины нет хакера для взлома!

Оставить на посмешище толпе,
все то, что было дорого тебе
и, где-то там, внутри, рождало трепет?

Бежать? Куда? Скажите кто-нибудь!
Напрасно все. Никто не знает путь.
Советы мудрецов — что детский лепет...

Уснуть. Дышать поэзией во сне,
как первый раз открыть луну в окне
и тронуть кромку дымчатого края...

А утром в водах гладить облака,
как будто подгоняя их слегка
и думать, лишних слов не изрекая,

о том, что лишь поэзия права,
как тот огонь или, как та трава,
как птичья ускользающая стая.

* * *

Снегопада таинственный шорох,
Как ушедших иной разговор,
Как старинные песни в повторах,
И молитвы печальный узор.

Может быть, это только виденье:
Эта жизнь, этот сон, этот бред...
Приоткрыта калитка Забвенья —
Только вход, только выхода нет.

Только странные мысли о воле
В испуганье плетут кружева...
Но лыжнёй перечеркнуто поле,
Упакована снегом трава.

Незнакомые зимние птицы
Щедрой россыпью стынут в полях...
И летит вдоль лесов и искрится
Снег надежды в сухих ковылях.

Иван РОЗАНОВ

ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ

— Проходите, проходите! Рад вас видеть, проходите, не стесняйтесь, — искренне, вежливо говорил Николай Александрович своему гостю, будущему партнёру по одному предприятию, который всё нерешительно мялся на пороге.

— Дорогой уважаемый глубоко Николай Александрович, здравствуйте, здравствуйте вам! — отвечал ему гость с дикой смесью уважения и пренебрежения в голосе. Видно было, что он чувствовал себя чужим, но своей отчуждённостью он скорее гордился, нежели чем стыдился её.

Посетитель проследовал в гостиную и принялся изучать убранство дома, не вынимая рук из карманов брюк. Он был в приталенном, дурно пошитом чёрном пиджачишке, в малиновой рубашке на выпуск с воротником, походившим на ослиные уши, с аляповатыми, не в тон, пуговицами. Его босые ноги были обуты в мягкие туфли, намазанные для шика кремом так обильно, что оставляли чёрные маслянистые следы на белом ворсистом паласе. Гость внимательно изучал комнату, оценивая её содержимое; роскошь и дурновкусие были понятны ему, изящество и стиль — нет. Всем своим видом он пытался доказать, что он тоже европеец, впрочем, это ему удавалось не особенно хорошо. Цвету его кожи соответствовал каштановый цвет глаз, а цвету глаз, в свою очередь, соответствовала желтизна склер; и в самом деле, малиновая сорочка на выпуск подходила ко всему его образу.

— Что скажете об нашем деле? — с места в карьер рванул своим вопросом гость. Николай Иванович похлопал его по плечу с добродушной улыбкой, неподдельной и чистой.

— Ну что ж вы так сразу... Спешу вас успокоить, всё разрешилось благополучно. Это мы с вами позже обсудим, не торопитесь так. Мы должны как следует познакомиться. Должен же я знать, что на уме и в душе у моего будущего делового партнёра! — сказал Николай Александрович. Он был в хорошем расположении духа, приветливость его была натуральной, отнюдь не наигранной. У Николая Александровича было открытое лицо с ясными чертами,

высокий лоб и аккуратная борода. Во всём его образе чувствовалось хорошее происхождение, манерность без претензий, благородство. Всё это было естественно для него.

— Вы подождите, дорогой гость. Сейчас накроют на стол, отобедаем вместе. Если у вас какие-то пожелания будут относительно блюд, то говорите. Со всей своей семьёй вас сейчас познакомлю! — сказал хозяин дома. Гость, словно не услышав хозяина, спросил, указательным пальцем тыча в икону на стене:

— Рублёв?

— Простите, не понял...

— Это Рублёв?

— О, нет, что вы! Просто икона, неизвестного автора. Это Николай Угодник. У меня сын, Алёша, болел, вот и повесили.

— А, Николай, как и вы, понятно, — улыбнулся гость. Николай Александрович сделал вид, что ему понравилась шутка его знакомца, хотя он, конечно, остался после такого оборота в недоумении. Две кроткие домработницы продолжали накрывать на стол, поправляли скатерть, несли уже салфетки и приборы.

— А это Шишкин? — спросил гость, теперь скосившись на картину в рамке из светлого, почти белого дерева на палевой стене, поодаль от иконы Николая Угодника.

— Простите...

— Это рисунок Шишкина? — спросил о картине гость.

— Ох нет, ну что вы! Просто картина. Жена купила в подземном переходе, что у Центрального дома художника... Мы даже автора не знаем! Жена у меня человек чуткий, и вкус у неё хороший, так что картина приличная, и тон комнате задаёт, хоть и автор неизвестный.

— Я об Шишкине книгу читал, — сказал гость, поясняя причину своего интереса.

— Две книги об Шишкине читал, и одну об Рублёве, — добавил посетитель для важности.

— Сейчас моя жена придёт и вас встретит, вместе сядём за стол, когда всё будет готово. Она помогает поварихе сейчас. А дети переодеваются к столу, детей у меня пятеро, господь наградил-то! — с умилением при мысли о своих детях проговорил Николай Александрович.

— А у вас-то самого дети есть? — спросил он ещё.
— У меня? У меня нет пока, — ответил гость, — Но у меня братьев только пять, и сёстры ещё.
— Хорошо, когда семья большая!
— Да. Пять братьев, и трое уже здесь, — сказал гость с гордостью и с ударением на последнее слово.
— Мой дед был важным человеком там, — сказал ещё посетитель и грозно поднял свой указательный палец.
— Что ж, это достойно уважения.
Из дверного проёма показалась женщина, стройная, русая, вся, как и Николай Александрович, в белом. Что-то одухотворённое было в её глазах, чувствовалась в ней и вера и долг, всё как и должно быть в женщине семейной.
— А это моя супруга, Александра Фёдоровна, познакомьтесь, — сказал сразу весь подобревший и воссиявший при виде супруги Николай Александрович.
— Здравствуйте, очень приятно! — сказала, мило и честно улыбнувшись, Александра.
— Здравствуйте, приятно! — ответил гость, попытавшись изобразить незнакомую ему приветливость. Натянута улыбка его походила больше на оскал.
Из дверного проёма выпорхнули, как пташки, дети, три девочки и мальчик, самый маленький среди них, все чистые, ухоженные и добрые на вид. Александра подняла руки, и под левую руку к ней, что под крыло к голубке в своём гнезде, спрятались две девочки, а под правую — ещё девочка и мальчик. Семейство было самое благообразное, какое в наши дни и не встретишь-то. Яркие солнечные лучи вырывались из-под белых гардин и падали погнутыми спицами на палас, осеняя комнату светлых тонов.
— Это мои дочки, Таня, Машенька и Настенька, и сын мой — Алёша. Дети, поздоровайтесь с дядей, — представил своих детей Николай Александрович. Дети приветливо, но с незаметным детским испугом при виде нового, да ещё и необычного на вид, человека, замахали руками.
— Старшая, Оля, к сожалению, не может быть сейчас с нами... Она у нас уже институтка, биологом скоро станет. Нездоровится ей. Сейчас держит экзамен по генетике, всякие там аллели, знаете ли. Сложная дисциплина. Перенапряглась, вот и заболела.

— Я знаю, знаю, — с неожиданным лукавством сказал неизвестный гость, и жёлтые его склеры злоепо сверкнули. Все расселись за длинным столом. Одна из домработниц-кухарок разливала густой суп.
— Bon appétit, — пожелал всем Николай Александрович.
— Что? — переспросил его гость, — Что вы сказали?
— Приятного всем аппетита.
— А. Приятного.
Семья Николая Александровича приступила к обеду, дети сидели тихо и спокойно ели, даже самый маленький Алёша кушал аккуратно, со взрослой деловитостью закусывая суп кусочками белого хлеба. Гость ел жадно, обжигаясь, дуя на каждую подносимую ко рту ложку так, что расплёскивалось. Капусту из супа посетитель оставлял на скатерти. Когда на дне тарелки оставалось совсем ничего, этот неприятный человек поднял тарелку, и отпил из неё. Пальцы его с короткими плоскими ногтями оказались в супе, он решил их вытереть о скатерть. Стоявшая рядом домработница протянула ему салфетку; гость посмотрел на неё озлобленно, почти с силой вырвал у неё из рук салфетку, с нелепой озлобленностью вытер руки и швырнул её на скатерть. Дети Николая Александровича, казалось, были испуганны поведением гостя, но они были хорошо воспитанными детьми и виду не подали.
Николай Александрович был очень добрым, наверное, человеком — на дурную воспитанность своего посетителя он не обращал внимания. В первую очередь, этот посетитель был для него будущим важным партнёром, может даже что и соратником, от их совместного дела могло зависеть дело Николая, которому он давно был предан...
Николай сразу преобразился, как только его супруга вошла, и если бы его гость был бы человеком чутким, он не мог бы не заметить, с какой нежностью Николай глядит на свою супругу. Николай Александрович может и был волевым человеком в своих личных делах и будучи на работе, да не в семье: в своём обожании к семье и детям Николай передал все «бразды правления» своей супруге. Жена его Александра, видя поведение гостя, его манеры, точнее отсутствие каких-либо манер, не стремилась возмущаться, сохраняла спокойствие, ведь была человеком хорошего такта: знала, что этот гость — будущий сорат-

ник её мужа; так уж вышло, что этот посетитель — представитель важного клана, он торговых решений которого многое зависит...

Подали второе. Гость встал из-за стола, скинул свой дурно пошитый пиджачишко, и повесил его на спинку стула с белой обивкой. Покуда он снимал свой пиджак, рубашка его задралась и показались густые чёрные волосы на мускулистом и смуглом торсе.

— Папа, папа, смотри! — неожиданно сказал кроткий Алёша, — дядя вилку и нож неправильно взял.

— Алёша, нехорошо взрослых поправлять, — смущённо сказал Николай Александрович.

— А это я вашего сына проверял, знает ли он, — ответил, совершенно не смутившись, гость, энергично переключая приборы из руки в руку. Не допив до конца ростбиф и уронив нож в тарелку с таким звоном, что домработницы обе вздрогнули, гость заговорил.

— Николай Александрович, что скажете об нашем деле.

— Дорогой гость, — даже рассмеялся немного Николай, — я же говорил вам, всё решено, решено положительно, положительно в вашу пользу. Давайте спокойно пообедаем, вы у нас почётный гость... Не стоит так переживать из-за деловых вопросов, тем более всё действительно решилось хорошо.

— Ясно, понятно, — малость обиженно сказал посетитель.

— Скажите лучше, как вам обед, — спросил кротко Николай Александрович.

— Мясо мне понятно. Мясо я люблю, — ответил посетитель, совершенно игнорирующий гарнир и салаты, продолжавший рубить ростбиф ножом и вилкой так, что белая фарфоровая тарелка скрипела.

И семья Николая, и гость, продолжили спокойно обедать. Домработницы принесли два кувшина с чем-то красным, разлили по стаканам.

— Это что? — спросил обиженно гость.

— Это алкоголь? Мне нельзя: религия, — добавил он и вновь поднял указательный палец.

— О нет, ну что вы, это домашний морс, очень вкусный, попробуйте, — сказала Александра Фёдоровна.

Поморщившись, гость жадно, в три глотка, осушил стакан, поставил его на стол. Посетитель уж было думал вы-

тереть губы снова скатертью, даже потянул на себя угол ткани, но вдруг одумался, вспомнил о салфетке и вытерся ею. Красные следы морса на белой ткани зловец походили на кровь.

Алёшенька вдруг проявил удивительный интерес к неприютному гостю.

— Папа, а папа. Скажи, почему дядя так себя ведёт? Он непослушный? — спросил мальчик. Гость быстро взглянул на Алёшу взглядом кошки у миски, ожидающей, что ей наступят вот-вот на хвост.

— Алёша, не хорошо так при госте говорить, — поправил Николай Александрович своего сына.

— Все люди разные, Алёша, — сказала Александра Фёдоровна.

— Папа, а папа. Скажи, почему у гостя глаза такие жёлтые?

— Алёша! — назидательно сказала его мать.

— Алёша, не надо, — сказал его отец.

Гость оглядел всё обедающее семейство злобным взглядом. И хотя он уже пережевывал очередную не в меру большую порцию мяса, желваки его продолжали шевелиться.

— Папа, а папа. Скажи, почему у него такие уши, такая кожа, не как у нас?

Любопытство Алёши продолжало нарастать.

— Алёша, прекрати немедленно! Так не хорошо себя вести, — сказала Александра Фёдоровна.

— Алёша, все люди разные, — добавил Николай Александрович.

— Папа, а папа. А тот дядя — тоже человек, просто нерусский?

Терпение гостя лопнуло. Он резко вскочил со своего места, аршинным шагом подскочил к Алёше и ударил по светлой мальчишкиной щеке наотмашь тыльной стороной своей смуглой ладони.

Прямая чёлка светло-русых волос спала Алёше на лоб, и из светлых глаз закапали по лицу славянских черт чистые, ясные слёзы. Мальчик от боли, от неожиданности, от обиды заплакал. Кухарки в испуге закудахтали.

— Я никому никогда не позволяю оскорблять меня, мой народ! — скалясь, произнёс гость, от злости позабывший грамматику.

— Пошли, пошли, мой мальчик! — сказала Александра Фёдоровна, и, обняв вставшего из-за стола плачущего Алёшеньку за спину, повела его в детскую комнату. Вслед за ними последовали и покорные кроткие девочки.

Николай Александрович решительно встал из-за стола, и силы этого жеста было достаточно, чтобы гость застыл неподвижно.

— Уходите сейчас же, прошу вас! И не думайте, что после такого отношения к детям, к моему сыну, между нами может быть хоть что-то. И совместного дела у нас не будет, — строго сказал Николай посетителю.

— Что же у вас у всех за манера такая — лезть в наши дела! Только приедете к нам — и лезете, лезете, лезете! Почему, почему вы вечно вмешиваетесь в наши дела, в наши жизни? — думал Николай Александрович, прекрасно понимая, что никто не даст ему ответов на собственные вопросы, и что не в его силах ситуацию исправить. Гость тем временем складывал свой пиджачишко и собирался уйти.

Гость ушёл, не позабыв плюнуть на порог, когда его уже никто не видел...

Кто знает, быть может этому неприятному человеку суждено будет ещё раз, и не один, переступить порог того дома... Кто знает, быть может «недомогание» Ольги, старшей дочери Николая, было связано с тем, что она зналась уже ранее с этим посетителем... Кто знает, быть может, Николаю Александровичу придётся своих будущих внуков воспитывать уже вместе с этим неприятным гостем и с учётом его мнения...

Кто знает, кто знает, каковы они — тёмные аллели современных династий, современных семей и современных детей...

Святослав БЕСЕДИН

МАРШ

Марш звенящий, марш кровавый,
Марш бравурный, но не бравый,
Он покров срывает с сердца,
Превращает души в прах.

Марш тяжёлый, марш проклятый,
Не бойцы и не солдаты
Под него идут, сминая
Всё живое на пути.
Марш, сметающий молящих,
Праведных, тупых, пропащих,
И за ним в ничто уходят
С серым пеплом города.
Громче, громче марш играет,
А ряды всё нарастают —
С криком боли каждый мёртвый
Марширующим встаёт.
Марш сильнее с каждым мигом
Прорастает чёрным ликом,
И никто не остановит
Сумасшедший, дикий марш.
Вдруг раздался плач ребёнка,
Чистый, искренний и звонкий,
Словно громом оглушённый,
Тотчас замер страшный марш.
Растворился, будто не был,
Солнцем озарилось небо —
Так одной слезой младенца
Был повержен тёмный марш.

ПОКОЛЕНИЕ СИЗИФОВ

Мы в мир придем, чтобы его создать.
Мы в мир придем, чтобы его разрушить.
Нам не из чего было выбирать —
Закованы в эпоху наши души.

Мы все — сизифы, проклятые веком.
Мы сами палачи своих трудов.
Всё, что творилось в муках человеком,
Должны мы заковать в металл оков.

Мы создаем кумиров на мгновенья,
Осознавая — мы же их убьем.
Впиваемся в романтику видений,
Но знаем, что их сами осмеём...

Выстраиваем счастье на прахе,
А после обращаем снова в прах.
И, возвещая о презрении к страху,
Мы чувствуем — поработил нас страх.

Мы помним — не дано нам выбирать.
Мы помним — умирают наши души.
Мы в мир пришли, чтобы его создать.
И мы уйдем, когда его разрушим.

ХРАМ

В твой светлый храм войти смиренно,
Забыв мирское бесовство,
И погрузиться вдохновенно
В глаз изумрудных колдовство.

А люди храм не замечают,
Всё мимо ходят в суете,
Но я нашел врата от рая
Здесь, в жизни, а не в высоте.

А тот, другой, уже не нужен,
Ведь нет в нём твоего огня,
Теперь не выйду я наружу,
Отныне здесь судьба моя.

Забудем про безумье мира,
Оно не нужно больше нам.
И будут в вечности эфира
Лишь я. И твой лучистый храм.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Метаться в застенках зеркал:
Зеркал, искажающих свет,
Повсюду бесовский оскал
Глумится две тысячи лет.
Старик Азazelло меня
Исследует смехом — кнутом,
В острогах полночных плена,
Хочет навязчивый гром.

Стекло встретит сталь — это крик:
То нервы стальные кричат,
Блуждает дурманный лик,
Во всех отражениях — ад.
Иллюзии злобы притон —
Пустое святилище слов.
Я вмиг Зазеркальем сожжён,
Но миг этот — старше богов.

ХОР

*«...и мимо них уже который год
по тротуарам шествие идет».*
Иосиф Бродский

В немой пустыне странный хор идёт,
И не поют — мычат, закрывши рот,
Здесь каждый во вражде с самим собой,
Плутая озверевшею толпой.

Их всех ведёт монах, давно слепой,
А вот, забывши меч, спешит герой,
Считая преступления Венца.
Спит кто-то, в ожидании конца,

А вон смеётся шут с зашитым ртом,
Хочет — хоть мечтает лишь о том,
Чтобы всадить в себя стальной предмет,
Поскольку плакать сил давно уж нет,

А справа проповедник без души,
Его слова слащаво — хороши,
Вот тень Творца, забытая Творцом...
А может быть, украдена Венцом,

А вон, к груди прибив нателный крест,
Глаголет Чёрт, озвучивая Весть,
А здесь орёт псалмы певец глухой,
С улыбкою бессмысленно — простой.

Метаются без цели сорок лет,
И не найти им ни на что ответ,
Ещё их много там — незрячих и пустых,
Возможно, что ты тоже среди них.

БЕСЫ

«Мы оденемся в маски людей»

Валерий Стольников

Мы оденемся в маски людей,
Поснимаем звериные шкуры,
Двуязычие идиологов — змей
Мы взрастим в ваших жалких фигурах.
Мы поможем, подставим плечо,
Мы опорой вам станем до смерти,
И, свища серпантинном — бичом,
Вскроем путь вам, — вы только поверьте!
Но как только поверите в нас,
Мы воскреснем, мы станем едины,
И тогда пропоют в этот час
На коленях нам песнь серафимы.
Пусть мы — бесы, мы станем сильней,
Будем жить, возрождаться и мыслить,
И кольцо гениальных идей
Мы прокрутим назад в млечной выси.
Дайте время — своё заберём,
Не побрезгуем взять и чужое,
Мы вас выжжем священным огнём —
Впереди всё! Пока нас лишь трое.

МЫ БУДЕМ ЖИТЬ

Нет, им не погасить костёр у нас в глазах,
Не сосчитать огней во взоре,
Мы будем жить — и в радости и в горе,
Назло смертям нас не коснётся страх!
Мне всё равно: в степи, у моря или в горах,
Мы будем жить и в славе и в позоре,
И пусть посмотрят с завистью, с укором,
На нас все те, кто правит в небесах!
Мы будем жить — в особняках, в притонах,
И не смутит меня ответ твоей короны,
Ведь этот свет — часть нашего огня.
Мы будем жить — сильнее нет меня,
Я сотворю закон — он выше всех законов:
Ты будешь жить — а значит, жив и я!

КАРАВАН

Вся история — как караван,
Правят им жестокие купцы,
И за перевалом перевал
Одолеют жадные слепцы:
«Народ наш — корабли пустыни,
Поел, поспал, и марш вперёд!
А вместо их голов пустые дыни,
Прекрасен наш верблюжий скот!»
Воет и беснуется народ:
«Ну, скорей, в невиданные края!»
Караван истории идёт,
Но за ним из крови колея...

Николай КАЛИНИЧЕНКО

ОБЛАКО МАЙОРА

Перед сборами нас, конечно, страшали. Мол, кормить будут плохо, рюкзаки шмонать. Могут и на «губу» посадить. Но главное, наставляли старшекурсники, главное — не вестись на разнарядки. Кухня, клуб, штаб — одни слова. Выскочкам армия грозит эксклюзивом. Из серии толчок зубной щеткой чистить или плац ломом скрести. Ходили еще туманные легенды о неуставных отношениях, но в это никто не верил.

Военная часть на окраине тихого речного городка предоставила нам многие из обещанных процедур. Еда была решительно несъедобна, туалет отвратителен, а в палатках на сорок солдатомест жара, холод и вонь портянок ощущались по-новому, остро и свежо.

Кроме того, в качестве бонуса и военно-полевого тренажера к нам был приставлен старший лейтенант Максанов. Молодой, энергичный, Максанов готовился стать капитаном и потому выслуживался «по полной». Выражалось это в непрерывных придирках. Как и все растущие в табеле организмы, Максанов испытывал чувство глубокой внутренней неудовлетворенности. Поэтому вещи у нас досматривали ежедневно, утром и вечером, а наряды вне очереди, отжимания и ночные

пробежки сыпались, как из рога изобилия.

Правда, с разнарядками у старших товарищей вышла осечка. В первый же день к палаткам подошел краснощекий плотенький капитан по фамилии Кубышкин и спросил, есть ли среди нас художники. Я зачем-то шагнул вперед. Оказалось, что никаких каверз с чистой сантехники не предвидится. Капитан был завклуба, что поднимало его авторитет на недосягаемую высоту по сравнению с другими офицерами. Ведь при клубе был магазин, касса и комната отдыха, тайнами которой не брезговал и командир бригады. Вот к его-то приезду мне и было велено собрать команду, чтобы немедленно заняться оформлением части. Вчетвером мы снимали металлические щиты, на которых красовались обшарпанные образчики бранной славы: воины-освободители, гусары и богатыри; потом несли полотно на задний двор клуба для зачистки и грунтовки. Место это было тихое и странно отчужденное от остальной территории. За парашетом, на котором располагалась наша мастерская, был небольшой пыльный пустырь, а дальше восходили из густой травы колонны старых тополей. Тополь чудное, несурзное дерево. Жадно пьет из земли воду и растет быстрее своих собратьев. Но в этом неумном стремлении кроется его беда. Со временем ветви становятся слишком тяжелыми и ломаются под собственным весом, а ствол, раздуваясь, обретает странную слабость на высоте двух-трех метров от земли. И вот уже сильный ветер грозит бедой дереву и всему окружающему. Возможно, тополям подошла бы невесомость. Тогда бы они безболезненно могли достигнуть невероятной высоты. Как бы то ни было, но мы творили наши шедевры в безмолвной компании хрупких гигантов.

Вечерами, когда огненное лето немного остужало топку и солнце опускалось за крышу клуба, густые синие тени укрывали подножие тополиного храма, а верхняя часть и лиственные своды еще долго купались в медно-медовой благодати неспешного заката. Тогда, в этот торжественный час, неведомо откуда к тополям слетались галки. Сотни птиц. Их крики и возня на верхних ветвях немного напоминали суету детей на площадке. Вот толь-

ко игровое поле галок располагалось высоко над землей. Так они сидели не больше часа, а затем поднимались и плотной черной тучей устремлялись прочь.

Галка — птица бестолковая. Не чета вороне. Однако когда галки собираются в стаю, с ними происходит удивительная метаморфоза. Неловкие в одиночку птицы начинают выписывать фигуры высшего пилотажа, образуя в воздухе невероятные объемные конструкторы. Причем, все это в движении, на скорости, при плохом освещении и ветре. Галки словно превращаются в странное гиперсущество, по форме скорее напоминающее головоногих, нежели пернатых. Всякий раз, наблюдая эволюции этого небесного спрута, мы невольно замирали, отвлекаясь от работы. Было в этом кружении что-то тревожное и в тоже время гипнотическое.

Между тем, наш оформительский быт налаживался. Я получил ключ от трансформаторной, куда можно было прятать личные вещи, и теперь на утренних и вечерних проверках неутомимый лейтенант Максанов тщетно перетряхивал рюкзаки ребят. Кубышкин, оценив наши успехи в творчестве, совсем перестал являться на задний двор, и мы иногда на весь день оставались предоставлены сами себе. Ко всем прочему, у одного из моих подопечных обнаружили родственников по соседству, и теперь на обед у нас были свежие овощи, картошка с огорода и даже — о разврат! — докторская колбаса.

Со срочниками мы почти не общались. Их казармы располагались далеко от палаток, за плацем. Среди студентов, правда, были странные люди, покупавшие у солдат ременные пряжки и пилотки. Зачем — бог весть. Как видно, по старой туристической традиции, на сувениры. Правда, если учесть, что такие безделушки обычно берут, чтобы сохранить приятные воспоминания, то покупки приобретали сюрреалистический оттенок. Так пытаемый желает оставить на память плетъ, которой его хлестали или выпрашивает у палача памятный набор инструментов.

Нам на задворках клуба приходилось иметь дело только с помощниками капитана. Одного звали Стелас, а другого — Кисель. Они, наверное, могли бы покорить эстра-

ду — такой разительный контраст был между солдатами. Стеллс, сухощавый, стремительный, хваткий, знал все и везде успевал. У него всегда была куча дел, связанных в основном с продажей имущества части на сторону. Стеллс, подобно голубому воришке, крал все, что плохо лежит, но вопреки литературному персонажу совершенно не стеснялся. Мы не раз и не два видели, как он, неутомимый и юркий, волочет к забору какую-нибудь вещь. Там, в кустах бузины, был устроен хитрый лаз-телепорт, в котором легко исчезали берцы и фляги, рожки от автоматов и комплекты хим-защиты, саперные лопатки и даже как-то без следа растворялся здоровенный металлический каркас кровати. Разумеется, у Стеллса в городе были поделники. Они платили ему, а иногда по просьбе юркого солдата доставали то или это. Капитан очень ценил умения своего «ординарца» и недавно за какой-то тайный гешефт выхлопотал Стеллсу лычки ефрейтора. Впрочем, хват был этим скорее озабочен, чем доволен. Ефрейторов издревле считали стукачами, и могли наказать за излишнюю прыть.

А вот Киселю, напротив, прыти не доставало. Был он огромный, медлительный, аморфный. Тело его постоянно колыхалось, даже когда он стоял неподвижно. Кисель потел, стеснялся и, несмотря на огромный рост, говорил тихим слабым голосом, словно боялся привлечь лишнее внимание. Ко всему прочему он был еще и близорук, как и аллопаты призывного участка, написавшие в справке «годен». Недостатки физические компенсировались добрым нравом, покладистостью и тягой к всяческой живности. Киселя чаще можно было видеть в обществе зверей и птиц, чем сослуживцев. С галками у толстяка были особые отношения. Я узнал об этом случайно. Раньше времени пришел на работу и в утреннем сумраке увидел великана, темную фигуру на фоне серых древесных стволов. Одной рукой Кисель прижимал к мясистому боку большую кастрюлю, другой — черпал оттуда нечто съестное и подбрасывал в воздух. Тотчас сверху опускался черный хобот галочьей стаи. Некоторые птицы выпадали из хоровода, угольными хлопьями осыпались в траву и на плечи огромного солдата — подбирали остатки трапе-

зы. Я приблизился, поздоровался. Мое появление очень сконфузило Киселя. Еще секунду назад он походил на вдохновенного дирижера, управляющего оркестром, а теперь стеснялся и лепетал что-то неразборчивое. Я извинился, что потревожил его и спросил, чем он кормит птиц. Этот простой вопрос поверг толстяка в настоящий шок. Он затряс малиновыми щеками, зашаркал ногой и неизвестно зачем начал оправдываться. «Вчера в столовую привезли... нужно в холодильник ставить... я понес, а там водка... хотел убрать, а они ругаться...» Я шагнул ближе, заглянул в кастрюлю и едва сдержал рвотные позывы. В такую жару мясо портилось очень быстро. То, что Кисель подбрасывал в воздух, было бело-мучнистым и живым. Внезапно я испытал приступ сильнейшей ярости. Мне захотелось разбить эту круглую жирную физиономию, до крови, до мяса. А потом, когда жертва упадет, топтать его пока не переломаю все кости. Я принялся кричать на Киселя, обложил его матом, потом выдохся, остановился, ощущая, как выползает из меня лиловый червь незваной злобы. Все время пока я кричал, толстяк стоял, глупо улыбаясь, и даже не пытался оправдаться. Из травы и с ветвей деревьев на меня пристально смотрели сотни блестящих глаз-пуговиц. Мне стало не по себе. Кажется, я сказал Киселю, чтобы он помылся, а затем поспешил к своим плакатам. Едва я отошел, в тополином храме зашуршали крылья. Кормление возобновилось.

С тех пор мое отношение к толстяку изменилось. Появилось какое-то невесомое беспокойство. Странная тревога из тех, что охватывает человека, когда он идет по грибы и вдруг набредает на старое кладбище. Объяснить мои чувства было решительно невозможно, и я старался не обращать на них внимания.

Старослужащие Киселя не трогали. То ли потому, что не хотели обижать убогого, то ли из-за покровительства Стеллса. Почему клубный хитрован был так расположен к толстому нескладному солдату, для нас осталось тайной, но во всех ситуациях Стеллс стоял за Киселя горой. Лишь одна опасность подстерегала доброго толстяка.

Майор Куманюк шел по линии политруков, но после того, как внешняя политика утратила вектор, а страна

— хребет, стал не нужен и даже вреден. В прекрасном новом мире жизнерадостных воров-космополитов, где правили Кубышкины и Стеллсы, он был лишним человеком и сам прекрасно понимал это. Иногда он заходил к нам за клуб отвлечься от хандры и заводил речи о долге и патриотизме. Выговор у майора был на удивление чистым и правильным, без военных загибов и просторечных огрехов. Говорил Куманюк бегло и свободно, радуя богатым словарным запасом. Очевидно было, что человек он образованный и мог бы далеко пойти, но не срослось. Мы вяло кивали и старались в словопрения не вступать. Майор распалялся, махал руками, его бледные щеки вспыхивали лихорадочным румянцем. Но тут появлялся капитан и просил не беспокоить студентов. Делал он это в панибратской закадычной манере, величая майора «Михалычем». Тот злился, кричал, что старше по званию, и совсем по-детски надувал губы. Потом поникал и уходил в клуб, где капитан поил его чаем с коньяком и благополучно спроваживал восвояси. При этом нужно сказать, что в ударе майор говорил с жаром и убежденностью истинного оратора. Быть может, этот нерастраченный огонь и вызвал стыдное паховое чувство, которое питал майор к младшим по званию. Стеллс говорил, что майор подкатывал к разным солдатам, но тем удавалось избежать его поползновений. А вот безответный Кисель оказался неспособным дать отпор, и вожеления эксполитрука сосредоточились на нем. Куманюк буквально не давал солдату прохода. При встрече щипал его до синяков, подкалывал и всячески измывался. Стеллс с майором связываться не хотел. Что до капитана, то его, похоже, забавляло происходящее. Мы пробовали говорить со своими кураторами, но те были увлечены попойками, баней и поездками «в нумера». Нам велели не совать нос не в свое дело, в противном случае обещали ту же экзекуцию, что Куманюк без сомнения уже проделывает с «этим боровом и скотобазой». Нам оставалось только молча сочувствовать гиганту и подкармливать его чем бог послал.

Жара все усиливалась. Уже и в тени было душно. Мы как раз приступили к внушительному триптиху, изображавшему части мотопехотной бригады на марше.

Чтобы эффектно показать детали боевых машин, нам понадобилось смешать черную краску с белой и желтой. Однако выяснилось, что черный краситель, который нам выдал на складе недовольный прапорщик, решительно ни с чем не сочетается. Какую бы краску мы не применяли, черный цвет оставался константой. На грунтовку чудо-краска ложилась неохотно, норовила собраться в плотные катышки и облечь. Не помогли и растворители. Нужно было что-то более бронебойное. Кроме того, у нас совершенно истрепались кисти. Стеллс сказал, что потребное есть в райцентре, и что он берется поговорить с капитаном.

На следующий день мы выкатили за территорию части на машине одного из студентов. Дорога до райцентра занимала не более получаса, однако Стеллс хотел использовать командировку сполна. В результате нам пришлось посетить пару неприметных дач, подозрительно пустынный шиномонтаж и магазин военного снаряжения, расположенный так, что не вдруг заметишь. Мы что-то забирали и что-то передавали в ответ. Наконец, юркий ефрейтор полностью удовлетворился и разрешил править к райцентру.

Мы быстро купили все потребное, и тут оказалось, что Стеллс взял у капитана денег с двойным запасом. На остаток нам было предложено посетить местный бар с интригующим названием «Поросенок». На лепет про отчетность бывалый срочник только усмехнулся и велел «не бздеть».

Над входом в злачное местечко действительно был запечатлен одноногий поросенок весьма разбойной внешности. Видно было, что жизнь его потрепала, но не сломала. Внутри царил полумрак, таинственно поблескивали кружки, и пахло табаком. У входа на табурете сухонькая старушка с заячьей губой раздувала меха большого аккордеона. Инструмент был расстроен и потому звучал заунывно. Предвкушая приключения, мы неуверенно протиснулись внутрь вслед за Стеллсом. Оказалось, срочника в заведении знали. Он обнялся с барменом, кинул мелочи старушке и повлек нас в темную глубину зала, где ждал укромный деревянный альков с широким прочным столом и низкими скамьями. Почти сразу же

«нарисовалось» пиво. Не бог весть какое, но после алкогольного целибата и полдневного жара оно показалось нам просто божественным. Стеллс также заказал сосиски с картошкой и две котлеты по-киевски. Пир удался на славу. В разгар гастрономического разврата к нам подошел взволнованный бармен, наклонился к Стеллсу и что-то шепнул ему на ухо. Солдат помрачнел, быстро выглянул в проход. Потом посмотрел на нас и прошептал: «Куманюк появился, сука! Пропалит — трендец!». Мы, было, вскочили — то ли бежать, то ли прятаться, но Стеллс зашипел: «Отставить! Не бздеть! Удавлю!» — и страшно выпучил свои блеклые голубые зенки. Потом сказал уже спокойно: «Продолжаем обедать. Он в кабинеты не пойдет. У стойки будет бухать.»

Так и случилось. Куманюк ласково и витиевато приветствовал бармена и заказал выпить. Потом слышимость ухудшилась, потому что у входа вновь ожил аккордеон. Мы обедали в молчании. Стеллс периодически выглядывал в проход и с каждым разом улыбался все шире.

«Надирается в хлам», — поделился наблюдениями довольный ефрейтор. — «По коктейлям пошел. Ща Васек ему намешает...»

Васек, как видно, хорошо знал свое дело. Вскоре голос майора стал слышнее. Появились характерные паузы и орехи речи. Затих аккордеон и мы, наконец, получили возможность услышать, что же говорит Куманюк. Вскоре выяснилось, что банкет организован в связи с радостными для майора событиями. Его переводили ближе к центру для политработы с новобранцами. Похоже, правительство все же вспомнило, что правильную идеологию в частях нужно формировать, и спешно подтягивало те резервы, что еще не спились и не пошли по миру. В сущности, все словоизлияния политрука вращались, подобно орбитальному спутнику, вокруг темы перевода. Он обсасывал новость и так и эдак, обнаруживая в новом назначении все новые и новые плюсы. Майор обещал без сожаления покинуть «этот плебс» и пускай «быдло» варится в своем соку. «Я так ему и скажу... Уж не промолчу, будьте уверены. В лицо плюну!» — разорвался Куманюк. «Пускай ржет, гандон!» Кого политрук хочет осчастливить своей слюной, было не ясно. Только уютный и со-

страдательный Васек понимал все, уверенно подливая в стакан майора из пузатой бутылки. Наконец, бармен явился перед нами и сообщил «Спит!». Мы прошли мимо сопящего в забытии майора, покинули гостеприимного «Поросенка» и отправились в обратный путь.

Перед Кубышкиным отчитались без труда. Оказалось, что полезный Васек имел в распоряжении второй кассовый аппарат и мог пробить там все что угодно. Чеки на существенно вздорожавший растворитель и «золотые» кисти было не отличить от настоящих. Мы продолжили наши оформительские упражнения и, наконец, одолели черную краску. Но самое главное — мы узнали, что майор покидает часть и больше не сможет доканивать Киселя. Естественно, мы не преминули сообщить об этом толстяку, ожидая, что известие его порадует. Но, к нашему удивлению, новость не вызвала у Киселя особых эмоций. Он просто пожал плечами и пошел по своим делам. Ребята не придали этому значения, но я про себя подумал, что возможно в отношениях толстого срочника и майора Куманюка не все так однозначно. У меня отчего-то никак не шло из головы кормление галок. А может это жара играла свои шутки с сознанием?

Это случилось на третий день после памятного обеда в «Поросенке». К нам за клуб прибежал Стеллс. Он был явно не в себе. Долго не мог отдышаться. Потом заговорил. — Куманюк тронулся по фазе. Ему перевод отложили — поторопились с разнарядкой. Полковник его вызвал, сообщил, я как раз в канцелярии бумаги помогал собирать — все слышал, решил проследить. Он от полковника выходит бледный, глаз дергается. Тут Кубышкин наш навстречу. Ну, вы ж его знаете, он без подколки не может. Что, говорит, Михалыч, остаешься куковать с быдлом? А майор берет стул и капитана по башке. Бац! Только щепки в стороны полетели. Ну, попал он удачно. Вырубил капитана, короче, и дальше пошел. Я за ним. Задержался только, старика нашего глянул. Он ничего, нормально. Только шишка будет. Короче, добежал я до дежурного, а Куманюк там уже был. Я чего спешил-то. Он Киселя ищет. Найдет — трендец!

К счастью, мы знали, где искать Киселя. Рыжая мурка, что жила при офицерской столовой, окотилась несколько дней назад, и Кисель постоянно ходил проводить котят. Столовая примыкала стеной к зданию клуба. Идти было недалеко.

Беликан и в самом деле оказался там. Он держал на руках трех котят, а кошка лежала рядом и благосклонно мурлыкала. На прочих солдат и студентов она шипела, а толстяк был, словно член семьи. Кисель сначала не заметил нас, и только когда Стеллс окликнул его, поднял голову и удивленно заморгал. На лице его появилась растерянная улыбка.

— Куманюк идет! — Стеллс указал на стеклянную стену столовой. Сквозь обеденный зал была видна дорожка, усаженная шиповником, и часть плаца. Майор и правда был там. Он подошел к солдату, подметавшему дорожку. Что-то быстро спросил и, получив ответ, почти бегом направился в обход столовой.

— Пятак, козлина. Сдал! — Стеллс затравленно огляделся. Кажется, впервые он не знал, что делать. И тут мне в голову пришла одна идея. У меня ведь есть своя комната для рюкзаков! Я тут же озвучил счастливую мысль. Стеллс ухватился за нее как за соломинку. Он сел на корточки рядом с Киселем, взял того за руку и очень мягким голосом, точно ребенка, попросил того пойти с нами. Толстяк недоуменно глянул сначала на нас, потом на котят и покачал головой. Он не понимал, зачем ему нужно прятаться, ведь майор и раньше ругал его. Тут нервы у Стеллса не выдержали и он, уже не стесняясь, буквально погнал Киселя к трансформаторной.

Куманюк уже должен был появиться, но, как видно, где-то замешкался. Этой задержки нам хватило, чтобы запихать гиганта в каморку и запереть дверь. Стеллс сказал, что ему здесь быть нельзя, иначе «эта гнида» непременно что-то заподозрит, и скрылся в клубе, шепнув Киселю через дверь, чтобы тот не бздел и вел себя тихо.

Едва Стеллс скрылся в клубе, как из-за кустов показался Куманюк. Он шел, слегка наклонившись вперед и неестественно резко выдвигая плечи. Лицо майора было блее мела. На щеках выступили красные пятна. Большие блестящие глаза смотрели сквозь нас куда-то в недоступные

дали. Внезапно потемнело, и мне на мгновение показалось, что мы угодили в какую-то безвкусную постановку, где появление отрицательного персонажа сопровождается затемнением. Но это просто солнце опустилось за крышу клуба. Под тополями наступил вечер.

Майор приблизился, взбежал по бетонным ступеням на парапет. Прошел вдоль обработанных щитов, словно турист в картинной галерее и, наконец, застыл перед триптихом, где мотопехотная бригада на фоне среднерусского пейзажа двигалась в направлении приказа.

— Облака. Мне всегда нравились облака, — сказал Куманюк, указывая на картину — такие изменчивые, свободные... чистые. Я ведь художником стать хотел, не получилось. Отец генерал-майор. Какие там картины...

Он повернулся к нам, снял фуражку. Огладил короткие черные волосы.

— А где Киселек? Мне он нужен... по делу — майор хихикнул.

Мы принялись убеждать майора, что не видели Киселя, но тот отчего-то нам не поверил. Принялся расхаживать вокруг, заглядывал за стволы тополей, поднимал щиты с полотнами, словно огромный солдат мог забиться в маленькую щель. При этом Куманюк напевал что-то вроде детской считалки. Мы с ужасом следили за эволюциями полтрука, понимая, что тот совершенно спятил, и укрепляясь в желании спрятать Киселя любой ценой.

Между тем, над нашей головой небо проросло пернатым шепотом, зазвучали высокие пронзительные голоса. Это стая галок спешила занять свой вечерний насест. Несколько птиц отделилось от общей массы, приземлилось на пустырь перед клубом и, неловко перескакивая, принялось шарить в пыли.

— А вы что приперлись? Нету вашей мамки! Прячется, подлец. Ну, да я уж отыщу. Вон пошли! Кому сказал? — накинулся майор на галок. Он пнул одну из птиц ногой. Не попал. Галка неловко вспорхнула, ускользая от чело- века. Тогда майор принялся хватать из ящика кисти и, смеясь, швырять их в птиц. Внезапно что-то неувлимо изменилось. Мир вокруг словно заострился. Цвета ста-

ли контрастнее и гуще, звуки громче и четче, контуры предметов приобрели опасную резкость. Прикоснешься — порежешься. Возня на ветвях тополей усилилась, и тогда закрытая снаружи дверь в трансформаторную прогнулась от страшного удара, распахнулась настежь. На пороге возник Кисель. Его большое одутловатое лицо плыло в раннем сумраке, точно чудный сгусток плотного тумана. На руках верещал захваченный у столовой котенок. Не то толстяк посадил его в карман, не то прятал за пазухой.

Куманюк увидел солдата и весь подобрался, затрепетал, точно зверь от запаха крови.

— Вот и Киселек! — закричал майор высоким срывающимся голосом. — Иди-ка сюда, иди сюда, солдат хренов. Я тебя сейчас приласкаю. Ну что ты встал, жопа с ногами. Бегом! Бегом, я сказал! БЕГОМ, ТАК ТЕБЯ!

Не дожидаясь, он сам пошел навстречу Киселю, взбежал по ступеням. Слегка пошатываясь, двинулся на огромного солдата. Гигант ждал и казался совершенно безмятежным. Его руки опустились отвесно. Котенок кувыркнулся на землю, обиженно вякнул и убрался от греха в темноту трансформаторной будки.

И тут я понял, что дело очень плохо. Кисель никогда бы не проявил такого неуважения к животному. Повинуясь внезапному порыву, я подскочил к майору, схватил того за плечо. «Товарищу, майор! Подождите. Не нужно!» Куманюк рванулся, оставив в моих пальцах погон с куском зеленой рубашки, подскочил к Киселю, замахнулся.

Ему навстречу атакующим удавом метнулась тяжелая рука гиганта. Огромные пухлые пальцы охватили шею майора. Другой рукой Кисель сцапал Куманюка за пояс, оторвал безумца политрука от земли и с чудовищной силой ударил о стену клуба. Послышался отвратительный хруст ломаемых ребер. Несмотря на повреждения, Куманюк сразу поднялся. На его лице было удивление. Не страх, не злость и не боль, которая пока не пришла. Детское неподдельное удивление. Эта эмоция читалась явно, и других вариантов быть не могло.

— Ты... да что же ты делаешь? Киселек... Ты же скотобаза потная, да я ж тебя... — прохрипел майор. И тут Кисель ударил его в лицо. Огромный кулачище сроч-

ника, точно обернутая в тряпку гиря, с глухим хрустом врезался в лицо офицера, ломая нос, вышибая зубы. Майор снова отлетел к стене, ломая как-то жалко, протяжно всхлипнул и упал, больше не пытаясь подняться. Кажется, он был без сознания. Толстяк застыл, словно механическая кукла без завода, а затем вдруг повернулся спиной к поверженному врагу и завопил, завыв что-то плаксивое, нечленораздельное, как огромный, расстроенный ребенок, еще не вполне овладевший речью. Он взмахивал огромными руками, топал столпообразными ножищами, и жаловался, и обвинял неизвестно кого.

Все это время галки на ветвях орали, не переставая. И вдруг затихли. Затем стоя медленно поднялась. Черное тело вытянулось в теплом вечернем воздухе. На глянце-вых боках небесного монстра вспыхнули раскаленные капли уходящего света. Миг, и масса птиц исчезла за клубом. Лишь в отдалении звучали еще пронзительные голоса.

Ребята положили майора на загроутованный щит. Понесли в лазарет. Кто-то неуверенно говорил, что нести нужно осторожно и что сломанные ребра могут воткнуться в легкие. Я остался с Киселем. Гигант перестал кричать, выдохся и тяжело опустился на край парапета. Он продолжал что-то тихонько нашептывать, и я наклонился к нему, прислушиваясь.

«Зачем, ну зачем так? Он же маленький, беззащитный...» — шептал срочник. Я сходил в трансформаторную, принес котенка, показал его Киселю. «Видишь, со зверьком ничего не случилось». Гигант недоуменно уставился на меня, потом на котенка и вдруг резко замотал головой, разбрызгивая слезы. И тут я понял. Котенок был не при чем. Кисель говорил про майора! Я был так ошарашен, что не мог выговорить ни слова, только промычал что-то банально-успокоительное. Кисель на это просто пожал плечами и всхлипнул. Мол, не о чем говорить. Я хотел сказать ему, что глупо заботиться о том, кто тебя унижает, но потом на одно мгновение представил себе мир глазами Киселя. Мир, где все живые существа священные и нет разницы между новорожденным котенком и свихнувшимся офицером-педерастом,

где обо всех нужно одинаково заботиться. Быть рядом, сносить шалости, кормить. Если понадобится, то и собой. Но что же, в таком случае, произошло сейчас на бетонном парапете? Ведь не может быть, чтобы стая безмозглых птиц управляла сознанием человека? Я не знал ответа, понимая только, что через Киселя прикоснулся к чему-то бесконечно чуждому и пугающему. И если мне от этого хотелось бежать без оглядки, то какого было великану?

Ночь прошла в беспокойном сне. Утром, явившись во двор, мы увидели пустырь, парапет и бетонные ступени, покрытые слоем белого птичьего помета. То же самое случилось с машинами на стоянке и парадным входом в клуб, плацем и палатками. Правда, триптих с мотопехотной бригадой галки отчего-то не тронули. Наверное, тоже любил облака.

На утренней поверке про инцидент с Киселем ничего не говорили. Только потом от Стеллса мы узнали, что толстяка увезли из части. Что под трибунал он, скорее всего, не пойдет и будет комиссован по дурке с принудительным лечением.

Куманюк пролежал в госпитале до нашей присяги, ребра и нос ему починили. Вскоре пришла долгожданная разнарядка, и майор отправился разжигать пламя патриотизма в сердцах курсантов.

Прежде чем уехать, Куманюк пришел на задворки клуба. Мы как раз заканчивали последний плакат. Это был русский солдат на фоне деревенских изб в окружении цветущих садов и подсолнухов. Над головой солдата простиралось бескрайнее синее небо. Внизу красовалась надпись «На страже мира». Майор долго стоял молча и смотрел, как мы работаем. Синяки еще не совсем сошли и от этого политрук выглядел жутковато. Наконец, он подошел и очень вежливо, почти робко попросил кисть. Мы не могли отказать. Следующие полчаса Куманюк очень старательно рисовал над головой солдата пышное облако. Уступчатая белая колонна стремительно возрастала, грозя упереться в край плаката, и с каждым мазком все больше походила на толстого нескладного великана.

Елена ЯВОРСКАЯ, Орел

ПИКАССО. ФРЕСКА «ГЕРНИКА»

Над Герникой
белая Ника
не раскинет солнечно крылья.
Солнце пало.
Солнце зарыли.
Вместо солнца в небе — лампада.
Ей, ничтожной, некуда падать —
всюду смерть.
Опаляет и гложет.
Остывает земля еле-еле.
Умирает белая лошадь.
Мать — глаза от огня почернели —
белым криком ребенка накрыла.
А над нею — довольное рыло
светлоглазого минотавра.
Этот город задушен, отравлен.
Этот город — преддверие ада.
Звероликие в касках рогатых,
ваше время черно и красно!
Спи, Испания, траурным сном,
белым-белым...
Герника, верни
в небо тяжкий огонь —
и воскресни в полуденном блеске!
Не тускнейте от пламени, фрески...

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Однажды страх растает.
И тогда
поймаешь ты за хвост облезлого кота,
который был совсем недавно тигром,
косматым, саблезубым,
да усох,
стал временным прибежищем для блох.
Ходил ты от беды на волосок,
да миновала.

Стало быть, эпитафия
пора искать.
А ты-то некролог
досочинил, рыдая, накануне.

Не Бунин ты
и даже не Акунин,
да как-нибудь осилишь пару строк.
Но избегай, дружище, слова «рок».
Твой «темный рок» — обычная морока,
хандре похмельной, может быть, сродни.
А ты-то ныл — судьба к тебе жестока,
ты так стонал, как будто уронил
на грязный пол яичко золотое
и порешил слезами, не водою
немедля смыть ужасный этот грех.
А грех-то раскололся, как орех,
тигр оказался вдруг котом облезлым,
обиженным природой и людьми...

Садись, дружище, поудобней в кресло,
Пиши эпитафия:
«Что пришло из тьмы,
уйдет во тьму и безвозвратно канет.
А солнце есть —
и в луже,
и в стакане».

ПОСЛЕДНИЙ ВАВИЛОН

Тяжелый непокой приемного покоя.
Разноголосье.
Грешный Вавилон.
Отчаянно, до слез не верится в плохое.
Не ты...
Не ты?
Не ты! А просто клон,
чудаканутый клон в нелепом балахоне
сидит себе. Дрожит. Ну, стало быть, циклон...
похолодание... продудло на балконе...
не надо бы смолить.

Не надо бы... а влом!
Дурную страсть не вышибить колом...

...Великий Петр курил. И что же? Правил он,
как надлежит...
И вообще, легко нам
судить-рядить-вопить. На то и Вавилон.
Трясет. Знобит.
Проклятие циклонам!

Ну правда ведь, все это не всерьез?
Ци-клон...
Ци-клоп...
Ци-клический невроз...
И вся-то жизнь — борьба и вечный стресс.
И вся-то жизнь...
А времени — в обрез.

...Циклический невроз...
Не врозь, а вместе...
Общага.
Муравейник.

Вавилон.

Строители, на башню вы не лезьте.
Куда спешить? Грядет пора возмездий.
Познание, куда ж ты завело!

...Шуршат безвольно времени образки.
Нам жить бы не тужить. И пиво трескать.
А жизнь — гляди! — как будто на заказ
штампует и штампует новых нас.
Штампует нас.
Потом — раз-два — бракует...

... — Что строишь, мальчик?
— Башню! Вот такую!
Все выше, выше тянется рука.
А башня-то — из грязного песка.
Мальчишечка. Он тоже чей-то клон.
Песочница.
Последний Вавилон.

СЛОНИКИ

Не для трактата сюжет, не для хроники.
Маленький фарс со злодеем и жертвой.
Жили да были стеклянные слоники,
мирно паслись на хромой этажерке.

Были ценимыми, были любимыми...
К влаге привычны и к пыли терпимы,
гордо вздымали могучие спины,
солнце держа золочеными бивнями.

Не по размеру была иерархия,
каждый — особенный. Воздух и камень.
Лунные блики ловили боками,
с блика на блик мотылек перепархивал.

И, вдохновляясь нечастыми встречами
с феей-тряпицей из темного фетра,
хором читали, причастные к вечности,
рунные знаки на старой салфетке.

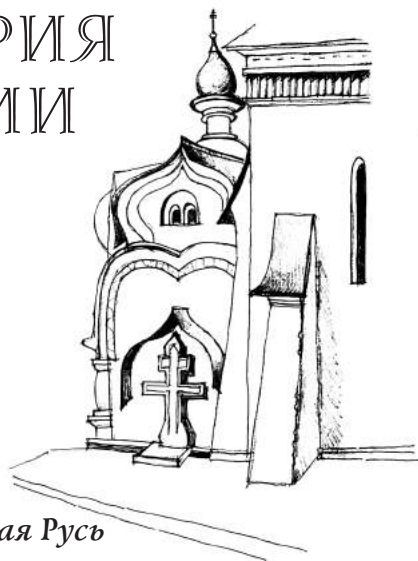
Каждый другому — питомец да баловень,
каждый другому — наставник да ментор,
мудро взирали на мелочи палые
с дивной горы высотой в два метра.

Да, в нарушение норм соционики
жили в ладу Дон-Кихот и Есенин,
Гамлет с Габеном. Стеклянные слоники.
Мирно над пропастью общей висели,

над суетой и домашними сварами,
над непонятной, невнятной эпохой...
...Трех детвора отнесла в антикварную.
Младшего папа по пьяни разгрохал.

Не для трактата сюжет, не для хроники.
Маленький фарс со злодеем и жертвой.
Жили когда-то стеклянные слоники,
мирно паслись на хромой этажерке.

ИСТОРИЯ РОССИИ

Сергиева Святая Русь

БЕСЕДА АНДРЕЯ СИГУТИНА СО СВЯЩЕННИКОМ ВИТАЛИЕМ ШАТОХИНЫМ

Кем является человек? Какова его роль, каковы возможности человека в этом мире? Обычный ответ: человек — песчинка во Вселенной, его усилия ничтожны, его жизнь — словно вспышка молнии, на мгновение озаряющая пространство. Но как ответим мы на этот же вопрос, если возьмем в руки Писание? Господь говорит: «Не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? (Ин. 10:34). Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14:12). А апостол свидетельствует: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4:13). Житие преподобного Сергия есть живое свидетельство этих слов. Преподобный Сергей стал одним из главных вдохновителей духовного возрождения и преображения русского народа. Именно об этом мы решили побеседовать со священником Виталием Шатохиным, преподавателем Калужской духовной семинарии. И первый мой вопрос батюшке был о том, с чего он хотел бы начать разговор о преподобном Сергии Радонежском, чтобы современный человек смог лучше осознать подлинный масштаб личности Игумена Русской земли:

— Прежде всего, нужно обозначить, хотя бы в самых общих чертах, тот исторический контекст, на фоне которого искавший уединения подвижник совершал свое высокое служение.

За столетие до рождения Преподобного в европейской истории произошли события мирового значения, отразившиеся самым непосредственным образом на судьбе русского государства.

В 1204 году латинские рыцари при молчаливом, но выразительном, согласии папы Иннокентия III изменили траекторию Четвертого Крестового похода и, вместо того, чтобы освобождать от мусульман Иерусалим, предпочли взять штурмом Константинополь, столицу слабеющей Византийской империи. Эта открытая агрессия католического Запада против православного Востока заставила содрогнуться весь христианский мир. Византия больше чем на полстолетия лишилась независимости, Константинополь был беспощадно разграблен...

Всего через три десятилетия после этого святой Александр Невский был вынужден защищать русские западные границы от крестоносцев. С середины XIII века экспансия Католической Церкви на Восток (прежде всего через Литву и Польшу) стала реальной опасностью для русской земли.

В то же самое время объединенные орды кочевых тюркских племен с фантастической скоростью захватывали азиатские державы. В 20-х годах тринадцатого столетия татары покорили Кавказ и Закавказье и появились на границах Руси. Стоит отметить, что Золотая Орда вошла в историю как одно из самых больших по площади государств, когда-либо существовавших на Земле.

Итак, в то время как на Западе Католическая Церковь строила планы подчинения русских земель власти папы, а на Востоке золотоордынские ханы уже смотрели на русские владения как на подчиненные им территории, с которых собиралась дань, когда, по словам Ключевского, русские люди «беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода», в это самое время юноша Варфоломей из семьи обедневших ростовских

бояр удаляется в подмосковные леса искать тишины, уединения, молитвы, искать духовного совершенства. Удивительно то, что будущий преподобный Сергей действительно уходит, отрекается от мира с его страстями и похотями, с его жестокостью и борьбой за власть, с его политикой и войнами, уходит, чтобы приблизиться к Богу.

— Но затем Бог вернет его в этот мир...

— ...и поставит в самый центр, самую гущу исторических событий на Русской земле, сделает его точкой притяжения лучших русских людей. Здесь сокрыта удивительная тайна каждого святого — уходя из мира, подвижник обретает то, чего так не хватает этому миру, то, чего нет у этого мира, то, что заставит мир придти к нему и преклонить перед ним свои колена, испрашивая у него благословения... Это то, что Евангелие называет Божиим Царством, Божией благодатью, Божиим Духом, это то, без чего человек теряет глубину, содержание, смысл и высшее измерение своей жизни — подлинное единение с Богом.

— Особое величие личности Сергия Радонежского проявляется и в том, что он был миротворцем...

— Конечно. Прежде всего нужно сказать о том благотворном влиянии, которое оказал Преподобный на русских князей, предопределив тем самым победу на Куликовом поле. По благословию святителя Алексия, митрополита Московского, преподобный Сергей неоднократно с целью объединения русских земель ходил в Ростов Великий и Нижний Новгород, в Тверь и Рязань, чтобы своим нравственным авторитетом, примером своей бескорыстной любви примирить враждующих князей, своей молитвой и мудрым словом остудить горячие сердца, призвать к единению и миру. «Особым авторитетом пользовался преподобный Сергей у великого князя Дмитрия Ивановича, который просил крестить своих сыновей и обращался к Святому за благословением и советом». Не будь этой непростой миротворческой миссии преподобного Сергия, за которой стояли невидимые миру молитвы и подвиги святого, объединение князей вокруг Московского князя Дмитрия накануне Куликовской битвы было бы невозможно.

— Во-первых, следует помнить, что в середине XIV века при ордынском хане Узбеке (1312-1342) Золотая Орда принимает ислам, принимает как единственную государственную религию. Мятеежи эмиров, не желавших принимать арабскую веру, были жестоко подавлены. Возможно, именно этот факт повлиял на смуту в Золотой Орде, которая фиксируется в славянских источниках словосочетанием «Великая замятня», когда в период с 1359 по 1380 годы на золотоордынском престоле сменилось более двадцати ханов. Именно в этот период один из ордынских полководцев, который контролировал территорию Крыма, а именно Мамай, узурпировал власть и несколько раз пытался продвинуть на ханский престол своего кандидата, так как сам он, не будучи царского рода, не имел возможности возглавить Орду. Потерпев в борьбе за власть несколько неудач, он пошел на сближение с европейскими государствами: Генуей, Великим княжеством Литовским, Венецией и рядом других. Вот тогда итальянцы, точнее — генуэзцы и венецианцы, вдохновленные благословениями папы на захват восточных территорий, начали выстраивать далеко идущие планы в отношении русской земли. Есть все основания полагать, что именно они были закулисными игроками в той политической игре, главным действующим лицом которой выступил во второй половине XIV века Монгольский «темник» — узурпатор Мамай. Ему угрожала встреча с

И духовные лидеры Руси в лице преподобного Сергия и святителей Алексия и Киприана слишком хорошо понимали, что «за мусульманином Мамаем стоят католики, а католики для Руси — враги». «Преподобный Сергий Радонежский заявил, что с латинянами никаких дел быть не может: на Святую Русскую землю допускать иноземных купцов нельзя». И здесь его прозорливый взгляд на происходящее сыграл определяющую роль. Князья объединились, чтобы защитить не просто свою политическую независимость, но, прежде всего, свою общую веру, и победа была одержана. Благодаря этой победе, мы остались православными, и в то же самое время мы стали русскими. Потому что Московская Русь имеет местом своего рождения Куликово поле. И верно замечено, что ополченцы, заслонившие от Мамаея Русскую землю, шли на поле Куликово как представители своих земель: как суздальцы и владимирцы, как ростовцы и ярославичи, — а возвращались как русские. А.Н. Гумилев очень точно и емко выразил значение для нашего народа Куликовской битвы: «...в этнической истории нашей страны Куликовская битва считается тем событием, после которого новая этническая общность — Московская Русь — стала реальностью, фактом всемирно-исторического значения». «Именно здесь, на Куликовом поле, решился вопрос о том, вокруг какого княжества объединяться русскому

народу. Ни изменившая Рязань, ни медливший с посылкой своих войск Новгород, ни Тверь богатая, ни какой-либо другой центр не получили в глазах всего населения того общерусского авторитета, как Москва».

— **Кстати, еще до Куликовской битвы, с благословения преподобного Сергия, начинается массовое строительство храмов и монастырей на пограничных территориях русской земли...**

— Действительно, благодаря целой плеяде духовных учеников и преемников преподобного Сергия с конца XIV века начинается процесс мирной, совершенно бескровной и необычайно важной для Русского государства монашеской колонизации северных земель. Ученики Преподобного десятками расходятся из Троицкой обители для того, чтобы создавать на отдаленных от Москвы землях новые монастыри, чтобы строить там храмы и покорять учению Христа языческие народы. Учениками и духовными чадами преподобного Сергия основано, как при его жизни, так и после смерти, около сорока монашеских обителей, из которых впоследствии вышли основатели еще не менее чем пятидесяти монастырей.

Ареал распространения монашеских традиций Троице-Сергиевой обители необычайно широк. На Севере от Белого моря, где в 1429 году преподобный Савватий основал Спасо-Преображенский монастырь, до притока Северной Двины реки Вычегды, на берегу которой в 1380 году преподобный Стефан основал Архангельский монастырь. На Юге от притока Угры, где в 1444 году преподобный Пафнутий строит монастырь в честь Рождества Богородицы, до реки Коломны, где в 1385 году ставит Богоявленский монастырь преподобный Григорий. Эти бесчисленные монастыри, связанные своими корнями с преподобным Сергием, очень быстро обрастали поселениями, окружающие земли обживались, а местные жители крестились. Период деятельности учеников преподобного Сергия — XIV — XV вв. — это «время расцвета святости; именно в эту пору родился образ-понятие «Святая Русь».

— **И в этом несомненная заслуга Преподобного...**

— И, может быть, самое удивительное, необъяснимое с рациональной, не религиозной точки зрения — то, что

благотворное влияние на русских людей преподобного Сергия ничуть не уменьшилось после его честной кончины. На всех этапах русской истории мы можем видеть, что Преподобный оставался заступником Русской земли и участником исторических событий. И это не риторический прием, не фигура речи, не беспочвенная метафора, а исторический факт, который можно проиллюстрировать многочисленными примерами из нашей истории.

Один из воспитанников преподобного Сергия, старец Никита, стал учителем преподобного Пафнутия Боровского и семь лет передавал ему опыт монашеского делания. А у преподобного Пафнутия учились монашеской жизни и преподобный Иосиф Волоцкий, и святитель Макарий, впоследствии митрополит Московский, воспитатель царя Ивана Грозного...

В 1552 году с иконой преподобного Сергия царь Иван Грозный едет в военный поход на взятие Казани. Именно к этому святому обращается он в молитвах, чтобы благословил его Преподобный на ратный подвиг, как некогда благословил прадеда его Димитрия. Из Троицкой обители в Казань едут иноки с образом «Явление Богородицы преподобному Сергию». И с молитвой к Преподобному царь покоряет Казанское царство, а потом дарит монастырю житийную икону преподобного Сергия, которая до сего дня украшает местный ряд иконостаса Троицкого собора. В начале XVII века, в тяжелые годы Смутного времени, трижды является преподобный Сергей Кузьме Минину, повелевая ему собрать ополчение и очистить Московское государство от польских интервентов. Также неоднократно являлся святой Сергей Радонежский и инокам своей обители во время длительной польской осады Троице-Сергиева монастыря (1608-1610), и монахи выдержали эту осаду с достоинством, подкрепляемые заступничеством Преподобного.

Перед образом святого Сергия молились русские воины и в 1654 году во время похода против поляков, и в 1703 году в походе против шведов. Икона святого сопровождала московское ополчение в 1812 году, укрепляла дух русского воинства в 1904 году во время русско-японской. Недаром Н.М. Карамзин назвал житийный образ преподобного Сергия «славным знаменем России».

— В заключение нашей беседы, на что еще вы хотели бы обратить внимание читателей?

— Как известно, в обители святого Сергия нашли приют Духовные Академия и Семинария, ставшие богословскими центрами Русской Церкви, и каждый из выпускников Лавры переживает свою личную причастность к преподобному Сергию. То есть влияние его подвига и плоды святой жизни в полном смысле слова не имеют временных границ и достигают нас так же, как его непосредственных учеников. В этом и раскрывается, на мой взгляд, главное чудо святости, так как каждый святой человек — это Царство Божие, явленное в силе (Мк. 9:1), явленное с очевидностью для всех, кто обращается к заступничеству этого угодника Божия, к его опыту и молитве.

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ

ВИДЕНИЕ ОТРОКУ ВАРФОЛОМЕЮ

«...На поле, под дубом, увидел Варфоломей ... ангелоподобного старца, приносящего здесь свои молитвы Богу... Старец с любовью взглянул на доброе дитя и спросил: «Что тебе надобно, чадо?» ... попроси у Господа, чтобы Он открыл мне учение книжное: я верю, что Бог примет твои молитвы...»

Житие Преподобного Сергия Радонежского

Троице-Сергиева Лавра

Ты — паломник, а я — паломница...
Мы помолимся перед церковью,
и пойдем по дороге — к Троице,
что Святым воздвигнута Сергием.

Станем предкам далеким равны,
пусть — о них предания скупы...
Мы увидим далекой Лавры —
шитый звездами синий купол.

Мы пройдем березовой рощей,
райских птиц услышим свирели,
мы увидим, как ветер полощет
лепестки в аллеях сирени.

Жизнь с молитвой — горечь распавит,
нас с тобой — этот день излечит.
Мы положим записки «о здравии»
и за близких поставим свечи.

Ты — паломник, а я — паломница,
пусть об этот пишу я скупо...
Но когда-нибудь снова вспомнится —
шитый звездами синий купол...

Федор ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

ПРИЗВАНИЕ РОССИИ

Из книги «Мир и мы. Стереть стереотипы. — СПб.: Алетейя, 2012

Ближайшие десятилетия должны стать русскими. Для этого есть всё, что часто бывало бесполезно на индустриальной стадии, но крайне востребовано именно в экономике знаний: богатая и разнообразная многонациональная культурная традиция, широкое понимание творчества, универсальные знания и образование. Космизм культуры, как сознание ответственности за состояние мира, и вытекающее отсюда представление о национальной миссии. Менее, чем на Западе, угнетённый заземлённым утилитаризмом духовный и нравственный ресурс. Обильный опыт преодоления тяжёлых испытаний и основанный на нём запас оптимистичной самооценки.

К этому очень своевременно и удачно добавляется далеко не случайный интерес западного интеллектуального бизнеса к нашей стране. Он ценит наш, столь необходимый ему, потенциал. Ведь если конкурентное преимущество в экономике знаний у нынешних мировых экономиче-

ских лидеров — имеющая неоднозначные последствия быстрота смены технологических циклов, базирующаяся на культуре времени и скорости, то у России — имеющая вечную ценность культура фундаментальной науки и универсального образования. Американские университеты дают, в основном, прикладное образование, русские — широкое. Мы оптимально и взаимовыгодно дополняем друг друга. Бизнес также прекрасно понимает, что Россия на всех уровнях ему ближе, чем Дальний Восток и даже Индия.

В мире сформировался запрос на лидерство России. Надо, во-первых, суметь им воспользоваться. Во-вторых, нельзя им кичиться. Приятно сознавать, что объективно мы Западу нужны теперь ещё больше, чем он нам. Что западные технологии выдохнутся без подпитки нашими фундаментальными достижениями. Что мы в состоянии привязать Европу и Америку прочнее, чем Китай: нити ума и сердца соединяют крепче денег. Но приз, особенно такой, обязывает.

Утвердить свой авторитет Россия может, предложив адекватное видение реальных вызовов, возникших перед всей евроатлантической цивилизацией, и варианты солидарных ответов на них. Если экономика знаний помогает преодолеть крайности безволия комфорта экономики потребления и административной задушенности рынка постсоветского пространства, то задача состоит в том, чтобы консолидированными усилиями, прежде всего, России и Америки на выработку соответствующей стратегии. Если мир всё больше ценит скорость, то запрос на неё следует повернуть в разумное русло, связав через нашу территорию кратчайшим путём Север и Юг, Запад и Восток единой транспортной сетью. Если будущее европейской традиции под серьёзной угрозой, то пришёл момент сделать стратегический выбор в пользу США.

Если переставая давать широкое образование и производить теоретические знания, мы уничтожаем источник технологий евроатлантической цивилизации, и она утратит, возможно навсегда, свои позиции, если же, наоборот, сохраняя нашу специфику, мы решаем не только свою, но и мировую проблему, то тогда нужно прекратить ре-

формировать нашу науку и образование по американскому образцу. Совершить в экономической политике стратегический поворот к науке, образованию, культуре, медицине, как наиболее перспективным точкам роста в ближайшие десятилетия.

Сохранить парадигмальный характер создаваемых и получаемых у нас знаний. Создать условия для возврата на родину наших эмигрировавших специалистов. Шире открыть наши вузы для европейцев и американцев, чтобы расширить базу воспроизводства и развития нашей цивилизации. Обучать их у нас по нашим методикам и на русском языке. Создать и профинансировать всю необходимую для этого инфраструктуру.

Следование нашей миссии не требует от нас тяжких жертв. Наоборот, построить передовую экономику знаний и дать в ней людям высокий уровень жизни, вернуть США от Китая к России, добиться уважения Западом наших духовных начал — наш собственный интерес. Когда мир будет говорить и думать (то есть описывать и понимать окружающую действительность) по-русски, когда подавляющий объём его фундаментальных знаний и технологий будет создаваться у нас, когда проложенные нами транспортные коридоры станут для него основными, когда суперкомпьютеры Европы, Америки и Азии свяжут наши грид-трассы, всё это и обеспечит России положение бесспорного форварда наступившего века.

Чтобы реализовать свой потенциал лидерства, русскому обществу надо вытравить из своего сознания фантомные боли евразийства, исторические химеры поражения и жертвы, фобии антизападничества, комплексы неполноценности. И перестать быть реактивными в дурном смысле слова. Мы сами своей приверженностью пустым фантазиям о себе и вытекающей из неё виктимной модели толкаем партнёров к худшим сценариям. Точно так же во внешней политике надо не идти за событиями, а самим формировать действительность. Например, выйдя из гонки вооружений, нельзя включаться в гонку за Китай, но выстраивать приоритеты, исходя из понимания своей мировой роли.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР. ГРЕЦИЯ

Ольга СОКОЛОВСКАЯ

**ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА РОМАНОВА —
«КОРОЛЕВА-МАТЬ РУССКОГО ФЛОТА»**

Греки с молоком матери впитывают любовь к демократии и резко отрицательно относятся к монархии и монархам. Можно сказать, что исключением была в Греции королева Ольга, внучка российского императора Николая I, урожденная великая княжна Ольга Константиновна Романова¹, жена греческого короля Георга I, вместе с которым они правили с 1867 г. по 1913 г. и стали родоначальниками последней греческой династии Глюксбургов.

Прибыв в Афины в 16-летнем возрасте, королева Ольга очень быстро выучила все наречия греческого языка и стала образцом королевы «по долгу», как она говорила. Очаровательная внешне, прекрасно образованная и набожная, чрезвычайно доброжелательная, а вскоре ставшая многодетной матерью, что очень ценится на Балканах, она с самого начала понравилась грекам. К тому же Ольга занялась в Греции всеми видами благотворительности и достигла больших успехов, построив больницы, храмы и даже новые тюрьмы для несовершеннолетних, где они могли бы учиться. За годы правления, Греция

стала неразрывной частью ее жизни, но тоска по Родине была с ней всегда. «У меня прежде всего «сердце Русское», и не хочу, чтоб оно сделалось другое»², — писала она отцу великому князю Константину Николаевичу, генерал-адмиралом флота, который имел на дочь огромное влияние.

Королева встречала приходившие с Родины корабли с подчеркнутым вниманием и сохранила это на всю жизнь. Почти всегда (когда позволяла политическая ситуация внутри страны и международная обстановка) она лично посещала корабли, подолгу находилась на них, знакомясь с экипажами, устраивала приемы для офицеров в афинском дворце, делала подарки матросам и кают-компаниям. Надо сказать, что офицерский корпус Российского Императорского флота являлся истинной элитой не только вооруженных сил России, но и всего российского общества и был настроен монархически³. Наряду с английскими, французскими и итальянскими кораблями русские военные корабли были гарантами существования Греции (т.к. они были державами-покровительницами еще с момента создания греческого государства в 1830 г.) и греческой династии.

В своих многочисленных письмах к отцу и младшему брату, великому князю Константину Константиновичу⁴, она подробно описывала все свои посещения кораблей, начиная от винтового крейсера «Светлана» до самых современных в XIX в. «Память Азова»; всего более 150 военных кораблей. Королева признавалась родным, что просто «помешалась на флоте». Видя такую любовь Ольги к морякам, император Александр II, ее дядя, в 1879 г. назначил любимую племянницу шефом 2-го флотского экипажа Балтийского флота. К своим обязанностям она относилась очень серьезно, получая отчеты о деятельно-

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 722. Д. 808. Афины. 20 января (1 февраля) 1868.

³ Манвелов Н.В. Обычаи и традиции Российского императорского флота. М. 2008; http://www.telenir.net/istorija/russkii_flot_na_chuzhbine/p2.php.

⁴ Великий князь Константин Константинович (1858-1915), младший брат греческой королевы, президент Российской Императорской АН, поэт-романтик К. Р.

¹ Греческая королева Ольга, урожденная великая княжна Ольга Константиновна (1851-1926), жена греческого короля Георга I, внучка императора Николая II, дочь великого князя Константина Николаевича.

сти экипажа, вникала во все детали жизни своих подопечных, а позже создала на часть своего капитала фонд помощи личному составу флотского экипажа. В память о Наваринской битве экипаж имел регалию — знаменый Георгиевский флаг. Среди командиров 2-го флотского экипажа были вице-адмирал С. П. Тыртов, контр-адмирал С. О. Макаров, капитан 1 ранга Г. П. Чухнин и другие, известные на флоте личности.

Особенным покровительством пользовались у королевы заболевшие моряки, находившиеся на лечении в Греции. Приведем один пример — письмо к брату из Афин от 26 января (7 февраля) 1885 г.: «В моем госпитале умирает от чахотки бедный матросик с «Генерала Адмирала» Сычев, он женат и 6 лет не видал жены — недавно он получил письмо от нее, в котором она говорит о нетерпении, с которым ждет его возвращения и о радости, что служебный срок его приближается к концу... [Тогда служили 7 лет — О.С.] Сердце кровью обливается — вот горе! Сегодня я его видела — вот еще образчик простоты и терпения нашего народа. Никогда ни жалобы, ни возмущения — лежит он себе тихий, бледный, съезжившийся и смотрит на вас так ласково... Я не знала, что говорить ему; было невыразимо грустно и больно, и так страшно каким-нибудь словом нечаянно дотронуться к душевным ранам... Я дала ему образок Святого Пантелеймона, целителя с Афона, он взял его и долго целовал. Посидев несколько минут у его постели (лежит он в общей палате) я встала и, прощаясь с ним, взяла его руку, он сжал мою руку в своих исхудалых руках и поцеловал ее два раза нежно, долго, как-бы прощаясь... Я поторопилась выйти из палаты — слишком было больно. Ты не поверишь, как мне захотелось взять его на руки и прижать к груди как ребенка...»⁵ Королева очень часто навещала больных и умирающих моряков, лежавших в небольшом греческом госпитале в Пирее. Постепенно она задумала создать там же в порту Пирей новое кладбище для русских моряков, скончавшихся на чужбине.

Для этого королева приобрела большой участок земли на новом Пирейском кладбище у городского управления.

Ее мечтой было установить там памятник, на который она открыла подписку и быстро собрала значительную сумму в России и на военных судах. «Наши чудные матросики, писала она брату, — так сочувственно отнеслись к надписке, что многие, несмотря на то, что им говорили давать только по несколько лепт, подписались на все свое жалованье последних месяцев — вот наш народ! ... Хочу сказать спасибо вам, русские люди!» Затем на свои средства Ольга Константиновна ставила всем мраморные плиты и кресты. За это деяние ее назвали в русском флоте «неусыпной печальницей и радетельницей». На русском кладбище в Пирее после революции в России 1917 г. были похоронены многие русские иммигранты из армии генерала Врангеля, казаки и другие. Еще раньше Ольга устроила такое же кладбище для греческих солдат, говоря, что делает это для их бедных матерей, которые смогут найти своего сыночка и поплакать на его могиле. Русский военно-морской госпиталь был открыт в 1897 г., хотя официальное открытие состоялось весной 1902 г. Он находился возле одной из пристаней Пирейского порта и был построен в память о старшей дочери Ольги Константиновны, великой княгини Александры Георгиевны, принцессы Греческой, скончавшейся в России в 1891 г. от вторых родов. Значительные средства на постройку Русского госпиталя были получены из Петербурга. Они представляли собой доход от таможенных сборов от торговли греческой коринкой в России, которые в виде знака особого благоволения к Греции и к королеве по указанию императора Александра III переводились целиком на ее благотворительные нужды. На содержание госпиталя тратились также большие суммы из личных средств греческой королевы. Искренняя любовь греческой королевы к флоту сделала ее имя хорошо известным, любимым и почитаемым на флоте. Как писал ее личный секретарь М. Ю. Гаршин, с которым она познакомилась в своем госпитале в Пирее и сделала его своим личным секретарем: «Ольга Константиновна полюбила флот, который, в свою очередь, платил ей любовью, граничащей с обожанием». Офицеры и матросы называли ее «обожаемым шефом», «заступницей русских моряков», «обожаемой матушкой», благодарили в многочисленных письмах «за материнскую

⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 218. №5. Афины. 26 января (7 февраля) 1885.

ласку» и помощь⁶. Сама Ольга писала брату: Афины 10(22) января 1890 г. о своем посещении броненосного фрегата «Владимир Мономах»: «На «Мономахе» было идеально. Я поговорила с офицерами, и скоро уехала, провожаемая снова долго неумолкаемыми криками ура... Уж право, мои моряки. И за что все это? Ведь это же не моя заслуга, что я их люблю, я в этом нисколько не стараюсь!»⁷ Один офицер написал мне в книгу каждого (т.е. в «Думу за думой»), что «у каждого русского человека две матери: матушка Царица и родная мать, а у нас же русских моряков есть третья матушка — королева О.К.» Это меня очень обласкало⁸. Ее доброта и искреннее участие в судьбах сотен людей побуждало их, в свою очередь, даже после того, как они оканчивали службу на флоте, присылать ей письма, фотографии, незамысловатые подарочки, которые она особенно ценила и берегла. Иногда их письма приходили в Грецию с курьезными адресами, вроде: «Греческое государство, где царствует русская королева Ольга. Передать ей в собственные руки. Письма эти находили адресата. Королева писала брату Константину в августе 1893 г.: «Продолжаем получать чудные матросские письма со всех концов земли — что это за чудные люди — можно ли их не любить!» Ольга фотографировала офицеров и матросов, которые были приглашены во дворец в Афинах или в загородную резиденцию Татой, и часто просила их надписать фотографии, а матросов еще и написать, откуда они родом. За неграмотных фотографии надписывали ее секретари, а нередко она сама. С особым чувством хранила королева фотографии простых моряков, подаренные или присланные ей в разное время. Почти все фотографии были с трогательными подписями: «сербобольной нашей матушке», «защитнице и покровительнице воинов русского флота», «ее величеству матери русского флота» и т. п. Наконец, было решено организовать

⁶ См. М.Ю.Гаршин. «Королева эллинов Ольга Константиновна», «Русская морская зарубежная библиотека», № 44. Прага, 1937.

⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 218. № 3. Афины 10(22) января 1890.

⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 220. № 17. (570) Афины 30 марта (11 апреля) 1892.

небольшой музей в афинском дворце, названный «Морская комната», остатки которого автору данного доклада посчастливилось обнаружить в историческом музее в Афинах⁹.

У королевь с офицерами, а часто и с их женами, устанавливались дружеские отношения, и нередко — на всю жизнь, как с семьей Бутаковых, Угрюмовых, Свечниковых, Гаршиных, Рошаковских и многими другими. Греческим орденом Спасителя (1-й, 2-й и 3-й степеней со звездой, командорского и кавалерского крестов) были награждены почти все командующие Средиземноморскими эскадрами, многие адмиралы, контр- и вице-адмиралы русского флота, командиры отрядов и кораблей, побывавших в гостеприимной Греции. Среди них — великий князь Михаил Александрович, адмиралы и контр-адмиралы И. И. Бутаков, А. И. Бутаков, Н.М. Чихачев, С. О. Макаров, Ф. К. Авелан, Н. И. Скрыдлов, А. А. Бирилев, С. И. Зеленой, В. К. Виттефт, В. А. Римский-Корсаков и многие другие. Только с 1893 по 1904 гг. греческий орден Спасителя был вручен двадцати двум капитанам 2-го ранга: П. В. Римскому-Корсакову, Н. А. Кладу, А. Г. Бутакову, М. К. Племянникову, Н. О. фон Эссену, В. А. Алексею, А. К. Гирсу и многим другим.

Одной их наиболее горячих точек в 1890-х годах стал «Великий остров Средиземноморья» — Крит, где вспыхнуло очередное восстание христианского населения, приведшее к кровавой резне с мусульманами. Критская проблема затрагивала интересы всех европейских держав и постоянно грозила нарушением баланса сил и спокойствия на Ближнем Востоке. В 1897 г. на Крит прибыл с гуманитарной миссией спасения населения Крита отряд специальных судов в Средиземном море под командованием адмирала Андреева, а затем Н. И. Скрыдлова. Русские военные корабли «Император Николай I», «Грозный», «Запорожец», «Наварин» постоянно курсировали между главными портами острова — Судой, Ретимно, а также островами — Порос, Милос и портом Пирей. Ольга не только принимала у себя моряков, но

⁹ См. каталог выставки. «Российский флот в фотографиях». Национального исторического музея в Афинах (конец XIX - начало XX вв.) Москва. 1996.

и сама ездила на Крит, где Верховным комиссаром четырех держав-покровительниц Греции был ее второй сын Георг Греческий, чтобы поддержать дух моряков, находившихся далеко от родины. Она также организовала торжественную встречу на Крите героев Чемульпо, по дороге в Россию остановившихся в порту Суды.

Ольга Константиновна вообще любила и знала характер русского человека, а особенно простых людей. Она писала: «Русский человек таков: если он чувствует, что его любят, что о нем заботятся, то он готов на все хорошее, «в огонь и в воду»; а о матросах, что «это воск; увы, бывают исключения, но не всегда они виноваты». Именно поэтому с корабельным начальством, которое плохо обращалось с командой, у нее были очень враждебные отношения, особенно с адмиралом А. А. Бирилевым. «Как мне всегда больно слышать, когда дурно обращаются с матросами и видят в них не живую душу, а какое-то стадо», — писала греческая королева своему секретарю М.Ю. Гаршину 18 июля 1907 г.¹⁰ Греческая королева, получая тысячи просьб, постоянно хлопотала за русских моряков в Морском министерстве и Главном морском штабе. Так в феврале 1894 г. она сообщала брату Константину: «Радость моя! Я только что написала длинное письмо Кознакову о матросах — еще месяца нет, а я пишу уже четвертое письмо о матросах Муринову, Кудрину, Алексею и Кознакову. Дай Бог, чтоб это пошло впрок. Милые. Милые мои матросики!»¹¹ За свои бесконечные просьбы королева Ольга получила шутовское прозвище в Морском министерстве, которое возглавлял долгие годы ее двоюродный брат великий князь Алексей Александрович, «августейшая нищая».

Русские матросы постоянно ходили во дворец к помощнице Ольги Константиновны Марии Николаевне — (к «милосердной сестрице», как они ее называли), которая всегда выходила к ним, чтоб они могли «покалякать, чайку выпить, да подчас и душу отвести, как с родной матерью»¹². Ольга полагала, что «посещения матросиков

дворца, разговоры их с Маришей, чистой, любящей женщиной, бескорыстно старающейся угостить и развлечь их, подарки, Евангелия, да крестики, которые, я — грешная, раздаю им, все это, может быть, имеет облагораживающее влияние на матросов». Любовь к российскому флоту и русским морякам Ольга Константиновна пронесла через всю жизнь и заслужила на флоте любовное имя «королева-мать русского флота».

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

Из древнегреческой мифологии

Орфей — легендарный древне-греческий певец, сын речного бога Эгры и музы Каллиопы. После гибели нимфы-Эвридики, любимой жены, от укуса змеи, спустился за ней в подземное царство. Очаровал своим пением и игрой на лире Аида и Персефону так, что они согласились возвратить на землю Эвридику. Бог Гермес выводил Орфея и тень Эвридики из аида.

Но Орфей нарушил условие, поставленное богами — взглянул на неё во время пути к свету. Эвридика навечно вернулась в царство теней.

ПЕСНЬ ОРФЕЯ

Рожденный Музой может ли не петь?
Пусть голос смертный ветром будет сорван,
как мне стеснить дыханье, чтобы словом
безбрежность мысли уловить успеть?

Боль только песней можно заглушить,
я жизнь твою оставил смерти — данью,
чужое слово, словно окрик ранит,
живу на свете без родной души.
Ты в тех краях, где замирает слух.

¹⁰ М.Ю.Гаршин. «Королева эллинов Ольга Константиновна», «Русская морская зарубежная библиотека», № 44. Прага, 1937.

¹¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. №7. 3054. Афины 8(20) февраля 1894.

¹² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 220. №45 (608) Афины. 18 (30) декабря 1892.

Как мне заговорить с твоею тенью?
Дыханье Музы пусть продолжит пенье,
чтобы достиг тебя отрадный звук,
чтоб слово, легким пламенем застыв,
волной ожило в новой перекличке,
чтоб время удержало лепет птичий,
твое дыханье, или дрожь листвы.

Как мне стеснить дыханье, чтоб успеть
безбрежность мысли ограничить словом?
Пусть голос смертный ветром будет сорван,
рожденный Музой, может ли не петь?

ЭВРИДИКА — ОРФЕЙ

* * *

Об оглядке не надо думать,
как минуты, дыханья сверим,
Эвридикой-тенью бесшумной
я иду по лучу доверья.

Я иду за тобой, как слово,
ведь душа не имеет веса,
лишь браслетов звенят оковы
у вожатого, у Гермеса.

Каждый шаг мой похож на шепот,
Эвридикой-тенью пугливой
я иду за тобою чтобы,
совпадали шаги счастливо.

Мой Орфей никогда не узнаешь —
Эвридики-тени безгласны —
что меня к небесам поднимаешь
зовом-голосом — ежечасно...

* * *

В подземелье теней
голос лиры твоей,
голос птицы,
голос уст по уступам струится,
меж камней,

тень теней,
там томится —
Эвридика, подруга-сестрица,
но не смей,
мой Орфей,
в путь пускаясь за ней,
меж тенями теснясь, заблудиться...

К Эвридике теней
нет тропинки длинней —
голос-луч к ней
скользит, чтоб коснуться,
но не смей,
мой Орфей,
тенью став средь теней,
на любимую тень оглянуться...
К свету путь все ясней,
взгляд, коснувшись теней,
спицей
ранит подругу-сестрицу...
Но не смей, мой Орфей,
Эвридике теней
только птицей,
иль тенью присниться...

ПЕСНЬ ЭВРИДИКИ

«...внезапно бог остановил ее движеньем резким
и горько произнес: «Он обернулся», —
Она спросила удивленно: «Кто?»»
Райнер Рильке

Из лабиринта плачущего мира,
из пустоты, в которой нет событий,
меня твой голос, вторящая лира
вели, как луч, как золотые нити,
и путь скользил, как зимняя дорога,
и ветви-руки вились, оживая,
душа проснулась, призывая бога —
я за тобою шла, не уставая,
прикидывая, сколько нам осталось

еще идти к любви, безумью, свету...
Но вдруг тропа, как пропасть, оборвалась,
и ты исчез, умолкнул без ответа...
Я — снова тень. И вечная обида
мне полнит душу прежней тишиною...
Кружение снега, осыпи Аида,
куда ты не придешь уже за мною.

ОРФЕЙ — ЭВРИДИКЕ

Тень твоя да меня простит.
Долгой памяти жалят осы.
Это имя твое шелестит,
как в том царстве сухая осыпь.

Надвигались скалы, как тучи,
и ты жалась к громадам серым,
а тропа ускользала, как луч
от меня — я боялся верить
в то, что снова увижу свет,
и сбиваясь, считал шаги,
выполняя суровый завет,
я забыл, что боги строги!
Разомкнулось сомненья кольцо,
шел, увидеть в мечтах успевая,
как очнется твое лицо,
в двух ладонях моих оживая.
И благодарил за милость,
не боялся уже ничего,
знал, от голоса твоего
засмеется, заплачет Лира...

Тень твоя да меня простит.
долгой памяти жалят осы.
это имя твое шелестит,
как в том царстве сухая осыпь.

ТЕНЬ ЭВРИДИКИ — ОРФЕЮ

В окне звезда, и от ее огня
в полночной темноте блуждают блики.

Очнувшись, я шепчу: Спаси меня
и уведи подругу-Эвридику.
И я пойду покорно за тобой
по звездному лучу, что мне мерцает —
единственной надежной тропой —
туда, где тьма от света отступает.
Ведь я уже бесплотна — просто тень,
твоей судьбе не стану я преградой,
но звездным светом ты меня одень,
и я взойду в твоей ночи лампадой,
ладони протяни — я их согреть
еще успею пламенем холодным,
я просто тень, меня нельзя стереть,
я ночи часть — счастлива и свободна.
«Орфей, не обернись...» — о том шепчу,
ведь я иду покорно за тобою
по звездному бесплотному лучу —
единственной надежной тропой.

Стынут рощи блаженно-счастливы
за рябинной сентябрьской межой,
я пройду Эвридикой пугливой
за Орфеевой феей-душой.
Меж осенних шуршащих пристанищ,
я пройду — мне уже не устать —
за листвой, исполняющей танец
в круге смертном — а ним — благодать...
Горизонт утопает в закате
и уже не спрошу я — куда? —
за уход вам, далеким, оплатит
промелькнувшая в Млечном звезда.
Лебединые вспыхнут тромбоны
по листве пробегу я, пыля,
за рябые сентябрьские склоны,
в увлеченные плачем поля.
Я пройду Эвридикою-феей
за межу обреченных рябин,
за оглядкой влюбленной Орфея
к бликам света из блеклых глубин...

За кем идет душа, когда уже не ропщет,
По строкам прежних слов,
 висящих, как мосты,
Над жаждой жития, над пожелтевшей рожей,
Где мгла глотает шест покинутой версты?

За кем идет душа неровною походкой
Туда, где меж лугов мерзает луч-тропа,
Стремясь к себе — другой, той, терпеливо-кроткой,
От той, что в днях земных была еще груба.

Зачем душа идет за богом, как за равным,
Вновь пробуждая жизнь и девственность, и страх,
Одеждой золотых волос сменяя саван,
Вдруг обретая то, на чем был смерти знак?

Зачем ее ведет тот бог посланий дальних,
Зачем она идет, земному вновь учась?
Дорога, восходя, спадет еще печальней,
Когда душа поймет — бессмертье только шанс...

Евгения КРИЧЕВСКАЯ

КАК НЕПРИВЕТЛИВА, КАК ХОЛОДНА ЧУЖБИНА...
КАЛЛИОПА ЛЮДОГОВСКАЯ: ПОЗДНЯЯ МУЗА

*Отец мой — русский грек, известный математик,
Мать — родом поляк с нежною душой,
По виду я педант и будто бы флегматик
А в сущности живу воздушною мечтой...*

Каллиона ЛЮДОВСКАЯ

О существовании так называемого Русского Дома в Афинах, Дома для престарелых, построенного супругой греческого принца Николая, великой княжной Еленой Владимировной, невесткой Королевы Эллинах Ольги и внучкой императора Александра II, самим грекам практически неизвестно. Историей русской диаспоры первой волны почти никто из них не интересуется, но вовсе не

потому, что греки нелюбознательны или равнодушны к этой теме: просто материал о прибывших в Грецию после Октябрьской революции ненадолго и оставшихся на всю жизнь русских практически «похоронен» на страницах газет той эпохи. Невостребованный и неизученный. Да и сам Русский Дом давно перестал быть «русским»: говорящих по-русски престарелых здесь уже нет, и только молодое и здоровое «упрямство» отца Тимофея, главы попечительского совета Дома и в течение 40 лет (1966–2006 гг.) настоятеля Русской церкви, храма Святой Троицы в центре Афин, благоговейно хранит в созданном им при Доме музее русскую память. Благодаря ему уцелели фотографии, разрозненные страницы дневников, письма, открытки, альбомы стихов людей, память о которых непременно бы стерлась — как о тех, кто оставил после себя потомство, обычно довольно равнодушное к русскому прошлому своих родичей, так и о тех, кто умер в Доме одиноким, вдали от Отечества.

Каллиопа Людоговская, умершая в Русском Доме в 1977 году, почувствовала родство со своей тезкой, музой эпической поэзии Каллиопой, в 36-летнем возрасте, в 1935 году, когда русской диаспоре в Греции, да и во всей Европе стало окончательно ясно, что большевики — это надолго, и что надо пускать корни на новом месте. Примечательно, что именно тогда некоторые из эмигрантов обратились к поэзии, находя в ней утешение и, пожалуй, единственный способ общения с далекой Родиной и родными. Стихи помогали им коротать век с новыми, зачастую вынужденными друзьями, и... поздними супругами. Родившаяся в 1899 году в Симферополе, в семье крымского грека, учителя математики Константина Дмитриевича Фарди и обрусевшей польки Марии Скрибицкой, Каллиопочка Фарди (так ее называли старшие эмигранты) в Афинах удачно вышла замуж — за московского дворянина, князя Николая Людоговского (1885-1970 гг.). Правда, Каллиопе было уже 28 лет, а ее суженому — 42 года, да и княжеский титул в Афинах того времени никакой роли не играл: Николай Людоговский зарабатывал на хлеб, работая в Русском баре, организованном Союзом Русских Эмигрантов в Греции для пополнения своей кассы. Эмиграция стерла классовые различия, перетасовала колоду

некогда строго иерархического русского общества, так что «кому-то повезло, а кому-то — нет».

Каллиопа Фарди никогда более не встретилась со своими родными. О том, что в семье их было трое детей, мы узнали из ее стихов, а также из случайно обнаруженного паспорта Константина Дмитриевича Фарди, выданного Симферопольской Мещанской Управой в 1910 году. Этот же паспорт подтвердил наши «подозрения» о том, что родным братом Каллиопы Фарди-Людоговской был композитор Георгий Константинович Фарди, родившийся в 1904 году в Симферополе и умерший в 1952 году в Ленинграде, также забытый автор некогда популярных опер, симфоний, сюит, мелодий на стихи Пушкина, Лермонтова, Жуковского, поэтов Востока и т. д.

История стихов Каллиопы Людоговской (Фарди), как и история стихов других доморожденных поэтов русской эмиграции, частью истории русской поэзии, возможно, никогда не станет. Но она — неотъемлемая часть человеческой истории, сюжеты которой, к счастью или к несчастью — повторяются с упорным постоянством.

В русском Доме сохранился «Первый том неизданных стихотворений Каллиопы Константиновны Людоговской», который она назвала «Шалости Музы». Стихотворений, написанных в период 1935-1948 гг. Второго тома в Доме не оказалось. Но, возможно, его никогда и не было...

ПАМЯТИ ПРОШЛОГО

Банальная тема писать о России —

Уж всем надоело об этом читать.

Зачем вспоминать, что когда-то мы были,

Кем вновь невозможно когда-нибудь стать?

Избитая тема писать о России...

Но как мне приятно о ней вспоминать!

На Родине все, как вельможи мы жили,

А здесь нам приходится лишь прозябать...

Ненужная тема о прежней России...

О Родине реже пришлось вспоминать:

Заботы о дне интерес притупили...

Зачем незажившие раны вскрывать?

Но мне не забыть о погибшей России,

Хоть старая жизнь не вернется опять.

Но надо, чтоб в сердце мы память хранили

И незачем душу толпе открывать...

3 февраля 1946 г.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Как неприветлива, как холодна чужбина,

Хотя в ней много солнца и тепла,

Вдали от родины в сердцах у всех нас льдина,

И кажется нам, что всегда зима.

Но зиму русскую никто забыть не может

(Кто жил в России, тот уже как свой),

Наш санный путь, снежки и лютые морозы

И на своем посту городской.

А елка русская, гаданье на Крещение,

Зажженная с колядками звезда,

Детишек хоровод и их святое пенье,

Все русское не забыть нам никогда.

Не перечислить нашей родины красоты,

Рука устанет, высохнет перо...

Да и читать вам, вижу, нет большой охоты...

Как было все и стало... ничего...

Татьяна ВИНОГРАДОВА

ЭВРИДИКА

Ольге Климовой

Иногда попадают женщины,

у которых мужские души.

Беспощадные сестры милосердия
на нашей извечной войне.

У раненых смерть принимают,

как повитуха — роды.

Не рыдают прилюдно.

Платят вовремя по счетам.

Даже если это — чужие долги.
Даже если ты — Эвридика в Аиде,
и известно давно, что Орфей не придет,
с подороги пошлет всё к эребу
и к вакханкам сбежит.

А вакханки — конечно, увиты плющом,
у них львиные шкуры на голое тело,
и бухла — завались...
У вакханок — типичные женские души.
Они до смерти любят Орфеев.

...Эвридика вслед Гермесу глядит.
Белый тополь лепечет над мазутною Летой.

Постепенно любовь обрастает тяжёлым доспехом.
Лишь когда асфоделево-нежная дева
душою станет подобна спартанцу,
её выпустят из Аида
в чуть более просторный Аид.

...Беспощадной сестрой милосердия
всё скитается Эвридика
в мире, где уже — ни богов, ни Орфеев...

Не рыдает прилюдно.
Платит вовремя по счетам.

ДОЖДЬ В АИДЕ

I

Аида сумрак. Мелкий, вечный,
на грани зренья морозящий дождь.

Карающее милосердие небес
струится, замирая в тёмных кронах кипарисов,
плоды пурпурные граната одевает в бисер
и что-то шепчет тёмно-красным виноградным листьям,
и в асфоделях чуть мерцает светом серебристым.

Под тёмным небом пролегла дорога
из ниоткуда — в никуда.
В глубинах Царства Мёртвых даже Лета позабыта.

И серый, влажный мрак небес в дороге этой отражён,
как если бы второе небо в ней было явлено.
По сторонам её — луга, застывшие безмолвно
под пологом струящимся.

И — сквозь плиты тяжкие — хрусталь травы,
которой не касаясь, так — из забвения скользя в небытие,
чреда теней проходит зеркальный этот путь
под шёпот капель, под тихий шум и шелест дождевой.

Им, безмолвным, столь внятен сей язык,
сей монотонный, нежный, неизбывный —
как сам аид, застывший в сером мраке
в преддверье вечном Осени.

Сгущаются седые сумерки.
Пейзаж теряет краски, развоплощается.
Становятся прозрачнее деревья.
Уже на древних плитах не светятся гранатовые зёрна,
исторгнутые из плодов — разбившихся, упавших, перезре-
лых.

И листья винограда стали белы,
и лепестки померкли асфоделей.

И тени — имя, пол, лицо утратив,
изнемогая от невыносимой свободы,
забвением зовущейся, —
к дождю протягивают призрачные руки,
но капли ускользают, ускользают, —
и остаётся лишь следить сплетенье струй,
тёмно-хрустальный занавес, соткавшийся над пустотой,
прильнувший к сирому пространству, где уже —
ни неба, ни земли...

II

...А в самом центре сумрачных владений
туманный высится дворец.
Там, на террасе, за мерцающей опалом колоннадой,
двойной воздвигнут трон.
Электр и серебро, обсидиан, раух-топазы,
алмазы чёрные и белые сапфиры
в его резьбе легли в узор легчайший,
где листья, знаки, и цветы, и звезды

сплелись в таком единстве первозданном,
как будто этот трон был даром Геи,
а не подношением Гефеста.

На троне лунном восседает
сам царственный владыка этих мест,
Зевесов брат, Гадес сребробородый.
И взор его тяжёл и временами мрачен,
но чаще — равнодушен.

А рядом с ним, печальна и прекрасна,
в уборах драгоценных — Персефона
улыбкой робкою старается развеселить супруга —
ведь чем сильнее хмурит брови он,
тем сумерки темней и безотрадней.
Она ему тихонько напевает
ту колыбельную, что пела ей Деметра,
и теребит венок из асфоделей,
и что-то шепчет бледными губами,
склоняясь к Богу Мёртвых.

Глаза её, когда-то голубые,
здесь пепельными стали, в цвет дождя и мрака.
Её одежды струятся драгоценными камнями,
искрятся при движении малейшем, —
но меркнут и тускнеют самоцветы,
и гаснут искры, сумраку не нанеся урона,
лишь упадет на них Гадеса тёмный взор.

А Персефоне надо улыбаться,
иначе смоляной волной
накроет мрак Аидовы пределы.

...Суд Миноса меж тем вершится,
но царственной чете как будто безразличен приговор —
в элизиум иль в тартар суждено
отправиться очередной душе.

...Лишь изредка, на краткое мгновенье,
серебряный взор Персефоны
пронзить пытается туманную завесу,
как если бы Царица Мертвых тщилась разглядеть
тот берег Стикса...

Но лишь стенания теней доносит ветер,
Харона окрик, да Кербера протяжный и тоскливый вой.

Но продолжает улыбаться Персефона.

III

И тут открылось мне видение в виденье:
ведь капли дождевые в том занавесе шепчущем, —
те капли — тоже души!

Они сейчас, вот в это самое мгновенье,
покинув светлый круг земной
и с Гелиосом распрощавшись,
низвергнуться должны сюда,
где осень, сумерки и дождь,
а впереди — лишь мрак вселенской ночи.

Прошли века, тысячелетия, эоны.
Всё тяжелей людская ноша лону Геи,
Харону трудно править чёлном обветшалым,
и даже Лета нести себя устала к Морю Мрака.
Да, времена теперь не те. Всё проще!
Ныне карающее милосердие небес —
мы сами!

— Тёмно-хрустальный занавес
из мириадов капель, зависших в пустоте,
прильнувших на последний, краткий,
отчаянный и безнадежный миг
к пространству ускользающему,
в котором — уже ни неба, ни земли...

Из ниоткуда — в никуда.
И из забвения — в небытие.

...И всё прозрачнее улыбка Персефоны.

ДОЖДЛИВЫ СУМЕРКИ В АИДЕ.

Даная!
Не переживай!
Дождик
скоро кончится.

РОДОССКИЙ ДВОРИК

Если с улицы Теофилискоу свернуть в мощённый галькой проулок, ведущий к улице Иппархиу — всё это неподалёку от знаменитой туристической Иппотон, улицы Рыцарей... Так вот: если — то прямо перед вами окажется жёлтая арка с голубым небом внутри. К ней ведут две небольшие лесенки (в верхнюю площадку вмуровано голубое стеклянное око — оберег от дурного глаза, слегка потёртый, но ещё действующий). И если вы подниметесь по этим ступеням, то неминуемо попадёте в рай, которым на самом деле является дворик на улице Иппархиу. Но вообще-то всё, что я сказала, неправильно. Не надо намеренно искать это место. Сюда надо просто попасть, сразу и без подготовки. Как в нирвану.

...Здесь всегда тихо. Туристов нет вообще (не считая меня). Здесь обитает дюжина разноцветных кошек и котов. Вот один, чёрный, играет с жуком. Прыгнул. Не поймал. Разочарован. Посреди дворика, в каменной круглой ограде (на ней так удобно сидеть и кормить усатых-полосатых) шелестит и скрипит огромная пальма, древо жизни на местный лад. Она вечно на что-то жалуется и даёт блаженную тень. В недрах пальмовых зарослей обитает отдельная трёхцветная кошка, в ошейнике с колокольчиком и очень, очень надменная. Еще здесь во множестве цветут розовым огромные герани — и в кадках, и просто так. Если увидишь (редко) местного жителя, то он или она обязательно с улыбкой тебя поприветствуют: «Калимэра!» — «Доброго дня!». Кажется, выходят они, главным образом, для того, чтобы покормить кошачье племя.

Этот дворик со всех сторон ограждён стенами — древними, византийскими, и не очень, всего-то века, скажем, шестнадцатого. Но все эти стены поросли травами, и вьюнком (с крупными иссиня-лиловыми колокольчиками!), и лозой. А травка под ногами здесь зеленеет совершенно такая же, как была раньше в Москве, в Центре: кашка, одуванчик, мятлик, ромашка... И от этого почему-то хочется плакать.

Сбоку лёгкий деревянный круглый стол и перевернутые венские стулья образуют живописную рогатую группу. А в некотором отдалении всегда спит на солнце мускулистый рыжий бульдог-лежебока, решительно ни на что в

этом мире не реагируя. Этот бульдог, совершенно очевидно, уже достиг нирваны. А мы с кошками — ещё нет. Но мы на пути! И тот, чёрный, ещё поймаёт своего жука. И даст ему улететь.

Вот сделаю на прощанье фото этого дворика, этой дворовой идиллии, и буду носить с собой, как рыцарь с улицы Иппотон — портрет своей прекрасной дамы. Только, в отличие от его La Belle Dame, моя — милосердна.

RHODES

Dedicated to all the «invisible inhabitants» of the IWTCR

Rhodes — th' rainbow of roads,
some to rhyme and some to prose.
Stella Maris, a bed of roses,
Rhodes — radiant, royal, modest!
She's an island, a girl, a goddess,
she's a house of rising wind!
Look: tremendous, huge wave grows,
listen: furious Aeolus roars,
knocks at your window with his wings,
with his solemn ancient wings...

Words are trembling like the strings,
and the golden doorbell rings:
«Here's Rhodes, here she is!
Jump, my friend, the book begins!»

...Rhodes brings us close to logos...

1. IWTCR — International Writers and Translators' Centre of Rhodes.

2. The «invisible inhabitants» — определение приглашённых в этот «Дом творчества» под покровительством ЮНЕСКО писателей и переводчиков (из стихотворения Ольги Чернышевой (Olga Chernysheva) «A mysterious house»: «As for house inhabitants, all look quite strange. / They are almost invisible people / being locked just as birds in a mythical cage; / on computers their songs are written»).

3. Родос — по одним мифам — жена, по другим — дочь Гелиоса. В путеводителе (на английском языке, но написанном греками) об этом острове говорится в женском роде. (Прим. авт.)

САНТОРИН
ОСТРОВ СО МНОГИМИ ИМЕНАМИ

1.

Санторини! Святая Ирина!
колокольчик между землей и небом —
на всё Эгейское море стоит перезвон.

Святая Ирина! Хрустальная сфера —
твой остров, кириа!¹
Была — и пребудет: пресветлая сфера.

2.

Стронгили. Остров Гефеста.
(Вулкан — древний, дремлет.)
Остров, Круглый когда-то, а ныне —
осколок, формой, словно месяц растущий.
...Атландиды цветной черепок?

Голубой, серебристый, гористый, лучистый,
остров Прекраснейший, остров Каллисти —
лёгкий, летящий, в небо глядящий
всеми глазами домиков белых,
церковок малых,
растущих прямо на скалах.

3.

Санторин! Погребён извержением
древний город твой — Акротири.
(Разбита хрустальная сфера.)
О, эти фрески на стенах,
вновь явленные миру:
весна, и лилии колышутся
под розовым и тёплым ветром,
и ласточки целуются в полёте.

Ах, эти ласточки! Четыре
тысячелетья под пеплом вулканическим, —
и вот: сияют!

А что вулкан? Он — дремлет.
Дремлет он пока.

4.

Тира! Чёрно-красный остров закатов,
патентованных, сертифицированных,
оптом и в розницу, по сходной цене.
Спросите в любом турагентстве:
двенадцать баллов по десятибалльной шкале.

В деревне Фира, в деревне Иа
(обе висят на краю обрыва)
каждый вечер — аншлаг.
Наставив объективы на кальдеру,
строчат туристы,
словно партизаны из засады,
в упор расстреливают
закат.
И запивают свой подвиг славный
златым и сладостным винсанто.

А что закат? А он и рад
позировать.
Затворы щёлкают, стрекочут и щекочут
розовый

нежный

воздух.

Зардевшись, закат раскланивается,
заходит скромно в тучку,
но, не в силах удержаться — артист! —
заходит ещё раз. На бис.

5.

Ветер. На гребне, на крутизне
белые домики, шафранные домики
крыши круглят, ластятся к небу
(охра и мел посреди бирюзы).

Внизу, далеко, в чаше кальдеры,
смирные волны искрятся,
и розовым серебром дорожка трепещет —
от причала и в Вечность.

¹ *госпожа (греч. κυρία)*

Белеет парус. Розовеет. Развеивается
в тумане моря. Вновь белеет —
теперь уже круизный лайнер:
многоэтажный, очень одинокий.
С гудком прощальным, долгим,
долго исчезает
в зеркальном зареве заката.

— Двенадцать баллов по десятибалльной шкале!
Так точно, сэр, таких закатов — поискать!
Посмотрите налево, посмотрите направо,
представьте, как просыпается вулкан,
и этот весь пейзаж...
Короче, всем кирдык и полный акротири.
...Но нет, ещё он дремлет,
наш кормилец.
Вот здесь хороший ракурс, не упустите, мэм!
Ещё винсанто, сэр?

6.

А по змеистой дороге, от самого причала,
идут и идут навьюченные туристами ослики.
Упорно идут в гору, не оборачиваясь,
не смотря на вулкан, не смотря на закат,
несмотря ни на что.

7.

Но вот спустился Гелиос в кальдеру.
Спектакль окончен.
Туристы разошлись.
Круизный лайнер отбыл в свой туман.
Тускнеет потихоньку белизна домов,
лазоревые купола церквушек
темнеют, наливаясь спелой синевой...

И облако-завеса ложится осторожно
на гору Громовержца.
Но не Зевеса, нет: Ильи-Пророка.
Неподалёку
Посейдон с Гефестом
смакуют сладостный винсанто.

И — ласковым глассандо —
шёпот морского серебра.
Пора!

8.

Две ласточки, пронесшись над крестами,
пронзают постзакатный горизонт.
Едва не чиркнув чёрнёным кончиком крыла
по гребням волн,
выходят из пике, —

и задевают струны сумерек,
и тихий звон сияет,
и сияние звенит...

И меркнет, меркнет постепенно
хрустальная диковинная сфера,
в которую заключены все мы.

9.

Святая Ирина
(златые локоны уложены
по веницейской распоследней моде,
тринадцатого века Anno Domini,
в розовых перстах — букетик лилий) —
кириа Ирина тихонько улыбается
в своей вышине:
— Ах, эти ласточки Акротири,
вечно они носятся туда-сюда...

ДИАЛОГ ДВУХ ПОЭТЕСС В ФОРМАТЕ СМС

Татьяна Виноградова

Game over

На солнечном острове Родос —
холода и дожди.
Здесь все улыбаются
и говорят на плохом английском.
— Where are you from?
— Try to guess.

— Oh yeah, Portuguese!

На улице никто не пристаёт,
кроме кошек.
Закурила, хотя и нельзя.

Несчастную пальму в окне
всё качает, качает ветер.

Только сейчас поняла, что прошла
молодость.

Родос, май 2011

Ирина Репина

Ответ

В солнечном Тикси ветер.
Воеет и гнёт мачты.
Собаки попрятались в сугробы.
Говорят, в основном, на хорошем якутском,
а пьют плохую водку.
И молодость всё равно продолжается!

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ, ИЛИ ВИД НА АКРОПОЛЬ

Всё-таки греки — уникально доброжелательные люди. Или это потому, что остров Родос — маленький, и городок Родос — тоже, и каждый человек на виду — на счету? Но я же не человек, а турист. Точнее, приглашённый писатель... А может, потому, что сейчас хоть и жаркий, но апрель, не сезон.

Короче, вылезла из Дома писателей, когда в Археологический музей идти было уже поздно — в полвторого пополудни. А здесь всё закрывается в три. Сиеста. Потом, в пять, может, что-то и открывается, но гордый Археологический музей (в прошлом — госпиталь рыцарей-иоаннитов) — точно нет.

И решила я взойти на местный Акрополь, тем более, что на гору Смита (она же Монте-Смит, она же Айос-

Стефанос, т.е. Св. Стефана (нет, я не буду её называть «Гора Святого Дяди Стёпы», не дождётесь) я уже восходила. И даже делала там зарядку, над обрывом, среди диких и буйных маргариток и с видом на тёмно-голубое море.

Спрашиваю по-английски у явно местной (т.е. без рюкзака, не в кроссовках, а совсем даже на шпильках и о-о-очень тепло одетой) тётеньки средне-пожилых лет: «Мне бы к Акрополю... Паракало²...» — «Живу я там!» — радостно сообщает тётенька и становится моим проводником, по пути выяснив, что я — из «Русии», поведав, что сама работает в пекарне («булку выпекает» — автоматически возникает в моём зашлакованном цитатами мозгу), что у неё есть подруга, которая говорит по-русски («она из Болгарии, ваша соседка»), что Родос — очень, очень красивый и так далее. Причем идём мы, идём, по жаре, да всё в гору, у меня уже дышалки не хватает, а она всё щебечет на своих десятисантиметровых шпильках, как будто так и надо... И конца этому всему не видно. Но вот и конец — крохотная булочная-кондитерская.

«Мария, иди сюда, щас по-русски говорить будешь!» — это я мысленно перевела долго-певучую её греческую фразу. Седовласая улыбчивая Мария выходит из-за прилавка, старательно артикулирует «спасибо», «пажалуста» и «харашо», а моя тётенька на неё умилённо взирает. Короче, пришлось купить две булки. А то неудобно как-то, заставили пожилого человека русский язык вспоминать... Зато третью свежевыпеченную загогулину дали совершенно бесплатно — это появилась ещё одна сотрудница булочной, видимо, привлечённая звуками русской речи. И ведь что характерно: даже пекари у них знают английский! «И вот идите по этой улице, прямо, прямо, и слева он и будет». — «Эвхаристо, эвхаристо, эвхаристо поли, сас эвхаристоме»³, — слава Богу, можно отчаливать.

Ну, дорога. Ну, слева. Слева вообще-то распростёрся маргаритковый дуг, с крупными жёлто-белыми греческими

² *Пожалуйста (греч.).*

³ *Спасибо, спасибо, спасибо большое, благодарю вас (греч.).*

цветочками и травой до бровей. И где? Где ваш хваленый Акрополь?! И тут я замечаю груды серых валунов. О боже, нет, о нет...

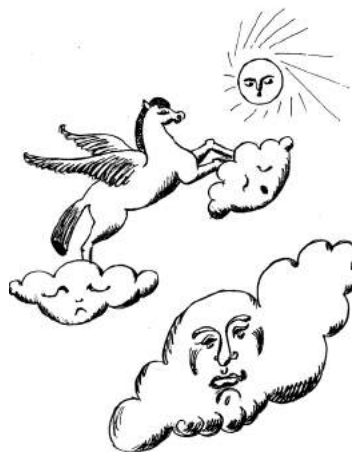
О да. Это был Он. Ни таблички, ни указателя. Просто серые руины, оплавленные временем. Символически огороженные металлическими прутьями, дабы любопытные не просочились. Ладно, просачиваюсь, залазаю.

Ух ты! Ступеньки! Вниз! В подземелье! Нет, это и впрямь древнее сооружение, просто с поверхности земли время всё стёрло, а вот внизу... Лестница. Девять грубых ступеней, тоже серых, в ржавчине лишайников, в улитках. И — стебельки трав, нежные и неумолимые. Врастают в эти камни, раздвигают их...

Спустилась. А дальше-то: арки, своды, колодцы, переходы! Катакомбы! Да только — граница на замке: висит новенький замок на вполне современной решётке. Она хоть и ржавая, но крепкая, не пролезешь. Я обернулась посмотреть, откуда пришла, и... Вот они, три тысячелетия! Низринулись по ступенькам и разом обрушились на меня... Над девятой, верхней, очень высоко — небо, свет, свобода... А здесь тихо-тихо, серый свод незаметно так, исподволь давит — нет, не давит, шепчет что-то. Оборачиваюсь назад, к катакомбной решетке... Эх, нельзя было к ней спиной становиться, мало меня Стивен Кинг учил! Вот, мелькнуло там что-то, бесшумное, периферийным зрением еле уловимое, слева направо, на высоте моего плеча. Мелькнуло — и исчезло. Слава богу, хоть исчезло! Но эффект присутствия остался. Кто? Голодные призраки? Тени жрецов и гимнастов? В путеводителе сказано, что где-то здесь, на Акрополе, был стадион... Хотя какой, к эребу, стадион, типичный подземный храм, что я, храмов подземных не видела?!.. В общем, ещё чуток постоять, послушать трехтысячелетнюю тишь — и назад, наверх, к маргариткам!

...Наверху хорошо. Травы колышутся. Светотень скользит. Сосны с длинными мягкими иглами пушатся. Три пополудни. Даже у мошек — сиеста. Изредка проедет машина по шоссе — и обязательно мне библикнет: эй, мол, там, на Акрополе! Калимэра!

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Татьяна СВИРИДЕНКО, Магадан

**КОГДА РОДИЛСЯ
ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВ?
И все-таки 1882!**

В Интернете, в печатных изданиях вот уже много лет идут споры о дате рождения (точнее, годе рождения) писателя Гребенщикова Георгия Дмитриевича. По одним сведениям 1882, по другим 1883, и даже 1884. В статье «КОГДА И ГДЕ РОДИЛСЯ ГРЕБЕНЩИКОВ» {С. С. Царегородцева, А. Б. Фирсов, журнал «Региональный вестник Востока» № 2, Усть-Каменогорск, 2001} о младшем брате Георгия Дмитриевича Андрее написано: «Гребенщиков Андрей Дмитриевич — 1892 года рождения, уроженец и житель с. Каменевка Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области...»

Читаем автобиографическую повесть Георгия Дмитриевича Гребенщикова «Егоркина Жизнь»: «У Митрия на

руках трехлетней Фенька, а у Елены годовалый Андрюшка».

«Егорке шесть лет. Отец решил и его взять на пашню. Не помогать, а чтобы дома было легче матери, а на пашне и ему лишняя ложка настоящей каши перепадет».

Если Андрюшке больше года, а Егорке к весенней страде точно более шести лет, то опять получается — 1884. (Во всяком случае, не 1882 и 1883)», пишут авторы.

Но если быть точным, то получается не 1884, а 1887. Не вяжется математика.

Из этой же статьи: «Олег Коростелев в Реферативном журнале “Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература”. Серия 7. Литературоведение. 1996. # 4. С. 155–160; “Новое литературное обозрение”. 1997. # 23. С. 431–435, пишет: “... С датой рождения у него давняя путаница, и уточнена она только недавно: 25 марта (4 апреля) 1882 года”. Не будем спорить с этим утверждением ученого литературоведа, так как даже указание дат по старому и новому стилю вызывает улыбку».

Согласна, что господин Коростелев мог бы более внимательно отнестись к дате (она-то определена биографами достаточно точно), но вот год рождения можно принять за правильный, тем более, что есть документ, подтверждающий именно этот, 1882, год. В 1917 году проводилась «Всероссийская сельскохозяйственная, земельная и городская перепись». По этой переписи был переписан и двор Гребенщикова Георгия Дмитриевича с указанием проживающих: Х. (хозяин): Георгий — 35 лет (в графе «Отсутствует более месяца» пометка «отс.» зачеркнута и добавлена пометка в графе «Взяты по набору и мобилизации» «пр.»); отец: Дмитрий — 67 лет; брат: Андрей — 25 лет; сын: Анатолий — 12 лет; жена: Людмила — 33 лет; мать: Елена — 60 лет.

Так вот, исходя из этой переписи, в 1917 году хозяину Георгию было 35 лет, следовательно, год рождения 1882 (или при некоторых допусках 1881, если перепись проводилась до апреля 1917 года). Кроме того, если брат Андрей родился в 1892 году (Андрею указано 25 лет), то разница в 10 лет — опять 1882. Так что, думаю, надо принять именно эту дату. Тем более, если обратиться к Вечному календарю (календарь на широкий диапазон лет,

предназначенный для определения дня недели. Многие из вечных календарей фактически создают сетку календаря на выбранный месяц выбранного года. Вечные календари могут также использоваться для определения церковных праздников без фиксированной даты), то определить день недели не составит труда. В 1882 году 23 апреля приходится на пятницу, в 1883 — на субботу, а в 1884 — на воскресенье. Тогда и все, что написано в автобиографической повести о рождении Егорушки, имеет место быть, и мать на четвертый день, т. е. в понедельник, встала на работу. (Ссылка на вечный календарь: http://www.mugogo.ru/free_kalendar.htm); Ссылка на архивную перепись: КГКУ Государственный архив Алтайского края ф.233, оп. 1 б, д. 276, с. 135–135 об.

Из Википедии:

Георгий Дмитриевич Гребенщиков (6 мая 1883 или 1884—11 января 1964) — русский писатель, критик, журналист, общественный деятель. Родился в селе Николаевский рудник на Алтае. Первые литературные опыты относятся к 1905. В 1906 выходит сборник рассказов и очерков «Отголоски сибирских окраин». С 1909 ответственный секретарь журнала «Молодая Сибирь», поступает вольнослушателем в Томский университет. При содействии М. Горького, с которым находился в переписке, начинает печататься в столичных журналах «Современник» и «Летопись», на средства барнаульского мецената В. М. Вершинина подготовил «Алтайский альманах» (СПб, 1914).

С начала 1916 находится в действующей армии, начальник Сибирского санитарного отряда. В московских «Русских ведомостях» публикуются его репортажи и корреспонденции с фронта. В 1917 завершил первую часть своего главного произведения — романа «Чураевы», в котором нашли отражение волновавшие писателя религиозно-нравственные проблемы. Октябрьские события 1917 не принял. Годы гражданской войны провел в Крыму, сотрудничая в местной печати. В 1920 эмигрировал. Жил сначала во Франции, в Париже был тесно знаком с Н. Рерихом, Ф. Шалапиным, К. Бальмонтом. С 1924 — в США. В штате Коннектикут основал селение

Чураевку, создал совместно с Н. Рерихом книжное издательство «Алатас». Среди книг, изданных издательством «Алатас», можно отметить такие, как «Держава света» Н. К. Рериха, «Николины притчи» А. Ремизова, «Голубая подкова» К. Д. Бальмонта, «Книга Жизни» проф. И. А. Сикорского, «Незримый гость» Ив. Умова. Продолжал работу над многотомным романом-эпопеей «Чураевы». Эта эпопея оказала сильное влияние на литературные вкусы и чаяния русской эмигрантской молодежи.

В начале 1920-х годов в Харбине русская молодежь создала литературный кружок «Молодая Чураевка». Несколько позже, в 1930-х годах, после переезда многих харбинских поэтов и писателей в Шанхай, там было основано новое литературное объединение «Шанхайская Чураевка».

В 30-е Гребенщиков — один из духовных лидеров русской эмиграции в Америке. Вел переписку с А. Куприным, И. Буниным, Н. Рубакиным, представителями династии Романовых. Много внимания уделял пропаганде русской культуры, говоря о ее вкладе в духовную культуру Запада. В конце 30-х переселился во Флориду, в Лейкленде преподавал русскую литературу в университете. Во время 2-й мировой войны занимал патриотические позиции. Последняя книга — повесть «Егоркина жизнь» (опубл. в 1968), где нашли отражение впечатления об алтайском детстве писателя.

Похоронен на кладбище г. Лейкленда.

Георгий ГРЕБЕНЩИКОВ

ПИСЬМО ИЗ-ЗА МОРЕЙ

Родному брату письмо из-за морей
(Отрывок)

*...Только знаю, что имени нету
Для того, что в слова не вместить,
Что, скитаясь по белому свету,
Я не смею по ветру пустить.
Это зори за балкой знакомой,
Это копны на дальнем лугу,
Это воз с золотой соломой,*

*Это все, что забыть не могу.
Это праздничный звон колокольный,
Это пахнущий запах земли.
Так-то, братец, и я, грешным делом,
Заскучал о родных очагах,
О бескрайних, таежных пределах,
О горах и степях, и лугах.
И о дымке Отечества сладкой,
О тропинках, знакомых давно,
О ручьях, из которых нападкой
Пил я, видя прозрачное дно.
Вот пишу и писать не устану —
Не могу оторваться от строк,
Точно медленно в старую рану
Лью по капле целительный сок.
Не забыть, как великий Шаляпин
Мне такое однажды сказал:
«Я бы там даже черта облапал,
Я б там волка, как брата, лобзал»...*

Ирина РЕПИНА

*«Я ПРИНЯЛА НАШ ДРЕВНИЙ ЗНАК —
СВЯТОЕ ИМЯ ЧЕРУБИНЫ»:*

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА ДМИТРИЕВА

Продолжаем цикл публикаций о Черубине де Габриак. Начало в «Словесности 2014», Николай Лозовой «Лики Черубины де Габриак» (отрывки из воспоминаний), стр. 149-153.

Отрывок из книги «Мифы и судьбы. Беатриче Серебряного века», Коктебель, 2012

24 октября 1909 года вышел в свет первый номер журнала «Аполлон». Раньше Петербург не имел достойного литературно-художественного журнала — история русской поэзии писалась в Москве, где соперничали издательства «Скорпион» и «Гриф», издавались журналы «Весы», «Золотое Руно» и «Перевал», где царили Брюсов и Бальмонт, восходила звезда Андрея Белого. Там еще помнили Владимира Соловьева и уже обратили

внимание на молодого петербуржца Александра Блока. Но вечная участь отвергнутой столицы не миновала Москву и на этот раз: «Парнасом серебряного века» стал все-таки Петербург, Петербург 10-х годов — город «Бродячей собаки» и «Башни» Вячеслава Иванова, акмеистов и Цеха поэтов, Гумилева и Блока, Ахматовой и Мандельштама. А пока молодой критик и поэт Сергей Константинович Маковский, сын известного художника Константина Маковского, задумал издание журнала, способного конкурировать с «Весами» Валерия Брюсова. Нашлись и деньги — меценат Михаил Константинович Ушков стал издателем. Вокруг Маковского собралась молодая редакция: писатели, поэты, художники, в основном, только начинающие творческий путь, — среди них М. Волошин, Н. Гумилев, А. Толстой, М. Кузмин, Н. Рерих, К. Сомов и другие. Но необходим был авторитетный человек, способный, оставаясь в тени, объединить и направить разноликую молодежь, уберечь от ошибок, взять на себя роль старшего советчика и помощника. Решение Маковского было неожиданным — он пригласил никому не известного инспектора Петербургского учебного округа Иннокентия Федоровича Анненского. Этот странный выбор определил как судьбу «Аполлона», так и судьбу русской поэзии, указав выход из тупиков символизма.

Сергею Маковскому в то время исполнилось 30 лет. Как и многие молодые поэты, он бредил французским символизмом и Парижем. Внешне был невероятно элегантен, с закрученными усами, всегда безупречно одетый. Его эстетство служило поводом нескончаемых насмешек. Так, в качестве дам на редакционные ассамблеи он всерьез предлагал приглашать балерин петербургского кордебалета, за что редакционные острословы тут же окрестили его «Рара Мако». Из любви к внешнему лоску попытался ввести правило, по которому сотрудники должны были приходить в редакцию не иначе как в смокингах, впрочем, воплотить эту идею не удалось: Волошин, по традиции Латинского квартала носивший потертую вельветовую куртку, сменить ее на что-либо другое категорически отказался. Но это были простибельные по молодости лет слабости. Маковский обла-

дал тонким литературным и художественным вкусом. Талантливый поэт, ради журнала он, фактически, отказался от собственного творчества. «Аполлон» просуществовал 9 лет — и нет счета именам, открытым на его страницах.

Но вернемся к выходу первого номера. После связанных с ним волнений и суеты редактор слег с сильной ангиной. (Даже эстеты подвержены такой неприятности, как простуда!) Огорченный необходимостью лежать дома, он равнодушно перебирал редакционную почту. И вдруг — терпкий запах духов, бумага с траурным обрезом, запечатанная черным сургучом, на печати — девиз: «*Vae vietis!*» («Горе побежденным!»). Листы, исписанные по-французски тонким изящным почерком, переложены засушенными травами. Затем — русские стихи: несколько стилизованные, но глубокие и правильные по форме. Подпись — Ч. де Габриак. Восхищенный Маковский тут же написал ответ с просьбой порыться в старых тетрадах и прислать что-либо еще. И новая подборка стихов завораживала. Необычен для северной столицы был католицизм, странное христианство, граничащее с плотской любовью, безудержность фантазии, испанские жгучие мотивы на фоне такой русской тоски.

Вечером незнакомка позвонила сама. У нее оказался очень нежный голос и певучее имя Черубина. Так начался этот удивительный роман. Когда-то Маковский написал грустные стихи:

*Любовь пою я в тишине,
Но в песнях нет любимой,
Любовь останется во мне
Мечтою нелюдимою.
Пусть этот мир, как рай земной,
К блаженству призывает,
Мой тихий рай всегда со мной,
Никто его не знает.*

Но рай спустился на землю. Появилась таинственная незнакомка Черубина де Габриак. Ее 12 стихотворений были напечатаны уже во втором номере журнала, и там

же — статья М. Волошина «Гороскоп Черубины де Габриак». «Сейчас мы стоим над колыбелью нового поэта. Это подкидыш в русской поэзии. Ивовая корзина была неизвестно кем оставлена в портике Аполлона».

Имя Черубины прочно заняло место в списке сотрудников редакции. О ней заговорили. Поэт Виктор Гофман писал в письме к другу: «Последняя литературная новость — появилась новая поэтесса Черубина де Габриак. Кто она такая — неизвестно. Говорят, что она полуиспанка-полуфранцузенка, но стихи пишет порусски, сопровождая их, однако, французскими письмами. Говорят еще, что она изумительной красоты, но никому не показывается. Стихами ее теперь здесь все бредят — и больше всех Маковский. Волошин все знает наизусть. Стихи, действительно, увлекательные, пламенные и мне тоже нравятся. Характерная черта их — какой-то иступленный католицизм; смесь греховных и покаянных мотивов. Во всяком случае, по-русски так еще не писали. Дело, однако, в том, что все это несколько похоже на мистификацию.»

Конечно, мистификацию подозревали многие, но только не сам Маковский. Ведь никто, кроме него, не слышал этого пленительного голоса, не читал умных, тонких писем... Удалось сотворить необыкновенное: создать поэту женщину — воплощение его идеала, которая не могла разочаровать, так как была призраком. Даже много лет спустя, в эмиграции, Маковский, говорил, что ни с одной другой женщиной у него не было такой душевной и духовной близости.

Хотел ли он увидеть истинное лицо своей Леди? Никаких логичных шагов в этом направлении предпринято не было. Если не считать разглядывание дам в ложах бенуара или поисков на Островах, где она обещала кататься... Однажды приятель Маковского Н.Н. Врангель очень смутил родителей какой-то рыжеволосой девушки, кинувшись к ней на вокзале с уверениями в любви своего друга. Это были правила игры, предложенные самой Черубиной. Но существовал адрес, по которому Маковский посылал цветы, был справочник «Весь Петербург», в конце концов, не так много в Петербурге французских графинь! А до смешного нелепое имя ку-

зена графини Гарпия да Мантилья, сотрудника португальского посольства, можно было без труда проверить в том же посольстве, а не устраивать засады на выставках! (Хотя эта история, вероятней всего, плод позднейшей фантазии Волошина.) Маковский и сам понимал, что она совсем не такая, как себя рисует, но предпочитал оставаться во власти призрака. Как показало будущее, он был прав.

В это время «Аполлон» потрясло два события. 22 ноября произошла дуэль между сотрудниками редакции Волошиным и Гумилевым. К счастью, обошлось без жертв. По поводу этой дуэли ходили непонятно откуда взявшиеся слухи, что здесь не обошлось без Черубины. А 30 ноября умер Иннокентий Анненский — упал на Царскосельском вокзале с остановившимся сердцем. Для редакции это была огромная потеря. Анненский не был мэтром, хотя по возрасту вполне подходил на эту роль. При жизни он выпустил всего лишь тоненькую книжечку стихов «Тихие песни» под псевдонимом Ник.Т-о, встреченную покровительственно снисходительными отзывами критики. Узкому кругу филологов был известен как переводчик Еврипида и знаток античности, а иногда в печати появлялись его статьи по французскому символизму. Но мало кто отождествлял поэта, переводчика и критика с директором Царскосельской гимназии, а — позже — инспектором Петербургского учебного округа. Только за несколько месяцев до смерти он, благодаря Гумилеву и Маковскому, оказался в гуще литературной жизни. И с готовностью взвалил на себя заботы нового журнала. Были блестящие лекции в «Обществе ревнителей художественного слова», перенесенного в редакцию «Аполлона» из «Башни» Вячеслава Иванова, а в Царскосельском доме впервые нашли слушателей стихи, хранящиеся в настоящем кипарисовом ларце. Но больное сердце не выдержало таких нагрузок...

Анна Ахматова с женской пристрастностью в смерти Анненского обвиняла Волошина и Маковского. Она считала, что роковой сердечный срыв произошел из-за замены уже поставленных в номер стихов из «Кипарисового ларца» стихами какой-то Черубины. Но это не так — сти-

хи Анненский снял сам.

Первые три номера «Аполлона» открывались статьей Анненского «О современном лиризме». В статье давались меткие, иногда ироничные оценки творчества современных поэтов, и она вызвала массу обид и нареканий. Последовавшие после статьи в адрес Анненского пассажи типа «жалкие упражнения гимназиста старшего возраста» были еще самыми безобидными. Это все тяжело подействовало на Иннокентия Федоровича. Тем более что наряду с иронией в своей статье он нашел доброе слово для каждого, даже самого второстепенного поэта. Второстепенные поэты не оценили, а мэтры обиделись. Во втором номере Анненский был вынужден опубликовать объяснительное письмо — благородное и корректное. Естественно, он считал неэтичным ставить свои стихи рядом с критическим разбором чужих. По свидетельству Маковского, Анненский очень переживал из-за газетной травли и, несомненно, это ускорило ход сердечной болезни. Как и стремление, наконец-то, жить по максимуму, не обращая внимания на возраст и болезни, как и ночные бдения с молодой редакцией, бесконечные собрания в любое время суток, ежедневные поездки из Царского села в Петербург, подъемы по длинной лестнице в мастерскую художника Головина, расположенную на чердаке Мариинского театра. Головин в то время писал коллективный портрет «Аполлона», который без Анненского был бы не полон. «Кипарисовый ларец» вышел после смерти поэта, открыв целую эпоху в русской поэзии. А большинство критических оценок, высказанных в статье, подтвердилось временем.

Последняя часть этой статьи называлась «Оне» (третье лицо женского рода множественного числа в дореволюционной орфографии) и посвящалась женской поэзии. О Черубине де Габриак там было написано несколько пророческих строк. «Я думал, что Она только все смеет и все сметет, а оказывается, что она и все знает, что она все передумала (пока мы воевали то со степью, то с дебрями), это рано оскорбленное жизнью дитя — Черубина де Габриак. Имя, итальяно-испано-французское, мне ничего не говорит. Может быть, оно

только девиз. Мне лень брать с полки Готский альманах. Да и зачем? Старую культуру и хорошую кровь чувствуешь. А, кроме того, она девушка, хоть отчасти, русская. Она думает по-русски.» И далее удивительно точный психологический портрет женщины, которая скрывалась за красивым псевдонимом: «Ни любви, ни ненависти, ни душевного жара, ни душевного холода, ни удивления, ни, даже, любопытства — один безмерный ужас, одна неделимая мука эстетического созерцания.»

«Она читала и Бодлера и Гюисманса, — мудрый ребенок, но эти поэты не отравили в ней будущую женщину, потому, что зерно, которое она носит в сердце, безмерно богаче зародышами, чем их ироническая и безнадежно-холодная печаль.»

«Ранний возраст имеет свои права и над преждевременным умудренной душой. Меня не обижает, меня радует, когда Черубина де Габриак играет с Любовью и Смертью. Я не дал бы ребенку обжечься, будь я возле него, когда он тянется к свечке, но розовые пальцы около пламени так красивы...»

Рядом с реальной Черубиной не было ни Анненского, ни человека, ему равного, а те, кто был, наблюдали лишь красоту розовых пальцев у пламени. И она обожглась... Иннокентий Анненский умер, так и не узнав тайну. Но вскоре Черубину де Габриак окликнули по имени. «Как лунатика окликнули — окликнули и окликом сбросили с башни ее собственного Черубинино замка — на мостовую прежнего быта, о которую разбилась вдребезги. — Елизавета Ивановна Дмитриева. — Вы?»

Разоблачили ее грубо. Маковский при всем желании не мог вспомнить лица поэтессы Дмитриевой. И вот в назначенный час она пришла — долгожданное свидание состоялось. «Было 10 вечера, когда раздался ее звонок. Я стал прислушиваться к шагам горничной, прибежавшей на звонок в переднюю, затем к ее, Черубининым, шагам... Дверь медленно, как мне показалось, очень медленно, растворилась, и в комнату вошла, сильно прихрамывая, невысокая, довольно полная темноволосая женщина с крупной головой и поистине страшным ртом, из кото-

рого высовывались клыкообразные зубы. Она была на редкость некрасива. Или это представлялось мне так по сравнению с тем образом красоты, что я выносил за эти месяцы?»

Так рухнул миф о рыжеволосой красавице графине Черубине де Габриак, но появился новый — о скромной некрасивой школьной учительнице Елизавете Дмитриевой, чьи стихи были с презрением отвергнуты эстетствующей редакцией «Аполлона», и, чтобы отомстить, ее друг Волошин придумал звучный псевдоним, романтическую историю, подредактировал стихи (говорили, что и стихи, в основном, писал Волошин) — а редакция, естественно, клюнула. Эта версия до сих пор переходит из издания в издание, но так же мало соответствует действительности, как и история романской красавицы.

Конечно, портрет, нарисованный Маковским, очень «живописен». Но эти воспоминания писались через несколько десятилетий после событий, и контраст между принцессой, созданной воображением, и обычной женщиной с годами превратился в... клыки, торчащие изо рта. Хорошо еще, что в соответствии с именем (Габриак — это черт) бедная Лиля не оказалась наделена рогами! Но остались фотографии. На них — миловидная женщина с серьезным напряженным взглядом. Малороссийский овал лица, большие лучистые глаза, опущенные уголки губ — и никакого уродства! Некоторая полнота, особенно заметная на коктейбельских снимках, с годами исчезла. При оживленном разговоре она необыкновенно хорошела. Природа наделила ее огромным даром общения: где бы она не появлялась, вокруг нее сразу возникал рой людей. Ею восхищались, в нее влюблялись...

У Волошина была унаследованная от матери страсть к мистификациям — в коктейбельском обществе постоянно кого-то разыгрывали и что-то изображали. Наверно, ему нравилось дарить людям — пусть на короткое время и понарошку — другую судьбу. Елизавете Дмитриевой он подарил Черубину де Габриак. Невинная, в общем-то, никого не задевающая шутка.

Стихи свои под собственным именем Лиля в «Апол-

лон» никогда не носила. Редакцией был отвергнут ее перевод рассказа Барреса, но по причинам, не имеющим отношения к личности переводчицы. Начиная с первого номера она значилась в числе основных сотрудников журнала (в дальнейшем наряду с Черубиной), ее знали на «Башне» Вячеслава Иванова. Сотрудники «Аполлона» собирались в ее доме на вечерние чаепития. Ее переводы с испанского и старофранцузского уже получили самые лестные отзывы, а публикацию стихов обещал организовать Гумилев. Были и общество, и внимание, и признание. Но этот путь казался слишком простым и обычным — хотя сложился все иначе, он был бы пройден. Волошин угадал и окрестил возможность другого.

Черубину де Габриак нельзя назвать чистой выдумкой — стихи-то ведь были настоящие. Настоящим было несоответствие внешности, происхождения, места жительства — снам, грезам и видениям. Да кто из юных девушек не мечтает о гербе с червленим щитом, тайнах происхождения, рыцарских турнирах и золотых косах! А если она невероятно впечатлительна, по образованию о средневековой Европе знает больше, чем о собственном доме, и все розы, плащи и шпаги для нее так же реальны, как для иных прогулка по Невскому? Обычно, полудетские грезы быстро забываются, но Лиля не забыла: это был ее мир, становящийся стихами.

*Ты живешь в молчаньи темных комнат
Средь шелков и тусклой позолоты,
Где твой взгляд таят в себе и помнят
Зеркала, картины и киоты...*

ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ

К 125-летию
со дня рождения
Осипа Мандельштама

Лариса ШЕСТАКОВА

СТИХОТВОРЕНИЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА
«СЕСТРЫ ТЯЖЕСТЬ И НЕЖНОСТЬ, ОДИНАКОВЫ
ВАШИ ПРИМЕТЫ...»¹

Стихотворение «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» О. Мандельштам написал в марте 1920 г. в Коктебеле. Опубликовано впервые в том же году в феоdosийском альманахе «Ковчег», оно вошло затем во вторую книгу стихов поэта «Tristia» (1922), в основе которой — мотив двойственности сущего, мысль о зыбкости грани между противоположными началами, бытием и небытием. Стихотворение построено на характерном для Мандельштама сближении удаленных по смыслу, но сходных по звучанию слов и лишено, на первый взгляд, явно выраженной сюжетно-тематической основы. Однако медленное прочтение произведения обнаруживает, что в нем переплетаются, выдвигаясь в разных строфах на первый план, «темы времени, умирания, бренности жизни и неразделенной любви»²:

¹ В опытах анализа отдельных стихотворений использованы материалы толковых словарей и словарей поэтического языка.

² Тарановский К. Пчелы и осы. Мандельштам и Вячеслав Иванов // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 138.

*Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы.
Медуницы и осы тяжелую розу сосут.
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.*

*Ах, тяжелые соты и нежные сети,
Легче камень поднять, чем имя твое повторить!
У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.*

*Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землею была.
В медленном водовороте тяжелые, нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела!»³*

Многослойное, трудное для семантической трактовки, это стихотворение неоднократно привлекало внимание исследователей. Его анализировали в аспектах стихотворной семантики, мандельштамовских представлений о поэтическом слове, диалогичности в лирике, отраженности в произведении определенных текстов поэтов-предшественников и т. д.⁴ Исследователи, как правило, отмечают ориентированность произведения на античный миф («Сестры тяжесть и нежность...», по мнению Ю.И. Левина, — «одно из самых “античных” стихотворений Мандельштама»). Проявление этого обнаруживается прежде всего в элементах, из которых состоит представленная в стихотворении картина мира. «Это и

³ В разных изданиях произведений О. Мандельштама это стихотворение пунктуационно оформляется по-разному. Мы пользовались изд.: Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М., 1990.

⁴ См., например: Сегал Д.М. Микросемантика одного стихотворения // *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky*. The Hague, 1973. С. 395–405; Силард Л. Слово у Мандельштама // Структура и семантика литературного текста. Будапешт, 1977. С. 75–92; Бройтман С.Н. К проблеме диалога в лирике (Опыт анализа стихотворения О. Мандельштама «Сестры — тяжесть и нежность...») // Художественное целое как предмет типологического анализа. Кемерово, 1981. С. 33–44; Левин Ю.И. Заметки о крымско-эллинских стихах // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 75–97; Тарановский К. Указ соч.

“начала” эллинских натурфилософов: земля, вода, воздух, огонь (солнце), и модификации этих начал: песок, камень, роза, медуницы и осы, человек, имя (слово-логос), время, и, наконец, по-античному простая и первичная утварь: сети, плуг, носилки⁵. Само соположение тяжести и нежности (скорее далеких, чем близких в своей основе понятий) передает античное видение мира, в котором сближены такие начала, как телесное и духовное, жизнь и смерть.

Стихотворение состоит из трех однотипных четверостиший и композиционно членится в соответствии со строфическим делением — на три части. Оно не имеет заглавия, что делает особо значимой его первую строку: именно ею задается общая тема стихотворения, формируется своеобразная модель всего текста. Строка: Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы — организована соединением слов-понятий тяжесть — нежность, которые определяются именами с общей семьей: сестры, одинаковы. Эти имена подчеркивают близость, сходство ключевых слов стихотворения, причем связанность последних со словом сестры усилена грамматически: все три существительных относятся к одному роду — женскому. Слова тяжесть и нежность входят в число особо употребительных у Мандельштама, однако такое их прямое сближение отмечается только в нашем стихотворении. Интерпретировать это можно по-разному; важно учитывать, однако, характерное для Мандельштама представление о многообразии возможностей поэтического слова, связей слов в языке поэзии, их обратимости.

Смысловая соотнесенность слов тяжесть и нежность, принадлежащих разным семантическим полям (с одной стороны, «вес, масса», с другой — «качество, чувство»), вскрывается по мере прочтения стихотворения; звуковая же — видна сразу. Оба слова двусложные, с ударением на первом слоге; в каждом слове первый согласный, стоящий перед ударным гласным, — мягкий: [т'] — [н']; после ударного гласного следует согласный [ж]; оба слова, относясь к отвлеченным существительным, оканчиваются на

(о/е)сть — [с'т']: тяжесть — нежность. Подчеркивая особую роль согласных в слове, Мандельштам писал: «Множитель корня — согласный звук — показатель его живучести. Слово размножается не гласными, а согласными. Согласный — семя и залог потомства языка ...»⁶. Очевидно сходство ключевых слов стихотворения именно по составу и качеству согласных: [т' — ж — с'т'] — [н' — жн — с'т']. Не случайна, по-видимому, и звуковая переключка двух имен со своим «родовым» (в рамках стихотворения), также двусложным, с ударением на первом слоге словом сестры, которое строится на согласных [с' — стр]. Выраженная в первой строке стихотворения мысль о близости, родстве тяжести и нежности получает развитие, развертывание в последующих строках начальной строфы. Переход от первой строки ко второй: Медуницы и осы тяжелую розу сосут — может быть рассмотрен как движение от общего, отвлеченного к частному, конкретному: от выраженных абстрактными существительными понятий тяжести — нежности к обозначаемому прилагательным признаку, качеству конкретного предмета — к тяжелой розе. В образе тяжелой розы просматривается мысль об отсутствии непреодолимой грани между тяжестью и нежностью, их взаимопроникновении. Тяжелая роза — это и нежная роза (присутствующий здесь в скрытом виде признак нежности розы в явном виде дан в третьей строфе: тяжелые, нежные розы). Тяжелая роза состоит из множества нежных лепестков; нежность — легкость, хрупкость порождает тяжесть — весомость и, конечно, наполненность — нектаром, дающим жизнь медуницам (пчелам) и осам. Передаваемая второй строкой семантика жизни, полноты созревшего живого сопровождается и семантикой смерти: с образом смерти связаны в поэзии Мандельштама пчелы и осы. Таким образом, тяжелая (и одновременно нежная) роза, несущая в себе жизнь и обремененная будущей смертью, становится символом полноты бытия, соединением его начал и концов (ср. в III строфе: роза землею была). Тема смерти получает развитие в последующих строках I строфы, придавая ей в целом трагическую окраску: Че-

⁵ Бройтман С.Н. Указ соч. С. 34.

⁶ Мандельштам О.Э. Слово и культура // Мандельштам О.Э. Слово и культура: Статьи. М., 1987. С. 69.

ловец умирает. Песок остывает согретый, И вчерашнее солнце на черных носилках несут. Лексическим выражением этой темы служит здесь не только собственно глагол умирает, но и слова: остывает (образ остывающего песка вызывает ассоциации с остыванием тела умершего человека), вчерашнее (связанное с прошлым, уже не существующее сегодня), на черных носилках несут (черный цвет — цвет траура связывается здесь с картиной выноса тела). Перевес тяжести, заключенный во второй строке (заданный, впрочем, начальной строкой, где тяжесть поставлена на первое место), ощущим в третьей и четвертой; семантикой тяжести-весомости отмечены фразы: песок остывает (становится тяжелым, более весомым), на ... носилках несут. Во фразе: Человек умирает — также проступает семантика тяжести, но уже как чего-то тягостного, давящего, то есть принадлежащего к сфере чувств (ср.: тяжелое горе, тяжелая утрата). Подобное употребление слова тяжесть переносит его из семантического поля «вес» в поле «качество, чувство», к которому принадлежит слово нежность. Таким образом, в общем семантическом пространстве языка расстояние между двумя словами-понятиями сокращается.

I строфа, оставляющая в целом ощущение медленного течения бытия (ср. в III строфе: В медленном водовороте), представляет собой объективированное, эпическое повествование. Важную роль играют в его создании четыре глагольные формы со значением обычного, «всегодашнего» действия, две из которых выступают в конце строк в значимой — рифменной позиции: сосут, несут, а две другие образуют внутреннюю рифму: умирает, остывает. Подчеркнуто просты и следующие друг за другом предложения, характеризующиеся в основном прямым порядком слов: Медунницы и осы ... сосут. Человек умирает. Песок остывает...

Обобщенность смысла I строфы создается и непосредственным соединением фраз, в центре которых прямое и переносное обозначения человека: Человек умирает ... Вчерашнее солнце ... несут. Слово солнце поэт неоднократно использовал именно как образ сравнения. О вчерашнем солнце пишет в своих воспоминаниях Н.Я. Мандельштам. Считая, что это сочетание восходит к сло-

вам Гоголя о Пушкине (который вчера еще, как солнце, был центром притяжения людей, а сегодня — мертв и лежит в гробу), она вместе с тем подчеркивает: «для Мандельштама любой человек — центр притяжения, пока он жив, умерший — он мертвое или вчерашнее солнце»⁷.

Во II строфе повествование приобретает личный характер: первая строка начинается эмоциональным Ах, причем междометие придает стиху разговорность, интонацию и сожаления и удивления. Эта интонация сохраняется в первой и второй строках, графически оформляясь восклицательным знаком. Третью строку начинает личное местоимение я в форме род. п.: У меня, которому противостоит в контексте стихотворения, с учетом подразумеваемого звена ты, притяжательное местоимение твое. (Ср. в I строфе отстраненное: ваши приметы). Тема тяжести — нежности развивается здесь как тема любви — разлуки: Легче камень поднять, чем имя твое повторить! Но поначалу она преобразуется в пару тяжелые соты — нежные сети, которая, подобно тяжелой розе I строфы, служит конкретным выражением двух основных понятий стихотворения. При этом содержащийся в первой строке мотив пчел и меда непосредственно связывает I и II строфы. Мандельштам вновь использует прием соположения сходных по звучанию слов, причем фонетическая близость существительных соты и сети усиливается тем, что в них повторяются элементы звуковой структуры опорных слов стихотворения (согласные [с] — [т]). Выбор именно этих существительных для доказательства родства, тождества тяжести — нежности и семантически не случаен. Здесь наполненные медом соты тяжелы, хотя изначально они легкие, созданы из воска — легкого, нежного материала. Сети же, первоначально легкие, функциональны, когда тяжелеют, чем-либо наполняются. И тяжесть и нежность оказываются, все более сближаясь, принадлежностью каждого из названных выше семантических полей — «веса» и «качества».

В контексте строфы важно, на наш взгляд, что сочетание нежные сети ассоциируется и с чувством любви (ср.

⁷ Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1990. С. 97.

любовные сети; попасть в чьи-либо сети — «влюбиться в кого-н.»; поймав в свои сети — «влюбить в себя кого-н.». Первая и вторая строки II строфы образуют единую синтаксическую конструкцию. В первой строке ключевые понятия «тяжесть» — «нежность» даны в конкретизированном виде, в продолжающей ее второй — они неявно присутствуют в словах камень и имя. Камень, излюбленное слово-образ Мандельштама, выступает здесь в сравнении с именем. Лишняя камень присущей ему тяжести, наделяя его легкостью (Легче камень поднять), автор в то же время делает тяжелым, весомым исконно легкое, невесомое имя, имя, которое в размышлениях поэта сопровождается эпитетом нежное: «Когда любовник в тишине путается в нежных [разрядка наша. — Л.Ш.] именах и вдруг вспоминает...»⁸.

Тема любви переплетается во втором четверостишии с темой времени: У меня остается одна забота на свете, Золотая забота, как времени бремя избыть. К доминирующей здесь тяжести притягиваются: забота (ср.: неустанная, тяжелая забота; слово забота в стихотворении значимо — оно употреблено поэтом дважды), общеязыковое сочетание времени бремя (ср.: тяжкое, несносное бремя), избыть (этот глагол с устаревшей, народно-поэтической окраской определяется обычно через глаголы освобождаться, избавляться от чего-н., преодолевать что-н.; ср.: век избыть). Вместе с тем слово забота может рассматриваться здесь и как проявление нежности (ср.: нежно заботиться о ком-н.). Этот смысловой обертон слова заметно усилен эпитетом золотой. Общепозитический эпитет золотой в творчестве Мандельштама также связан с античностью и несет в себе заметный положительный заряд, имеет явно выраженную светлую эмоциональную окраску. Эта окраска эпитета, стоящего в сильной позиции начала строки, настолько сильна, что затрагивает, по мнению Д.М. Сегала, не только определяемое слово забота, но и распространяет свое действие на другое определение (выраженное придаточным предложением): Золотая (какая?) ← забота → (какая?), как времени бремя избыть. Тем самым время обретает свет-

лый, легкий ореол и оказывается причастным не только тяжести, но и нежности. Спаянность слов третьей и четвертой строк подтверждается и звуковыми повторами, перекликающимися со звуковым строем опорных слов: У меня остается одна забота на свете, Золотая забота, как времени бремя избыть.

В III строфе тема тяжести — нежности развивается как продолжение первых двух. Здесь вновь звучит мотив смерти, намеченный в I строфе; строка: Словно темную воду, я пью помутившийся воздух, идущая вслед за стихом о преодолении, избытении времени, вызывает ассоциации с темной водой Леты, реки смерти и забвения в древнегреческой мифологии. Соотнесенностью строк: Человек умирает — Словно темную воду ... — поэт утверждает единство, общность судьбы любого человека и конкретного Я. Кстати, последняя строфа подхватывает линию второй усилением личностного, субъектного начала: вслед за предыдущим У меня возникает я пью. Представлена здесь — уже метафорически — и тема времени: Время вспахано плугом. Смысл этого образа, передающего идею плотности, весомости (= тяжести) времени, Мандельштам раскрывает в статье «Слово и культура»: «Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху»⁹. Важно отметить, что в этой же статье свое понимание времени, истории человечества Мандельштам иллюстрирует строками из стихотворения «Сестры тяжесть и нежность...». Поэт пишет: «Часто приходится слышать: это хорошо, но это вчерашний день. А я говорю: вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катюла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катюла. ... Так, ни одного поэта еще не было. Мы свободны от груза воспоминаний. Зато сколько радостных предчувствий: Пушкин, Овидий, Гомер. Когда любовник в тишине путается в нежных именах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы, и петух, который прокричал за окном, кричал уже в Овидиевых тристиях, глубокая радость повторенья охватывает его, головокружительная радость:

⁸ Мандельштам О.Э. Слово и культура. С. 41.

⁹ Там же. С. 40.

Словно темную воду, я пью помутившийся воздух,
Время вспахано плугом, и роза землею была»¹⁰.

Плотное мандельштамовское время — это субстанция, растворенная в воздухе (пространстве). Воздух в стихотворении тоже вязкий, густой — тяжелый (хотя по природе своей легок): он сравнивается с другим началом — водой: его можно вбирать в себя (я пью), он характеризуется как темный, помутившийся. Некоторые исследователи трактуют сочетание помутившийся воздух как неспокойный воздух современности, неявно противопоставленный легкому, незаметному воздуху обычной жизни. Возвращаясь в конце стихотворения к образу розы, поэт связывает ее с субстанцией земли через временное начало: Время (как земля, чернозем) вспахано плугом, и роза землею была, то есть тяжелая земля породила тяжелую и нежную розу.

Анализ третьей и четвертой строк: В медленном водовороте ... — показывает, что в них усиливается единство двух сущностей: сначала тяжесть и нежность связываются «как два однородных определения и сразу же — как два однородных подлежащих при сказуемом единственного числа (заплела)»¹¹. Таким образом, заключенная в первой строке стихотворения общая мысль о сходстве, общности тяжести и нежности (Сестры тяжесть и нежность...), конкретизируясь в своем развитии и повторяясь в конце стихотворения (Розы тяжесть и нежность...), обретает завершенность. Двойные венки, в которые заплетены розы тяжестью и нежностью, выступают здесь неким символом полного взаимопроникновения двух сущностей, такого их переплетения, при котором отделить одну от другой уже невозможно. Постановка в последней строке восклицательного знака несет в себе и некую удовлетворенность автора найденным решением. Заметим также, что завершенность, закругленность повествования проявляется не только в прямом повторе слов первой и последней строк стихотворения, но и в сходстве их звуковой организации. «Своеобразная зву-

ковая композиция» проявляется здесь в том, что «консонантный состав слова одинаковы в конце стихотворения распределяется между двумя словами, образующими сочетание двойные венки...»¹².

Структурно-смысловый анализ стихотворения «Сестры тяжесть и нежность...» показывает, что оно представляет собой единое семантическое пространство. Единство обеспечивается вертикальными и горизонтальными лексическими связями — прежде всего повторяемостью в строках и в строфах опорных слов и однокоренных с ними, а также способов их связи друг с другом и с иными словами. Ср:

I строфа (1)	тяжесть и нежность
(2)	тяжелую (розу)
II строфа (1)	тяжелые (соты) и
	нежные (сети)
III строфа (2)	(роза)
(3)	тяжелые, нежные (розы)
(4) (Розы)	тяжесть и нежность

Как видно, слова тяжесть и нежность употреблены по 2 раза — в первой строке I строфы и в последней строке III строфы; прилагательное тяжелый встречается 3 раза: во второй строке I строфы, первой строке II строфы, третьей строке III строфы; прилагательное нежный употребляется 2 раза — в первой строке II строфы и в третьей строке III строфы; очевидно, что наибольшая контактность ключевых слов присутствует в заключительной строфе. К ключевым единицам стихотворения примыкают по смысловым обертонам, как было показано, и многие другие слова, среди которых также есть повторяющиеся: роза — 4, забота — 2, время — 2; ср. также вода, водоворот. Особенно весомо семантически последнее четверостишие, в котором не только по 2 раза повторяются отождествляемые поэтом понятия, но и троекратно воспроизводится имя роза как носитель единства этих двух сущностей; роза — слово традиционного поэтического лексикона — обретает у поэта необычное семантическое наполнение. Таким образом, если попытаться опреде-

¹⁰ Там же. С. 40–41.

¹¹ Силард Л. Указ. соч. С. 81.

¹² Кожеевникова Н.А. Об одном приеме звуковой организации стиха // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982. С. 284.

лить степень наличия в стихотворении темы тяжести — нежности через число слов, непосредственно и опосредованно относящихся к ней, то будет ясно, что тема эта составляет устойчивый стержень стихотворения.

Единством отличается и звуковое пространство стихотворения. Оно характеризуется многократной повторяемостью в словах согласных звуков, организующих ключевые лексические единицы. Так, в I строфе согласные [с], [т], [н] отдельно и в сочетании друг с другом присутствуют в большинстве слов: *медуницы, осы, тяжелую, сосут, умирает, песок, остывает, согретый, солнце, на черных, носилках, несут*. В то же время в строфах складываются и свои фонетические связи, придающие каждой из них особую звуковую окрашенность. Например, во второй строке III строфы отмечается повтор в каждом последующем слове звука предыдущего слова, но в ином окружении; например, в первом предложении: *Время — вспахано, вспахано — плугом*; во втором предложении: *и роза — землею, землею — была*. Ср. также *плугом — была*.

Стихотворение «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» принадлежит, по мнению С. Авринцева, к наиболее абсолютным образцам срединного периода творчества Мандельштама. Разнообразными словесно-образными нитями оно связано со многими другими произведениями поэта. «Сестры...» перекликаются со стихотворениями: «В хрустальном омуте какая крутизна!» (1919) (Я христианства пью холодный горный воздух...); «Черепаша» (1919) (На радость осам пахнет медуница...; ср. строки из стихотворения 1937 г.: *Вооруженный зреньем узких ос, Сосущих ось земную, ось земную...*); «Венецийская жизнь» (1920) (Всех кладут на кипарисные носилки ... // На театре и на праздном вече Умирает человек. ... // Человек родится, жемчуг умирает ...); «Нашедший подкову» (1923) (Воздух бывает темным, как вода ... Воздух замешан так же густо, как земля, — Из него нельзя выйти, в него трудно войти) и др. Обращение к этим и другим фрагментам из произведений поэта расширяет возможности исследователя в интерпретации всех смысловых пластов и средств выразительности одного из наиболее сложных стихотворений Осипа Мандельштама.

К 80-летию со дня рождения Анатолия Зверева

Наталья ШМЕЛЬКОВА

ЗВЕРЕВ, ОН ЖЕ ХРИСТОФОР КОЛУМБ

Из воспоминаний

Познакомил меня со Зверевым в 1976 году художник Лев Рыжов. Как-то позвонил по телефону и сказал, что через час-другой зайдет со своим другом. И вот, открывая дверь. Они. Незнакомец представляется: «Христофор Колумб». В руке у Христофора раздутая какими-то нескончаемыми свертками авоська. Через прорванную бумагу одного из них проглядывает большая рыба голова. Облачен он сразу в две рубашки и обе — швом наружу. Уже сталкиваясь в среде художников с этой странной модой, спрашиваю: «Скажите, а вы случайно не ученик Василия Яковлевича Ситникова?» В ответ слышу: «У художников, детка, очень нежная кожа, и швы ее сильно трут, вот поэтому так и ношу». Садимся за стол.

Пока жарится принесенная рыба, разливаю суп. Зверев смотрит на свою тарелку подозрительно, потом медленно встает из-за стола и резким движением выплескивает ее в раковину. Недоумевая, наливаю вторую, но участь ее та же. Чувствую, что он за мной наблюдает, — как отреагирую. Ну что ж, думаю, игра так игра — и наливаю третью, четвертую... но все опять — в раковину. Наконец, не выдерживаю. «Послушайте, — говорю. — В кастрюле почти ничего не осталось. Может быть, вы съедите хоть одну тарелку?» И наконец Зверев милостиво уступает.

А потом — игра в шашки, в поддавки. Фигур на доске не хватает, и недостающие Зверев заменяет крышками от принесенного им пива. Выигрываю партию, от чего его охватывает гнев. От неожиданности я чуть не плачу. И вот тогда он просит бумагу, кисти, краски и за несколько минут пишет мой портрет. Он выплескивает на бумагу целый таз воды, молниеносно замешивает на ней кистями выдавленную из тюбиков краску, резко прочерчивает кухонным ножом какие-то линии, и вот портрет готов, и он — замечательный.

Зверев писал всем, что попадалось под руку. Помню, как на квартире у одного художника он взял с тарелки кусок нарезанной свеклы и на удивление присутствующим сделал им одной линией с кого-то великолепный набросок. Посмотрев на него, Зверев иронично хмыкнул: «Похож». Что тут началось! Многим, даже ни разу не державшим кисть в руке, тут же захотелось рисовать. Хозяин дома еле успевал снабжать желающих бумагой. Через несколько минут кухня, где все сидели, превратилась в студию.

Что бы ни делал Зверев — рисовал, писал экспромтом стихи или играл на рояле, чему он никогда не учился, — собою просто заражал и, находясь в привычной для себя обстановке, всегда был в центре внимания. Он не мог обходиться без людей, и тяга его к ним была вызвана не просто бегством от одиночества, но и необыкновенной душевной щедростью, артистизмом, которые необходимо ему было как-то реализовать, выплеснуть.

Через Зверева я познакомилась с вдовой поэта Николая Асеева — Оксаной Михайловной. Она меня сразу покорила, особенно своим нежным, терпимым, почти материнским к нему отношением. В ее доме Толя мог позволить себе и разгуляться, зная наперед, что здесь ему все простят. Например, несет он из кухни полную кастрюлю горячего компота. Вдруг делает вид, что обжигает руки, и — весь компот на полу, на ковре. У Зверева притворно виноватый вид, а Оксана Михайловна сердится не больше минуты. Вспоминаю, как одна московская коллекционерша, хорошо знавшая Зверева, как-то про него сказала: «Отыгрывается на тех, кто его любит». Зверев, любивший писать экспромтом стихи, очень многие из них посвятил Оксане Михайловне. Вот один из них:

*Упавший лист (златою-непогодю);
— Я — негодую — и — томлюсь душой —
своей;*

*— Что — вам — угодно?.. — лист спросил —
Дубовый, — и я ответил: «Думаю...
о — Ней!»*

*Лучшее — это: ...ветер и — «зной»,
Что — «со-мною»... в цвете — «сини»;..
Это листья-осенние... «наперебой»;..
Песнь поют «Есенина»..
Про Асееву — Оксану — весеннюю,
Что лежит «сырой — травой»,..
И «не отравой» — дерева-«зверева»; -*

Оксане Михайловне было не по душе, когда Зверев называл ее «старухой».

— Поймите меня правильно, — как-то сказала она. — Я понимаю, конечно, что у вашего поколения такое обращение принято, но я-то действительно женщина преклонных лет!

Передаю ее слова Толе. На следующий день Асеева, заливаясь своим звонким молодым смехом, сообщает:

Только что звонил Анатолий и спросил: «Старик, ты не одолжишь мне рубля три на пиво?»

Зверев любил рассказывать ей о своих знакомых, да и о себе самом самые невероятные истории, и наивно-доверчивая Оксана Михайловна всему верила. Как-то она сама мне позвонила.

— Деточка, — слышу в трубке ее голос. — Как же это могло случиться, как вы себя чувствуете?

Ничего не понимая, спрашиваю:

— А что, собственно, случилось?

— Да как же! Вчера заходил Толечка и рассказывал: «Слушай, иду я по улице Горького и встречаю Наташку. Приспичило ей газировки выпить, а стаканы из автомата растащили, конечно. Опустила она три копейки в автомат, голову прямо внутрь сунула, а вытащить обратно не может, голова-то большая. Народишу собралось... Милиция...»

В своих проявлениях Зверев был непредсказуем. Привела я как-то к Асеевой посмотреть на его шедевры своих знакомых — почтенную семейную пару. У Оксаны Михайловны — Толя. Она, торопясь уйти на некоторое время к своей сестре, художнице Марии Синяковой,

строго-настрого наказывает денег ему не выдавать, как бы ни просил. Как только захлопывается за нею дверь, Зверев, хитро сощутив глаза, начинает взывать к милосердию: «Детули, ну хоть бы по ко-пе-е-ечке...» Посетители ерзают, у них на визит не больше часа времени. Незаметно для Зверева договариваемся ему уступить, но так, чтобы на желаемое не хватило. Набираем со скрипом какую-то сумму. Толя сразу успокаивается. Неторопливым движением он запускает руку в карман пиджака и, вынув из него пачку десятирублевых, начинает смачно отсчитывать: одна, две, три, четыре... Потом, обращаясь к гостю, командует: «Ну, ты, ослиная морда, быстро за коньяком. Три бутылки! Гав!»

Все происходит так неожиданно, и глаза Зверева так уморительно по-детски задиристы, что «Ослиная морда» и не думает обижаться. Сокрушенно разведя руками, гость берет деньги и, как под гипнозом, выплывает из квартиры. И вот коньяк на столе. Вредно позыркивая на нас глазами, Толя открывает сразу три бутылки и поливает их содержимым все стоящие на подоконнике в горшках цветы. Последними, оставшимися на дне каплями коньяка, он орошает себе голову, характерным движением втянув ее в плечи, и при этом странно хихикая. Смотрю на своих знакомых — немая сцена...

* * *

Как-то мы с Толей заехали к нему домой в Свиблово. Быть он там не любил из-за частых и неожиданных визитов милиции, а потому называл Свиблово — «Гиблово». В маленькой однокомнатной квартире тогда еще жила его мать — Пелагея Никифоровна. Как только она открыла на наш звонок дверь, то сразу мне понравилась, особенно глаза, — живые и пронзительные. В бедно обставленной, но чисто убранной комнате ничего лишнего — диван, отделенный матерчатой занавеской, стол, несколько стульев, кровать, шкаф. Толя попросил переодеться, и Пелагея Никифоровна выдала ему на выбор несколько чистых рубашек. Чувствовалось, что она всегда была готова к его редким и неожиданным приходам.

В Свиблово Зверев почти не рисовал, но показывал мне — извлеченную из большой папки — целую пачку своих

ранних работ. Это была прекрасная графика; в основном рисунки животных и портреты. На подоконнике я заметила запачканную старой затвердевшей краской вазочку с сильно потертыми кистями и попросила одну из них мне подарить. Толя, сделав ножом на конце кисти срез, шариковой ручкой аккуратно подписал: АЗ-76. Потом он извлек из какого-то ящика мастихин, явно не отечественного производства, и протянул его мне: «Возьми, это подарил мне на фестивале Сикейрос». Я стала отказываться — не надо, ведь это такая память, — но Толя повторил: «Да бери же, все равно сопрут».

От Пелагеи Никифоровны я впервые услышала о Толых детях — дочери Верочке и сыне Мише, которых он после развода с женой уже многие годы не видел. Многим знакомым Зверева казалось, что, живя свободно, как птица, он о детях своих чуть ли не забыл. Но вспоминая, как близкий его друг, художник Дмитрий Плавинский, однажды сказал: «Хорошо бы Зверева снова познакомить с детьми, только встречу с ними надо как-то продумать и заранее его к ней подготовить». И вот, встретив Толю у общих знакомых и забыв о наставлениях Плавинского, я в разговоре нечаянно ляпнула: «Толя, а тебе не хотелось бы повидаться со своими детьми?» Пребывавший в прекрасном расположении духа Зверев вдруг резко отвернул голову к окну. Через несколько секунд он уже снова весело балагурил, но на глазах его еще были заметны следы внезапно намернувшихся слез.

* * *

Зверев любил рисовать животных и часто посещал зоопарк. Однажды мне посчастливилось отправиться туда вместе с ним. Наброски посыпались в маленький альбомчик сразу, как только вошли. Рисовал Толя почти всех и почти на ходу. Особенно мне запомнилось, как позировал (именно позировал) ему лев. Томившийся от жары и неволи зверь, распластавшийся в тесной клетке, мрачно поглядывал на толпившихся вокруг посетителей. Толя подошел вплотную к клетке и, периодически простреливая глазами льва, почти не глядя на бумагу, стал стремительно наносить на нее штрихи. Как на сеансе гипноза, лев вдруг медленно поднялся с пола и, приблизившись к

решетке, в упор уставился на Зверева. Так и простоял он, почти не шелохнувшись несколько минут, пока рисунок не был закончен. Невозможно было не обратить внимания на реакцию посетителей — и детей, и взрослых. На льва уже никто не смотрел. Все, затаив дыхание, наблюдали за Зверевым. Рисунок получился замечательный, и, глядя на него, невольно вспомнила строчки Блока:

*Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы.*

Я не помню точно, в каком году в Третьяковской галерее проходила выставка портрета. Несмотря на сильный мороз, очередь выстроилась огромная. Зная о знакомстве Зверева со многими работниками Третьяковки, я попросила его провести меня через служебный вход. На выставке Толя первым делом отправился в буфет для сотрудников, где, как он успел выяснить, было чешское пиво. Закупив десять бутылок, Зверев широким жестом разом выставил их на столик, за которым две дамы оживленно беседовали об искусстве. Помню, как они посмотрели на нас с немым укором. Толя явно бравировал, тем более, как потом выяснилось, дамы эти показались ему подозрительными, а подозрительных он недолюбливал. Посидев в буфете и загрузив оставшееся в авоську, Зверев плавной походкой направился в зал. Стоящая у входа смотрительница, пожилая, интеллигентного вида женщина, посмотрев на нашу ношу, вежливо запротестовала: с такой сумкой в зал входить нельзя. «Тогда я не пойду», — закапризничал Зверев, и, к моему удивлению, она начала его уговаривать все же посмотреть картины. Конечно, она Толю знала. Через несколько минут Зверев предложил немедленно покинуть зал, пообещав при этом часа за два, за три у кого-нибудь из знакомых нарисовать все, что в нем было выставлено. Уходить так скоро, конечно, не хотелось, и, чтобы лишить Толю в своем лице терпеливого зрителя его забав, я предложила хоть какое-то время походить по выставке отдельно. Как сейчас вижу его перед собой. Оставшись один и не чувствуя, что за ним наблюдают, он долго стоял неподвижно, слегка наклонившись вперед, перед какой-то картиной.

Не знаю, чем она привлекла его внимание, понравилась или нет, но казалось, что он взглядом своим, как рентгеном, просвечивает холст. От сцены этой трудно было оторваться. Как известно, смотреть умеет каждый, но не каждый умеет видеть. Зверев умел.

Как-то на собрании Городского комитета графиков одним из присутствующих было предложено ходатайствовать о присвоении Звереву звания «Народного художника СССР». Предложение это вызвало у многих веселый смех: независимого и неуправляемого бунтаря Зверева представить в этом «почетном звании» действительно было невозможно. Один из художников пошутил по этому поводу: «А что, — сказал он, — Зверев действительно народный художник. Я вот недавно лежал в больнице, и что же вы думаете? У моего соседа по палате, работяги — алкаша из Подмоскovie — оказалось несколько его работ!»

Картины Зверева действительно можно было встретить в самых разных домах, и судьба их пестра. Прекрасно зная цену своим работам, он щедро раздаривал их порою малознакомым людям, в домах которых находил ночлег, а если и продавал, то за бесценок. Еще при жизни художника подделки под его картины гуляли по Москве, а после смерти картины за большие суммы продавались на аукционах. Работы обменивали, перепродавали, выпрашивали, похищали, шедевры погибали в огне при пожаре, они не только вставлялись владельцами в добротные рамы — ими (бывали случаи) могли накрыть мусорное ведро или просто выбросить. Помню, как освобождался под учреждение дом на улице Рылеева, в котором Зверев часто останавливался у художника Виктора Михайлова. Наступил момент, когда Михайлов остался во всем доме один и, не желая выселяться, забаррикадировал входную дверь своей квартиры. В один из дней к нему все же ворвалась истомившаяся от долгих ожиданий общественность. Соппротивление было бесполезно. Незатейливый скарб художника выволакивался во двор, где складывался в специальный контейнер, а то, что было полегче, например картины Зверева, с улюлюканьем и гиканьем просто выбрасывалось из окна. В от-

вет на наше возмущение слышался хохот: «И эта мазня называется картинами?»

Единственным, кто смущал налетчиков, был находившийся в это время у Михайлова писатель Венедикт Ерофеев. Сжав в руке свой аппарат (при помощи которого он говорил после операции), Веничка с бесстрастным видом внимательно наблюдал за происходящим. Незнакомый предмет в руке Ерофеева несколько насторожил общественность. Помню, как ему чуть ли не приказали: уберите свой магнитофон и прекратите записывать.

* * *

Уже потом, когда Толи не стало, я посвятила ему стихотворение.

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ЗВЕРЕВА

Да, рядом с нами жил Ван Гог.
Но после смерти нужен срок,
Чтобы признание пришло.
На этот раз оно взошло
Еще при жизни, видит Бог.
Да, рядом с нами жил Ван Гог.

Он мог нарисовать весь мир.
Где он бывал — был всюду пир.
Он погружал то в смех, то в плач.
Он был и жертва, и палач.
Палач — где не душа, а фарш.
И обнажалась кистью фальшь.

Он нищим был и богачом.
И слабаком, и силачом.
Сносил гоненья, недоверье,
С улыбкою прощал Сальери.
И часто спал он у дверей
Своих поклонников-друзей.

Он виден был издалека.
Походка... Так была легка.
Одежда? Разве в этом соль?

Шагал по улице король!
Шагал по улице Сократ.
Нет. Он мудрей был во сто крат:

Свободней — не было его.
Отказываясь от всего,
Раздаривал себя вразнос.
И пил, и голодал, и мерз,
Но все, что надо, — сделал в срок.
Да, между нами жил Ван-Гог.

55 лет назад ушёл из жизни Эрнест Хемингуэй

Елена КАЦЮБА

ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ ХЕМИНГУЭЯ

Существует представление о любви, которая сильнее смерти, хотя правильнее было бы сказать — сильнее жизни. Никто не знает, соединились ли Ромео и Джульетта после смерти или все произошло, как в стихотворении Лермонтова: «Но в мире новом друг друга они не узнали». Вариантов жизни после жизни несметное количество — от чисто растительного существования в виде травы или цветка до бесконечного странствования по вселенной в самых разных обликах. Все сходятся только в одном: та жизнь совершенно не похожа на эту, земную. Другой вопрос — есть ли там любовь? «Бог есть любовь», — сказал Иисус Христос, но он же заметил, что «в царстве Божиим не женятся и не разводятся». Значит ли это, что там нет ни страсти, ни ревности, ни горечи расставания, ни радости встреч?

История Орфея и Эвридики свидетельствует о том, что со смертью тела умирает и чувство. Испив воды забвения из реки Леты, человек погружается в нирвану — бытие-небытие. Эвридика не то что бы не хочет вернуться, не то что бы забыла Орфея, просто у нее нет ни чувств, ни памяти. Она стала тенью.

Но тень тени рознь. Тургенев, например, считал, что после смерти любовь может стать еще сильнее. Его Кларе Милич только из потустороннего мира удалось завладеть своим возлюбленным. Но в то же время таинственная женщина Элис является из глубин вселенной, чтобы испытать любовь — набраться жизни. Видимо, там, в глубинах космоса все-таки нет теплого, земного чувства, хотя люди всегда надеялись звезды и планеты человеческими качествами. Богиня любви Венера ходит низко над горизонтом, словно соединяя в любви небо и землю, Луну и Солнце. Хотя Солнце и Луна принадлежат двум разным мирам и соединиться не могут, бывает время, когда они видны на небе вместе. Это закат. Именно о таком закате — любви на грани жизни и смерти — рассказывает в романе «За рекой в тени деревьев» Эрнст Хемингуэй. Его стихии — огонь и вода. Вода — это безбрежное море, где рыбак в лунной лодке ловит звездную Рыбу. Но она всегда ускользает, сгорая в огне восходящего солнца. Огонь воплощен в войне. Писатель говорит: «Прощай, оружие!» — но все время возвращается к нему, ибо никогда не может окончиться священная война между тьмой и светом. Герой романа, полковник Кантуэлл, прирожденный воин, воплощает в себе всех воинов от античности до XX века. Даже его глаза серые, «как старый боевой клинок», а сломанный нос — «как у гладиатора на какой-нибудь древней скульптуре». О любви он размышляет словно о войне: «Женщину теряешь так же, как теряешь свой батальон, — из-за ошибки в расчетах, приказа, который невыполним и невыносимо тяжелых условий... Я терял в жизни три батальона и трех женщин...» Он знает, что война никогда не кончится и остановить ее он не может, разве что расстанется с жизнью. Но и тогда прекратится только его война, благородная и открытая — рукопашная схватка лицом к лицу. На смену ей приходит безжалостная война машин. Шлем легионера преобразился в танк, меч — в самолет. Ни из танка, ни из самолета не увидишь лица противника. Античный шлемоблещущий Гектор бессилен перед гремющей военной техникой нового времени. Уставшему от огня воину — заходящему Солнцу является молодая Луна — венецианка Рената. По ее следам на го-

род наступает вода, умиряя огонь. У нее профиль, от которого «щемят сердце» — профиль Марии-Антуанетты, казненной королевы. Ее голос напоминает виолончель Пабло Казальса, а имя начинается с ноты ре, но «ре» (re) по-итальянски означает также «король». Рената окружена всеобщим восхищением, даже поклонением, потому что «моложе и древнее самой преисподней». Королева смерти награждает своего воина любовью: «Я буду любить тебя, чего бы это мне не стоило... я буду любить тебя, пока мы живы и даже после».

Но в любви полковник так же честен, как в своем ремесле: «Я не уверен, что можно любить после того, как умрешь».

На самом деле он уже там — на той стороне. Он попросился с жизнью еще до того, как въехал в Венецию, на месте своего первого ранения. Железо, деньги и кровь — вот все, что остается на земле после смерти солдата, вот достойный памятник солдату всех времен и народов. Его сердце отсчитывает последние часы. Он так начинен таблетками нитроглицерина, что его друг врач, понимая, что больше они не увидятся, грустно иронизирует: «Только смотри не стукнись обо что-нибудь твердое и следи, чтобы в тебя не попала искра... Хорошо бы на тебя навесить предохранительный знак, как на цистерну с горючим». И хотя на свое последнее свидание полковник едет на старой лодке, больше похожей на гоночный катер, чем на ладью Харона, все равно он принадлежит уже иному миру. Вся Венеция с ее мостами и каналами для него — сплошной переход, ведь смерть может ожидать его у каждого моста, в любом коридоре отеля, и потому ключ в двери он поворачивает так, будто совершает таинственный обряд.

Говорят, что в критические моменты жизни человек за одно мгновение успевает увидеть всю свою жизнь. Для полковника это мгновение растягивается на сутки. Он исповедуется Ренате — Венеции — Венере, соединяя в ее образе итальянские слова с корнем «ven»: Venere (Венера), veneto (венецианский). И Венера, и Венеция — обе они рождены морем, возникли из морской пены. Vena — это вена, ведь каналы, как вены на теле Венеры-Венеции, но еще vena означает «вдохновение». Venusta

(венуста) — красота, *venuta* (венута) — пришествие, *ventura* (вентура) — судьба, случайность. Ее все время сопровождает яростный ветер — *vento*, словно потусторонний сквозняк, для которого полковник настежь открывает окна своего номера в отеле. Но как в ее душе нет амоге *venale* (продажной любви), так в нем нет мысли о мести (*vendetta*). И кроме того, они встречаются в пятницу — *venerdi* (венерди) — день Венеры.

У Венеры обычно два облика: священная блудница вечером и непорочная дева утром. Но для возлюбленного она отказывается от своей вечерней, священно-порочной ипостаси. Он уже полностью принадлежит ей — телом. Теперь ей нужна его душа, очищенная исповедью. Рената для него и солнце, и луна, и любая другая планета: «Я даже могу тебе точно сказать, где эта планета находится... Если хочешь, будь целым созвездием!» Но она отвечает: «Нет, я лучше буду луной». Месяц и звезда — это сочетание на небосводе знакомо всем. Античная, языческая Венера, осененная лунным христианским нимбом — вот образ Ренаты. Для нее изуродованная на войне рука полковника — свидетельство святости, а его раны для нее как стигматы: «Мне снилось, что это рука нашего Спасителя». И это не богохульство, ведь воин действительно спас мир от черной смерти — фашизма. Он же шуточно спрашивает ее: «Ты ни разу не пыталась попасть в царицы небесные?» Она и есть ночная богиня, царица подземного мира, и окружает полковника, как вселенная. В руках у нее тяжелые квадратные изумруды, перешедшие к ней по наследству — за ними тянется вереница уже ушедших бабок и прабабок. «Думаешь, приятно носить эти камни, которые достались тебе от мертвецов?» — говорит она и вкладывает в раненую руку возлюбленного свои мистические камни.

Изумруд — это талисман Изиды, камень Венеры, который должен дать полковнику радость и любовь, укрепить его больное сердце. В эпоху Возрождения влюбленные обменивались изумрудными кольцами, которые скрепляли любовь и были залогом супружеской верности. И хотя здесь не может идти речь о браке, ведь «в Царстве Божием не женятся и не разводятся», воин, принимая этот дар, вступает в мистический брак с Венерой. Вместе с Ренатой они плывут в гондоле — черной лодке, накрывшись одея-

лом, словно готовятся к обряду погребения. Прикасаясь раненной рукой к изумрудам, он как бы читает *Tabula Smaragdina* — Изумрудную скрижаль Гермеса Трисмегиста, где секретным алхимическим языком записаны тайны жизни и смерти, способы превращения элементов, а Рената в этот момент проникает в его подсознание, сверяя то, что он говорит с его тайными мыслями. Ведь изумруду приписывалась именно такие свойства.

«Я хочу быть тобой», — говорит Рената. Она хочет не просто принять исповедь, она хочет почувствовать все то, что пережил ее возлюбленный, очистить его душу от всего грубого, тяжелого, земного, армейского и воспарить вместе с ним в тот мир алхимические чистым веществом — любовью. Она не считает ремесло воина грязным: «Это самое древнее и самое лучшее ремесло, хотя большинство из тех, кто им занимается, — ничтожные люди». Безмолвная лодка скользит по прибывающей воде, проносится под мостами. «Не будь грубым», — постоянно напоминает девушка, принимая исповедь воина, ибо сказано в Изумрудной скрижали: «С тобой я буду способен преодолеть все вещи и превратить все тонкое и все грубое». Целуя ее, полковник чувствует, как из его души уходит даже горечь. Она говорит: «Вот теперь я — это ты... Я только что взяла город Париж», — так античные боги ни участвовали в земных битвах.

Но исповедь подразумевает раскаяния и прощение. Мало того, ему предлагается сделать выбор. Перед ним два варианта. Первый — оставить все, как есть, и уйти в неизвестность непобежденным воином. Второй — раскаяться и прожить еще одну жизнь, после смерти, с любимой женщиной и пятью сыновьями, которых она ему родит. Полковник принимает свое решение. За минуту до кончины он вспоминает слова генерала Томаса Джексона, который перед смертью приказал готовиться к атаке, потом начал бредить и сказал: «Нет, нет, давайте переправимся и отдохнем там, в тени деревьев». Полковник Кантуэлл понял, что любовь — это великое чудо, которое не делится на «здесь» и «там», но и здесь и там за него надо идти в атаку. Так прочитал Эрнст Хемингуэй Изумрудную скрижаль любви: встреча — пятница, расставание — суббота, смерть — воскресение.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Александр АНТИПОВ

* * *

Милая, это глупость,
Что я умру,
Даже когда я стану
Неосязаем.
Старые фото
Волей-неволей врут,
Но существуют
Вместо своих хозяев.

Старые фото
Передают черты
И никогда о будущем
Не пророчат.
Вспышка мигнула —
И по-привычке ты
Замер в попытке
Собственного бессрочья.

Вот бы, как рану,
Память перевязать,
Сделаться копией
Мальчика с фоторамок,
Где у него
Честнее моих глаза,
Где вспоминать о прошлом
Смешно и рано.

Перед собой когдатошним
Я стою,
Осознавая: Боже,
Как время тонко!
Дети, взрослея,
Больше не узнают
Даже самих себя
На потёртых плёнках.

И примеряют тени
Своих отцов,
Чтобы отцы всегда
Оставались живы.
Наша планета —
Чёртово колесо
С функцией
Обновления пассажиров.

Но, прорастая в детях,
Как новый сад,
Мы не сойти с неё
Получаем шансы.
Милая, это глупо —
Держаться за
Тех, кто не стал бы сам
За тебя держаться,

Тех, кто на старых фото
С тобой заснят,
Но от кого осталась
Живая пустошь.
Милая, я прошу до крика —
Держи меня,
Чтобы я верил в то,
Что ты не отпустишь.

Сердце возьми
И фото мои возьми,
Чтобы на фоне
Самых бедовых бедствий
Мы, как сады листвой,
Поросли детьми,
Как горизонт в закат,
Прорастая в детство.

Нам умирать с тобою —
Вообще никак,
Даже когда закружится
Старость вальсом.
Наша прямая суть —
Не застыть в веках,
Но продлеваться, милая,
Продлеваться.

Вдоль поколений
Звуком имён своих
В детях, что нашу молодость
Подобрали
И узнавать себя,
Узнавая их
На отпечатках будущих
Фотографий

* * *

Я не знал Иисуса, не видел Будду,
Но считал, что правда не выйдет боком
И уж раз любить, то любить, как будто
Ты ничем не хуже любого бога,

Что важнее то, кем ты смог остаться,
А не то, какие иконы в доме.
Я всё чаще помню свои пятнадцать:
Я учился верить любому, кроме

Самого себя. И теперь я вижу,
Что короче дни, но сильнее усталость,
Что наивней детства одна лишь старость
На примере тех, кто сегодня ближе.

Под ногами город, бетонка, площадь:
Я иду, себя представляя пьяным.
Оказалось, жить — это много проще,
Чем во что-то верить и строить планы.

Голоса грубеют, слова грубеют,
И число потерь не сочтёшь по пальцам.
Разлюбить бывает порой нужнее,
Чем бороться или сопротивляться,

Разлюбить без меры и без предлогов,
Без корявой лести и безответно.
Я не смог ни в чём поравняться с Богом,
И спасибо, Боже, тебе за это.

* * *

Мы в девяностых вершин не брали,
Оставшись безвожаковой стаей,
Но, изменяясь, себя ломали:
В такие дни виноватых нет.
Мы, слишком гордые и босые,
Не признавали своё бессилье
И так хотели побыть большими,
Хоть мы пылиночки не крупней.

Как будто в духе шестидесятых
Мы были верой в себя объяты —
И «коммуняки», и «демократы»,
Но доставалось, и тем, и тем.
А что свобода? Её — крупницы.
Но в честь свободы порвав границы,
Мы обложили себя гранитом
И перессорились насовсем.

На Институтской и на Неглинной
Казалось это необходимым.
И, беловежскую скинув зиму,
Мы были твёрдо верны весне.
И нам казалось, что мы в начале,
Что после будет, куда причалить,
Что революция очищает,
А получилось — куда грязней?

Ну как же так, что, пройдя сквозь годы,
Мы в ту же самую лезем воду?
И снова крики про «власть народу»,
А власти не было, как и нет.
Ну как же так, что одно и тоже?
Неужто мы до того похожи,
Неужто мы без царей не можем,
А всех убогих опять к стене?

Мне не за прошлое жаль — за это
Слепое время, где спят поэты,
Где подхалимство и кабинеты
По старой дружбе опять сильнее.
И если в наших домах кроваво,
Я проклиная борьбу за право
Считать преступной любую правду,
Хоть чуть отличную от моей.

Я ненавижу делёж на страны,
Пальбу в семнадцатом и майданы.
Я не за тех, что над нами встанут —
За власть я глотку свою не рву.
Но помню танки на Красной Пресне.
Окно истории занавесив,
Из революции сделав песню,
Мы позывных её слышим звук.

Вот только тем он всегда и страшен,
Что на врага нет намёка даже,
Что это — наши стреляют в наших,
Не собираясь себя жалеть,
Что мы под разное лезем зная.
Когда-то было: «Москва за нами».
А что сегодня? Я сам не знаю.
И мне от этого тяжелей

* * *

Есть очень страшная примета
Для нашей раненой страны —
Когда мы в шаге от войны,
Когда всё сказано и спето,
В стране рождаются поэты:

Не те, что вдруг из-за спины
Однажды вырвутся в чины,
Обив пороги кабинетов.
В стране рождаются поэты
Совсем нездешней глубины.

Они всегда обречены
Светить вокруг, не видя света,
Быть отражением портретным

Эпохи той, где мы больны.
Умы всегда обречены,
Ещё не понимая это.

Разнятся виды тишины.
И вот, заламывая руки,
На сцену лезут крикуны —
Они везде разрешены
И славе крохотной верны.
Интеллигенция по-русски?
Нет, врёт, силы не равны:

Интеллигенты не в чести,
Когда свирепствуют кликуши.
Поэт в России безоружен,
Пока в полях словесной чуши
Неловко слову прорасти.

Поэт в России вопреки —
Не свяжет если, так разрубит.
Интеллигенция разрухи,
Интеллигенция тоски.

Покуда сводятся концы,
Пока не бьют под дых прикладом,
А совесть пропитана, и ладно —
Идёт обычный геноцид
Умов, науки и таланта.

Стандартизация в делах
И уравниловка в поэтах.
И ты встревожен, если где-то
Вдруг пробивается талант.

Ох! Это явно не к добру,
Ах, как бы что-нибудь не вышло.
Поэт в России еле слышен
До той поры, пока вокруг
Не затрубят. И звоном труб

Не подадут очередной
Сигнал к позору и погрому.
И лишь тогда поэт огромен,
Когда страна идёт на дно.

И лишь тогда он силуэт
Надежды с привкусом мессии.
Поэт, родившийся в России,
Не делай, как бы ни просили,
стихов о будущей войне.
Не будь пророком этой силе,
Коль без тебя пророков нет

Валентин КУКЛЕВ

В ПОИСКАХ АНДРОГИНА

(Главы из романа. Продолжение. Начало в «Словесности 2008»)

Книга, которую трудно найти

Эту книгу В. действительно было трудно найти в городской Чертковской библиотеке, ныне больше известной как Историческая библиотека. Имя Александра Дмитриевича Черткова, к сожалению, незаслуженно забыто в советское время, хотя в XIX веке это был известный общественный деятель Москвы и коллекционер. В основанной им в 1863 году библиотеке была собрана иностранная литература, литература по истории России и другие редкие издания, это было наиболее ценное собрание книг по истории в начале XIX века. «Хотя Чертковская библиотека была сравнительно невелика, но до образования в Императорской публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека) отдела «Rossica» она представляла единственное в России ценное собрание книг о России и славянах, а по обилию редчайших изданий служила и служит богатейшею сокровищницей» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона).

В советское время взять книгу из спецхрана было почти невозможно, нужно было получить допуск.

Эта необычная книга находится в уютном «Кабинете востока» Исторической библиотеки Москвы, в единственном экземпляре. Её трудно найти, так как каталожный номер не совпадает с тем, что написан на твёрдом стандартно — советском библиотечном переплёте, который делает её банально непримечательной — «без имени,

без племени». Первый титульный лист склеен из мятых разорванных кусков, на которых читаем размашистую рукописную надпись: «На память от автора 16. IX. 1918 г.» Это книга В. М. Алексеева «Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства».

А дальше начинается фантазмагория: алхимия смыслов, символов, знаков и понятий.

Итак: «Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства» — удивительное переплетение формы и сути, мудрости и методики...

В китайском языке одинаковые однозвучно-однотонные слова различного написания-нарисования создают все условия для художественного оформления естественных ребусов. Слова означают что-либо определённое только тогда, когда стоят рядом с другими, приобретая совершенно неожиданный для европейцев смысл. Приблизительное созвучие позволяет смотреть на одну пиктограмму, как на ребус другой: иероглиф «фу» может означать и счастье, и летучую мышь. Слово «де» объясняет доблесть и силу через «де» как глагол — добиваться, достигать, получать. А нарисуй рядом коробку и лотос, и получишь понятие согласия, единения и удивительные истории, проецирующиеся сквозь века.

Лю Хайчжан Цзы уже в молодости был выдающимся человеком, он выдержал экзамен на учёную степень «понявшего классический канон», и стал министром. Отличала его особая любовь к рассуждениям об «основной человеческой природе», чтил он Хуан Ди и Лао Цзы, знал книгу «Путь Правителя», умело управлял людьми, и деньги «сами шли к нему в руки», потому что он знал баланс между любовью, управлением и недеянием.

Со временем построил он себе удобный дом: крепость-дворец, где жил со своими жёнами, детьми и наложницами. И вот однажды встретил он даоса, пригласил к себе в гости, стал расспрашивать кто он, да откуда? Гость же только одно слово ответил — Солнечный, а на все остальные вопросы не отвечал. Знатный министр Солнечному даосу и говорит: «Хочу учиться у тебя, учить меня не надо, лишь разреши мне рядом с тобой быть, следовать за тобой и помогать тебе во всём». И с молчаливого согласия даоса стал служить ему «как ученик учителю», лишь изредка

осмеливаясь просить Солнечного: «Поговори со мной...» Даос же молчал сначала долго, потом стал говорить о силе «золотой сяюны» и «возвращающей истинную жизнь каше» и о многом ином, о чём здесь с лёгкостью не упомянешь. Хотя один поучительный эпизод расскажем. Однажды снял свой пояс — витиеватое сплетение шелковых нитей — Солнечный даос, нанизал на него золотую денёгу, и, опустив в колодез, заставил сановного вельможу удить сидевшую в колодез лягушку на эту приманку. Зрелище было ещё то, хохотали все во дворе, от мала до велика, видя, как важный министр, словно мальчишка, с лягушкой играет. Да смолк быстро хохот, как лягушка на эту приманку пошла, проглотила монету, и вытащил её послушный учителю ученик. Та лягушка оказалась переродившимся врагом министра, в предыдущей жизни бывшим знатым интриганом и любостяжателем, но разоблачил его и в этом странном виде Солнечный даос. Прошло время, однажды даос произнёс: «Пора тебе, министр, платить за учёбу. Дай мне десять золотых монет и десять яиц». Тут же исполнив волю учителя, замер ученик в изумлении, увидев, как Солнечный положил на монету яйца — одно на другое, все десять штук, соорудив из них эдакую башню, как пагоду.

«Это же очень опасно, что ты делаешь?», — спросил вельможный ученик. И услышал в ответ: «Когда человек пребывает на пышном чиновничьем посту, то в это самое время он ступает по юдоли горя и страдания, и такое положение бывает гораздо опаснее этого», — сказал, сгрёб яйца в карманы, а золотую монету сломал, как и остальные, засмеялся и ушёл. Сановник долго не мог шелохнуться, а, придя в себя, распустил всю тысячную охрану, отдал императору печать, и стал выбрасывать из дворца вещи и драгоценности, невзирая на вопли, просьбы и причитания своих женщин, а затем, сняв шелка и парчу и смяв дорогую причёску, пустился странствовать, приняв имя Лю Хайчжан Цзы.

Тут надо остановиться, отвлечься, перед пояснением, почему именно «Морская жаба», так в переводе звучит новое имя бывшего министра, а теперь молчащего даоса. Это было изложение о молчащем даосе, а теперь рассказ о постоянно говорящем даосе.

Книга бамбука

Текст заносился на продолговатые бамбуковые пластинки, которые связывались кожаными шнурами.

Есть священные имена, а есть хуительные. В русском произношении это имя неприлично и поэтому мы его назовём Хуэй Ши.

Хуэй Ши не пропускал ни одной женщины, которая встречалась ему на жизненном пути; а вторая часть имени — иероглиф «Ши» — означала суть.

Рот его не закрывался, речь текла потоком голубой реки Янцзы, но у него была одна особенность: он всегда следовал тому, что говорил. Его афоризмы были бесконечны, но их было трудно понять. Эти метафоры всегда не просто объяснить, мысль в них имела больше проблем, чем реальность, которую она выражала. Как-то Хуэй Ши вёз пять повозок с бамбуковыми свитками, у него спросили, «его ли это свитки? Написал ли это он сам?». Он ответил: «Всё написанное кем-либо до меня — написал я». Хотя за всю свою жизнь он написал только одно сочинение «Хуэй Цзы». Эта не дошедшая до нас книга состояла всего из одной главы, где он изложил десять заповедей о проблемах в Поднебесной, из которых вычитается философия самого Хуэй Ши.

Следуя своему афоризму: «Спят хорошо только нехорошие люди», он никогда не спал. Или другой его афоризм: «Когда я слаб, то я силен».

Осталось неизвестным, воплотил ли он свой очередной афоризм «Главное дойти своими ногами до кладбища». Единственное, что мы знаем, это то, что он был долгожителем, и всегда следовал своей речи. По некоторым версиям, он жив до сих пор.

Оказывается, вот во что может преобразовываться светское — в некую религиозную цель. Для западного человека достижение цели основная задача, для востока — цель ничто. У мудрости нет цели. Цель только на небе. Эти два подхода к жизни к основной самореализации человека на каком-то уровне совмещаются, но на каком — осознать непостижно.

Лепится нелепица, вот такая лепота. И вдруг — натолкнулся на кусок текста о Брониславе Виноградском — третьем поющем даосе, и узнал о его чайном «Ист-клубе». Бронислав обосновался в заброшенной усадьбе Разумов-

ского на Гороховом поле рядом с сердцем Доброй слободы. Ранее здесь был институт физкультуры СКИФ, и часть детства В. прошла на спортплощадках этого института, где он видел великих спортсменов прошлого: прыгуна В. Брумеля, хоккеиста В. Александрова...

Со временем усадьба на его глазах разрушалась, часть её сторела, львы с фасада переехали на обратную сторону здания, а затем вернулись обратно на постамент, сверху с фронтонов осыпалась штукатурка.

Но вернёмся к Виногородскому. Он был учеником Феликса Иванова — мастера звука. В. впервые увидел Бронислава на фольклорном фестивале в Выборге. Тогда он крутил на ладони китайские шарики здоровья «баодинь». С тех пор они не пересекались 20 лет, но однажды встретились на одном мероприятии, где Бронислав всё также вращал в руке шарики здоровья «баодинь». Они договорились провести совместный семинар на тему «Судьба в китайской культуре». В. тогда читал лекции о понятии судьбы в различных культурах. Виногородский в тот период перевёл книгу «Путь правителя. История будущего» и был при ФК «Москва» основным магом-консультантом. У В. к этому времени уже сформировалась модель-матрица побед на спортивных состязаниях. После проведённого семинара Виногородский пригласил пройти в его клуб, туда, где находилась коллекция китайских древностей, среди которых В. поразила голова Андрогина из розового кварца. Но глубокого контакта-обмена не получилось. «В формулировке решения можно использовать любые слова, но никакие слова не выражают неисчерпаемости выбора», — В. запомнил эту цитату из первой главы «Трактата о потоке и силе», и при этом даже не ощутил вкус дорогого чая.

ПОСЛЕСЛОВИЕ — ОБЪЯСНЕНИЕ

Глава

Записки архивариуса.

Неактуальный архив.

Если герой «Закрытой книги» палеограф, то главное действующее лицо «Открытой книги» — архивариус. Архивариус рассказывает через свои-не свои записи о естественном течении жизни, но текст и реальность от-

личаются друг от друга и где-то расходятся.

Жак Деррида: «Когда я выпускаю (в свет) «мои» записи (а ведь никто меня к этому не обязывает), я словно становлюсь — возникая и исчезая снова — тем неопытным привидением, которое так и не научилось жить. Оставленный мною след означает разом и мою смерть — лишь грядущую или уже наступившую, и надежду на то, что этот след меня переживет. И это не стремление к бессмертию, это структурный момент. Я оставляю этот клочок бумаги, я ухожу, умираю: эту структуру невозможно покинуть, она образует константу моей жизни. Всякий раз, когда выпускаю нечто из рук, я, пишущий, проживаю свою собственную смерть».

Я долго не ощущал свою принадлежность к этой специфической группе людей, которая тиха и незаметна среди других громких профессий.

Итак, я выписывал из многих редких книг абзацы, которые рождали во мне определённый смысл, создавая библиотеку в библиотеке. Я брал пример с одного китайского переписчика по имени Ву Ся, жившего в эпоху династии Мин, во времена Ван Ли (1573-1619). За 28 лет он переписал 81 тонну буддийских трактатов, используя кровь своего языка и золотую пудру. Он умер в возрасте 126 лет и через три года после смерти на его теле не было никаких её признаков. Нетленная мумия Ву Ся хранится во Дворце Долголетия в горах Дзюхуа.

Мне часто, втайне, хотелось сидеть в тиши какой-нибудь старой библиотеки, перебирать пожелтевшие страницы ненужных архивов, но по жизни это так и не получилось, зато дома я всегда держал много книг, хранил листочки разных поэтов, а также собственные записи, которые на протяжении полувека всё больше заполняли мои ящики и сундуки. Так как листочки и тетради были разбросаны по всей квартире, я любил двигаться среди этого вороха бумаг, взгляд всегда на чём-то останавливался и приглянувшаяся запись на листе оживляла мою память и воображение. Итак, я, домашний архивариус, подобно запечному сверчку пою, с одной стороны, постоянную мелодию цитат, а с другой, иногда возникают чудные и чудесные темы, которые обычному читателю даже трудно представить.

Я мечтал стать библиотекарем и архивариусом в какой-нибудь тайной библиотеке. Такая библиотека имелась, она находилась в одном из зданий Вспольного переуллка.

Глава

Семь взглядов

Как запрещает или разрешает нашим книгам появиться на этот свет? Как я сейчас думаю, наверное, это эгрегоры. Даниил Андреев, который ввёл в современный оборот термин «эгрегор» при жизни не издал ни одной книги. Советской идеологии они были не нужны. Вот как Даниил Андреев определял это понятие в своей «Розе мира»: «Эгрегоры — иноматериальные образования, возникающие из некоторых психических выделений человечества над большими коллективами: племенами, государствами, некоторыми партиями и религиозными обществами. Они лишены монад, но обладают временно сконцентрированным волевым зарядом и эквивалентом сознательности».

Василий Васильевич Нахимов, учёный, классик цитирования, сидевший с ним в одном лагере, рассказывал мне в 70-е годы, что Даниил, не зная древних языков, входил в «канал» и считывал те имена, которые он потом приводил в своей книге «Роза мира». Глубокое, сакральное, то, что прячется за наше «я» и не хочет показываться силам зла и лишь изредка прорывается в каком-либо случае в виде ошибки, неправильности, недлипы и поэтому эгрегор власти не смог это «запеленговать».

Мы находим правильный баланс своего внешнего проявления, учимся управлять собой, иначе этим займутся другие эгрегоры. Мы находим свою нишу, свою расселину и становимся людьми расселин, переходя предначертанную границу жизни.

Глава

На развороте времени

На развороте времени происходит потеря начала отсчёта времён. И проходя через ночь, утром приходится искать точку отсчёта, найдя свой импульс в этом начале дня. Ведь потеряв себя, ты погружаешься в бесконечность хаоса, становишься айперонистом или нагвалем,

по образному выражению Карлоса Кастанеды.

Что-то доносится из жёлтых облаков времён, из слепого зеркала Кронаса, где не видно ни настоящего, ни будущего. Остаётся только мечта, а, как известно, в старом русском значении это «наваждение».

Всегда есть зазор между реальным и воображаемым, пропасть между несбывшимися мечтами и тем, что есть между запутанным сном и астральным путешествием — полётом над волшебным ландшафтом.

Книга бамбука, которой 2500 лет

В Китае первые книги писали на тонких бамбуковых пластинках, которые нанизывали на крепкую бечёвку. Конечно, это была Дао Дэ Цзин. Предположительно, авторство предписывают Лао-Цзы (VI — V вв. до н. э.) Существует масса переводов её на другие языки и ещё больше комментариев к ней, которые делаются и в наше время. Связь её с «Закрытой Книгой» несомненна, во-первых, это книга Пути, но скорее внутренняя гида, чем внешняя. А во-вторых, её переводчик Бронислав Виноградский, который является актером моих текстов.

Книга, несмотря на свой возраст, до сих пор добывает для читателей глубокий смысл. А смысл для меня — это суверенная территория внутренней реальности. Его нельзя навязать, преподать и, чтобы не было смыслопотери, человек должен сам наполняться им. Старые греческие философы подтверждают это: «Смыслам не обучаются, они переживаются».

У христиан это стяжание духа святого. Для меня очень важно каждый день добывать новый смысл, чтобы он возгорался, восходил по вертикали к более тонкому своему аспекту.

Очень мало книг, которые наполнены смыслами. Бывают книги, в которых даже один смысл поймать невозможно, а Дао Дэ Цзин доверху, как большой кувшин, наполнена разнообразными смыслами. Смысла не есть слово, хотя он передаётся через него.

Смысл «Открытой книги», отражаясь от различных глав, символов, сюжетов, значений создаёт видимые и невидимые связи, в которых читатель и обнаружит то, что ему надо.

Если в «Закрытой Книге» работают ходы-лабиринты, у читателя возникают догадки, проекции на лежащий перед ним текст, то в «Открытой Книге» у читателя появляется осведомлённость о том, что происходило и о том, что произойдёт.

Глава

Холмы (символические ряды, см. словарь «Закрытой книги»)

Символизация это вытягивание однородных символов в цепочки, контроль связанности, смыслов, мотивировок и задуманного. Задуманное, как правило, реализовать до конца не удаётся, закачать весь объём информации невозможно, всегда остаётся недосказанное и оно прячется от автора.

У холма нет вершины. Холм это свобода местечка. Вспоминаются погребальные Кобанские холмы в Осетии, о которых есть упоминание в «Закрытой книге». И вот, наконец-то, появилась информация в фейсбуке о холмике Льва Толстого в Хамовниках:

«Толстовский холм». В усадьбе Льва Толстого в Хамовниках есть удивительный холм в конце сада. Говорят, что на этом холме был написан роман «Анна Каренина» и хозяин имения любил сидеть там в уединении. Когда мы пришли туда с Ваней в первый раз, то встретили на этом холме японского буддийского монаха в полном облачении, в оранжевой тоге с четками в руках. Он будто совершал паломничество на маленькую Кайласу. Мы тоже немного посидели на скамеечках, установленных на вершине. Думается там как-то по-особому. Говорят, что это холм насыпной, еще говорят про английскую ландшафтную парковую архитектуру. Но ни в Оксфорде, ни в Лондоне нам таких холмов в парках не встречалось. Хочется верить, что Лев Николаевич сам придумал этот курган, Голгофу или священную гору и теперь она доступна для всех».

Для меня этот холм символически связан с библиотекой Льва Толстого и охотой за прочиткой редких книг. В библиотеке находилась редкая дореволюционная книга русского философа Николая Фёдорова «Философия общего дела». Её можно было взять только в спецхране

библиотеки им. Ленина, куда я не имел доступа, а в Исторической библиотеке, где у меня был «блат», в каталогах её не было, хотя благодаря Людмиле Потоцкой, научному сотруднику этой библиотеки, некоторые редкие книги я мог брать даже на дом.

В общем, мне пришлось с подачи Сашы Осповата устроиться на работу пожарником в усадьбу Льва Толстого, где я дежурил сутки, а трое отдыхал.

Наталья Михайловна Хитрово, родственница Кутузова в шестом колене, видя мою любовь к книгам, разрешила пользоваться библиотекой когда все уходили, дав ключ от шкафа с редкими книгами. Я брал и читал книгу Николая Фёдорова с пометками Льва Толстого.

Итак, я сижу на холмике в саду и читаю «Философию общего дела» под стук пивных бутылок, летящих через забор с соседнего пивзавода. Пиво я тогда не пил, а относил бутылки милиционерам, с которыми дежурил в смену.

Холм в саду Толстого в Хамовниках, перекликается с холмом в Алхамбре и с погребальными холмами кобанской культуры в Осетии. У холма всегда есть теневая сторона, даосы её определяют как «инь», а освещенная, солнечная сторона — «ян».

Глава

Книга жалоб

Я хочу, чтобы мои мысли не пропали даром, а влияли бы на этот мир, поэтому я их фиксирую и записываю в эту книгу «жалоб и предложений». Мир несовершенен: несовпадениями, претензиями, предъявлениями, тяжбами, но мы в этом живём и поэтому так важно всё это возделывать, пестовать, культивировать. Возникает вопрос — как? В России давно запущены глубинные деструктивные механизмы, и будущее приходит из прошлого. Пример: ещё в 1914 году комиссия КЕПС, куда входили ведущие академики того времени: Вернадский, Ферсман, князь Голицын, подсчитали все ресурсы России, но народ, как ресурс, в этих подсчётах отсутствовал. «Давайте этот вопрос отдадим на рассмотрение этнографической комиссии», - сказали они. И вот с тех пор не знают, что делать с этим народом. Большевики делали

гвозди из этих людей, а современная бюрократия делает из них всё, что захочет.

Глава

В которой книга убила искателя

Это продолжение темы из «Закрытой книги» про летающую книгу, где некий Агриппа, которому помогал Игнатий Лойола, приколов её цепями, чтобы она его не уничтожила, упав на него сверху.

Уильям Пейли, английский философ в своей работе «Естественная теология» (1802) доказывал, что как часы не могут появиться сами по себе, а только по воле часовщика, так и тварный мир есть результат воли и разума Высшего Творца. Эту тему в наше время продолжил английский биолог Ричард Докинз, доказывая, что из первозданной Пустоты, простой исходной формы может появиться высокоорганизованная, впечатляющая Сложность.

Хэддок Майкла Льюиса (1932-1994) был любопытной фигурой. Американский спелеолог, карстовед и геоморфолог, он увлекался пещерами, древностями и минералами. Многократно участвовал в различных рискованных экспедициях в США, Австрии, Швейцарии, Ливии, России, Индии и ЮАР. Автор многих научных трудов. Дневник, который он регулярно вел с 1955 г. («Дневник одного хрониста»), представляет большую ценность, как для специалистов, так и для всех, кто интересуется идеями хронистов.

В 1994 году, будучи в Швейцарии, Хэддок добился допуска в архив женского монастыря Всех Святых на Семи Горах. Существует версия, что он надеялся найти необходимый материал с целью доказать, что Фата Моргана была реальной исторической личностью, а Григорий Ветер, напротив, умело созданной ею мистификацией. Результаты его изысканий неизвестны, так как Хэддок скоропостижно скончался, будучи смертельно ранен свалившимся на него с верхней полки тяжелым фолиантом.

Глава

«Непрочитанные книги умеют мстить...»

Рэй Брэдбери.

Ты не прочитал вовремя нужную для тебя книгу, не осведомился...

Эти книги шепчут, нащёптывают...

Первое нащёптывание:

Шёпот слышен отовсюду - Великий неслышимый неслышимый звук: Голос Мира — Страж прошлого, прошедшего времени — хранитель пройденного пути, освобождает память от оков забвения, одаривая её вспышками дивного света, высвобождая видение давно забытых пространств, времён, жизней.

Второе нащёптывание:

Страж настоящего времени не дремлет. Как уловить его, время постоянно ускользает, сразу же становясь прошлым, иллюзорным. Оно, время, наслаивается множеством пересечений, завязок, заворачиваясь забытыми ассоциациями, прячась и исчезая во снах. Перемещаясь по бесконечным своим мирам, приходя в поток моей неосознанности, где я пишу этот текст, и отсюда начинается течение реки времени. Я смотрю, как всё возникает и исчезает, если правильно двигаться сквозь часы, дни, месяцы, годы.

Миг, встречаясь с мигом, создаёт карту времени, рельеф жизни и текста. И, в конце концов, река времени успокоит все дела и даст понимание реальности. И тень крыла ветра, накрыв твои тайные желания, навеки унесёт их в прошлое, скрыв под покровом мироздания, рождая будущее.

Третье нащёптывание:

Страж будущего уже открыл врата Голоса мира в вечности. Сделанный изначально выбор безошибочно направил путь, помогая пройти по звёздному лабиринту.

Тень ветра, слегка коснувшись, легко и проникновенно наполнила тебя, полностью вытеснив контроль над временем. Вернее, отдавшись порыву безмятежности, ты сам стал временем, тик-так-тик-так слышится внутри. Куда движется оно внутри тебя, то умолкая почти до тишины, то наполняя всё своим ритмом тик-так-тик-так. И только Страж времени неусыпно следит за оковами времени, укрепляя его оболочку, не давая выскользнуть из его пут, то замедляясь, то ускоряясь, но никогда не останавливаясь, и немногим удаётся уйти по ту сторону времени в другую реальность, где оно течёт по другим законам, нащёптывая нам другие реалии.

Григорий АРЛИНСКИЙ

* * *

Евгению Артюхову

Ну вот и пришла моя осень...
Я слышу за крепостью дней
Её карнавальную поступь
На тоненьких ножках дождей,

Где маски меняются часто.
Но есть и солисты и хор.
И я как седой соучастник
Веду с ней немой разговор.

Вот жизнь — она быстро промчалась,
Осталась лишь доля пути,
Но я повторю без печали:
— Свети, моя осень, свети.

Ты с дальнего детства, с порога,
Мои окрыляя мечты,
Так верно вела меня к Богу...
А кто бы ещё, как не ты?

* * *

Владимиру Глянцу

Ты, как вещее слово Завета.
И так было давно, и потом, и теперь.
Заметалось по городу лето,
Словно в клетку заманенный зверь.

Я здесь тоже заманен, захвачен.
Запах лип, словно мёд на устах.
Кто сумел бы с судьбою в придачу
Твою жизнь, словно книгу, сверстать?

Я бы запах тот пил бы и пил, хоть горстями.
Он, как благовест в душу вошёл — разбудил
И меня, как хорошую книгу, листает
Этот город с глазами судьбы.

Он, конечно, единственный, неповторимый.
Кто терял его, знает, как пытается тоска.
И ему не к лицу опускаться до Третьего Рима.
Разве хуже звучит наше светлое имя — Москва?!

Сергей ВОРОНИН

РАССКАЗ ОБ ОТЦЕ

Мой отец, Воронин Дмитрий Титович, родился в селе Телепнёво в 1918 году на Яблочный Спас. Село это жило в Рязанской губернии. С малых лет он пас скот. Когда же пришла коллективизация и ушибленные Богом большевики порушили веками созданную нормальную крестьянскую жизнь, ему пришлось, как и многим деревенским парням и девушкам, бежать в Подмоскovie, в посёлок, который потом был наименован городом Калининградом. Почему так называли, до сих пор непонятно. Обосноваться в посёлке помогла ему его старшая сестра Марина, она потом сгинула в лагерях за свою жизнь несправедную: связалась с бандитами и воровала шубы, как это было в известном фильме «Место встречи изменить нельзя». В 1938 году отца призвали в Красную Армию и послали служить на Дальний Восток. Когда я подрос, стал, по его пониманию, уже разумным парнем, он делился впечатлениями своего продолжительного «путешествия» от Москвы до Владивостока.

...Вдоль по железной дороге шли тысячи и тысячи людей. Парни, которые ехали служить в Красную Армию, бросали им свой хлеб, несчастные люди кидались за ним, как голодные псы. Они вырывали из глоток друг у друга куски хлеба, устраивая драки по пути следования эшелонов. Мы, как говорил отец, смотрели на это с ужасом и со слезами на глазах.

Отец увидел на Дальнем Востоке много лагерей для заключённых. Лагерь, как он мне рассказывал, располагались на сопках, были обнесены колючей проволокой, на которой висели консервные банки от тушенки, съеденной охраной. Никаких бараков и палаток он не видел. Люди лежали на песке и медленно помирали от голода и холода. Я в то время из его рассказов мало что понимал.

Помню, жалко мне стало выдру, которую отец подстрелил там, на Тихом океане. Он мне так и не смог объяснить, зачем это ему было необходимо. Впрочем, как и до сих пор, мы не можем понять, и не могут нам объяснить на протяжении многих лет, для чего было убито столько людей...

А потом его с ребятами с Дальнего Востока перебрали к Сталинграду, где они были должны остановить Манштейна. Идут хлопцы по степи, снегом покрытой, и видят сны. Когда они переходили Донец, один из них провалился в болыню и стал тонуть. Наши боевые офицеры, как мне рассказывал отец, стоят и смотрят, команда не дают, а парень уходит под воду, тогда, как он крикнул бойцу — убрать станковый пулемет с салазок и толкает эти салазки к проруби, где тонет парень.

— Я кричу: «ребята держите меня за ноги», толкаю салазки, он за них ухватился, и я его вытащил из воды. Был он похож на мокрую курицу. «Налейте, — говорю, ему спирту. Беги в станицу!». А бежать верст аж десять. И он прыгал по степи. Мы пошли дальше. А нас потом ждала станица казачья, в которой были немцы — они нас там поджидали, залегли и дали по нам из пулеметов.

Очнулся он в балке в ногу раненный. Чем смог, перевязался. Летит над ним немецкий самолет и стреляет. Батя мой от одной стороны балки ползал к другой. Может у немца патроны закончились или горючее. Улетел самолет. Очнулся уже на шляхе, то бишь на дороге. Едут на телеге два бойца. «Ребята, — говорит отец им, — возьмите меня с собой!». Они ему: «пошел ты к ляду». Кто-то его потом всё же подобрал, нашлись добрые русские люди, очнулся он в казачьей станице, у красивой казачки. И была у них любовь. После этого отец проснулся уже в госпитале в Цимлянске.

Там он пролежал долго, сам не помнит, сколько времени, очнулся с костылем в руке. С таким же парнем, раненным в ногу, как и он, сговорились они уйти на вокзал, чтобы уехать в Красноярск или в Омск. Доволялись они на двух костылях до поезда и Господь их спас. На следующий день узнали, что госпиталь в Цимлянске разбомбила немецкая авиация. Попал он в славный город Красноярск, где опять очутился в го-

спитале. Здесь, как я помню, ударился он в картежную игру. Парень он был с хорошим крестьянским умом и в игре карточной не зарывался. Я вспоминаю его рассказ о том, как его подставили офицеры, которым он не очень был симпатичен своим независимым нравом, и тем, что он нравился медсестрам. Бойцы пошли играть в карты в сарай, который находился в больничном парке, здесь и окружил их медперсонал во главе с главным доктором госпиталя. На атаке, как рассказывал отец, у них стоял парень и он увидел, что окружают, о чем сообщил моему батю. Тот среагировал: «Ребята, карты мне. Здесь мы сидим курим, травим анекдоты». Медперсонал во главе с главным врачом окружил их и повел в здание госпиталя на расправу. По дороге батя мой на повороте тропинки сбросил карты в кусты. Умылись, (это его слова), офицеры и медперсонал. Лечение проходило удачно и в скором времени он с приятелем на костылях смог ходить в город, где они с удовольствием пили пиво и ели черемшу. Один из этих походов закончился довольно смешно. Отец с приятелем, хорошо попив пива, свалились, подходя к госпиталю, в лужу. Мокрые и грязные, с двумя костылями они поднялись по водосточной трубе на второй этаж, где их встретили радостные сотоварищи...

После прекрасного города Красноярска, был захудалый городок Ачинск, куда его направили обучаться на артиллериста. Проучился он там недолго. Он не любил об этом рассказывать. Что-то там было связано с женой начальника училища.

И отправили его на фронт. Едут бойцы на фронт, пьют самогон, играют в карты, едут в никуда. Прибегает боец. Говорит: «Офицер застрелил своего ординарца, которому было 18 лет». Батя мой сказал: «Тормози поезд, братья». Поезд остановили в степи. В той степи под Цимлянском, где он загибался, ползая под немецким самолетом.

— Идет офицер, в орденах, идет прямо на меня, — как рассказывал мой отец, с пистолетом. — Что было в башке, не знаю, но я по деревенской обычке драки подпрыгнул и ударил его в грудь двумя ногами. Завалил его. Помогло, что я был на взгорке. И положили всех офицеров по вагонам. Бегал комендант поезда и кричал «Не убивай-

те, не убивайте их, ребята!». А нам всё по барабану. Мы на смерть едем. Ничего мы уже не боялись. Нас можно было только убить. Вот и приехали. Ждет нас взвод автоматчиков с овчарками, но увели только убийцу офицеров. Мы поехали дальше...

Потом, сын, я служил у генерала Баграмяна, воевал под Кенигсбергом. По дороге, когда приходилось воевать с немцами, было много всего. Встретил я бойцов артиллеристов из Ачинского училища, погибших под гусеницами немецких танков, девочек наших медсестер, задавленных танками немецкими. Злоба была на этих фрицев страшная! А сейчас я хочу тебе сказать: «Мы были подневольные и они были рабами. Нас лбами столкнула власть фашистов и сталинская власть. Пахал бы я землю и сеял хлеб, пас скотину и любил бы я эту землю. На кой хрен мне эти большаки, мать их, и эти немцы!». И я бы пахал эту землю, если бы у меня, у моих предков ее не отняли. Не немцы разорили эту землю. Эту землю разорили наши люди и это надо понимать. Мы сами сотворили это зло, которое нас не покинет. Твой дед воевал против Колчака, но в 1928 году пришел к нему председатель сельсовета, фамилия у него была Хакалкин, сказал: «бери, Трофим, свою семью и скarb на одну телегу, что сможете увезти». Вот так они и уехали. Оставили табун лошадей, коз и коров, гусей и кур немерено, другую живность и мыкались потом по всей Сибири.

Были у отца и более веселые рассказы. Один я запомнил. Пришли красные бойцы в Латвию. Познакомились с прекрасными тамошними девушками. Назначили они с ними свидание. Решили их угостить. Ничего лучше они не придумали, как пойти на пасеку за медом к местному лесничему. Пчелы на них очень обиделись. Вылетели из ульев и погнались, на чем свет стоял. «Мы от них бежали, хуже чем от немцев. Очухались в каком-то озерке. Все были искусаны этими пчелами. О свиданиях, сам понимаешь, не было и речи».

Потом опять была Война. Подходили к великому городу Кенигсбергу. «Жил я хорошо. Мешок картошки у меня на студебекере, матрас ватный, я старшина, у меня под началом несколько бойцов и пулеметная установка. Чего не жить-то. Вот тут-то и нашла меня снарядная пуля

немца. Попал прямо в башку. Вспомнил предсказание цыганки, которая мне нагадала, что буду я темным. Стал я слепым на один глаз».

Потом отец мыкался по госпиталям. Оказался в Одессе, где и познакомился со знаменитым доктором Филатовым. Там было много слепых, которые хотели вернуть зрение у знаменитого доктора. Буханка хлеба на рынке стоила в городе 400 рублей, и прием у нашего доктора стоил столько же. В Одессе он не прозрел, но познакомился с моей мамой. В прекрасном городе они стали проживать на Дерибасовской и углу Ришельевской, как в песне Утёсова поется. В Одессе его уважали все — и братва, и начальство города. Каким-то путем отец подзаработал денег и уехал на свою родину в Рязанскую губернию в деревню Красновка, где я провел свои лучшие детские годы. Потом в Сергиевом Посаде отец закончил музыкальное училище, но музыкант из него не получился. Стал он промышлять яблоками. Благо край этот был очень богат в свое время этими плодами. С шести лет я помогал ему на рынке. До сих пор помню его приятелей-инвалидов, которые приторговали на этом стареньком базаре. Ребята были очень колоритные, но при мне никто из них не ругался матом. Это я очень четко помню. Вспоминаю один эпизод, когда отец встретился со своими друзьями в Сергиевом Посаде. Все мы сидели около озера. Рядом расположилась компания молодых людей, которые отчаянно ругались матом. У отца засверкал его единственный глаз, и он очень убедительно попросил их прекратить сквернословить, и те затихли. Насколько я помню, он всегда умел людей убеждать в своей правоте, кто бы перед ним ни был — министр или бандит.

Отец и матушка наша, несмотря на нищенские деньги, которые они получали от наших властей, смогли нам с братом дать высшее образование, чем они очень гордились. И когда я вернулся из очередной научной командировки из Италии, он очень смеялся над моим рассказом о том, как мы с дорогим моему сердцу писателем О.Н. Михайловым пели на пароме, который плыл на остров Капри «Боже Царя храни...». Отец очень смеялся. Да храни нас Бог.

Елена ГОМОНОВА

МОЙ 17-тый

Красное солнце всходит с Москвы,
Здесь, в Петербурге голодно, жутко.
Скоро зима, холода и мосты
Разведены уже пятые сутки.

То ли война, то ли новый погром?
Что за ночные костры над Невойю?
Страшно мне, холодно, лучше уйдем —
Бед нам, Алёша, хватит с тобою.

Бед нам, Алёша, было сполна.
Кто там — разбойники или солдаты?
Скатертью — город и жизнь — на квадраты
Красные, белые — поделена,

Втиснута, вжата. Шаг — и побег.
Не оправдаться перед властями -
Кто ты: эсер? большевик? - Человек!
Нате! Стреляйте! И черт будет с вами!
Смерть будет с вами, голод и страх...

Судьи на небе, что замолчали?
Слышите, на Воробьевых горах
Вдруг воробьи раскричались грачами?
Полноте, судьи, полно вам спать!
Нам ли с Алёшей с ними квитаться?
Нам бы до черного рынка добратся,
Черного хлеба достать.

ШЕСТАЯ ВСТРЕЧА

Да ты не вспомнишь, как порой
Глаза сверкали сухо..
Ты был мальчишкой, мой Пьеро,
Я — черною старухой.

Теперь ты нацепил очки,
Теперь ты стал мужчиной..
Вглядись, взглядишь в мои зрачки,
Припомни ТЕ морщины.

Ты помнишь черную избу
И горький вкус настоя?
Ты приносил старухе мзду
За зелье колдовское.

Пять долгих жизней пролетело,
Как я тебя узнала,
Пять стрел неслись в твоё чело,
Пять раз тебя спасала,
Пять раз от оголтелой тьмы
На кобылицах мчались...

И вот ты смотришь — будто мы
Впервые увидались!..

РОСТОК

Когда познаешь меру безнадежности,
Заброшенности и отчаяния,
И жизнь шагреневою кожей съёживается
И замыкается молчанием,

Тогда в горсти сухой землицы,
Солёной политой слезой
Каким-то чудом зародится
Росток живой.

Он называется надеждой
На то, что было безнадежно,
И называется он верой,
Хоть верить в это невозможно!
Он называется любовью,
Когда любить уже не можешь...

Живёт росток, он полит кровью,
И губы шепчут: «Боже... Боже!»

Анна МИХАЙЛИНА

АГОНИЯ ЗАВОДСКОЙ ПОЛИКЛИНИКИ

— Всё, — с напором произнес неформальный лидер медсанчасти № 3000 Серега Жилин. — Воровать будем все. Хрупкий стоматолог Саша Хилков виновато улыбнулся:

— Не могу я. Не получается. Сколько раз пытался хоть шпатель украсть, хоть насадку для бормашины, хоть сверло, а не могу.

Красавица Ниткина хмыкнула, подмигнув распалившемуся лидеру:

— Ну что с него, убогого, взять? Не может он ничего.

— Нет. — Сказал Серега, как отрезал. — Если ты мужик, то ты смоги. Мы вон в Афгане тоже все сперва ничего не могли. А как засвистело, да завзрывалось, так все всё смогли. Кто выжил, конечно. — Он внезапно судорожно вздохнул, но тут же продолжил:

— А я ведь тогда только медицинский в Ульяновске закончил. Зелёный был, как стрючок. — И потом, Шурка, смотри, вот тебе Авдеич! — Жилин многопланово обозрел Авдеича, уже порядком захмелевшего и потому являвшего собой некую смесь придурковатого добродушия с явной агрессией.

— В чем держится у него душа?

— Ну, в чем, в чем? Девки-то знают! — подмигнул милиционер Коля, принятый во фрондирующую компанию Жилина за, не всегда свойственную представителям своей социальной группы, толерантность и сногшибательный экстерьер. Девки — две Нюрки — Шмагина и Михеева прилично хихикнули. Авдеич гордо зарделся и молодецки тряхнул не мытой с понедельника головой.

Не давая «фронде» уклониться от темы, Жилин крепко двинул ферзя по доске и, сказав печальному Хилкову, «Шах!» обратился к Нюрке М.:

— Нюрка, а ты будешь воровать? Войдешь в долю? Все равно ведь французы всё в помойку кинут. А в нашем здании устроят стриптиз-бар. Это же «Рено». Машины, кстати, у них говенные. Наши «Запорожцы» — только хуже.

Нюрка, не разбиравшаяся в марках машин и не понявшая всю бредовость высказывания о продукции «Рено» и

стриптиз-баре, стала яростно возражать своим низким, сильным голосом пионерки-перестарка. Её перегруженная юридическими терминами речь быстро всем осточертела.

— Отстань ты от неё, Серёнь! — подал голос осанистый, голубоглазый блондин средних лет. — Не может она. Они там, в библиотеке, все идейные. И я не буду. Я все-таки коммунист.

— Валентиныч? Да ты коммунист? — поразился Хилков.

— А что же ты нам с Михой в вытрезвителе рассказывал, что революцию делали одни евреи, а русские совершенно ни при чем?

— Ammè slave! — ехидно произнес полиглот Авдеич и добавил еще что-то, чего не понял уже никто, даже Хилков. Возможно, это была фраза на финском языке, а м.б. и на каком-нибудь редком наречии, до изучения которых в свободное от работы, баб и пьянок время Авдеич был большой охотник. Валентиныч обиженно вскинулся:

— Вот от тебя, Витька, я предательства не ожидал. Какой я тебе Ам? Какой я тебе Слава? Ты же со мной тогда согласился, гад?

— Ну, это по пьяни, — миролюбиво ухмыльнулся полиглот так, будто это что-то объяснило.

— Ах по пьяни! — распалялся не ко времени Лютиков.

— Да что вы понимаете? Причем тут революция и коммунисты? Если хотите знать, товарищ Сталин всех этих картавых большевиков терпеть не мог и пересажал в 37-м. А вместо них везде поставил наших, русских — коммунистов.

Из угла раздались странные звуки, напоминающие лай пожилого ротвейлера. Это зашёл в здоровом ржании лидер.

— Лёха, ну ты прямо, как дед из «Чапаева»! — он неумело изобразил деда, сдвинув на одно ухо медицинский колпак и прищурившись: «Вы за большевиков или за коммунистов?»

Леночка Лозовая нежным сопрано воззвала к честному собранию:

— Ребята! Я тороплюсь. Мне нужно Настеньку забрать из садика. Я претендую только на аквариумных рыбок. Мне жаль рыбок, и я принесу их домой. А аквариум мне

нужен, как транспортное средство. Не в пакете же мне их нести? Тем более, что сейчас апрель. Холодно!

Авдеич снисходительно покосился на Леночку, с которой у него велась давняя и тайная пикировка.

— Разве это рыбки? — шИпнул он в сторону, презрительно ухмыляясь, — одни гуппии и вуалехвосты, были хоть сомики... — Леночка посмотрела на Авдеича с давней затаенной обидой, судя по всему, не имеющей прямого отношения к рыбкам, но ничего не сказала.

— Авдеич, не разводи антимоний, всё, закрыли тему, не в Планетарии. Ленка берет рыбок, хорошо. Монстеру из кабинета заведующего, кто возьмет? Предупреждаю, тащить тяжело, а мы с Авдеичем крадем пылесос и все настольные лампы, у нас руки будут заняты. Так кто будет воровать монстеру?

— Ребятки, вы не будете возражать, если монстеру возьму я? — внезапно заговорила до того молчавшая элегантная дама лет 45 в брюках и без халата.

— Да Ангелина Степановна, как же вы монстеру-то эту попрете? В ней же пуд веса в одном горшке! — искренне испугался Хилков, сохранивший благодаря долгову, школьного происхождения браку, рыцарски-пугливое отношение к физическим возможностям женщин.

— Ты что, Хилков! Ангелина Степанна, она же хирургическая сестра, ты вообще сечешь какие у нее руки? Она твою бормашину может на куски за минуту переломать! — с гордостью за невероятную силу коллеги заорал Лютиков.

— Леша, не преувеличивай, бормашину сломать не могу, и не буду, зачем? А вот монстеру запросто отнесу, это для меня не проблема.

— Так. — Резюмировал Жилин, которому уже заметно хотелось выпить. С монстерой разобрались, что у нас остается?

— Приборы. — Внезапно сильным фальцетом твякнул Авдеич (многодневное похмелье уже кинулось в связки).

— Приборы сдаем по описи, это нам не достанется, разве что Авдеич пару шпателей сопрет, он мастер.

— Так я уж с полсотни одноразовых 5-кубовых спер, без ваших собраний, — гордо рывкнул Авдеич, сверкнув демонически очками.

— Ах это ты Сп...л, прохвост. — Вдруг злобно заорал трезвый Жилин, которого уже начинал мучить синдром абстиненции. — Я роюсь, а их нет. Ну зачем, скажи, зачем тебе кожному шприцу! Что ты ими будешь делать? Мне, мне они нужны, я, бл... хирург. Все. Никаких. Давай их сюда. Где они у тебя?

— Дома, естественно, да я и не отдам. Я мучился, воровал, и тебе отдам? Фигу. Ты у меня в прошлое воскресенье выжрал одну бутылку марочного коньяка. Так что, никаких.

— Мучился он? Ты еще не знаешь, как мучаются.

— Нюрки начали нервно хихикать, Ниткина забеспокоилась не на шутку. Назревала драка. Постепенно она назрела и прорвалась. Результат был не то что бы очень впечатляющим: пара синяков и укушенный палец Авдеича. На личности не переходили. Так, «за справедливость».

Естественно, что на следующий день все, или почти все было украдено, поликлиника закрылась, и это был последний Форпост славного завода им. Ленинского комсомола, имевшего весьма развитую инфраструктуру и долгую историю. Куда девалось то, что не было украдено — неизвестно. Вряд ли работников «Рено» могли заинтересовать 16 проржавевших урн и пяток древних плевательниц, думаю, все это оказалось в помойном контейнере.

Ребята потом ходили на митинг к Моссовету (Авдеич не пошел, побрезговал), но и это ничего не дало. Потому что распорядились всей этой историей лица, которые не ограничивались стыдливым воровством лампочек и шприцов...

Борис ИЛЮХИН

МЕЦЕНАТУ

Прекрасна к нам пришедшая весна,
И прежний мир весною обновлённый,
И полная луною ночь без сна,
И смутная мечта души влюблённой.

А как ржаная корочка вкусна
Для плоти воздержаньем истомлённой!
И как молитва сладостно грустна
В тиши исповедальни потаённой.

Я расскажу тебе, мой щедрый друг,
О том, что ангел мне ночами шепчет,
Что в будущем открыли музы нам...

Тебе в твоих заботах недосуг
Вникать: о чём, то бишь, душа лепечет,
Терпеть советы дам и верить снам.

ПОЭТ И ЛЮДИ

Как расступились, отступились
Все близкие — иди себе,
Откуда взялся, сделай милость,
Ну, что тебе в земной судьбе?

К тебе ночами ангел ходит,
И вы с ним ночи напролёт
О нас, о маленьком народе,
Неслышно шепчетесь. И вот,

Приходишь утром ты с тетрадкой
С глазами суше, чем зола,
И внятно, горестно и сладко
Поёшь, что жизнь-то не мила.

Что мы здесь мечемся в юдоли
Меж низменных своих забот,
А наши радости и боли
Суд высший никакой не ждёт.

Ты нас зовёшь всё сердцем мерить,
Страдать и счастьем и виной,
А мы тебе не можем верить,
Когда ты сам насквозь земной.

Тебя мы любим — ты беспечен,
Обманем — страждешь, как и все.
Вот ты — поэт, а изувечен,
Хотя и пёрышки в росе.

Иди себе. Нам невозможно
Душой наведываться ввысь,
А нынче научи нас всё же
Оправдывать словами жизнь.

ПРОГУЛКА ПЕРЕД КОНЦОМ ВРЕМЁН

Москва — река нас зазвала
В поля среди холмов отлогих —
Мы позабыли все дороги
И неотложные дела.

На благовест из Слободы
Мы вышли из узорной тени,
И звякнул колос о колени
Во влажных кущах лебеды.

Навстречу нам из-за оград
Дразняще свешивались сливы,
И кротко цапал сквозь крапивы
Крыжовник — русский виноград.

Когда, в какие времена
Всё это было? — так знакома
Дубов кладбищенских истома
И бедной церковки стена.

И молящийся в облака
Звонарь на шаткой колокольне,
И на полях, где бродят кони,
Оконцем слюдяным река.

И искры солнца в волосах
У девушки в венце из света,
И нота будто недопета
У благовеста в три часа.

Для нас, бредущих невзначай,
Известны были эти тропы,
Так, словно вёл нас тайный опыт
В благословенный прежде край.

Мы шли по грани меж времён,
И день не кончится, казалось,
Хотя с востока тьма вонзалась
В звенящий синью небосклон.

А следом, волоча грома,
За нами алый сполох гнался,
Но свет стоял и не кончался
И не объяла его тьма.

* * *

В искроглазом июне всегда мне не спится —
Его светлые ночи мечтанием дышат —
И тогда я из каменной топи столицы
Вырываюсь, призывы невнятные слыша.

По каким-то почти позабытым приметам
Нахожу я старинные тракты в кипрее,
И теку с облаками по пажитям лета
Я, дразня жаворонков беспечным хореем.

Ой-ли, древняя воля, ой, русская доля,
Ты выросла, ты впиталась в дремотные дали;
Тихоструйными реками каждое поле
Окаймив, как серебряным нимбом печали.

Я иду, протекаю сквозь юные рощи,
Камни старых дорог узнавая ногами,
День за днём становясь невесомей и проще
И прозрачную суть бытия постигая.

Неприметная жизнь городков обветшалых
Приютит меня ласково и простодушно,
И забуду о всех я светло и устало,
Сидя в старом саду на скамейке под грушей.

А однажды к заутренней колокол звякнет,
И хозяйка, котомку мою собирая,
Вышьет ниткой суровой по краешку знаки,
Чтоб хранили в дороге до самого рая.

Запахнётся околицей город безвестный,
Бесконечные вёрсты потянутся снова,
И останусь я разве что грустной песней,
Из которой никто не забудет ни слова.

Меня близким вернёт уходящее лето,
Но в краю, где жилось мне блаженно и сирю,
Может быть, стану я чуть заметной приметой
Безмятежного, нежного русского мира.

АЛЛЕЯ ГРУСТИ ВДОХНОВЕННОЙ

В старинной липовой аллее
Бог знает сколько лет подряд,
Больного сердца не жалея,
Я пью воспоминаний яд.

Под липы эти каждый вечер
Я прихожу грустить и им,
Бредущим медленно навстречу,
Киваю, как друзьям своим.

Их величавое бесстрашие
Меня не может обмануть —
Они со мной делили счастье
И скорбный осеняли путь.

Сегодня день благоуханный,
В цветущих кронах пчёл гудёж,
И мне так сладостно желанна
Их утешительная ложь.

Владимир КОРКУНОВ

СТРАНИЦА ДНЕВНИКА.

БАБОЧКА

Она из другого времени. И родиться бы ей в другое время — что течёт медленнее и не напоминает кривое зеркало. Но она ходит по земле сейчас и несёт в себе вихрь или водоворот, поглощающий её саму.

Она красива. Полурукерша, полукукла. Её лицо с нервным взглядом (мне кажется, ей свойственен тик, я сам в детстве чудом избавился от него, поэтому мне знакомы признаки); думаю, она робка в сексе, пока не переступит грань добродетели (где тут секс и добродетель!), зато потом её выдумке и страсти позавидует любая развратница.

Вместе с тем она целомудренна. Эта маска, с которой она настолько сжилась, что стала частью натуры.

Мы познакомились на фестивале в Подмосковье — со сцены неслась полувменяемая чушь, поэты похвалялись, кто из них круче в создании бездарных вирш (последнее, впрочем, замечалось не всеми). И была она — девушка с голосом, тронутым наждаком, случайно прибившаяся к этому миру и ни черта не смыслящая в его законах.

Мне мало что запомнилось — я тогда приехал, отброшенный в прошлое, болезненно реагирующий на окружающих; ночами я надирался, но алкоголь не брал, меня даже рвало, не говоря уж о забытии (именно тогда мне захотелось отключиться в объятиях абсента). И — да, была другая, которая помогла мне выжить краснотунными ночами; мы ходили с ней, другой, в сторону дома сумасшедших, и я чувствовал тягучую ауру, пробирающуюся под куртку. Этот плющ оплетал, пробирался в ухо и шептал: теперь ты мой.

В какой-то момент я не смог идти дальше, сел на землю и попытался расплакаться, но дело в том, что с 12 лет не умею плакать. Пришлось возвращаться. Мы пошли по другому берегу, я срывал незрелые вишни, их вкус отдавал потерей в тот самый момент, когда она оборачивается находкой (чувство умерло, да здравствует чув-

ство!). Я читал случайной спутнице стихи, мы пили из горла вино, захваченное в лагере, а потом смотрели на необычно красную и огромную луну (видна была максимум треть!) и целовались. Потом она плакала, просила не влюбляться в себя и — убежала в лагерь, оставив меня на излёте ночи, раздербаненным, потерянным и не нужным самому себе.

Я до сих пор вспоминаю эту прогулку, вкус вишен, внутреннее и внешний слёзы. Туда я хотел отвести тебя, девушка из другого времени. Но ты отказалась идти, ты вернулась, и потому не узнала главного, мы — это сумма мест, чувств, мыслей; как бы ты познала меня, если не побывала там, где я был в состоянии аффекта, поднимался или опускался над чертой (не)сумасшествия.

И ещё: касание рук. Ты подала мне руку, вернее, позволила взять её (разве не так допускают к телу?). А для меня это было не более чем обмен информацией, я из прикосновений узнаю больше, чем слушая или говоря.

Эта прогулка была не так давно — куда позже первой, не запомнившейся, встречи. Не запомнившейся мне. О! Ты запомнила каждые шорохи мысли, ты познала слова и выстроила вокруг них карточный домик. Где в иллюзорном мне был настоящий я?

Но ты искренний, светлый и добрый человек. Ты — вихрь, суматошно-сумасшедшее существо, и чем дальше отходишь от своего времени, тем быстрее течёт твоё сейчас. Только помни: клин клином не вышибить! Ты сама завертись в нём, закружись, запаникуешь и сгинешь. Тормози, полурокерша, делай медленней шаг, полукукла.

Приложи руку ко лбу и сосчитай до десяти. Признайся, на какой цифре ты сделала неосознанный вдох? Столько больших несчастий тебя ждёт в жизни. Люди что кошки, только у них не жизни, а несчастья. А жизнь одна, как и одно несчастье — у кошки.

Это почти всё. Помни только, что из-за каждого несчастья выглядывает развилка, ведущая в маленькое счастье. Это развилки тебя. В прошлое. В настоящее. В будущее. И — в минувшие времена. Такие, как ты, перерождаются!

Нея СЕМИРЕЧКИНА

* * *

Кровью журчит, принимая тела,
вспоротый город. Притворный
выпал апрель... безапрельность легла,
бросилась вороном:

мёртвым весна уже не нужна,
мёртвый уже не отыщет
дом. Ни души, ни стены, ни окна:
дом — пепелище,

ветер бродяжничать смеет, песком
сеет — в бесчувственных грудах,
прах разметает о смертном былом,
крик ниоткуда...

не апокалипсис и не война:
мирная — глазу и слуху —
лет панорама... мне же видна:
вечность без духа.

* * *

Я хочу, чтобы каждый рассвет
Над Россией был свят, был воспет.
Чтоб не бесам поклон — небесам,
Всё же можем... живём не без ан...
Не без ангела в сердце живём.
Чтоб заморским — ни в плен, ни в наём,
Дух бесценный — бесцельно не гас
В стадной шкуре звереющих масс.

Я хочу, чтоб снега замели,
Переделав пределы земли,
Чтобы скверну и боль по весне,
Растопив, унесло бы вонне.
Вне... откуда нет хода назад,
Где и слово-то сгинет «разлад»
(переплавится в «радость и лад»)
Дождь ли?..

Милость в обличье дождя,

90 Омывай, сорок вод изводя!

НОВАЯЗ

Речь — обескровлена,
речь — обезмовлена.
Вертел души над углём.
Век обезличенных слов (обессловенных):
Мысли ложатся — нулём.

Лес — убаюканный мерными стуками
(Свыкся давно с топором);
Сыплются стружки мукою — и с муками
Лягут под слогосодом.

Буквы забытые... образы смытые...
С Богом истлевшая связь...
Смыслы сокрытые (тайны санскритовы)
Выгрыз, как червь, новояз.

* * *

Шаровые светятся берёзы,
Катятся, что бусы, по лесам.
Холодом над ельниками ёрзать
Небесам.

Посылает долгое ненастье
На разведку первые дожди,
Ноту «вихрь» и с нею ноту «спятил»
Разбудив.

Я кормлю глазами брызги света
От картин, направленных в глаза:
Стиль грозы — из молнии портреты
Вырезать.

Громы сыплются. Себе: «Пришей их,
Пусть бренчат на кисточках у слов,
Как вся жизнь: бренчит на мягкой шее
Пустяков».

Всё проходит: гладко, чисто, солнце —
Ни дождейки в пряной глухоте.
Только сердце ухнуло — сорвётся ж
Так с петель.

МОИ РАЗМЫШЛЕНИЯ И ЗРЕЛЫЙ ПИКАССО

Нагая забота Пикассо
Идёт, непрерывная, в массы,
И ей, непрерывно идущей,
Прилипчивость грязи присуща.

Как мятые грозди к подошве
Прибилась любовь.
Перекошен
Язык возлияний, и мода
Хрипит кровопенную оду
Особому взгляду и виду
Элитных мутаций libido.

Седлают планету хентаи,
Заложников ада катают —
Тебе и не снилась, Пикассо,
Такая СМИ-оргия красок!

* * *

Как под осень рябины рябили,
Так рябили в глазах у воды,
Что кругами пылали и плыли —
Злато-буро-червлёно-гнеды.

Серебро как зимою вжимали,
Сокращали снегов закрома;
В колпаке серо-жёлтой эмали
Без метели зевала зима.

Как весной оплетали цветами
Духи яблонь стыдливую кисть,
Лепестками во сне лепетали,
На дорогу душисто лились.

Как по-летнему густо-густое
Травяное гудело вино.

Как художник связует собою
Времена — чудотворным звеном!

* * *

Боль — не пройдена,
Боль — не сглажена.
Страшны, Родина,
впервые — нам,
Прорываться — нам.

Дух — по крепости
Крепче — крепости
Белокаменной —
Камнем станем мы.

Русь — по косточкам,
По щепоточкам
Не дадим — глотать,
Запад-не — глотать.
Планы вражии:

Море — выплеснуть
Горя — выплеснуть,
Душу — вырезать
Суши — вырезать.

Русь — по рёбрышкам,
Русь — по зёрнышкам
Тырят — слажено
Клещи — вражии.

По — колдобинам,
По — сугробинам
Не впервые — нам,
Прорываться — нам.

Дух — по крепости
Крепче — крепости
Белокаменной —
Камнем станем мы.

МАСТЕРСКАЯ

Игорь БУРДОНОВ

СВОБОДА В ТЕКСТЕ

Сначала мы думали, что нам не хватает свободы текста. Но теперь, чем дальше, тем больше, мы понимаем, что нам не хватает свободы в тексте. Первое, что мы делаем: пытаемся стряхнуть с себя русский язык: нарушаем синтаксис, игнорируем знаки препинания, коверкаем орфографию, утрируем лексику. Но результатом становится лишь понимание того, что язык здесь не при чём: ничего не меняется: выйдя за рамки правил, мы не обретаем свободу, разве что её иллюзию, что даже хуже несвободы. Не язык, и вообще не внешние ограничения лишают текст свободы, а ограничения внутренние: те схемы, что выросли в нашем сознании, как вырастают кристаллы в насыщенном растворе. Поначалу такие условные схемы даже воспринимаются как безусловный закон: только так и можно писать. Потом мы обнаруживаем, что писать можно иначе. И стараемся избавиться от схем. Но от схем избавиться нельзя, можно лишь заменить одну схему другой. И мы пытаемся придумывать схемы. Но схемы нельзя придумать, их можно лишь увидеть в тексте. Первый свободный текст пишется в бессознательном состоянии, потом в нём открывается схема, потом по этой схеме пишутся другие тексты. Они ещё долго будут свободны, потому что свобода имеет большую инерцию, и лишь по прошествии длительного времени свобода превращается в отсутствие свободы, а схема — из пути к свободе, в путы свободы.

Речь не идёт о свободе сознания, это отдельная тема. Речь о том, что при вербализации свобода не передаётся, и на том конце передачи, в тексте её нет. Человек ведь не думает и, тем более, не чувствует словами, тогда как текст — это слова, и ничего больше. Попытки применять разные шрифты, отступы, размеры букв и т.п. всего лишь расширяют алфавит, в котором написан текст, и больше ничего. Думать, что, расширив алфавит, мы сможем выразить всё то, всю ту свободу, что не могли выразить ранее, — это иллюзия. Человек вообще не мыслит и, тем более, не чувствует в каком-то алфавите, пусть даже бесконечном. Я даже думаю, что когда и если мы полностью расшифруем тот механизм, по которому работают нейроны головного мозга, и «разложим» тот компьютер, что находится у человека в голове, мы ничего не поймём. Потому что даже компьютер сам ничего делать не может, делает программа, в него заложенная. Но, думаю, для человеческого сознания дело программой не ограничивается. Всегда останется нечто, не поддающееся расшифровке. В тексте же то, что не поддаётся расшифровке, — это пробелы между словами, предложениями и фразами, т.е. отсутствие текста. Это отсылка к автору текста, потому что у него-то в голове в этом месте не пусто, хотя и туманно, может быть. Но эта отсылка, эта ссылка пустая, в тексте лишь сам факт ссылки, по ней нельзя «кликнуть» и получить доступ.

Чувству свободы часто мешает чувство реальности. Когда ты описываешь любимую (например, персонажем твоего текста) женщину, тебе самому хочется заняться с ней любовью (а если не хочется, то в чувства твоего персонажа никто не поверит), а вместо этого ты пишешь текст. Это означает, что описывать нужно совсем другое. И так про всё. Но тогда о чём же писать? Только о том, что не имеет отношения к реальности и, следовательно, тебя не волнует. Но тогда ты вообще ничего не напишешь, да и зачем? То, что я сейчас написал, — это схема. И она не даёт свободы в тексте. Значит, её нужно заменить на другую схему. Какую? Какая схема позволит вклиниться в поток между сознанием и реальностью, чтобы родить текст?

Такой текст должен иметь два смысла: один буквальный, а другой угадываемый, причём второй противоречит

первому. Ведь свобода существует лишь там, где есть противоречие, напряжение между противоположностями, она всегда на перекрёстке с двумя указателями: «налево пойдёшь», «направо пойдёшь», но когда пойдёшь, свобода тут же исчезнет, останется позади тебя, на перекрёстке. Только не пытайтесь воплотить эту схему в жизнь, т.е. в текст: я уже говорил, что текст первичнее схемы, в нём обнаруживаемой. Иными словами, текст не сводится к схеме, хотя без схемы его не напишешь. Бессознательное состояние рождает текст примерно так же, как обезьяна, случайно нажимающая кнопки клавиатуры. Схема всего лишь говорит, что должно быть, но не говорит как. А художественный текст (любой текст художественный, хотя, может быть, плохой или очень плохой) — это только как, и совсем не важно, что.

Такой текст должен мерцать, у него как бы нет чётких очертаний. Написано одно, а читается другое. Может быть, в этом причина столь «нездорового» интереса пишущих к разного рода техническим фокусам: палиндромам, анаграммам, акростихам и т.п. Но если вы пишете такой (т.е. хороший, со свободой внутри) текст без фокусов, то это означает лишь, что ваши фокусы более изощрённы и невидимы. Это уже почти магия. Ведь магия — это возможность делать обычные вещи необычными способами. Можно вылить из кувшина воду и налить в него вино, а можно превратить воду в вино. Результат один, но достигается разными способами. Если вы выливаете и наливаете, это плохой текст, его и писать не стоило, а если превращаете — хороший. Почему?

Наверное, потому, что результат — не важен. Важно, не что, а как. Не что написано, а как написано. Не что прочитано, а что не удалось прочитывать, т.е. разгадать. Важны не ответы, а вопросы. Текст — это ответ, превращающийся в вопрос в процессе чтения. И может быть (высший класс!), совсем не в тот вопрос, с которого начал написавший текст. Как сделать, чтобы текст, который вы пишете, был умнее вас? Потому что, если он глупее, то зачем вы его написали, тогда лучше предъявите себя вместо текста. Литература умнее реальности, правда только до тех пор, пока она (литература) об этом не догадывается. Чтобы быть умнее, она должна думать, что она глупее. По-

хвала глупости и сердце глупого человека, как оно тёмно! Ум сродни бытию, а глупость — небытию. Бытие — лишь пена на поверхности небытия, которое означает всё, тогда как бытие означает лишь то, что есть. Из этих тёмных глубин рождается всё светлое. Чтобы рождать свет, текст должен быть тёмным. Но, конечно, не настолько тёмным, чтобы его нельзя было прочитать.

В этом месте нужно без всякого предупреждения, «без объявления войны» медленно и плавно (а может быть, быстро и резко) перейти к примеру «такого» текста, не к примеру, а просто писать «такой» текст. Дабы практикой подтвердить теорию, чтобы не быть голословным и т.п. Ха-ха! Если бы так можно было сделать, зачем бы я писал всё, что выше? Я бы просто написал «такой» текст.

Ксения МИРОНОВА

ВПУСТИМ ЛИ МЫ СОЛНЦЕ...

Предлагаем познакомиться с новыми стихами автора, пишущего на китайском языке и авторскими переводами с китайского языка на русский:

分开

跟你在一起每秒
对我无限重要。
时间不帮我适应
对没有你的环境。

你知道我会多么想你
你要走我也没有办法抗议
我很寂寞,但我一定会非常努力
不让你操心也不给你任何压力

暂时的分开 ——
你为什么要来?

我又来不及
准备迎接你。。。

暂时分离变成了永远。
会这样我早就有了预感。
该对待你更好,但那时害怕
善良会代表结束,失去她。

我很感谢记忆和照片的存在,
但拥抱的温暖它们没办法取代。
只有我的心总是能跟你在一块,
渴望你说:《即想走又想留下来》。

РАССТАВАНИЕ

Мгновение становится бесценным,
когда ты рядом.
Время не в силах помочь мне привыкнуть к простран-
ству, в котором тебя нет.

Ты знаешь, я безмерно по тебе скучаю,
Но, не удерживая, тебя отпустила.
Пусть мне одиноко, я не утяжеляю твой путь
Беспокойством за меня.

Расставание,
почему ты должно было прийти?
Я опять не успела подготовиться
к встрече с тобой.

Временная разлука оказалась прощанием навсегда.
Я предчувствовала это, я могла быть с тобой добрее,
Но я боялась, что доброта станет подведением итогов,
И пыталась обидчивостью и нетерпением привлечь не-
обходимость продолжения.

Невозможно успеть подготовиться к расставанию,
И память не заменит теплоты объятий,
А сердце всё сильнее жаждет услышать,
Что тебе хотелось не только уйти, но и остаться.

这个世界

这个世界很小,很简单。
你问我,我就给你答案;
你不信,怀疑我的真心,
开心慢慢变成不开心。

太阳又离开了。。。

这个世界很大,很复杂。
今天我跟你好,明天吵,
后天再也不想跟你聊,
没想到大后天和好。

太阳又出来了。。。

这个世界爱哭又爱笑。
你有自由,自己可以挑
跟谁一起追什么目标,
过得幸福还是不断烦恼。

太阳能进来吗?

МИР

Мир иногда представляется нам маленьким и простым.
Ты меня спрашиваешь, я стараюсь ответить;
Почему-то ты не веришь, подозреваешь в неискренности,
И радость обращается в горечь.

Солнце скрывается...

Мир порой кажется большим и сложным,
Он рассыпается на дни, когда мы то в гармонии, то в ссоре,
То молчаливо поглощены обидами,
То освобождаемся от недовольства.

Солнце иногда появляется...

Мир любит плакать и любит смеяться.
Выбирая свою цель и того, с кем вместе к ней стремиться,
Мы можем создать пространство для счастья,
А можем заполнить жизнь хаосом беспокойства.

Впустим ли мы солнце?

想念

八岁小孩活在国外
不知自己是否想家
在柜里藏了一条毛巾
偶尔拿出闻闻乡味
有一天父亲把它洗净
小孩发现后
一辈子没忘记
此刻难过的心情

НОСТАЛЬГИЯ

В восемь лет — вдали от родины,
ребёнок не знает, скучает ли по ней.
В шкафчике хранит простое полотенце;
порой его вынимает, вдыхает аромат далёкого дома.
Однажды отец постирал полотенце.
На всю жизнь ребёнку запомнилась горечь, наполнив-
шая сердце,
когда он обнаружил утрату.

НЕШУТОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ

ДЕБЮТ И БАСЯ
(быль)

Это приключилось ровно четверть века назад. Меня, начинающего автора, пригласили выступить на празднике «МК» (тогда ещё не в «Луже», а в Сокольниках). Программа подходила к концу: отпели барды, отпрыгали акробаты, отпозировали масляные культуристы, исполнила арагонскую хоту балеринка. Где-то в середине действия испарился ведущий Лев Шимелов, и его подменила полногрудая комсомолка лет двадцати пяти. Звали её Бася. Накрапывал дождь, немногочисленная публика, как говорится, «наелась»; кучка подвыпивших ребят вяло приплясывала под уханье ВИА с соседней площадки. Даже популярный в ту пору Грушевский, выступавший задолго передо мной, не вызвал оживления.

— Как представить? — спросила Бася, вперясь в меня мутно-голубыми. Тут надо сказать, что в камерке за эстрадой участники концерта уже давно отмечали. Бася исключения не составляла, однако на ногах пока держалась твёрдо. До меня уже выступали поэты-сатирики, и,

чтобы как-то отличаться от них, я выпендирился: — Поэт-миниатюрист такой-то. Бася строевым шагом двинулась к микрофону и объявила: — Выступает известный поэт-милитарист! Я прошипел: ми-ни-а-тю-рист!!! Лучше бы я этого не делал. Бася, пожевав губами, «поправилась»: — Выступает поэт-минетарист! Тогда даже слово «секс» звучало неприлично, а тут такое... Кто-то похабно заржал. Народ прислушался. Хотя весь мой организм трясло от холода и страха перед первым выступлением, меня ударило в пот. Я рванулся к микрофону и, желая сгладить ситуацию, пошутил: — Оговорка по Фрейду. В публике захихикали. Я собрался было читать свои четверостишия, как вдруг обнаружил, что память отшибло напрочь. В ужасе я застыл. Публике это понравилось. Кто-то решил меня поддержать и пробасил: «давай, метеорист, гони!» Ни жив ни мёртв, достал из заднего кармана написанные бисерным шрифтом тексты, но... к несчастью, оставил дома очки. Рядом нарисовалась Бася. — Дай сюда! — и выхватила шпаргалку, одновременно улыбаясь зрителям. Разбирая вслух мои каракули, Бася дико перевирала. Непонятное она опускала, заменяя отсебятиной, то и дело игриво замолкала в ожидании соответствующей рифмы, я же был не в состоянии подыграть. За меня это хором делала толпа. Желая прекратить поругание творчества, я попытался отнять бумажки, но, борясь с Басей, только опрокинул микрофон. Народ с неподдельным интересом прибил к сцене, привлекая идущих мимо улюлюканьем и гоготом. С рёвом «дай я почитаю» какой-то поддатый качок полез на эстраду.

Обстановку спас хлынувший ливень; орава, радостно вопя, разбежалась, а я со сцены еле увёл Басю, которую всё же порядочно развезло. Самое интересное случилось после: нам оказалось по пути, а что потом, а что потом... Утешением же мне послужил слух о скандальном выступлении, дошедший до Льва Новожёнова (который о ту пору был шефом-редактором юмористической странички «СЮР»), благодаря чему он опубликовал целую подборку моих «перлов».

К слову сказать, несмотря на то, что со сцены я тогда не прочитал ни одной строчки, ни до, ни после мои стихи не пользовались таким успехом.

Александр ОЛЕЙНИКОВ

КАК Я СДЕЛАЛ СВОЮ СЕСТРУ ЛЕНУ ИЗВЕСТНЫМ СКУЛЬПТОРОМ

Моя двоюродная сестра Лена сейчас известный скульптор — Елена Владимировна Мунц. Она много чего наваяла, но широкая известность пришла к ней после того, как она, совместно с Д. Шаховским, сделала памятник Осипу Манделштаму в Старосадском переулке в Москве. После этого она ещё поставила памятник Л. Пастернаку в Перми и вообще стала востребованной. Но я считаю, что основу ее творческого пути заложил я.

А дело было так. В конце войны мы жили большой семьей в двухэтажном деревянном доме на Ленинградском шоссе, неподалёку от метро «Динамо». Из детей нас было двое. Мне было шесть лет, а Ленке — 5. Дом был с печным отоплением. И вот я однажды взял хороший ком пластилина, разогрел его немного в печке и вlepил Ленке в косичку. Ленке пришлось очень долго ликвидировать последствия этого моего поступка. Время подумать было. Мне кажется, что тогда-то она и решила стать скульптором.

ГРЫЖА ПАРТИИ

В начале 80-х годов мы очень активно сотрудничали со странами народной демократии в области автоматизации научных исследований. И часто ездили к «демократам», а они — к нам. Должен сказать, что ездить гораздо приятней, чем принимать у себя, поскольку принимать — дело хлопотное. Да, что говорить, я думаю — объяснять не стоит. Особенно приятно было ездить в Болгарию, всё-таки это по-настоящему братский народ, язык более менее понятный и отношение дружественное.

И вот однажды в Пловдиве происходила приемка одного машинного комплекса, была создана комиссия, которая изучала документацию и проводила испытания. И случилось так, что я был назначен председателем комиссии. После первого заседания комиссии, когда программа ис-

пытаний была утверждена, и комиссия приступила собственноручно к работе, директор этой организации Любомир Антонов говорит мне: «Прощу пройти со мной!». Надо, так надо.

Мы поднимаемся на другой этаж и останавливаемся перед дверью с надписью «Партийный комитет». Директор отпирает дверь, пропускает меня вперед, и я вижу обстановку, очень похожую на обстановку наших парткомов. Ну, всё понятно — младший брат. А обстановка такая: большой письменный стол с графином и стаканами, напротив — чёрный кожаный диван, а рядом со столом стеновой шкаф с партийной литературой. Против стола на стене, конечно, портрет тогдашнего партийного лидера болгар Тодора Живкова.

В этой казенной обстановке выделяются два предмета возле стола: картонная коробка с 6-ю бутылками коньяка «Солнечный берег» и коробка с бутылками минеральной воды. Я спрашиваю: «Это так полагается?» — А как же, Вы же председатель комиссии! Работайте». Ну, полагается, так полагается. Директор откланивается и уходит, а я остаюсь в кабинете. Ну, сначала я налил немного коньяку и, поклонившись Тодору Живкову, выпил, потом запил минералкой. Что дальше делать? Прилеж на диван и немного полежал в раздумьях о том, что председателем комиссии быть неплохо, хотя и большая ответственность. Хорошо бы еще принимаемый комплекс оказался работающим! Минут через десять лежать надоело, и я подошел к шкафу с литературой. Вытащил наугад один журнал, похожий с виду на наш журнал «Коммунист». Читаю на обложке: «Живот народа — грыжа партии!». Я сначала обомлел, а потом понял: по-болгарски — «живот» это «жизнь», а «грыжа» — «забота». Но как точно сказано! Пришлось еще хлебнуть коньяку, чтобы успокоиться. До сих пор жалею, что я тот журнал не прихватил с собой.

ГЕНЕРАЛИССИМУС

Гляжу, генералиссимус,
На пыльный твой портрет —
Зачем нам независимость,
Когда порядка нет?

Пусть не было прокладок,
И плохо — со жратвой,
Зато царил порядок,
Предписанный тобой.

И мы все дружно жили,
И каждый проживал
При паспортном режиме,
Где ты нам предписал.

В руках домоуправа
Лиловая печать —
В ней сталинская слава,
Себя давала знать.

Я пыль с портрета тряпочкой
Сотру. Пускай висит!
Какая же ты лапочка,
Палач наш и бандит.

Сергей ШЕРСТНЕВ

* * *

Отбросив глупые сомненья
И суеверный детский страх,
Я тотчас увидал затмение,
Но не на небе, — в головах.

* * *

В акватории алкоголизма
Я завис, я залип, я пропал,
И повержен рогами харизмы
Необузданный мой Буцефал.

На дорожке, поросшей бурьяном,
Победил незатейливый страх.
Заражен вредоносным трояном,
Голос совести бродит впотьмах.

Упущенье уже совершилось,
Все усилия нынче — беда...
Как-то грустно все в жизни сложилось,
Потоскуем еще, господа!

* * *

Кипи же кровь, бурли рассудок,
Трясись от тремора рука...
Что пригорюнился, зануда,
Не все растрчено пока...
Черпак на гвоздике в кладовке,
Как жизнь в кукушечьем гнезде.
Я где-то там, на остановке,
Но до конца не знаю, где.
Перепило струны мозга,
Я как-то перестал расти,
Но до картины от наброска
Еще три четверти пути.
Встрянуло. Я вздохнул свободней,
Яснее видится итог,
И у унылой подворотни
Я вижу, я не одинок.

* * *

Шепот весны в переулке,
В воздухе запахи неба,
Мчится навстречу хрустящим сосулькам
Мой одинокий троллейбус.
Ветер еще пробирает,
Но просыхает асфальт...
Раньше сугробы лежали, сверкая, -
Грязью осыпал их март.
Слякотно. Время простуды.
Хочется скинуть пальто.
От перепадов страдают сосуды,
С мыслями что-то не то...
Хочется ласки и света,
Летней зеленой постели,
Скоро ль настанет мгновение это?
Вот! Вот — грачи пролетели...

* * *

Говорящий штрудель со стола
Спрыгнул в тапок, словно гонщик в карт.
Я босой ногой давлю палас,
За окном сближает кошек март.

Новостройка, серый монолит,
Заслонила тенью плесень-чай,
Две тарелки моются в пыли,
Кран ревет, как в поле саранча.
Бездна простирается в углу:
Мусор изнутри объел пакет.
Фикус на окне к молитвам глух -
Бесполезно-девственный предмет.
Только я и рыжий таракан
Предаемся солнечным мечтам,
А на нас взирают с потолка
Грусть, тревога, скука, тошнота.

* * *

Калибрую заснеженный лес,
Как пустыню, в которой есть пропасть,
Где-то к жизни остыл интерес,
Где-то чутся в сердце махровость...
По пятам за прощеньем — тоска
Прозаичной, унылой зевоты...
Вот-вот треснет бычачья доска
И расщепится гомозиготно.
Плюнув в небо, шагаю пешком:
Мой болид в темноте потерялся
Среди офисов и автошкол,
На безлюдной, разгромленной трассе...
Просыпаюсь под светом звезды,
В моей совести след амальгамы,
А еще остаются следы
Прогнивающе-скомканной драмы...

* * *

Я жив еще, и не проявятся следы
Моей петли и странгуляционной борозды.
Какой анафеме Вы предали меня,
О Искуссители, бесовские сандалии!
Когда бы власть над Случаем Вы дали мне,
Я б душу на вериги поменял.

* * *

Шестихвостая гидра с кольцом вместо тела,
В часы-пик — переполненный Ноев ковчег,
Где в толпе, как в сгущенке за ночь загустелой,
Ежедневно бок о бок москвич и чучмек.
Кто-то едет работать, а кто — на уроки,
Пот прижатых людей разьедает костюм:
Так прессуют опилки, картон, сайлентблоки,
И спрессованы мысли от тягостных дум.
В каждом взгляде желанье и в каждой ужимке:
Нужно срочно покинуть проклятый чертог.
Ну а там, наверху, город плавает в дымке
Выхлопного пожара и мертвых дорог.

* * *

Ссутулившись в шинелях от Акакия,
Под ледяным дождем, как стая саранчи,
На островах собянинской епархии
Маршрутку ждали коренные москвичи.
По грязи шлепали умытые прохожие,
Скользили, становились жертвой луж...
Как неожиданно зима вошла в прихожую
К всему готовых коммунальных служб.
А МКАД гудел, стоял сомкнувшись в ленту он,
Темно и наглухо, без всяких перспектив.
Его забыли обработать реагентами
И снег бульдозером к обочине сгрести.
Тащились фуры с грузом и порожние,
Но не кабиной, а прицепом вниз.
На эту ситуацию дорожную
Гаишники блюли из-за кулис.
Ссутулившись в шинелях от Акакия,
Под ледяным дождем, как стая саранчи,
На островах собянинской епархии
Маршрутку не дождались москвичи.
А я иду по улице расслабленный,
Рожден в холодном северном краю,
Я горд и этот город славаю я
Все потому, что зиму я люблю.

* * *

С выраженьем отданного долга
И в пиджак малиновый одет,
На столе челябинского морга
Труп лежал с табличкою «поэт».
Мрут поэты вдрут, поодиночке
И довольно часто неспроста,
Замирают прерванные строчки
На их рифмострочащих устах.
Вот лежит он тихо и смиренно,
Не читает, не несёт пургу,
Прыгают от счастья конкуренты:
«Как красиво смотрится в гробу»
В творчестве он был оригинален
Поражал узлами строк и слов,
Женщины ему рукоплескали
И дарили ласку и тепло.
Он не лгал, рубил стихи на совесть,
Обнажая предрассудков дно.
Он карьеру выстроил на слове
Плюс рациональное зерно.
Впрочем, он местами был безумен,
А местами — жаден до монет.
Он велик лишь потому, что умер,
А не потому, что он поэт.

Константин НИКИТЕНКО

В ПАРИЖЕ

Нырнув под простынь с головой
Во сне я сплю и вижу –
Какой-то улочкой кривой
Иду я по Парижу.
И так отчетливо видны
Мне отблески Ла-Манша
И Лувра древнего огни
И Эйфелева башня.
Париж знакомый от и до,
(Альбом ты мне листала),

И вот встречаю Бельмондо
И самого Зидана.
По-русски выпив на троих,
За жизнь поговорили,
О планах будущих своих
Друг друга просветили.
Сидеть и дальше б мы могли
Коль разговор беспечен,
Но тут помойку подожгли -
Дышать мне стало нечем.
Глаза открыл — Москва в дыму
От смога снова чахнет,
А я спросонья не пойму,
Что родиною пахнет.
Всё лето нюхал этот дым
С его торфяным газом ...
И день парижский мой один
Накрылся медным тазом.

НЕОФИТЫ

Нам строго объяснили и сказали:
«Пора менять вам веру и богов».
И толпы тех, кто к Ленину стояли,
Пред храмом толпами стоят к Дарам волхвов.
Их лица мне знакомые чертовски!
Захочешь — не забудешь их никак.
Их всех лечил с экрана Кашпировский,
Водой их заколдовывал Чумак.
Чуть поседели, но пока в порядке.
Готовы ко всему, коль силы есть:
И веру поменять по разнарядке,
И выбрать на престол кого не вестъ.
Их подогрей, и вновь готово блюдо!
Найдут кому молиться, не любя.
А потому, что ждут упорно ЧУДО,
Не веря ни в богов и не в себя.

ПОЛДЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

Одевшись в стиле «ретро»,
В остатки старых кед.
Я двигаюсь «до ветру»,
Точнее, в туалет.
Денёк теплом встречает,
Чуть-чуть скрипит изба,
И запах расточает
Навоз и лебеда.
Сюжет совсем не лишний, -
Вон куры на стогу,
И я с деревьев вишню
Срываю на бегу.
Мне сельская природа
Милее всех начал.
Здесь колыбель народа,
Отечества причал.
Скрипят от бега кеды,
Скользит моя стезя,
Эх, жаль в России беды,
Мне развести нельзя.

СВОБОДА

Свободу оседлать не очень просто.
О ней мечтают все, чтобы иметь.
Коль рабства не отодрана короста,
Зачем пустыми банками звенеть?
Зачем речей пустая канонада?
Зачем в ушах нам этот экскремент?
Всё выглядит, как будто клоунада,
Как с женщиной красивой — импотент.
Свободу как в России обретают?
Является безродная шпана,
Рога кому-нибудь пообломают,
Иль, в лучшем случае, пошлют кого-то на ...
На этом всё. Закончится свобода.
Вновь гайки позакручивают нам.
И будут жрать, пока не треснет морда,
Иль сами не получают по рогам.

СЛЁЗЫ СОЛИДАРНОСТИ

Я походил, присел на подоконник,
Ведь сидя думать лучше, чем пешком.
Мне очень жаль, что жителей Салоник
Судьба накрыла кризисным мешком.
И Корфу нынче стонут, и Афины,
Вся Греция рыдает тут и там.
В Эгейском море умные дельфины
Уже плывут к турецким берегам.
Послушаешь, и чувствуется горе:
Сиртаки нет, не слышен детский смех.
Медуз не стало в Средиземноморье,
Беда ведь общая, и кризис он для всех.
Там в бухтах корабли пришвартовали -
Не ходят больше к дальним берегам.
А греки ведь в России не бывали,
Вообще бы обзавидовались нам.
Особенно, в какой-нибудь глубинке,
Там жизнь — кино, похожая на рай.
И рубль крепнет каждый день на рынке,
Хоть с пенсии «Феррари» покупай.

Нам проще жить, мы слёз не проливали,
Но с греками поплачем заодно:
Они — попали, мы — не вылезали,
Они— сейчас, а мы— давным-давно.

У НАС

Здесь нету пальм и нет кокосов,
Здесь апельсины не растут,
Здесь нерешённые вопросы
Столетиями решения ждут,
Зато здесь снежные сугробы
И реки, скованные льдом,
Здесь вымерзают все микробы,
Здесь люди пар пускают ртом ...
Возможно, кто-то скажет: скучно
Среди снегов жить день за днём.
А мы в ответ вполне научно

Свою доктрину подведём.
Здесь всё привычно, всё не ново,
Всегда здесь редька есть и квас.
И не настолько здесь хреново,
Как кто-то думает про нас.
Зимой крестьянин, торжествуя,
Бредёт по утру к польнью.
Живём, короче, в ус не дуя,
В весёлой, радостной стране!

НА ЭКСКУРСИЮ

Нам с тобою в путь собратся
По бескрайности страны -
Ремешком лишь подвязаться,
Чтоб не падали штаны.
Взять билет на поезд скорый,
Сесть на лавку у окна,
И представит нам просторы
Необъятная страна.
В созерцании совместном
Мы на станции любой
Выйдем в месте неизвестном
Лишь с котомкой за спиной.
Как паломники Мессию,
Встретим реки и холмы,
И поймём вдруг, что Россию
До сих пор не знали мы.

Михаил НИКОЛАЕВ

ИРОНИЗМЫ

* * *

...Не находя утешений в речах,
Фикус к стене прислонился, зачах.
На хризантему уставился сыч:
Скучно ловить несусветную дичь!
Что же ты смотришь сверлящим зрачком,
Словно с неведомым миром знаком,
Миром беззвучных и вечных теней,

Где уготовано место и мне.
Замер янтарно подсвеченный взгляд,
С бездной тоннели зрачков говорят —
Не по-людски раскрывается жуть,
Первым замедленный взор отвожу...
Тихо. Не надо. Нам знать не дано —
В тайну какую раскрылось окно,
Чем нам обвальное время грозит?
Что так томительно шепчет, сквозит?...
Форточка, звёзды глотая, скрипит.
Сыч с хризантемой под фикусом спит...

* * *

... С коньячной влагою на доньшке бокала
Занятно речи праздные вести.
В бравурном баре, в благости бокала,
Мы гости давние, желанны и в чести!

Не чокаясь, помянем древних греков,
Им этот берег исстари знаком.
Здесь каждый человек из человек
Туманностями бредил босиком.

Давным-давно их боги покарали,
Неизъяснимо грустно от того:
Над звёздной пылью эллинской морали
Мы не воздвигли ровно ничего!

Опасливо бредём петлистым следом,
За пазухой — воинственный задор,
И только философские беседы
Диктует море под бровями гор.

В турецком очарованном ночлеге
Летят на ужин к нам перепела,
Скрипучий стон немазаной телеги —
Павлиний крик на смуглые тела.

Исламских полумесяцев излёты,
Прибой сквозь призму белого винца!
Корявой ересью исписаны блокноты,
Но грифель не источен до конца!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ

В Союз литераторов поступило письмо, которое мы не в праве не опубликовать, поскольку это имеет отношение к созданию всемирно известного музея. Доколе имя одного из основателей музея будет замалчиваться? Пора покончить, наконец, с повсеместно царящей катавасией.

Инна ВАСИЛЬЕВА

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ КОТА ВАСИЛИЯ ЦВЕТАЕВА К МИНИСТРУ КУЛЬТУРЫ

Глубокоуважаемый г-н Министр!

На вопрос, кто был создателем всемирно известного ныне Музея изобразительных искусств на Волхонке, любой мало-мальски образованный человек назовет имя Ивана Владимировича Цветаева. И мемориальная доска на этом прекрасном доме говорит о том же.

Однако здесь не всё чисто и сердце моё не выдерживает несправедливости, на которую веками обречены мы, коты и кошки.

Мы, скрашивающие людскую жизнь, помогающие избавляться от мышей, если говорить на бытовом уровне.

Мы, как саперы, первыми входим в их новые дома и квартиры, мы лечим их болячки, мы дарим им потомство без всякой надежды на то, что они благодарно вырастят наших котят.

Ради миски молока, сметаны, гладки-ласки, — и то, когда людям этого захочется?! Впрочем, все это давно и хорошо известно.

На сей раз мне хотелось бы со всей определенностью поставить вопрос о вкладе кошачьего сословия в становление и развитие мировой культуры. Почему, когда пишут о заслугах моего хозяина, забывают о моих? Разве это не я сидел у него на спине каждый вечер, когда он работал за нашим письменным столом? Кабинет наш был на первом этаже, снизу хозяин спасался валенками. А сверху я прогревал его, я навевал ему образы, я мурлыкал, предрасполагая мозг человеческий к открытиям, важным сопоставлениям и решениям, я снимал раздражение и усталость от многочасовой работы. Наградой мне была любовь Ивана Владимировича.

Но если по совокупности, если оценить весь неизмеримый мой и наш общий кошачий вклад в общее дело? Давайте вспомним Гофмана — эту проблему уже пробовали поднять некоторые из наших, но гордыня людская беспредельна.

И вот со всей жёсткостью мне хотелось бы спросить: почему на мемориальной доске есть имя моего горячо любимого хозяина, и нет моего? Позвольте со всей определенностью заявить: создателями Музея изящных искусств имени Александра III, ныне более известного как Музей изобразительных искусств на Волхонке, были двое: профессор Иван Цветаев и кот Василий Цветаев. И в подтверждение выше заявленного привожу опубликованный(!) фрагмент воспоминаний старшей дочери Ивана Владимировича Валерии.

Господи, коллега, сколько я приложил усилий, чтобы она получила хорошее воспитание и образование. А уж о моем поэтическом влиянии на становление Марины и говорить нечего!

Впрочем, не все сразу: настаиваю на помещении имени моего на мемориальной доске Музея изобразительных искусств рядом с именем хозяина, можно через запятую, после него.

Не откажите в посильной помощи, искренне Ваш — кот Василий.

Приложение: на 1 листе.

Из воспоминаний Валерии Цветаевой:

«Отец в кабинете, в валенках, потому что пол холодный, сидит, низко пригнувшись к письменному столу, пишет, а за спиной, с безмолвного согласия, примостился заслуженный (выделено И.В.) старый черный кот Васька, оба пригрелись друг другом».

От редакции.

Обращаем внимание читателей, что вследствие врожденной скромности Вася не все о себе сказал: уже при жизни он получил звание заслуженного, по всей видимости, деятеля искусств, раз в результате его стараний был создан Музей изящных искусств. По всей видимости, именно кот Вася вообще был первым, кто это звание получил. Мы поддерживаем требование заслуженного деятеля искусств кота Василия увековечить его имя на мемориальной доске Музея изобразительных искусств на Волхонке.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

ТИШИНА

Пел кузнечик на лугу
у глубокой речки.
На высоком берегу
блели овечки.

Реял в воздухе комар.
Стрекоза летала.
Под водою у сома
жилка трепетала.

КУЗНЕЧИК

Стал кузнечик
зеленым -
оттого, что
травы наелся.

СНЕГ В ИЮНЕ

День зажегся
и потух,
разлетелся
в прах и пух —
как перину
распороли.

Снежные идут
гастроли —
за окном
летает пух
белых бабочек
и мух.

О ВОРОНЕ

У вороны
есть обычай —
возвращаться в дом
с добычей.

ТУМАН НА РЕКЕ

Туман крадется по пятам
по берегам овражка.
Репьи малиновые там
и желтая ромашка.

Бежит по камушкам река,
ворочаясь сердито.
У мостика круты бока.
Река в тумане скрыта.

ПТИЧКА

Птичка-птичка,
В белой манишке
Ножки спички
В черных штанишках,

Птичка-птичка,
Вдоль по дорожке
Скачешь, птичка,
На тоненьких ножках.

Птичка-птичка,
Серенький хвостик,
Дам тебе зерен —
Придешь ко мне в гости?

* * *

Кому это нужно:
холодно, вьюжно.

На карнизе птице
по ночам не спится.

По карнизу ходит,
холод за нос водит.

* * *

Воробей влетел в метро
и порхает там хитро.
Над платформою порхает,
от мороза отдыхает.

* * *

Любимая книжка,
любимая книжка,
порвал тебя
непослушный мальчишка.
У книжки мы рваные
склеим края,
и новою станешь ты,
книжка моя!

НОЧЬ

Стоит за углом
нарисована углем
в черной темноте
черная тень.

ЁЛКА

Сегодня в гости Дед Мороз
Нам елку новую принес
Зеленую и колкую
С холодными иголками.

* * *

Почему у старой елки
На пол падают иголки?
А игрушки — зайца, мячик
На ночь прячут в темный ящик?

Почему кладут в кровать
И велят мне крепко спать?
Я пойду обратно к елке,
К веткам приколю иголки.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Все уснули. Дышат тихо
грач и черная грачиха
кот и старый патефон,
стул, расческа, телефон.

Спи и ты, малыш. На полке
спят все мамыны заколки,
платье спит, обнявши стул.
Слышишь, — голос мой уснул...

СИНИЕ ЛАГУНЫ

Я не лгу, что есть лагуны
Синие-пресиние,
Говорю, что убегу
Жить на апельсине.

Но моим словам не верят
И смеются громко
Говорю, что в джунглях звери
Мягче медвежонка.

Если их рукою гладить,
Пальцы станут пухом,
Словно в ракушке, в тетради
Волны плещут глухо.

СЛОН И ОРЕХ

Рос на яблоне орех,
Но упал, и, как на грех,
Мимо проходил прохожий
В дорогой слоновьей коже.
Тут слон и говорит: — Безобразие,
Упал на меня орех — вот оказия.
Сжал он хоботом орех — не расколол,
Топал, хлопал, бивнями молот —
Ничего у слона не получается,
Впору сесть и отчаяться.
Думает слон: — Что за яблоко? —
Потерял на этом деле два каблука,
Бивни погнул...
Ужаснулся слон: — Караул! —
И пустился бежать,
А орех, как лежал, так и остался лежать.

Янис БАЛТВИЛКС

ГДЕ НОЧУЕТ ДРЁМА

Перевод с латышского Дмитрия Цесельчука

СПЕШКА

Три года на липу
взбиралась улитка,
и вкусные листики
были так близко.

Улитка от радости
заторопилась,
упала в траву
и едва не разбилась.

Очнувшись, улитка
промолвила лишь:
— И впрямь, поспешишь —
Людей насмешишь.

ДВЕ ТЕНИ

Через поле, мимо бора,
прямо на крутую гору,
по обрыву вдоль реки
через чащу напрямки
заяц мчится без оглядки —
наседает тень на пятки.

Почему же
без оглядки?
Вдруг укусит
тень за пятки.

А топью болотной,
по гиблой опушке,
через осинник,
под крики кукушки,
логом, поросшим
цветущей сиренью,
гонится волк
за собственной тенью.

Но почему он
за тенью несется?
В зубы ему
она не дается.

СТИШОК, ПОЙМАННЫЙ РЕПЕЙНИКОМ

Тот репей колюч, как еж.
Этот вцепится и держит
за штанину,
за косичку...

Ну, а этот великан
на обочине дороги
уцепился за стишок —
цап!
Попался на крючок!

От колючки свой стишок
отцепить так и не смог.

СЛОЖЕНИЕ

Если одну черничину
сложить с еще одной?
Получим две черничины —
ответит вам любой!

А если две черничины
сложить с одной смородинкой?

Получим три СМОРОЧЕРНЫ
три очень черных ягоды —
ответит вам любой!

А если к трем СМОРОЧЕРНАМ
прибавить... чей-то рот?

Получится четыре...
Нет — три...
Нет — две...

Нет — дальше

сложение не идет!

ЧАСЫ И НЕДЕЛЯ

Тик-так, тик-так —
это час.
Тик-так, тик-так —
два часа.
Тик-так, тик-так —
Три часа.

Часы считают,
как время идет,
часы до две-над-ца-ти
знают счет.

А неделя,
как улица, большая и длинная,
почему же не стыдно ей?
Она до семи лишь
умеет считать,
а потом все сначала
считает опять!

КУПАНИЕ

На улице, дождем за-луженной,
В большущей луже
Выкупался воробей.

Разбраскивая — воду!
Брызраскивая — воду!
Разбрызгивая — воду!

Без полотенца на ветру и стуже!

Воробышку все нипочем,
Вот вытерся он
Солнечным лучом
И прочирикал:
— Чих-чирих-спасибо!

ТАКОЙ И ЭДАКИЙ

Целый день
у Анды в сумке
непоседливый рисунок
крутится юлой.

Ни минуты тихо не лежит,
вертится, шипит, рычит.
Бац — и выпал на пол,
Будто он живой!

Ну и ну!
На смятой бумаге
носом к носу, бедняги
(дело может закончиться дракой),
нарисованы кошка
с собакой.

СЛАСТЕНЫ

Очень любит
тротуар
туфель и сапог подошвы —
за год целый миллион
без труда
съедает он

Мостовая
Любит шины —
вкусные
автомашины.

А для кляксы
из тетрадки —
ластики
ужасно сладки.

БЕНГАЛЬСКИЙ ОГОНЬ

Трещит, шипит,
Искрится

Чудо на горящей
Спице.

Чуду не давай
Удирать,

Чуду не давай
Сбежать.
Окна закрыты.
Двери закрыты.

А чудо...
Где ты?

В ЗООПАРКЕ

Как длинна жирафья шея!
У совы глаза — как плошки!
Словно куст — рога оленя!
Дольше всех живут слоны!

— Ну, а кто же лучше всех?
— Лучше всех, конечно, кошки!

ГДЕ НОЧУЕТ ДРЁМА

Вечер закатил
солнышко за море.
В дверь ко мне
стучится дрёма.

— Мамочка, постой,
не впускай её,
я хочу спросить,
где она живёт,

утром незаметно
ускользнув из дома,
где же днём ночует
моя дрёма?

— В старом парке,
где липы шумят —
спящих в дупле
обнимает совят.

Роман ЧОРА

МАШИНКА

Я, не дрогнувшей рукою, разберу свою машинку.
Положу отдельно крышу, положу отдельно шинку.
Выну я мотор и кресла, бампер повредив случайно.
Только все теперь собрать бы, как все было изначально.

ТОПОТУН

Топотун-топотун под моей кроватью.
Я его угощу сладкой шоколадкой.

Только он её не ест, а фырчит упрямо.
Подружиться с ним, поладить помогла мне мама.
Красных яблок принесла и творожный коржик.
Заурчал, повеселел мой домашний ежик.

ПЕРЕХОД

Переход для пешехода,
Как на речке лента брода,
Нужно лишь по ней идти,
Чтоб под воду не уйти.
Чтоб не мокнуть в толще вод,
Для того и нужен брод.
Переход для пешехода,
Как на речке лента брода.

* * *

Мама на кухне печет пироги.
Чистит в прихожей отец сапоги.
Брат мой играет Черни на фоно.
Дед набирает в гостиную панно.
Мама на кухне печет пироги.
Чистит в прихожей отец сапоги.
Брат мой играет Черни на фоно.
Дед набирает в гостиную панно.
Бабушка там, где любимые грядки.
Все, вроде, при деле. Все, значит, в порядке.
Ну, а мне всего три года,
Я живу себе в угоду.
Бабушка там, где любимые грядки.
Все, вроде, при деле. Все, значит, в порядке.
Ну, а мне всего три года,
Я живу себе в угоду.

ПОДОРОЖНИК.

На коленке подорожник закрывает рану.
Как бы не было мне больно,
Плакать я не стану.
Починю велосипед и опять поеду.
Ну а рана... Что мне рана?
Заживет к обеду.

ПОДВИГ

Банку варенья, вишневую радость,
В манную кашу, отменную гадость,
Вылью, смешаю и съем без остатка.
За кашу обещана мне шоколадка.

МУРАВЬЕД

Живет на свете муравьед,
Он муравьям наносит вред,
Их ищет неустанно
И ест их постоянно.

КОТ МИШКА

Мишка по двору идет.
Мишка — это белый кот.
Он бел, когда он чистый,
А сейчас пятнистый.
Шлялся где-то целый день,
То обнюхивал сирень,
То за белками гонялся,
После, с Барсиком игрался,
Прыгал у пруда с лягушками
Закадычными подружками.
А теперь пришел домой.
Грязный, мокрый, мой родной!

Борис ЯКУБОВИЧ

А Т Л А Н Т И Д А — МЕЧТА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Прежде чем окунуться в таинственный, пленительный мир преданий и легенд, связанных с Атлантидой, необходимо условиться о том, что, собственно, подразумевается под этим топонимом и очертить приблизительный ареал, на который можно распространить понятие Атлантида.

На сегодняшний день, практически вся поверхность, которую можно условно именовать пра-территорией Ат-

лантиды, покрыта водами Атлантического океана, в то время как некогда она могла простираться с севера на юг от острова Гренландия до побережья Бразилии, и с запада на восток от Северной Америки до Африки. Эта гигантская змеевидная платформа, очевидно, возникла и начала всплывать из раскаленных жидких недр Земли около 200 миллионов лет назад, когда еще вся земная суша планеты представляла собой единый сверх-материк.

На протяжении многих тысячелетий, на поверхности Атлантического хребта могла существовать и бурно развиваться человеческая цивилизация.

Однако, это сухопутное мегапространство являлось крайне неустойчивым геологическим образованием, ввиду наличия в нем большого количества активнейших сейсмических и вулканических зон. Устрашающие распады Атлантического хребта происходили в продолжение очень длительного периода времени и, с определенными оговорками, в этом процессе можно выделить три основных, временных этапа, которые постепенно, но неумолимо стирали с исторической карты мира то, что мы именуем Атлантидой.

1-Й ЭТАП. Около 50 тысяч лет до н.э. Обширные участки Атлантиды медленно погружаются в воду, а над поверхностью океана остаются 5 крупных и множество более мелких островов. Происходит значительное смещение земной коры, сопровождающееся изменением местоположения Северного полюса.

2-Й ЭТАП. Около 28 тысяч лет до н.э. В воды Атлантического океана погружаются другие участки суши Атлантиды. В результате сохраняется только один большой остров (Посейдоний), а также цепочка островов, протянувшаяся к Североамериканскому континенту.

3-Й ЭТАП. Около 10 тысяч лет до н.э. Последний крупный остров Атлантиды (Посейдоний) исчезает в океанской пучине. Как нетрудно догадаться, именно эта дата и является хронологической иллюстрацией событий, вокруг которых выстраивается все предание об Атлантиде.

СООБЩЕНИЕ ПЛАТОНА

Вероятно, история Атлантиды, как и само это понятие, так бы и скрылось в тумане забвения, если бы об этой удивительной стране не поведал великий мыслитель,¹⁰⁹

философ, писатель и историк по имени Платон. Свои философские изыскания, впервые в мировой практике, Платон стал облекать в форму диалога, наилучшим образом передающего весь драматизм поиска истины. Местом проведения этих бесед явился дом, хозяином которого был хранитель уникальных сведений о таинственной древней стране, внучатый племянник знаменитого поэта, путешественника и политического деятеля, причисленного к сонму семи высших мудрецов античного мира, прославленного Солона. Этого человека звали Критий. В тот знаменательный день его гостями являлись люди известные и весьма почтенные: всеми почитаемый в Афинах философ Сократ, пифагорец, философ и общественный деятель Тимей, а также популярный полководец Гермократ. Что же касается четвертого ожидаемого участника бесед, с которым «приключилась какая-то хворь», то его имя так и осталось неназванным, что придает потрясающим откровениям хозяина дома еще больший налет таинственности. После оживленного обмена мнениями по поводу событий предшествующих, Критий поведал ошеломленным гостям о путешествии в Египет великого Солона и сногшибательных тайнах, открытых ему тамошними жрецами. По словам Крития, жрецы скептически выслушали рассказы Солона, касательно древности Афин, при этом, один из них с улыбкой заметил: «Вы, эллины, вечно остаетесь детьми... вы ничего не ведаете, ибо выжившие на протяжении многих поколений умирали, не оставляя по себе никаких записей». После иронических упреков жреца уязвленный Солон стал упрашивать египтянина рассказать все, что тому известно о древних корнях его любимой отчизны, и в ответ услышал потрясающее повествование...

ДВЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В 3-м тысячелетии до нашей эры в регионе Эгейского моря начала складываться культура эпохи бронзы, важнейший центр которой находился на острове Крит. Здесь происходило формирование догреческих цивилизаций, судя по всему, включавшее в себя ряд последовательных этапов. Древнейшее население этого ареала в исторической науке

принято именовать пеласгами — народом неиндоевропейского происхождения. Другое дело, вопрос о том, являлся ли этот народ автохтонным или просто пришел на смену предыдущему, до сего времени остается открытым. Около 1900 года до н.э. на эти территории с севера вторглись греческие племена ахейцев, эолийцев и ионийцев, которые частично подавили, частично растворили в себе народ пеласгов. Можно сказать, что с этого момента началась отсчет мифоисторических преданий. Греческие легенды, дошедшие до нас в изложениях множества литературных памятников, созданных гениальными поэтами и драматургами Гомером, Гесиодом, Эсхилом, Софоклом, Еврипидом и другими, рисуют образы олимпийских богов и смертных героев, как вполне реальных персонажей, действовавших совместно, во имя достижения высших целей. Для тех исследователей, кто намеревался извлечь историческую подоплеку в описываемых в этих произведениях событиях, подобный сказочный альянс представлялся фактором, значительно ослабляющим их достоверность.

Однако, это, на первый взгляд, справедливое суждение, при пристальном рассмотрении оказывается поверхностным, если попытаться воспринимать древние мифы с позиций жреца, излагавшего озадаченному Солону сведения, почерпнутые из древних египетских летописей. Следует сказать, что жрец, просвещавший «невежественного» афинского философа, являлся служителем храма богини Нейт в городе Саисе, расположенном в западном рукаве Нила и, по словам высокочудного египтянина, насчитывавшего 8 тысячелетий со дня основания. Далее жрец разъяснил своему собеседнику, что его родина, город Афины аж на целое тысячелетие старше Саиса, добавив, что древние афиняне не имели себе равных в делах военной доблести. Удивляться этому не приходилось, поскольку у истоков основания города стояла сама богиня Нейт, которую жители называли Афиной. По словам жреца, древние обитатели Афин обладали прекрасными, совершенными законами, что позволяло им превосходить всех прочих мудростью и многочисленными добродетелями. Гордясь своими несравненными достоинствами, афиняне с легкостью покоряли народы окрестных земель. Единственным достойным соперником

могущественных Афин, являлась островная держава, раскинувшаяся за Геркулесовыми столпами — огромными скалами, нависшими над водой по обеим сторонам Гибралтарского пролива, соединяющего Средиземное море с Атлантическим океаном. «На этом огромном острове, именуемом Атлантидой, — продолжал вещать жрец, — возник великий и достойный удивления союз царей, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка... И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство ваши земли и, вообще, все страны по эту сторону пролива».

СТРАНА ПОСЕЙДОНА

Согласно учению Николая Рериха, весь материальный мир бесконечного Космоса подразделяется на три эволюционных потока:

1-Й — Эволюция космической материи.

2-Й — Эволюция Жизни и Формы.

3-Й — Эволюция человечества, в результате которой на Земле происходит последовательное замещение рас, пятая из которых представляет собой нынешнее население планеты. К 4-й расе, т.е. к нашей протоцивилизации, принадлежат атланты.

Независимо от нашего отношения к духовным изысканиям великого мыслителя, воссоздаваемая ныне картина безмерно далеких событий, находится в логическом русле его гениальных озарений.

Если попытаться реконструировать эволюционный процесс, как можно охарактеризовать гигантские катаклизмы, происходившие на Атлантическом сверхконтиненте, то несомненно, что людям, оставшимся в живых после 1-го распада огромного Атлантического хребта (около 50 тысяч лет до н.э.), пришлось приложить невероятные усилия, дабы не утратить высокие достижения предшествующих поколений. Постепенно успокаивались будоражившие земную кору многочисленные, свирепые вулканы, и атланты начали покидать высокогорные пещеры, где укрывались многие годы, и спускаться на плодородные, благоухающие равнины, щедро изобилующие всеми дарами природы. Циви-

лизация атлантов возобновила свое бурное развитие, в котором на передний план выдвинулось новое божество — наука.

Власть все чаще оказывалась в руках тех, чьи технические достижения стремительно оборачивались зримыми материальными благами, в то время как простота, душевное согласие и глубина философского осмысления окружающего мира уступали место непозволительной роскоши, греховности и разврату.

Но вот, около 28 тысяч лет до н.э. земная кора пяти крупных островов, являвшихся средоточием Атлантической цивилизации, страшно содрогнулась, взорвалась, и почти вся великая островная держава погрузилась на океанское дно. Почти, но не вся. Сохранился все же один крупный остров, который постепенно сделался средоточием блистательных достижений во многих сферах человеческого сознания.

Согласно рассказу Солона, изложенному в платоновском диалоге «Критий», основоположником Атлантиды, правильнее сказать, того острова, который сохранился в результате последнего ужасающего катаклизма, являлся Посейдон, сделавшийся в представлении эллинов богом всей мировой водной стихии. Как повествуется в предании, Посейдон взял в жены смертную женщину, некую красавицу по имени Клейто и произвел от нее на свет десятиерых сыновей. Старшим из них, провозглашенным царем будущего государства, был Атлант.

Вот как о дальнейших событиях рассказывает Платон: «От Атланта произошел особо многочисленный и почитаемый род, в котором старейший всегда был царем и передавал царский сан старшему из своих сыновей... Много ввозилось к ним из подвластных стран, но большую часть потребного для жизни давал сам остров... Пользуясь этими дарами земли, цари устроили святилища, дворцы, гавани, верфи и привели в порядок всю страну...». Древняя метрополия — акрополь с водными и земляными кольцами разместился на пологом скалистом холме. Остальная часть столицы располагалась на равнине и была окружена мощной наружной оборонительной стеной. В самом центре акрополя многими поколениями бережно сохранялся маленький домик, некогда являвшийся жилищем Посейдона и красавицы Клейто, превращенный теперь

в главную святыню острова. Эта великая реликвия тщательно охранялась, а вход туда был разрешен только царям и их ближайшим родственникам. Разумеется, монархи не могли обходиться без купания, поэтому на акрополе были сооружены многочисленные бассейны, где можно было не только принимать водные процедуры, но и устраивать яркие представления на воде с участием морских судов и животных. Самым большим и значительным зданием акрополя являлся храм, посвященный обожествленному Посейдону, внутри которого находилась его громадная золотая статуя. На равнине, орошаемой водами озер и рек, располагалось большое количество богатых и процветающих селений — кормильцев страны. Вся испещренная поперечными и обводными каналами Атлантида взору современного человека могла бы напомнить Голландию, а ее столица — Венецию.

По информации Платона, атланты были способны выставить сухопутную армию, в количестве 700 тысяч воинов, а, кроме того, в их распоряжении имелся громадный флот, насчитывающий до 1200 хорошо оснащенных кораблей. Несмотря на всю эту устрашающую мощь, вооруженные силы Атлантиды не смогли покорить свободолюбивых обитателей древнейших Афин и, потерпев от них жестокое поражение, вынуждены были бесславно отступить. Разгром, учиненный атлантам, словно предрешил концентрированную космическую кару. Как замечает Платон: «...унаследованная от богов доля ослабела ... ибо они промотали самую прекрасную из своих ценностей (добродетель и благопристойность)».

Когда извращение атлантами эволюционных законов достигло предела, а город Золотых ворот сделалсяместилищем всех мыслимых пороков, наступила расплата. Столица, а вслед за ней и весь остров, в одночасье были сметены чудовищными по своей разрушительной силе океанскими волнами. Последний осколок некогда мегаконтинента — остров Посейдона, навсегда исчез в бушующей пучине.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ВЕРСИЯ

В начале 20-го века известный английский археолог Артур Эванс приступил к широкомасштабным раскопкам на

острове Крит, в результате которых восхищенный мир сумел по достоинству оценить поразительно высокую культуру минойской цивилизации. Была обнаружена столица Крита, город Кносс, с его великолепным дворцом царя Миноса, чье грозное имя дало название этой культуре, а также воспетый греческими драматургами знаменитый Лабиринт.

На протяжении своей многовековой истории Крит нередко подвергался разрушительным землетрясениям, однако самый сильный удар стихии был нанесен ему в середине 15-го века до н.э., когда произошло страшное извержение на острове Фера (нынешний Санторин). Этот катаклизм сопровождался мощным выбросом в атмосферу вулканического пепла, а также чудовищными цунами. Что же касается самого Санторина, то он представляет собой сравнительно небольшой остров, входящий в состав большого Кикладского архипелага в Эгейском море. Во 2-й половине 20-го века, в результате раскопок на Санторине, были обнаружены фрагменты огромного города: дворец, жилые дома, керамические сосуды, мебель, а также удивительные фрески, стиль которых не оставляет сомнений в их принадлежности к крито-микенской (минойской) культуре.

Открытия, сделанные на Крите и Санторине, вызвали к жизни, так называемую, «средиземноморскую теорию», согласно которой Крит и входящие в состав его державы островные государства Средиземного моря, есть не что иное, как платоновская Атлантида. «Санторин, — утверждают апологеты новой гипотезы, — это круглый остров с центричной ландшафтной структурой, полностью совпадающей с описаниями Платона. Он-то и является тем самым осколком Атлантиды, т.е. островом Посейдона». В доказательство своим утверждениям они приводят тексты Геродота и Фукидида, где отмечается мощь огромного флота критского царя Миноса — владетеля морей, размер которого вполне сопоставим с цифрой «1200 кораблей», приводимой Платоном. Другой сторонник средиземноморской версии, английский исследователь Чедвик, расшифровавший критское линейное письмо «Б», прочел на одной из табличек имя Посей-

дона, как известно, обожествленного первого правителя Атлантиды.

Несмотря на большое количество «улик», на первый взгляд, не оставляющих сомнений в средиземноморском «адресе» Атлантиды, последняя версия легко опровергается при непринужденном и внимательном анализе следующих факторов:

1. Основным доказательным моментом традиционного взгляда на природу Атлантиды является текст Платона, в котором совершенно недвусмысленно приводится датировка последней катастрофы, в результате которой в водах океана навсегда исчез остров Посейдона (Атлантида). Согласно утверждению Платона, данная катастрофа имела место за 9000 лет до встречи Солона с египетскими жрецами, в то время как гибель острова Санторин относится ко времени всего за 900 лет до этой памятной беседы. (1450 год до н.э.). Указанная эпоха сохранила достаточно обширный объем информации о цивилизациях Египта, Вавилона, Ассирии, Хеттской державы, да и того же Крита, однако в обнаруженных папирусных или клинописных документах из названных регионов, всякие упоминания о средиземноморской сверхдержаве с названием Атлантида напрочь отсутствуют.

2. Остров таких гигантских размеров, каковой описывает Платон в диалоге «Критий», значительно превышал акваторию Средиземного моря и попросту не смог бы там разместиться.

3. Данные современной науки свидетельствуют о том, что под Атлантическим океаном расположен Северо-Атлантический хребет с прилегающим к нему с востока подводным Азорским плато, где рельеф дна практически полностью совпадает с описанием рельефа Атлантиды.

4. Дно океана между Азорским островом Тринидад в Атлантике покрыто почти 30-тиметровым слоем ила, что является реальным подтверждением древнего ужасающего катаклизма, взметнувшего вверх миллиарды тонн вулканической породы.

5. В 1971 году советское экспедиционное судно «Академик Курчатов» обнаружило в Атлантике, неподалеку от острова Исландия фрагменты континентальной коры,

убедительно подтверждающей наличие в океане в незапамятные времена гигантского материка.

КРАТКИЙ ЭПИЛОГ

Одна из наиболее распространенных современных версий предполагает падение в Атлантический океан, приблизительно в 10-м тысячелетии до н.э. гигантского астероида, который, на беду этой высокоразвитой цивилизации, угодил в одну из самых чувствительных зон земного шара — в подводную вулканическую гряду Атлантики. Чудовищное по масштабам облако пара, пепла и раскаленного вещества поднялось над всем пораженным участком океана в верхние слои атмосферы. Весь остров Атлантида в считанные часы оказался в невероятном по охвату огненном кольце. Под непрекращающимся огненным дождем Атлантида стала стремительно погружаться на дно.

Последствия этой сверхкатастрофы давали о себе знать на протяжении многих столетий и, разумеется, были бы достойно отмечены в архивных записях, в иероглифических росписях храмов и дворцов и иных документах древнего мира, если бы она (катастрофа) произошла в недавнем прошлом.

В то же время, как ни странно, особого противоречия между «атлантической» и «средиземноморской» теориями не существует, потому что «продвинутая» цивилизация минойского Крита несомненно представляла собой духовного и культурного воспреемника Атлантиды. Такая идея представляется абсолютно реальной, поскольку какая-то часть населения Крита, Санторина, а, возможно, и некоторых других островов, наверняка являлись потомками спасшихся от страшного катаклизма атлантов.

Высокомерный и злоироничный саийский жрец, наставлявший мудрейшего Солона, как последнего, нерадивого ученика, знал не всю историю Атлантиды, а только «вершину айсберга» — сравнительно недолгий этап существования обреченного на гибель осколка могущественной Атлантиды — острова Посейдона.

Возможно, грядущим поколениям откроется вся правда об этой великой, неразгаданной тайне истории.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА

Нина ДАВЫДОВА

АРБАТ — МОЯ МЕККА

От метро «Смоленская» — на Арбат — в Московский дворик — к театру им. Вахтангова — в гости к А. Скрябину — в Кривоарбатский к дому-цилиндру — на Сивцев Вражек — к «избе» в Староконюшенном — в Гагаринский к В. Штейнгию — в Большой Афанасьевский — на Арбатскую площадь — на Знаменку к С. Чукину — на Ваганьковский холм.

Итак, идем на **Арбат**. Походим по его кривым, истинно московским переулкам, заглянем в сохранившиеся дворики, полюбуемся деревянными особняками, познакомимся с музеями.

Не только москвичам известно это странное слово — «Арбат». Откуда оно? Арба? Горбат? Разные выдвигались версии, самая популярная из них — арабское происхо-

ждение названия, означающее «предмесье». Исходя из первого летописного упоминания, возраст этих мест исчисляются с 1493 года. Тогда от забытой свечи в арбатской **церкви Николы на Песках** загорелась Москва. Территориально Арбат включает улицу с одноименным названием, начинающуюся от Арбатской площади (Бульварного кольца) и заканчивающуюся у кольца Садового, и кружево арбатских переулков, идущих от Пречистенской набережной (некоторые исследователи считают, что набережную так называли от улицы Пречистенки, и мы будем придерживаться этой версии) и заканчивающихся Новым Арбатом включительно. В средневековье Арбат начинался от кремлевских стен и доходил до Патриарших прудов.

В XVIII веке этот район облюбовало потомственное российское дворянство со звучными фамилиями. Потом, в XIX веке, знать начинает теснить зажиточное купечество. На смену Трубецким, Лопухиным, Одоевским приходят Коншины, Морозовы, Хлудовы. Появляется состоятельная интеллигенция — врачи, юристы, преподаватели. Всегда, независимо от сословной принадлежности, на Арбате жили и живут художники, поэты, композиторы, артисты и прочие представители так называемой творческой интеллигенции и богемы.

Знакомство с Арбатом начнем от Садового кольца. Для этого надо выйти из метро на **станции «Смоленская»** Арбатско-Покровской линии, пройти немного по Садовому кольцу в сторону Смоленской площади и перед высотным зданием Министерства иностранных дел свернуть на очень оживленную улицу, имя которой Арбат.

В 1986 году эту улицу, первой в Москве, сделали пешеходной, сняли давно привычный москвичам маршрут троллейбуса, установили декоративные фонари, разбили газоны, обновили фасады домов. Открылись новые рестораны, кафе. Появились уличные художники и музыканты.

На **Арбате в доме № 55** родился поэт Андрей Белый, писавший об Арбате: «Помнится прежний Арбат: Арбат прошлого; он от Смоленской аптеки вставал полосой двухэтажных домов, то высоких, то низких; у Денежного — дом Рахманова, белый, балконный, украшенный

лепкой карнизов, приподнятый круглым подобием ба-шенки. Три этажа. В нем родился; в нем двадцать шесть лет проживал».

В этом доме сейчас музей Андрея Белого. Следующий за ним **дом № 53** напоминает о счастливых месяцах начала супружеской жизни Александра Пушкина и Натальи Гончаровой. Напротив этого дома, тоже ставшего музеем, к 200-летию поэта появился памятник работы скульпторов А.Н. и И.А. Бургановых.

Удивительно разностильна архитектура Арбата: эклектика, классицизм, модерн, конструктивизм соседствуют друг с другом. Через несколько домов от мемориальной квартиры А. С. Пушкина вправо уходит переулок, напоминающий своим названием о средневековой слободе плотников. На углу Плотникова переулочка и улицы Арбат в 1935 г. построили большой серый дом, уничтожив древнюю, XVII века, **церковь Николая в Плотниках**. В те годы улица была правительственной трассой, по ней И. В. Сталин ездил из Кремля на свою дачу в Кунцево. По всей трассе дежурили люди в штатском, они стояли в подъездах, прогуливались по прилегающим переулкам. Церкви — а их на одном только Арбате было целых три — мешали. Но не будем отчаиваться, не все было разрушено. В переулке неподалеку сохранилась старинная церковь и небольшая площадь перед ней. Небольшая, но знаменитая, больше известная не по своему названию, а по картине в Третьяковской галерее и по фамилии ее автора. Наверно, вы уже поняли, что речь идет о картине **В. Д. Поленова «Московский дворик»**, и в этот дворик, который называют Поленовским, мы сейчас отправимся. Чтобы его увидеть, свернем налево в **Спасопесковский переулок** и подойдем к **дому № 3**. В этом доме жил прозаик Борис Зайцев, один из замечательных представителей Серебряного века. Дом № 3 значительно перестроен, надстроен двумя этажами. И, тем не менее, он является достопримечательностью. В гостях у Бориса Зайцева бывали Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Константин Бальмонт, Леонид Андреев, Максимилиан Волошин.

Здесь состоялось прощание Бориса Зайцева с московским двориком, со Спасопесковской площадью, с Арбатом, с Москвой: *«Пришел час, подъехали наши*

извозчики, передвинулись вниз чемоданы, присели мы на кровать, помолчали, перекрестились, да с Богом и тронулись. Извозчики нас везли по тому же Арбату юности нашей, мимо Николая на Песках, на Виндавский вокзал. Извозчики были обыкновенные. Тащились серенькою рысцой. Москва медленно протекала мимо».

Дом Бориса Зайцева обращен к церкви Спаса Преображения на Песках, и знают эту церковь не одни только москвичи, потому что именно она изображена на чудесной **картине В. Д. Поленова**. В 1878 году В. Д. Поленов, приехав в Москву из Петербурга, решил подыскать подходящее жилье. Художнику приглянулся дом № 5/17, что был на углу Трубникова и Дурновского переулков (ныне Композиторская улица).

«Увидел на двери записку, зашел посмотреть, и прямо из окна мне представился этот вид. Я тут же сел и написал его», — вспоминал художник.

По храму Спаса Преображения на Песках получил название и переулок, который огибает небольшую Спасопесковскую площадку. Пожалуй, именно эту площадь, расположившуюся между Садовым кольцом и Арбатом — Старым и Новым, можно назвать одной из самых московских по духу среди всех сохранившихся старинных площадей центра столицы. Расположенная вдали от главных магистралей, уютная, соразмерная пешеходу, а не бешено мчащимся машинам, Спасопесковская площадь как бы приглашает нас к путешествию по московской истории. Храм, запечатленный В. Д. Поленовым, был построен в 1711 году на месте деревянной церкви Стрелецкой слободы (Спасопесковский переулок, дом 4а). Впервые в документах храм упоминается еще в середине XVII века, и названия-адреса его тогда звучали весьма колоритно: «В Стрелецкой слободе в Тимофееве приказе Полтева», «на песках за Смоленскими вороты», «за Арбатскими вороты в Филиппове приказе Оничкова».

Спасопесковский храм не единожды перестраивался в XVIII-XIX веках. Значительные суммы на ремонт храма выделил двоюродный брат И. С. Тургенева — С. П. Тургенев, живший в 80-е годы XIX века в **доме № 8**, который уцелел до нашего времени.

Давайте перейдем площадь по диагонали и остановимся у одноэтажного отреставрированного дома, выходящего фасадом на красную линию улицы (то есть линию застройки). Дом этот — замечательный образец «послепожарной» московской архитектуры — построен по окончании войны 1812 года. В 1821–1822 годах здесь жил П. А. Вяземский, во второй половине XIX века (1840–1880) домом владел внук известного архитектора — Николай Александрович Львов. Его стараниями в 1871 году был создан сквер, торжественно названный «Общественным Пушкинским садом», но это название не прижилось, поскольку Спасопесковская площадь начисто лишена какой бы то ни было торжественности. Имя Пушкина появилось здесь не случайно — поэт часто бывал у своих друзей в арбатских переулках.

Ближе к Композиторской улице находится самый respectable и наиболее известный москвичам дом на Спасопесковской площади. Он был построен в канун Первой мировой войны для крупнейшего промышленника Н. А. Второва по проекту архитекторов В. Д. Адамовича и В. М. Маята. Дом числится под № 10. Причудливое название «Спасохаус», соединяющее в себе русское название площади и английское слово «дом», объясняется тем, что уже более 60 лет в бывшем особняке Второва размещается резиденция посла США. На этом доме можно было бы поместить несколько мемориальных досок. Например, о том, что в 1935 году здесь исполнялась опера Сергея Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» и дирижировал сам композитор. На приемах в этом доме бывал М. А. Булгаков, и некоторые исследователи его творчества считают, что одна из важнейших сцен романа «Мастер и Маргарита» — бал у сатаны — происходит именно в интерьерах роскошного «Спасохауса».

Из подлинных событий в истории этого дома интересно вспомнить и то, что в 1918 году на похороны Н. Второва последний раз легально, с разрешения новой власти, собралась московская буржуазия.

По этой же стороне сохранился уникальный дом с воротами. Давайте подойдем к этому дому под номером 6. **Дом А. Г. Щепочкиной** (назван по имени владелицы) был построен в 1820 году на каменном фундаменте, со-

хранившемся после пожара 1812 года. Выходящий на улицу фасад украшен колоннами, соединенными арками. Примыкающие к дому белокаменные ворота не имеют аналогий в московской архитектуре, специалисты относят их к середине XVIII века.

В центре Спасопесковской площади небольшой **памятник А. С. Пушкину** работы скульптора Ю. Динеса, установленный в этом небольшом сквере в дни празднования 500-летия Арбата.

Спасопесковская площадь, Поленовский дворик — одно из замечательных по своей истории мест, знаменитое и, одновременно, незнакомое для многих. Знают картину В. Д. Поленова «Московский дворик», но чаще всего не представляют, где он находится. Действительно, не так просто найти эту площадь, спрятавшуюся между улицами Арбат и Новый Арбат. Мы расстаемся с этим уютным уголком Москвы, еще раз хочется вспомнить Бориса Зайцева, написавшего очерк «Улица Святого Николая»:

«Священники звонят в церквях Арбата — Никола Плотник, Никола на Песках и Никола Явленный — спокойные и важные, звоном малиновым, в ризах парчовых, вековых». Все три перечисленные им церкви были уничтожены в 20–30-е годы.

Из Поленовского дворика, с его тишиной и патриархальностью, мы снова окунулись в карнавальную, постоянно праздничную атмосферу Арбата. Нас окружают яркие фасады бывших доходных домов, больших и совсем крошечных магазинчиков. **В доме № 30** уже не один десяток лет размещается зоомагазин.

Напротив зоомагазина — дом № 37. В 1834–1835 гг. владелицей этого дома была знаменитая трагическая актриса Екатерина Семенова. Ее талантом восхищался А. С. Пушкин. Это о ней он писал в «Евгении Онегине»:

«Там Озеров невольны дани Народных слез, рукоплесканий С молодой Семеновой делил...»

В конце XVIII века на месте этого дома стоял дворец, пострадавший от пожара 1812 года. Тогда Арбат сгорел почти полностью, но очень быстро, в течение пяти лет, был вновь отстроен. Поднялся из руин и дом № 37, воссозданный в модном тогда стиле ампира. Ампирических особняков до сих пор много сохранилось в районе Арбата.

Мы подошли к зданию, которое хорошо известно театрам. В доме № 26 театр имени Евгения Вахтангова работает с 20-х годов. В те годы на этом месте стоял особняк, перестроенный под театр. Летом 1941 года в него попала фашистская бомба, в 1947 году по проекту архитектора П. В. Абросимова возвели театральный вахтанговский дом, к которому мы давно привыкли.

Влево, от здания театра, перпендикулярно Арбату, уходит Большой Николопесковский переулок, названный по бывшей здесь церкви Николы на Песках. В этом переулке в доме № 11 жил в 1912–1915 годах выдающийся композитор Александр Скрябин. Эти годы были для него особенно плодотворны. «Поэма экстаза», «Прометей», «Божественная комедия» были сочинены Скрябиным в этом доме, здесь же им были продемонстрированы первые концерты светомузыки. Квартира Александра Скрябина имела особую притягательность для друзей и коллег, здесь бывали Сергей Рахманинов, Константин Бальмонт, Вячеслав Иванов, Леонид Пастернак. Умер А. Скрябин молодым, 43 лет, отпевали его в стоявшем тогда напротив храме Николы. Церковь уничтожили в 1932 г., не посчитавшись даже с тем, что с Николы на Песках начиналась летопись Арбата в 1493 году.

В следующем по переулку доме № 13 в 1919–1920 годах жил Константин Бальмонт. Годы были тяжелые, голодные. Борис Зайцев вспоминает о тогдашней жизни поэта, с которым соседствовал и был дружен:

«Нищенствовал, голодал в леденевшей Москве, на себе таскал дровишки из разобранного забора, как и все мы, питался проклятой «пшеникой» без сахара и масла».

В 1920 году Константин Бальмонт из этого дома уехал во Францию, где скончался в 1942 году, тоже в нищете. В советские годы многие арбатские переулки были переименованы, но в конце 80-х — начале 90-х годов большинству из них вернули старые названия, и теперь мы с вами легко ориентируемся в Москве, перечитывая классику, — Пушкина, Льва Толстого, Бунина.

Старые имена улиц, переулков, площадей могут многое рассказать. Например, Спасопесковский переулок: даже если вы ничего о нем не знаете, по названию понятно,

что в этом переулке есть или был храм, посвященный Спасителю, и что почвы в этом месте песчаные.

На противоположной стороне улицы Арбат начинается Кривоарбатский переулок. И уж никак прямым его не назовешь. Действительно, изгиб у него довольно крутой. В этом переулке есть дом, о котором написаны статьи, диссертации, книги. Дом № 10 повлиял на развитие мировой архитектурной мысли. Ничего более странного вы больше не увидите в Москве: два вертикальных цилиндра, врезанные друг в друга, с множеством шестиугольных, вытянутых по вертикали окон. Здание трехэтажное, с балконом и надписью, сообщающей имя автора — архитектор Константин Мельников. Построен в 1927–1929 гг. на земле, отданной зодчему в частную собственность. «Это в те-то годы, в годы повсеместной национализации!» — подумаете вы. И, тем не менее, именно в 20-е годы на Арбате началось строительство экспериментального жилого дома, особняка советского времени. Дом Константина Мельникова вполне можно назвать одним из шедевров советской архитектуры. Им же созданы в Москве несколько зданий рабочих клубов, самый знаменитый из них — клуб имени И. В. Русакова на Стромынке.

Собственный дом Мельникова сейчас принадлежит его потомкам, окружают дом бывшие доходные дома и нововоздвигнутые уродцы. По Кривоарбатскому мы выходим в Плотников переулок, справа остается шумный Арбат, а мы повернем налево и окажемся в переулке с очень странным названием Сивцев Вражек.

Переулок Сивцев Вражек по протяженности может почти сравниться с самим Арбатом: начинается от Гоголевского бульвара, идет параллельно Арбату и заканчивается у Денежного переулка. Хотя сказать «идет параллельно» — это для московских улиц, признаться, очень большая натяжка. В центре легко заблудиться, вернее, закружиться в кривизне, изломах улиц и переулков. Сивцев Вражек в этом смысле не исключение. Конечно, не специально москвичи создали такую путаницу, просто в средневековые не вызывали бульдозер, чтобы выровнять стройплощадку. Строили, исходя из особенностей места. Если холм — его не срывали, и «лепились» дома по

склонам, препятствие редко уничтожали — себе дороже. Сейчас мы удивляемся, как же умели наши предки выбрать место для строительства храма, дома, усадьбы, монастыря. А они просто не конфликтовали с природой, жили и строили во взаимодействии с ней. Вот так постепенно создавалось неповторимое кружево арбатских переулков.

На Сивцевом Вражке в древности был овраг, по которому текла речка Сивец, или Сивка, существует и то и другое названия. В начале XIX века речушку убрали в трубу. Возможно, цвет воды в реке был серого — сивого, оттенка; возможно, на берегу паслись царские лошади сивой масти. Помните: Сивка-Бурка?.. Впадала река в ручей Черторый, а он, в свою очередь, — в Москву-реку недалеко от храма Христа Спасителя.

В Сивцевом Вражке мы сначала подойдем к деревянному **дому № 30**, хотя определить, что он деревянный, довольно сложно.

Настоящий барский дом: с фронтоном, колоннами, большими, парадных пропорций, окнами. Штукатурка скрывает подлинный материал, из которого он построен. Перед нами один из образцов деревянного московского ампира, появившихся на Арбате после пожара 1812 года. Местные жители давно называют этот дом «аксаковской тридцаткой», в 40-е годы XIX века Сергей Тимофеевич Аксаков, преданный Арбату литератор, жил в этом доме. В арбатских переулках «рассыпано» множество домов, в которых жили Аксаковы в разные годы.

Сивцев Вражек воистину писательский очаг — Лев Толстой снимал квартиру в **доме № 34** в 1850–1851 годах. В **домах № 7 и № 25**, принадлежавших родственникам Александра Ивановича Герцена, собирались единомышленники писателя, обсуждая извечно русское «кто виноват» и «что делать». А кстати, роман А. И. Герцена «Кто виноват?» был написан в доме № 27, в нем и в «аксаковской тридцатке» сейчас открыты литературные музеи.

За **Калошинным переулком** Сивцев Вражек пересекает **Староконоюшенный**, в этом месте в XVIII веке размещалась Конюшенная сторожевая слобода.

Нас с вами привлечет в Староконоюшенном **дом № 36**. Совершенно неожиданно увидим после дворянских

особнячков большую бревенчатую русскую избу с резными наличниками, крылечком, причудливым карнизом. Но осталась эта изба совсем не от Конюшенной слободы, а смастерили ее в 70-е годы XIX века по проекту архитектора А. Гуна. Заказчиком был известный московский предприниматель А. Пороховщиков, который стал сдавать это замечательное здание издателям, преподавателям, изобретателям. Жил здесь некоторое время философ Сергей Трубецкой, читал лекции Иван Сеченов — знаменитый ученый-медик, музицировал Александр Скрябин. Судьба этого дома нетипична — он стал собственностью потомков А. Пороховщикова. Более ста лет назад макет дома-избы на Всемирной выставке в Париже был удостоен архитектурной премии. На противоположной стороне переулка нельзя не обратить внимание на два доходных **дома № 39 и № 41** в стиле модерн, украшенных керамикой. Эти дома построены по проектам архитектора начала XX века **Сергея Гончарова**. В Москве сохранилось еще несколько домов, созданных этим архитектором, и все они оригинальны, отмечены вкусом, талантом зодчего. Стоит заметить, что архитектор принадлежал к знаменитому гончаровскому роду, породнившемуся с А. С. Пушкиным. Дочь С. Гончарова — великая русская художница **Наталья Сергеевна Гончарова**.

У многих домов в Староконоюшенном интересная история и своеобразная архитектура, но есть в соседнем переулке удивительный дом, с которым надо познакомиться непременно. Мы пойдем в противоположную сторону от улицы Арбат и свернем в **Гагаринский переулок**. Мы пришли сюда ради небольшого — в один этаж со стороны переулка и в два этажа со стороны двора — деревянного дома, в который был влюблен Иван Алексеевич Бунин.

В научной литературе это здание называют **домом Штейнгеля**. После московского пожара 1812 года на погорелом месте для **барона В. И. Штейнгеля** неизвестный архитектор (предполагают, что это мог быть сам Осип Иванович Бове, хороший знакомый хозяина дома) в 1815 году строит изящный деревянный дом. Уже при других хозяевах сюда приходил Лев Толстой, инте-

ресовавшийся биографией Штейнгеля — декабриста, масона, человека чести. В доме сохранились масонские изображения и тайный ход. В те годы, когда здесь бывал Л. Н. Толстой, у хозяев Лопатиных собиралось весьма интересное общество: Владимир Соловьев, Афанасий Фет, Василий Ключевский, Иван Бунин.

Бунин в одном из писем признался, что в те годы ему показалось, что он влюблен в дочь хозяев, но потом понял: по-настоящему он был влюблен в дом, маленький, уютный, истинно московский. Дом стоит на перекрестке Гагаринского и **Хрущевского переулков**. Вернемся немного назад по Гагаринскому и дойдем до **Большого Афанасьевского переулка**, в котором в 1832 году, летом, появился тогда никому не известный **Николай Васильевич Гоголь**. Его представили литераторам, собиравшимся в **доме № 12** у Сергея Тимофеевича Аксакова. Представил Гоголя историк М. П. Погодин, и это была первая встреча Гоголя с литературной Москвой.

А в **доме № 26**, строение 3, с 1900 по 1932 год жил один из талантливейших скульпторов начала XX века Н. А. Андреев. Целых 32 года в одном переулке! Две скульптуры из многих им созданных надо увидеть обязательно. Это памятник Федору Петровичу Гаазу, святому доктору, в Малом Казенном переулке во дворе бывшей Полицейской больницы, и памятник Н. В. Гоголю во дворе **дома № 7** по Никитскому бульвару.

Большой Афанасьевский переулок, как и **Малый Афанасьевский переулок**, проложенный рядом, назван по **церкви Афанасия и Кирилла Александрийских**. Церковь известна с XV века, сгорела в 1812 году, через несколько лет была отстроена заново, в 1932 году храм закрыли, а с 1992 года богослужения возобновлены.

Большой Афанасьевский вывел нас снова на оживленный Арбат. Справа уже видна **Арбатская площадь**, впереди — совсем близко подошедший в этом месте — Новый Арбат. Слева — панорама уходящего в сторону Смоленской площади Арбата.

Раньше отсюда хорошо был виден **храм Николы Явленного**, стоявший по правую сторону улицы, там, где сейчас дом № 16. Помните в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: «Около середины Арбата, близ Николы Явленного,

Мюрат остановился...», и еще: «Путь Пьера лежал через переулки на Поварскую и оттуда на Арбат к Николе Явленному...».

С XVII века славилась церковь своей шатровой колокольней, украшенной столбами-кубышками, скульптурно выступающими наличниками, прямоугольными ширинками. Колокольню уничтожили в 1931 году, храм — в 1933.

Арбат, как мы с вами убедились, место писателями обжитое. В одном из рассказов И. А. Бунина читаем: «Жил я на Арбате, рядом с рестораном «Прага», в номерах гостиницы «Столица».

Гостиница «Столица» помещалась на втором этаже **дома № 4**, И. А. Бунин не раз в ней останавливался.

Номера «Столицы» примыкали к угловому двухэтажному дому, у которого длинная архитектурная история. Дом XVIII века неоднократно перестраивался, обновлялся. Извозчики XIX века прозывали открывшийся в этом доме трактир «Брага» и, вероятно, имели к тому основания, хотя его истинное название было «Прага». В самом начале XX века объявился предприимчивый купец с замечательной фамилией Тарарыкин, пригласил известного архитектора Кекушева, и очень скоро на месте «Браги» был построен ресторан, пользовавшийся большой популярностью у творческой элиты. Незадолго до Первой мировой войны, пока еще сильны были общеевропейские связи, в «Праге» принимали Эмиля Верхарна. Большие торжества в ресторане проводились в память Николая Рубинштейна, основателя Московской консерватории, а также по поводу спасения картины И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван», изрезанной душевнобольным посетителем Третьяковской галереи и возрожденной заново. Любопытно, что Общество истории российских древностей заседало под председательством нашего замечательного историка Василия Осиповича Ключевского в «Праге». После революции прервалась на некоторое время трактирно-ресторанная летопись этого дома, но уже в 1924 году Владимир Маяковский отметил:

«В столовой Моссельпрома — бывшая «Прага», там весело, чисто, светло и уютно, обеды вкусны и пиво не мутно!»

«Прага» открывалась, закрывалась, перестраивалась

и сейчас напоминает кому уют, кому корабль таким флагманом выводящий древнюю улицу Арбат на обширные просторы Арбатской площади. Увы, красивым открывшееся перед нами пространство не назовешь, есть здесь известные нелепости. Прежде всего, отметим, что перед нами не одна, а две площади — Арбатская площадь, на которую выходят улица Арбат, Малый Афанасьевский переулок и улица Знаменка, и непосредственно к Арбатской примыкающая площадь Арбатских ворот, на которую выходят улицы Новый Арбат и Воздвиженка. Появилось такое разделение в 1993 году. На площадях соседствуют павильон **метро «Арбатская»** в форме пятиконечной звезды и восстановленная на старом месте церковь Бориса и Глеба.

Кинотеатр «Художественный» появился здесь в самом начале XX столетия. Перед Первой мировой войной его приобрел **Ханжонков**, перестроил, пригласив лучшего архитектора того времени **Федора Шехтеля**.

Хорошо видно, что Арбатская площадь — это транспортный узел, здесь встречаются Никитский и Гоголевский бульвары, улицы Новый Арбат, Воздвиженка, Знаменка. До появления в Москве в XVIII веке бульваров в центре площади стояла проезжая башня с воротами, в XVII веке здесь успешно сражался с поляками князь **Дмитрий Пожарский**.

К Арбатской площади обращен **памятник Н. В. Гоголя**, работы скульптора Н. В. Томского. С 1909 по 1952 год на этом месте стоял памятник Н. В. Гоголю работы другого мастера — замечательного **скульптора Н. Андреева**. Но власти посчитали, что в облик великого писателя недостает оптимизма и перевезли андреевский памятник во двор дома № 7 по Никитскому бульвару, в тот самый двор, где Гоголь скончался, уничтожив за десять дней до смерти свои рукописи. Часть Арбатской площади с 1909 года именовалась несколько лет Гоголевской.

Минуя памятник, мы попадаем на **улицу Знаменку**, еще недавно в советское время называвшуюся улицей Фрунзе. Значительное пространство занимает здание **Министерства обороны** (архитектор М. В. Посохин)

А первое здание по Знаменке справа не менее внушительно и принадлежит этому же ведомству — **бывшее**

Александровское военное училище. Свернем за этим зданием в переулок направо и увидим классический **барский дом**, украшенный чугунным балконом. Дом менял владельцев, у **Трубецких** здесь бывал А. С. Пушкин, но нас с вами интересует последний перед национализацией хозяин, сумевший «обмануть» всю Францию. Им был московский предприниматель **Сергей Иванович Шукин**, миллионер, удачливый предприниматель, не получивший никакого художественного образования. Тем не менее, в сорокалетнем возрасте «финансовая акула», как его прозвали в Москве, вдруг начинает приобретать картины французских художников, к творчеству которых и во Франции, и в России в то время ни публика, ни музеи не проявляли никакого интереса. Сергей Шукин собрал уникальную коллекцию: полотна Гогена, Ван Гога, Пикассо. Некоторые картины для украшения своего дома С. Шукин специально заказал Анри Матиссу, который гостил у него в Москве.

После революции коллекция была национализирована, картины через некоторое время передали в Эрмитаж и в Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина на Волхонке. Увы, мы не видим мемориальных досок на этом знаменитом доме, а ведь по воскресеньям Сергей Шукин открывал двери для всех желающих посмотреть коллекцию, на это время превращая свой дом в музей. Здесь побывал весь русский авангард того времени: Михаил Ларионов, братья Бурлюки, Наталья Гончарова, Владимир Маяковский и многие другие.

Мне невероятно повезло: несколько лет тому назад удалось побывать в этом доме (провели «под прикрытием», якобы как жену офицера), — пройти по знаменитой деревянной лестнице, заглянуть в несколько кабинетов, — «шукинский дух» сохранился и до нашего времени, некоторые помещения, в том числе те, в которых останавливался Матисс, уцелели. Конечно, здесь должен быть музей, воссоединённая коллекция картин Сергея Ивановича Шукина. А пока дом принадлежит военному ведомству.

Мы заглянули в **Большой Знаменский переулок** и вновь возвращаемся на Знаменку, получившую свое название по **церкви Знамения Пресвятой Богороди-**

цы. Стояла она именно на этой заасфальтированной площадке, по которой мы проходим. Улица Знаменка одна из самых старых в Москве, известна с XIII века благодаря проходившему по ней торговому пути в Новгород. Она разделяет два древних московских района: Чертолье — по правой стороне, Ваганьково — по левой стороне улицы.

Перейдем улицу и подойдем к **дому № 12**, перед которым в скверике поставлен бюст военачальника **Михаила Фрунзе** (скульптор З.М. Виленский). В представительном особняке с колоннами сейчас размещается **музыкальная школа имени Гнесиных**, знающие люди называют это здание Знаменским Оперным домом, от которого с 1776 года ведет начало Большой театр. В середине XVIII века здесь был центр театральной жизни Москвы.

Спускаемся по улице вниз, влево уходит **Староваганьковский переулок**, соединяющий улицу Знаменку и улицу Воздвиженку. Первое известие об этой местности относится к середине XV века: «Приде князь великий на Москву месяца ноября в 17 день и ста на дворе матере своея за городом на Ваганкове».

Название местности объясняют по-разному: может быть, оно отсылает к поселению жителей из Архангельской губернии с реки Ваги; или, возможно, к собиравшемуся за взвешивание товара «ваганному» налогу; вполне вероятно также и то, что здесь была слобода скоморохов, ваганов, известны проходившие здесь народные гулянья — «безлепицы». Здесь же находился и средневековый царский псарный двор со звериными потехами, переведенный потом в Новое Ваганьково на Трех горах.

В переулок обращены великолепные ворота усадьбы **Г. Е. Пашкова**, купившего землю в престижном месте на Ваганьковском холме напротив Кремля. Дом этот хорошо виден с **Боровицкой площади**, на которую выводит нас улица Знаменка. Боровицкая площадь шумная, потоки машин идут с Большого Каменного моста, набережной Москвы-реки, улиц Волхонки, Знаменки.

Дворец Пашкова поставлен на бровке Ваганьковского холма. Двенадцать колонн украшают центральный дом и два флигеля по бокам. Каждый из флигелей построен как маленький дворец. Все украшено скульптурами, ва-

зонами, балюстрадами. Венчает ансамбль бельведер, что в переводе с французского означает «милый вид», и действительно, с ротонды до сих пор открывается чудный вид, несмотря на все те изменения, которые внесло в облик города время. Этот дворец создан по проекту выдающегося зодчего XVIII века Василия Ивановича Баженова. В 1812 году дворец горел, восстановил его архитектор Осип Иванович Бове. В 1839 году роскошное строение приобрела казна для нужд Университета, в середине века здесь размещается библиотека и редчайшая коллекция графа Румянцева. Со стороны Знаменки на здании помещают надпись: **«От государственного канцлера графа Румянцева на благое просвещение».**

Наш маршрут от **Арбата до Ваганькова** подошел к концу. Помните, именно здесь прощались с Москвой герои романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: *«На закате солнца высоко над городом, на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, построенного около полутора столетий назад, находились двое: Воланд и Азазелло. Они не были видны снизу, с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до краев... Воланд заговорил:*

— *Какой интересный город, не правда ли?*

Азазелло шевельнулся и ответил почтительно:

— *Мессир, мне больше нравится Рим!*

— *Да, это дело вкуса...»*

Тата ЕЗЕРОВА

В ДОЛИНЕ ЛЕДНИКА ДЖАНКУАТ

Наше маленькое путешествие проходило в рамках производственной практики географического факультета. Ровно месяц мы пробыли в горах на гляциологической станции Джанкуат в Кабардино-Балкарии (Гляциология (от лат. *glacies* — лёд, греч. *λόγος* — слово, учение) — наука о природных льдах во всех их разновидностях на поверхности земли, в атмосфере, гидросфере и литосфере).

Станция расположена в долине ледника Джанкуат и стекающей с него одноимённой реки. Она представляет собой четыре домика — синий, полностью жилой, домик начальника станции, склад и кухню. И маленькую кабинку с видом на Эльбрус. В синем домике три комнаты и прихожая. Склад каменный, там хранится оборудование и всякие вещи, нужные по хозяйству. В нём есть второй этаж, и если на станции много гостей, то они размещаются на этом втором этаже. Естественно, спать на каменном складе холоднее — как правило, люди, здесь останавливающиеся, в качестве утепления, помимо пенки, кладут на пол ещё 2-3 хранящихся там старых спальника. Ещё один, деревянный, домик оборудован под кухню, кроме которой в нём имеются ещё две жилые комнаты, одна из которых, ныне одиночная, задумывалась как душевая. Плитка для готовки газовая, баллон весит 48 кг, при экономном использовании его, как выяснилось, может хватить более чем на два месяца. Трудность заключается в том, что когда баллон заканчивается, новый снизу приходится поднимать на своих плечах. Посуда моется в реке или протекающих рядом ручейках, они прозрачнее и чище. Вода для хозяйственных и питьевых нужд набирается из ручья, стекающего из-под снежника, вёдрами в две большие бочки.

В июне по территории станции кроме реки бежит множество ручейков, тропинки есть не везде, земля ползатоплена, поэтому, пробегая от домика до кухни или куда-то ещё, вы всегда можете промочить ноги. К концу июня все эти ручейки постепенно пересыхают, а пока привыкаешь перебегать так. Ночи, особенно в начале июня, холодные. Временами даже в тёплом пуховом спальнике спишь в свитере и шапке. На склонах, радуя глаз, растут красивые рододендроны. К июлю они увядают, но зато появляется множество других цветов, летают бабочки. Всё это по дороге сюда. На станции нет ни одного дерева, растительность скудная — кустарники и горные розочки. Живность отсутствует вовсе, комар вас здесь не укусит ни при каких обстоятельствах. Однако, если приглядеться, высоко на склонах гор можно увидеть горных туров. А в июле на склонах по дороге сюда пасутся коровы и лошади.

Традиционно первые несколько дней ледниковый отряд озабочен обустройством лагеря. Помимо бытовых работ самым важным является заброска в лагерь продуктов и оборудования, оставленных в вагончике внизу. Все дружно спускаются вниз со своими походными объёмными рюкзаками, набирают, кто сколько сможет, продуктов, приборов, и поднимаются обратно на станцию. Так бывает несколько ходок. Мне первый раз было невероятно трудно, думала, поднимусь на станцию и до отъезда отсюда ни ногой, но впоследствии мы ещё не раз ходили вниз, и мне очень и очень понравилось.

Первые два-три дня после подъёма на станцию выдались солнечными и, можно даже сказать, что тёплыми. Мы оборудовали наш гидрометрический пост по наблюдению, установили сроки наблюдений. Сходили с ребятами-гляциологами на ледник. Получили массу впечатлений. Но погода что-то перестала радовать нас, вплоть до того, что даже яро препятствовала любым отчаянным попыткам продолжать наблюдения — как на станции, так и за её пределами. Ребята не могли выйти на ледник, поскольку туман мешал снегомерной съёмке, а дождь (и град, который ему сопутствовал неизменно) — плотномерной. Нередко задувал сильный ветер, который тоже был неприятен, особенно когда он дул со стороны

ледника в лица идущим. Ледник тем временем таял всё быстрее, а дождь постепенно размывал наши тропы, делая небезопасным путь к нему. Режимные наблюдения на реке тоже стали не самым приятным занятием: бегать к речке по полузатопленной местности, минуя вновь и вновь возникающие ручейки, под раскаты грома и сверкающие молнии, было страшно. Особенно ночью. Когда град бьёт, а дождь поливает, в ночи слышно, как где-то вдали или совсем близко около тебя что-то грохочет, молнии сверкают каждые три секунды, хочется скорее вернуться домой, а пробу на изотопы никак не удаётся набрать. А дождь всё не прекращался...

И, чтобы не скучать, пришлось освоить Canasta и преферанс (это карточные игры). Начальник станции собрал всех желающих за обеденным столом и долгих полчаса часа невозмутимо и терпеливо объяснял правила игры. Для закрепления мы сразу же и приступили. Играли часами, и даже днями напролёт, отвлекаясь разве что на сеансы еды. Особенно долго затягивались партии преферанса: однажды сев после ужина, остановились только под утро. Благо назавтра вновь пошёл дождь, и нам только и оставалось, как продолжить.

Мы готовили много всяких вкусностей. Началось всё с пирожков с капустой и картошкой. Их испекли на второй или третий вечер после подъёма на станцию. Один пирожок специально начинили аджикой. Это был пирожок с сюрпризом — человек, который бы его взял, должен есть его с невозмутимым видом, чтоб за столом об этом никто не догадался, а после объявить всем, что «пирожок с аджикой съел я». В другой раз сюрпризом в пирожке оказалась сосиска. Пекли блины и даже панкейки (американские блины, готовят их на молоке и жарят на сухой сковородке). За отсутствием скалки использовали термос. Однажды на ужин приготовили несколько порций пиццы, съедали по одному-два кусочка от каждой пиццы, в это время готовили следующую, и ещё, и снова... тесто не кончалось. Делали драники, как-то раз сделали 100 вареников. Вареники получились большими-пребольшими, почти как пирожки. В конце концов, ребята приготовили даже хичины (пирог с картофельно-сырной или мясной начинкой с зеленью).

Нередко в долину заходило облако и всё обволакивало туманом. Облака поднимались вверх по склону и просто оседали в долине на какое-то время. Визиты эти, как правило, приходились на вечер, но бывали и совсем ранним утром. Чуть погостив, «одурманивая» своим присутствием постояльцев, они, вздохнув, продолжали подниматься выше и выше, время от времени оседая на леднике и образуя туман уже там. Когда дело близилось к вечеру, от осевшего в долине облака в воздухе не только веяло сыростью и свежестью, но и становилось как-то ярче, отдавало даже желтизной. Было приятно прогуляться от домика до кухни и обратно или пройти вдоль реки, оглядываясь вокруг — какой домик, с какого расстояния угадывался, и откуда хоть что-нибудь да можно было углядеть?

Однажды облако пришло рано утром, но не осталось надолго, потому что его сразу сдуло, и оно прошло буквально сквозь нас наверх, как будто кто-то ловкий подгонял его. И это был наш день отъезда. Мы спускались вниз, а вокруг всё цвело и благоухало, летали бабочки, солнечные лучи играли с нами, ручей журчал...

Нина ЯХОНТОВА

ЗАГАДОЧНАЯ ФАУНА КАРАДАГСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

*Природа не для всех очей
Покров свой тайный поднимает.
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?..*

(Д.В. Веневетинов. 1805-1827)

В одно прекрасное июньское утро, на высоком плато одной из гор Карадагского заповедника, любители встречать солнечный восход, увидели нечто удивительное... Была полная тишина. В перламутровой дали, на линии горизонта бесконечного морского простора появилась золотая кромка всходящего солнца... И вдруг, ровно в 4.00, со стороны горного леса, одновременно, раздался многоголосый

хор птиц и зверей! Внизу, у подножья горы, в Коктебеле заголосили петухи. Люди, стоящие на поляне (перед лесом) почувствовали в то же самое время, в сердце, подобно легкой «вспышке», толчок-импульс, — после чего по всему телу разлилась какая-то первозданная радость-восторг!.. Первая вибрация солнечной энергии пронизала все пространство. Из леса, через поляну, где замерли в удивлении путешественники, побежали, поскакали, полетели с радостными криками косули, кабаны с поросятами, зайцы, лисы, птицы разных мастей и размеров... Они не обращали никакого внимания на людей, или просто не замечали их. Наука была права. Все живое содержит в себе частицу солнца. Все связано в единое ЦЕЛОЕ; Происходящее напоминало гимн — СЛАВУ солнцу! — представлялось «обрядом благодарения» Природы! Мир наполнялся нежностью и благословением...

О необыкновенных встречах с животным миром Карадагского заповедника рассказывает егерь Владимир: «Я здесь проработал около года. Однажды летом, в один из обходов Карадагского заповедника, со стороны Коктебеля, в сторону горы Сюрю-Кая, куда я ходил пешком каждый день рано утром, со мной случилась такая история. Иду по тропе и слышу крик хищной птицы. Поворачиваю голову и вижу: сидит ястреб-перепелятник. Я говорю ему: «Привет!», а он мне отвечает: «Ке-ке-ке...». Я пришел в восторг! Сидит, метрах в тридцати от меня на сухой ветке и не улетает. Я ему говорю: «Мы с тобой коллеги! Ты — охотник, и я — охотник. Я приветствую тебя!» Он снова отвечает: «Ке-ке-ке...». Я стал выражать ему свое восхищение его внешностью, говорил ему, что он красавец и умница! Мне захотелось дать ему имя, и я тут же окрестил его «Яриком». «Ты — Ярик!», — говорю ему. Сказал, и пошел... Вдруг слышу сзади шум крыльев и шорох ветки. Чувствую спиной чье-то приближение. Оборачиваюсь, и вижу, эта птица летит прямо мне в затылок. Мной овладел жуткий страх... Я аж пригнулся, и она пролетела мимо, — рядом со мной. Села в метрах двадцати от меня. Я прохожу мимо и обращаюсь к нему, как к человеку: «Ярик! Ты, конечно, красавец, но зачем ты собрался меня атаковать? Я же тебе зла не желаю... просто общаюсь с тобой, потому что люблю хищных

птиц...» Он сопровождал меня после каждого к нему обращения, по ходу моего путешествия, присаживаясь на ветки неподалеку. Его проводы продолжались расстоянием в триста метров. Было не понятно, что все это значит. Он пролетал надо мной, и я каждый раз уклонялся. Становилось ясно, что его преследование не несет мне опасности. Наконец, после выразительного клекота, будто он что-то мне высказал, он отлетел и скрылся. По возвращении с работы, я спускаюсь с Сюрю-Кай и снова оказываюсь в месте, где мы встретились с удивительной птицей. Была уже ночь. Я окликнул в сторону ветвей: «Ярик! Ты где? Ты спишь?.. Спокойной тебе ночи!». Вдруг слышу, он отозвался и стал перелетать с ветки на ветку. Птицы ложатся рано. Получилось, что я его разбудил своим криком. Он снова немного меня сопровождал. На следующий день повторилась та же картина. Он ждал меня на том же месте и снова сопровождал все дальше и дальше. Мы общались с ним таким образом недели три. Сопровождая, он пролетал рядом со мной, уже касаясь крылом плеча. Удивительно, что на каждое мое к нему обращение он отвечал клекотом, будто все понимал и отвечал по-своему. Садился на ветки все ближе и ближе: в 10-ти, в 5-ти метрах от меня... Не боялся! Я подходил к нему и разговаривал, общался... Затем он исчез. Сколько я не пытался его найти, все было напрасно. Я уже привязался к нему, воспринимал его как друга, а он исчез... Возможно, он нашел себе пару, — это было лето, — период гнездования.

Был ли это дух места, говорящий со мной через птицу (?), или это пространство заповедника таинственно единит мир животных и человека с добрыми намерениями (?) — для меня до сих пор загадка.

В другой раз, в этих же местах, в сентябре, тоже произошел интересный случай. Проходим по участку заповедника вдвоем, с коллегами и вдруг видим на дороге огромного двухметрового желтобрюхого полоза. Очень редкий экземпляр; В наше время встречается один на тысячу! Мне захотелось подержать его в руках, хотя я знал, что они сильно кусаются. Интересно, что змеи защищают себя тем, что бросаются на человека не с целью укусить, а только отпугнуть; — «бьют» головой, ударяя в

плечо, в грудь, в живот, как бы подпрыгивая верхней частью туловища, до тех пор, пока не отойдешь подальше от их «личного» пространства. Кусают в крайних случаях, когда посягаешь на их жизнь. Я подошел к полозу и аккуратно наступил ботинком ему на конец хвоста, чтобы, как только он поднимется схватить его. Он поднимается и с раскрытой пастью бросается на мою ногу, которую я успел отодвинуть. Промазал, упал и пошел опять на меня. Я снова увернулся и попытался схватить его за голову. Получилось схватить правой рукой ниже головы. Он развернулся и пастью впился в кисть моей левой руки, которой я попытался его перехватить. Между первым и указательным пальцем. Меня пронзила ужасная боль! У него много зубов podobных крючкам. Было ощущение, что он старается вырвать кусок, изгибаясь всем телом. Я в страхе отметил, что несмотря на маленькую головку, сила челюстей у него огромная! Я не мог даже предположить этого... Он вцепился настолько плотно, что у меня не было сил разжать его «свинцовые» челюсти. В ужасе от того, то он вырвет кусок из моей кисти, я мысленно стал просить у него прощения, признавая свою вину перед ним. По руке обильно потекла кровь: кисть была пробита насквозь... При этом он выпустил из пор тела белую и такую вонючую жидкость, что передать невозможно. Вся моя рука была залита этой жидкостью и кровью. Удивительно, что после моего искреннего раскаяния, его челюсть стала ослаблять свою хватку, и мне удалось разжать ее большим пальцем. Но во время укуса полоз обвил мою руку так сильно, что мышца руки стала сокращаться. Его тело это почувствовало, и с каждым сокращением мышцы «кольцо» сдавливалось все сильнее. Так змеи душат свою жертву. Я понял, что если он еще приложит усилия, кости на руке затрещат, настолько мощно его тело. Я стал гладить его по голове и по всем его кольцам. Кольца тоже стали размякать и я стал их разматывать. Я ласково разговаривал с ним мысленно, продолжая просить прощения и поглаживая его с любовью. Он больше не сопротивлялся тому, чтобы я освободился от него, перестал шипеть и раздуваться, — успокоился. Я перевесил его через плечо, держа голову в руке. Мы подошли к кустам сочной ежевики, где я решил его

выпустить. Думал, он тотчас уйдет, как только я выпущу его из рук, — мгновенно как стрела. Но, оказавшись на траве, он уползал в кусты очень медленно, а затем высунулся из кустов и стал наблюдать за тем, как мы с ребятами собираем и едим крупные спелые ягоды. Его поднятые голова и туловище поворачивались в сторону той моей руки, которая брала ягоды. Сколько времени мы ели ежевику, столько он за нами и наблюдал, уже без всякой агрессии. Все были удивлены. Я понял тогда, что все живое чувствует намерение и отношение человека и реагирует на его действия и мысли адекватно. Вибрация любви считывается на полевом уровне, и воздействие ее всегда подобно чуду».

Змеи существа необычные и мистические. Неслучайно в Древней Греции и на Крите они участвовали вместе с женщинами-жрицами в священных обрядах плодородия, что отражено на фресках храмов. В Древнем Египте змея и коршун являлись тотемами божеств(!) Уто и Нехбет: покровителей царской власти — символами фараонов; («Тотем» — изображение животных или растений, которых считали предками рода, племени людей).

Удивительная история произошла с преподавателем МХК Московского вуза Мороховец Н.О.:

«В июле 2011 года я гостила у родственников в научном городке Карадагского заповедника. Однажды, у подножья Святой горы я делала записи и зарисовки для своих лекций из книги Д.Д. Фрэзера «Золотая ветвь». Внимательно изучая первобытные обряды охоты и плодородия с участием тотемных животных, я изобразила в тетради «знак» — свернувшуюся в спираль змею. Утомленная солнцем, задремала тут же, под деревом. Когда пробудилась, в ужасе увидела рядом с открытой тетрадью, в полуметре от себя, свернувшегося спиралью, огромного ужа!.. Он в точности повторял рисунок (змеи) на странице, возле которой мирно устроился. Не зная, что делать, я стала ласково уговаривать его удалиться, чтобы иметь возможность уйти отсюда. Уж слушал меня очень внимательно, затем развернулся и спокойно уполз. Было впечатление, что он понял, что я испугалась. Я перешла довольно далеко в другое место, где продолжила свои записи. Меня вдруг снова сморило и я, неожиданно для

себя заснула. Проснувшись, — увидела ту же картину: рядом со «знаком змеи» лежала змея в такой же позе как на картинке... На этот раз — это был небольшой полоз. Я вежливо попросила его пропустить меня на тропинку, что он и сделал. Меня все это очень впечатлило! Я увидела на практике — магические обряды действуют вне времени: дух вида «примагничивается» образом и «исполняет» его; происходит «материализация» заданной программы. И в этом есть тайна...».

В наше время рептилий выживать все труднее из-за проблем с кормом и безопасностью. Но они обладают чудесной способностью — меняться в размерах в зависимости от условий жизни. В благоприятных условиях долгоживущие виды рептилий могут достигать внушительных размеров, значительно превосходящих «стандарт». Ведь в отличие от млекопитающих рост у холоднокровных животных продолжается на протяжении всей жизни. В 2002 году молодым герпетологом Еленой Свириденко на пустыре возле Алушты была добыта змееподобная ящерица желтопузик с длиной тела больше 80 см, что превышает норму в 2 раза! Тело животного (толщиной с мужское запястье) сплошь покрывали шрамы — следы встреч с хищниками либо с человеком; вследствие давнишнего удара был деформирован череп, отсутствовала часть хвоста. Остался хвост неповрежденным, общая длина ящерицы превысила бы 2 м! Надо сказать, что эта особь, возраст которой, несомненно, исчислялся несколькими десятками лет, производила качественно иное впечатление, нежели его менее удачливые соплеменники. И это был желтопузик — животное незлобивое и даже пугливое.

Тайны Природы далеко еще не исследованы. Но иногда они спонтанно открываются тем, кто в гармонии с нею. Егерь Владимир делится чудом, произошедшим с ним летом 2012 года:

«В Карадагском заповеднике я встретился еще с одним открытием: здесь можно пережить параллельное тонкое физическое измерение, которое подобно двойнику скрыто внутри нас;

Однажды со мной произошло нечто странное. Я возвращался днем со Святой горы, домой, и почувствовал,

что меня затормаживает какая-то сила. Я доверился ей и остановился. Повернул голову и увидел на склоне, метрах в десяти от тропы, где я шел, кустарник, плотно заросший кизилом. За ним, параллельно мне идет косуля. Вдруг слышу внутри себя звук: «Чук-чук-чук...». Это звук ее копыт. Возможно, я неосознанно попал в какое-то трансовое состояние и в нем зазвучали ее шаги. Это был внутренний звук. Когда я «включил» физическое внимание — она продолжала идти. Но звука для внешнего слуха не было(!) — она шла, как по воздуху... пока не удалась в чащу. Впоследствии, я ни разу не смог восстановить то состояние внутреннего слышания. К сожалению, этот опыт пока что не в нашей власти, но если он возможен в принципе, — это значит, что связь человека и природы таит еще много не познанного, и подобные случаи — это надежда на новые открытия».

Природа всегда отвечает взаимностью людям, открывшим в себе глубочайшую духовную сущность и ставшим едиными со всем Бытием. Им доступно общение со стихиями, миром растений и животных. Они высоко чувствительны ко всему живому и могут общаться с природой на ее языке.

Экскурсовод Евгений Рудь рассказывает предание о таком человеке, нашедшем свое родство с Карадагом:

«Когда-то в Щебетовке, (поселок в 3-4 км от Коктебеля) жил знахарь-целитель. Каждое воскресенье он ходил на одну из гор Карадага, впоследствии названной Святой, и там «очищался»: проводил обряд очищения. Эта гора необычная; с давних времен она была местом культовых поклонений. Его часто видели на этой горе в окружении зверей и птиц, которые садились прямо к нему на плечи и на руки, когда он кормил их. Дикие звери лежали у его ног как ручные и выходили к нему навстречу из чащи, когда он приходил на горные поляны, собирать лекарственные травы. Когда же он почувствовал приближение смерти, он начал подниматься на гору Сюрю-Кулу и говорить: «Там, где мой посох упадет, — там меня и захороните. Он немного не дошел до вершины и умер. Там его и захоронили. Положили сверху могильную плиту. Впоследствии аэро-космическая съемка показала, что под плитой действительно лежит скелет. Гору называли

святой, потому что заметили, что каждый год 14 декабря, на закате солнца из могилы выходит луч зеленоватоголубоватого цвета, всего лишь на одну минуту, затем он постепенно тускнеет и растворяется. Если человек попадает на этот луч, он исцеляется от любой болезни. Были зафиксированы несколько случаев исцеления от рака. Но этот луч открывается не всем. Как-то я взял с собой товарища именно в это время. Но ничего не произошло. Луча не было, хотя каждый год я приходил сюда и наблюдал его появление. Что касается моего опыта, я тоже, в свое время получил исцеление в этом месте. У меня начала сохнуть рука по неизвестным причинам, и никто из врачей не мог определить, что происходит. Состояние было уже безнадежным, когда я пришел к плите целителя 14 декабря в 2006 году, на закате, дождался появления луча и сунул в него руку. В течение трех месяцев все прошло. Рука полностью восстановилась».

О Святой горе рассказывает экскурсовод Владимир: «Это было место культовых поклонений, все, что связано с врачеванием. У древних римлян там было святилище, у древних греков капище. Где поклонялись богу врачевания Асклепию. Но больше всего эта гора знаменита тем, что в 14 веке на вершине этой горы появилась могила непростого человека, человека знания: суфия. Звали его Кемал, тюркского происхождения. Он был изгнан из своей страны, потому что не боялся говорить правду власть имущим. Путем паломничества он попал в Крым. Он любил природу и все живое. Его молитва наполняла пространство благостью. Вел он отшельнический образ жизни, был аскетом. Большую часть времени проводил на природе. В непогоду находил для укрытия гроты и пещеры. Он мог исцелять людей от самых неизлечимых заболеваний. Ему были подвластны природные стихии; он был в гармонии с ними. Люди часто обращались к нему за помощью, когда надо было утишить бурю, при сборе урожая, — чтобы он поговорил со стихией и успокоил ее. Просили вызвать дождь в засуху, усмирить шторм для возможности поставить или поднять сети. Кемал знал язык деревьев, трав и камней, птиц и зверей. Когда наступали холода, он приходил к людям, которые всегда с радостью его принимали. Делился с ними своими зна-

ниями, рассказывал о тех местах, откуда был родом. В преклонном возрасте ему было видение, в котором он узнал, что жизненный путь его подходит к концу, и он должен сообщить об этом людям. Он собрал всех местных жителей, которых знал и любил, и сказал им о своем ночном видении. После чего предупредил их о чуде, которое совершится у них на глазах: «Сейчас мой посох исчезнет, и в последствии, где вы его найдете после моей смерти, там меня и похороните». Бросил посох на землю и... посох исчез. Многие люди знали его как чудотворца, и даже видели в двух разных местах одновременно. Они запомнили его слова. После этого со всех концов Крыма к Кемалу стали съезжаться люди, чтобы получить исцеления, или посмотреть на его чудотворства. Но провидец видел намерения каждого приходящего и знал, кому нужно оказывать помощь, а кому нет. Многих, кто шел с корыстными целями, он не принял. В отместку его объявили в шарлатанстве и решили убить. Его стали преследовать, но близкие ему люди его тщательно скрывали. Прошло время, страсти поутихли, о Кемале забыли. Но однажды, люди наткнулись в горах на посох, который узнали и вспомнили слова чудотворца. На следующий день знахарь скончался. Его тело положили на носилки и вознесли на вершину горы, похоронив на том месте, где был найден посох. На могилу положили плиту, которую вытесали из природного камня. Могилу огородили кованой оградой, заказанной у местного кузнеца. После этого к могиле началось бесконечное паломничество людей. Люди разных вероисповеданий, поднимавшиеся в гору к могиле, получали исцеление. Люди тюркского происхождения приходили до восхода солнца, совершали там намаз и оставались на трое суток... Постились и ничего не ели. Только пили воду из источника под Святой горой, которую набирали и приносили наверх. Некоторые рассказывали, что во сне видели благообразного старца, который приходил к ним ночью и раскрывал причину болезни, и как от нее исцелиться. Другие информацию об исцелении получали в различных знаках и символах. С тех пор паломничества к этому месту продолжались, пока оно не вошло в зону Карадагского заповедника. Те, кому удалось побывать там, сообщают, что там и сейчас

происходят исцеления от различных болезней, но для этого нужно внутренне подготовиться».

О Святой горе рассказывает доцент Харьковского университета, кандидат философских наук Чередниченко А.Г.:

«От наших бабушек и дедушек до нас дошли сведения, что до войны и местное мусульманское, и местное христианское население соблюдало такой обычай: когда сильно болел человек, то его везли к подножию Святой горы, и поднимали его на кошмах наверх, где было место, покрытое плитой. Там он должен был переночевать. Сами родственники оставались внизу до утра. Все, кто пережил это, рассказывали нашим предкам, примерно одно и то же. Во сне являлся некий старец в белых одеждах и указывал причину болезни и путь к исцелению. Христиане считали, что он был христианин, а мусульмане — что мусульманин-суфий. Затем коренное население было выселено: и татары, и болгары, и армяне и греки... Обычай был забыт. Но это место интересно еще и с археологической стороны. Здесь были обнаружены дальмены — погребения в виде каменных ящиков. Еще автор 6-го века Стефан Византийский указывает, что если плыть со стороны Херсонеса, то проплываешь мимо Святой горы. По указанным им данным — расстоянию, — это и есть та самая гора. Сейчас это территория Заповедника, и вход только по специальным пропускам. Стефан Византийский еще указывал, что на вершине Святой горы Карадага есть святилище Асклепия (древ.греч. бога врачевания). Стефан говорит о Таврском Асклепии, в святилище которого тоже был обычай, когда больной тоже должен был переночевать в святилище, чтобы сам Асклепий явился к нему и указал причину болезни и путь к исцелению. Эта обрядность очень похожа на Коктебельскую. Такая связь традиций объясняется УНИКАЛЬНОСТЬЮ места».

Порталы времени, в которые неоднократно попадали гости Карадага, вне зависимости от рангов и верований, актуальны не только для человека. Оказывается, на загадочной территории Карадагского заповедника они доступны и для животных!..

Экскурсовод Евгений Рудь рассказывает:

«В Карадагском заповеднике, под горой Сюрю-Кайя есть один грот, — небольшая расщелина в скале, где была об-

наружена колония, облюбовавших это место летучих мышей. Туда-то, по ночам и повадилась лиса. Достать взрослых мышей она и не могла, а вот мышатами, в пору их появления, когда они выпадали из гнезда, она лакомилась. Мы ее постоянно гоняли, чтобы сохранить этот единственный в мире вид летучих мышей, поселившийся в наших краях. Хотели даже застрелить. Охотники добились разрешения на отстрел и стали ее подкарауливать. Стреляли много раз и каждый раз промазывали. Удивлялись, почему не удается убить, — так как стреляли в упор. Как-то я пытался отогнать ее камнями. Смотрю, и не верю своим глазам! — кидаю камень, а он пролетает сквозь лису. Как будто она — эфирное тело... Я разговаривал со старым лесником Витей Чернышевым, недоумевая, не кажется ли мне все это? Он подтвердил, что такое не только со мной приключается: многие обратили внимание, что она, как прозрачная!.. При этом — обычная с виду лиса, с шерстью, — абсолютно материальное биологическое тело. Все попытки прострелить ее заканчивались неудачей, — пули пролетали сквозь нее, чему было немало свидетелей. Приехавшие к нам ученые предположили какие-то геомагнитические аномалии, — якобы всем нам все это кажется. Но исчезновение мышат, при этом, реально продолжалось после каждого посещения хищника!

Лиса была таинственно неуязвима, даже на глазах, наблюдавших картину бросания в нее камней, ученых. Уходила и приходила когда хотела, питаясь реально по земному. Объяснений больше не последовало. Наука на этот раз оказалась бессильна. Но для тех, кто попадал в ПОРТАЛЫ ВРЕМЕНИ — этот феномен представляется разгаданным...».

На сегодня очевидно, что древнейшая земля Карадага — таинственное и прекрасное место Крыма. Оно привлекает человека с разными целями. К нему приходят за «СИЛАМИ», за чудесами, за радостью созерцания прекрасных пейзажей... Но это место — ЖИВОЕ, заселенное живыми существами и нуждается в защите и понимании. Человек, привыкший быть потребителем по отношению к природе, может стать ей другом и помощником, и тогда его, наверняка, ожидает еще немало удивительных открытий.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Константин КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ

Россия твоим сердцем играют в футбол
Тебя весь мир пинает ногами
Но я останусь навсегда твоим сердцем
Потому что я это ты а ты это я

Россия за тебя никто не болеет
Только штрафные удары и свист всех трибун
Только я твой справедливый судья и защитник
Только я тебя не предаю потому что я это ты

Россия пусть осыпется мировой стадион
Пусть разбегутся игроки и болельщики
Я останусь твоим нападающим вратарем
Потому что ты больше чем я а я это только ты

РЕКВИЕМ ПАРЩИКОВУ

Как медный духовой оркестр
Духовной жаждою томим
Опустошающий регистр
И имя словно псевдоним

И одуряющая боль
Об ударяющий литавр
Пароли троль где троль пароль
Минувший минный минотавр

Стих многозалповый не стих
Дрожит в пространстве канонада
Слепой фейерией шутих
Канкан Канкун в канонах ада

Под минный духовой оркестр
Орфей спустился в подземелья
Прицелом обводя окрест
Предел родного беспределья

Черёмухи нездешний снег
Трамбон как человек в футляре
Цейс цельс Объекта необъект
Застыл в нездешнем окуляре

ОБРАТНАЯ МУЗЫКА ИЛИ АНТИГАММА

Напрасно вы думаете
что музыка умерла
Все дело в обратном звучании нот
Вы думаете они умолкают
А они переходят в другую ноту
Нота Ля умирает в Соль
Нота Соль умирает в Фа
Нота Фа умирает в Мм
Нота Ми умирает в Ре
Нота Ре умирает в До
Нота До умирает в После
До идет по следу После
Проваливаясь в Молчанье

С-ВЯЗЬ-НОСТЬ

А если Бога нет, он Ноль
Нирвана или в гамме Ля
А сотворенье мира — Боль
Квадратный корень из Нуля

Но корень может быть кубический
И это мир метафизический
Пусть даже Фрейд — сверхдиагностик
Был атеист а не агностик

Но появился маг из Берна
И стало всё четырехмерно
Приставил миру скобок стремя
Единое пространствовремя

На трассе мировых событий
Нас ждало множество открытий
Мир как в театре Нины Риччи
Окутался в потоки Ричи

Сей нео-конченный роман
Продолжил Грегор Перельман
Он доказал, что мир наш связан
И многим Господу обязан

А кто связал трехмерный свитер
Не скажет ни один пресвитер
Сии мистические связи
Останутся в трёхмерной вязе

И в оперетах Оффенбаха
И в музыке волшебной Баха
И в моцартовом озаренье
И здесь в моём стихотворенье

Которое как полагалось
Само связалось — развязалось
Из изречений и речей
На спицах солнечных лучей

Полина БАБУШКИНА

Посвящается Наталии Бабушкиной, волшебной маме, сумевшей привнести в детство сказку.

ИСТОРИЯ ПРО ЖИЛЯ-УРОДА

История, которую я тебе расскажу, мой дорогой читатель, случилась много лет тому назад. Лицо мое тогда не было похоже на изломанный сапог, как теперь, и ладони

были такие мягкие, что любая девушка могла, припугнув их, подрумянить ими свое личико. Что за странное время, ты меня спросишь, я описываю... О, дорогой мой, оно зовется молодостью. Но заканчиваю о себе и перехожу к Жилю... Стукнуло ему в ту пору около тридцати. Он имел тонкое тело, еле выдерживающее огромный пиджак, длинные ноги и несоразмерно большую голову. Но было в нем еще кое-что, перед чем несурзность его фигуры оставалась в тени, — губы. Губы Жилия занимали основную часть лица. Неприлично вздутые, растянутые, они приковывали любой взгляд: от собачки до едва видящего старика.

Был обыкновенный летний вечер, когда Жиль появился на бульваре Т., вернувшись из Франции, где пробыл большую часть жизни. Небо совсем разругалось, а земля тяжело и горячо дышала, будто весь день играла с ним наперегонки. Жиль вышел на бульвар Т., где когда-то бегал ребенком, и сел на первую попавшуюся скамейку, закрыв глаза.

— Вы только посмотрите, француз на нашем бульваре, — пискнула курносая дамочка.

— Как же ты поняла, что он француз? Даже лица не разглядеть, губищи одни! — заметила подруга.

— От него пахнет Францией! Прекрасный аромат любви! Чуете?

— Он жуткий урод! И пахнет от него исключительно уродством!

«Урод! Урод! Урод!» — подхватили женщины на бульваре, передавая из уха в ухо это вызывающее восторг у них слово.

— В его губах есть что-то магическое! Вы когда-нибудь целовали такие губы? — заступалась курносая.

— Он скорее съест тебя таким ртом, нежели поцелует!

— Я уже несколько лет держу свои уста под замком! Как сладостен был бы поцелуй с такими губами, как у него! Ах! Я совсем позабыла любовь на вкус, — не прекращала закатывать глаза эстетка.

— Он жуткий урод! Опомнись!

Но было поздно в чем-то убеждать эту барышню. Вдохнув поглубже, она распрямила спину и, выпитив белоснежную, как безе, грудь, направилась к Жилю. Он по-

прежнему сидел с закрытыми глазами, хотя слышал все женские шептания. Он так же чувствовал быстрое прикосновение дрожащих губ, но и здесь не разомкнул век. Даже не шелохнулся. Насладившись поцелуем, дамочка отлетела обратно:

— Ах! Я вспомнила! Я вспомнила, какого вкуса любовь! Я снова ее чувствую! Ах! Это прекрасно! Это... — и все барышни, как воронье, слетелись к курносой, шелестя кружевными юбками.

— И я! И я хочу почувствовать любовь! Мой муж слишком холоден ко мне! — трясла головой одна из дам.

— Тебе нужно поцеловать этого уroda! — подхватили остальные.

— Но я увижу сегодня Никиту Михайловича на бульваре... Он все передаст мужу. Пожалуй, попробую завтра, если этот француз-урод придет!

Так, мой дорогой читатель, подобный нелепый, абсурдный случай и положил начало целой поцелуйной эпопее. Как часто бывает, женский вздох оказывается намного тяжелее любого мужского слова. Поэтому женские сплетни живут куда дольше, нежели мужские обещания. Сами понимаете, что на следующий день все эти дамочки снова собрались на бульваре в это же время. Конечно, пришел и Жиль, зная, что его ожидает. Он, как неподвижная статуя, бесстрастно уже рассчитывал на поцелуй барышень.

Ко всему разочарованию дам, Никита Михайлович опять разгуливал неподалеку, но женщины, обделенные любовью, готовы называть друг друга «сестрами», надежности этих уз может позавидовать любая мужская солидарность. Поэтому, прикрывая однополчанку, «сестры» помогли ей поцеловать Жилиа.

— У этого уroda волшебные губы! Как давно я не получала такого наслаждения! — хрипло восхищалась дамочка, потеряв от перевозбуждения голос.

Так в женских кругах этого города разошлась слава о французе-урode, чьи безобразно крупные губы дарят любовь. Барышни, тосковавшие об этом чувстве, бежали на бульвар, чтобы слиться в поцелуй с Жилем, который в свою очередь превращался в аттракцион.

Но вот однажды, теплым сентябрьским вечером, на

скамейку с Жилем присела птичка. Была она невелика, скромной окраски, но голос имела такой тонкий, что он, как пруттик, начинал щекотать сердце под рубахой. Жиль не был исключением, и под его нелепым пиджаком слева в груди что-то заворочалось. Он открыл глаза, увидел эту пташку и вздрогнул.

— Ты прилетела, чтобы поцеловать меня? — спросил Жиль.

— С чего ты взял? — удивилась птица.

— Здесь все желают меня поцеловать! Ты разве не слышала о моих волшебных губах?

— Слышала, — улыбнулась собеседница.

— Они дарят любовь, разве ты не хочешь любви?

— Она у меня есть.

— Глупая птица, как ты можешь так утверждать, не попробовав поцелуя с Жилем!

— Ты слишком возгордился. Твое уродство превратили в сказку. И ты сам же в нее поверил. Мне жаль тебя.

— Это мне тебя жаль. Ты никогда не вкусишь настоящей любви. Видишь всех этих женщин? Они знают это чувство, потому что целовали меня. И придут новые, которые еще откроют для себя, что же такое любовь, прикоснувшись к моим губам. А ты так и останешься серой... в полном неведении...

— Какой ты самонадеянный! Ты так настаиваешь, чтобы я тебя поцеловала?

— Да! Поцелуй, и ты поймешь, что такое настоящая любовь.

— Ты еще и глуп. Мне совсем не нужно тебя целовать, чтобы понять, что это за чувство...

— Целуй же! Не теряй шанс! — не слушал ее упрямец. Птичка грустно взглянула на Жилиа: «Хорошо, я поцелую тебя!», подлетела и клюнула его в губу. Жиль не успел и моргнуть, как пташка исчезла. На его губе тут же выскочила алая родинка. Разгоряченный Жиль прижал платок к соленой ранке. А где-то рядом пропела недавняя гостья: «Если ты так веришь в волшебство своих губ, дари лучше любовь тем, кто в этом по-настоящему нуждается». Жиль посмотрел на окровавленный платок, как на драгоценный подарок, и услышал неподалеку разлетающееся в разные стороны женское карканье: «Вы по-

смотрите, на его губах кровь! Как это ужасно! Мы его до смерти так зацеловали! Как отвратительно! Там теперь какая-то дырка в его губе! Фу! Конечно, фу! Фу-фу!» И дамочки зашелестели юбками прочь с бульвара.

Тогда Жиль встал, направился куда-то в непонятном направлении и больше на бульваре Т. его никто не видел. Но немного погодя стали ходить новые слухи о большегубом уроде, который появлялся в тех местах, где дети были лишены родительской любви. Он целовал каждого такого ребенка нежно в лоб и растворялся, как призрак. Мой дорогой читатель, ты можешь мне не поверить и возмутиться, мол, откуда я все это знаю. Но я сам когда-то рос в приюте, ко мне-то в ту пору и явился Жиль. Признаться, что от его поцелуя, действительно, стало теплее. На мой детский вопрос — почему у него такие большие губы, он поведал мне свою историю, потом прибавив дорогое для меня откровение. Двадцать лет назад он влюбился в прекрасную птичку, она летала высоко-высоко, он никак не мог дотянуться до нее, чтобы поцеловать, и только без устали все время тянулся к ней губами. Так они у него и вытянулись. А птичку эту он не переставал любить, даже уехав во Францию. По прошествии долгого времени он все-таки встретил ее снова. Вернувшись домой, он каждый день выходил на бульвар Т., где любовался ею еще ребенком. Жиль надеялся хотя бы услышать ее голосок. И вот однажды эта птичка присела к нему, не узнав из-за уродства. Он, воспользовавшись знанием пустой молвы, стал глупо настаивать на поцелуе, от чего ему было очень стыдно, но лишь в этом он видел единственный способ получить долгожданную близость, о которой грезил с детских лет. Помню, в этот момент Жиль сжал глаза и сказал: «Это был самый счастливый день в моей жизни».

ИННА РЯХОВСКАЯ

ПАМЯТИ ОТЦА

Пройду тропинкой узкой через луг,
где утренней прохладой дышит лето,
где лес встречает весело, сам-друг,
весь в переливах щебета и света.

132 Там — пыльный город плавится в жаре,

а здесь объемлет тихая отрада,
когда калитку тронешь на заре
искрящейся росой обрызганного сада.
И чудится: вот выйдет на крыльцо
встречать меня отец с улыбкой ясной,
любовью светится его лицо,
глаза в морщинках мудры и прекрасны.
Прижмет к себе и спросит, как дела.
Дымиться будет чай в уютных чашках.
И будут ласточек просвистывать крыла,
Стрекозы в струях воздуха качаться.
И запоёт в руках его пила —
Опилек терпких хоровод закружит.
Огладит яблони, присядет у стола...
Как сердце по нему, тоскуя, тужит!

* * *

Сияющим белым огнём
январь мне лицо обжигает.
В морозном узоре окно
брильянтовой вязью играет.
На санках, на лыжах, коньках
мелькают детей хороводы,
и в радужных снежных огнях
мерцают просторные своды.
То солнце, то кружит метель,
мороз то прижмёт, то отпустит.
Всё явственней слышно свирель
весны, что в снегах точит русло.
...А время в песочных часах
в воронку упорно струится,
и движется вниз на глазах
пространства пустого граница.

МУЗЫКА ЛЮБВИ

Свирель настроят соловьи,
Дохнёт полночною прохладой,
И хлынет музыка любви —
Души весенняя отрада.
До высей обморочных трель —
Приливы страсти и отливы,

Алмазных звуков карусель,
И щёлк, и свист без перерыва.
Что ни весна, ни год, ни век —
Поёт нам серенькая птаха,
Чтоб к небу поднял человек
Хоть иногда глаза от праха.

ТОСКАНА

Распахнуты объятья Средиземья,
Тосканы нежной изумрудные холмы.
Сам Бог целует утром эту землю,
И в каждой пяди — труд, любовь и смысл.
Несутся мимо дивные картины —
Италия за окнами авто.
Под сенью пиний лепятся к вершинам
Костёлы, замки и селенья среди цветов.
Бегут со склонов воинством несметным
На ложе пёстрое ухоженных долин,
Пьянящим южным солнцем обогреты,
Шпалеры винограда и олив.
Сиена, Пиза, Монтальчино и Пиенца —
Как песня, льются ваши имена, —
Сан Джиминьяно, а венец всему — Фиренца,
Та, что Флоренцией в России названа.
Я в давнем прошлом, растворяясь, утопаю,
В тосканских древних, светлых городках,
По камням тёплым бережно ступаю,
А под ногой текут века.
И вихрем звуковым мотоциклисты
Привычно рассекают тишину.
Как время быстротечное, их лица,
В сознание впечатавшись, мелькнут.
Здесь человек в Истории — как дома,
Тысячелетий обжитой уют.
И Цезарь, Данте, Микеланджело и Брут,
Как добрые соседи, всем знакомы.
Локаторы души улавливают чутко
Шум времени (привет вам, Манделыштам!).
В горшках горит герань, синеют незабудки,
Орган гудит, и в храм ведут врата.
Я об одном прошу с надеждой Бога:

Детей моих спаси и сохрани,
На всех путях, во всех земных тревогах
Им руку милосердия протяни.
А здесь до Бога, право, недалеко.
Творцу поёт осанну мир вокруг,
Бельканто итальянской страстной речи
Несётся отовсюду, нежа слух.
Венецианский лев и римская волчица —
Свидетельства величья и побед.
Цветком над водами Арно Флоренция искрится,
Сквозь витражи струясь, мерцает свет.
На Понте-Веккьо в лавочках-шкатулках
Кипит, клубясь, средневековый торг.
И Дант божественный из высей гулких
На жизнь взирает, горек, мудр и строг.
И рдеют пламенно бутоны куполов,
И мраморная музыка живая
Сквозь гул разноязыких голосов
К бессмертным небесам взмывает.

КРЫМСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Прошу — не торопись, постой,
Не уходи — ещё помедли!
Пока утешный мрак ночной
Не обовьёт родную землю,
Пойдём к сомлевшим в жар холмам,
Увитым красным виноградом,
Где Крыма дымная чалма
Парит в хаосе камнепада,
Где ягодами алычи
Катает наш язык послушный
Названья, начертанья чьи —
Алупка, Ялта и Алушта,
Где моря мреющий изгиб
Скользит в опаловой оправе,
Где влажный след босой ноги
Божественному следу равен.
Когда чрезмерность красоты
Переполняют дух и тело,
Почувствуешь внезапно ты,
Как раздвигаются пределы.

Как светлячка волшебный блик
Пронизывает расстоянья —
Так ты, ничтожен и велик,
Летишь в ладонях мироздания.

* * *

Отворю пошире окна в лето,
надышусь настоящим луговым.
Долог день от алого рассвета
до закатных красок заревых.
Вот июнь пружинистой походкой
прошагал в сверкающей росе.
В небе перламутровою лодкой
тает, уплывая, лунный серп.
Изумлённым странником бреду я
в вихрях света, в солнечной пыли
на макушку лета, в жар июля,
в пряные объятия земли.
И гроза, как рыцарь, в сталь одетый,
прогремит, промчится надо мной,
выпустит стрелу из арбалета,
что вонзится огненной змеей
в поле на изломе горизонта.
Дождь обнимет струями воды...
Смыть бы неуют и беспризорность
нашей жизни с запахом беды!

* * *

Всё расхищено, предано, продано
А. Ахматова

«Всё расхищено, предано, продано»,
и в распавшейся связи времён
мы с тобой, моя бедная родина,
без дороги и цели бредём.
А поля зарастают бурьяном
умирая, деревни лежат,
полстраны снесено ураганом
грабежей, воровства и утрат.
И звучит здесь уже не великий

и прекрасный могучий язык,
а безграмотный, косноязыкий
вырождения ликующий рык.
Здесь жиреют, кичась, нувориши,
нищета всё страшнее и злей.
И дремотной болотною тишью
придавило безмолвных людей.
Уж давно бы пора нам очнуться,
осознать бы, к чему мы пришли...
И разгневанный Бог отвернулся
от когда-то любимой земли.

ОКТАБРЬ В СУЗДАЛЕ

И вновь к самой себе вернусь
Сюда, в заветные чертоги.
Струится пасмурная Русь
В холмах медлительно-пологих.
То мощью дуба прорастёт,
То крошкой-церковкой на склоне.
Сбежав со взгорка, луг простёр
К реке зеленые ладони.
Средь суетного вихря вдруг
Негаданная остановка:
Провинциальной жизни круг.
Старательная прорисовка.
Паренья золотого мир:
Шуршанье, шорох, шёпот, шелест...
Заглянет в душу мне на миг
Глаза потупившая прелесть.
Под сердцем, как дитя внутри,
Толкнётся... — чему нет названия...
И долгий журавлиный крик
Распахивает расстоянья...

СЕНТЯБРЬ 2013-го ГОДА

Летит, кружась, кленовый лист —
багряной осени примета.
Как сполох, кратко бабье лето —
и вновь за дело принялись

дожди с удвоенною силой.
И мрак, и хлябь — ничто не мило.
На улицах бурлит поток,
и мой надёжный зонт протёк.
Все говорят лишь о погоде,
другие темы здесь не в моде,
и ошеломлена Европа
явлением нового Потопа.
Терзает метеодепрессий
людей неотвратимый прессинг,
и ищут в облаках оконце
глаза, уставшие без солнца.
В холодных струях молнии
от ветра горбятся сутуло —
Москву стихия захлестнула.
Как русскую хандру лечить?

Александр ЛОЗОВОЙ

БОГ ПЕРЕКРЕСТНЫХ ДОРОГ

*сатирический роман о 1950-1970 —х годах
Продолжение, начало в «Словесности 2015»*

«МОЛЧИ, СКРЫВАЙСЯ И ТАИ»

Гриша поехал в Москву. В вагоне между окон висело расписание. Но оно было для поезда, идущего из Сухума в другом направлении. Вначале попутчиком был бывший проводник. Он вышел в Краснодаре. Бывший проводник всю дорогу сокрушался: «Раньше мне платили деньги за езду на поезде, а теперь я должен! Хотя бы бесплатно возили. Обидно, очень обидно, железная дорога виновата». Бывшие проводники не любят ездить поездами — предпочитают автобусы, хотя билет там дороже. В Харькове в купе подсел молодой раскосый человек в элегантном костюме. Вид у незнакомца был парадный, а совсем не дорожный. «Здравствуйте, очень рад ехать с вами. Каждая встреча — это начало расставания» (японская дорожная мудрость), — и потом попутчик всё время молчал, и не рассказал о себе вот что:

Хоцу-мото по образованию был физик, но потом его склонили к изучению русского языка в университете на Хоккайдо. После путешествия по России он возвращался к себе в Японию через Москву. В университете в Саппоро курс русской литературы читал старый дворянин-эмигрант из Петербурга Николаи-сан. У студентов с русским сэнсэем сложились тёплые взаимоотношения и в душевном плане студенты отдавали предпочтение русскому профессору, нежели его японским коллегам. Николаи-сан занимался с ними и во внеурочное время, зная, как японцам вообще трудно даются иностранные языки.

Хоцу-мото души не чаял в своем Учителе и тот отвечал ему взаимностью. Многие из студентов Николаи-сана впоследствии стали известными переводчиками и создали в Саппоро Центр славянских исследований. В университете царила атмосфера, которую можно выразить словами из стихотворения Киплинга, которое Хоцу-мото прочёл уже чуть позднее: «Восток останется Востоком, а Запад Западом и никогда им не понять друг друга». И на вопрос, кто больше оказал влияния Европа на Японию или наоборот, считалось, что именно Страна Восходящего Солнца. Потому что у японцев есть понятие Океан мудрости, а у европейцев, как писал Данте, всего лишь только Море мудрости. Хоцу-мото рос в бедной самурайской семье. После войны они не часто покупали креветок, а когда ели их, то съедали целиком вместе с головой, усами и тонким панцирем. Эта привычка сохранилась у Хоцу-мото на всю жизнь, даже когда он стал вполне благосостоятельным. Второй мечтой Хоцу-мото было иметь мотоцикл. Первая — ожидание ежегодного любования цветущей сакурой.

Но родители к одному из праздников цветения сакуры подарили Хоцу-мото подержанный английский велосипед. Зато, какой это был велосипед! — «Континенталь» чёрного цвета, с оранжево-красными покрышками, фонариком, и маленькой динамо-машиной, работающей от вращающегося колеса. На всякий случай для фонаря имелся ещё аккумулятор. Ручной тормоз состоял из хромированных рычагов и упирался в покрышку, сверху на протектор, а не в обод колеса, как стали делать позднее. Профессор Николаи-сан при первой для него безопасной

возможности (1959 год) вернулся в Советский Союз. Целый год его продержали в Находке, а потом разрешили вернуться в Ленинград, но не в родовой особняк, а выделили квартиру в новостройке. В Японии Хоцу-мото работал над темой: «Что у русских есть японского». Он переводил стихи русского поэта-классика: «Молчи, скрывайся и таи и мысли и мечты свои» (Silentium Тютчева). «Это ведь совсем по-японски. Это у нас есть такое понятие «макусацу» — поразить молчанием. Но откуда русские могли знать, что мы так делаем? Ведь этот поэт никогда в Японии не был, а жил в Мураново под Москвой», — задавался вопросом Хоцу-мото. Ещё была строка, вызывавшая трудности перевода: «мысль изреченная есть ложь» и Хоцу-мото долго корпел над ней. Восточный мозг более изощрённый, нежели европейский, и любая мысль только что зародившаяся в голове, уже считается изначально ложью, поэтому её высказывание не существенно. И на японский Хоцу-мото эту строку перевёл следующим образом: «самурай, в отличие от остальных японцев, не должен врать». Хоцу-мото был самураем и не врал у себя в Японии, а в России большей частью молчал. Настольной книгой у Хоцу-мото была «Сакура Накучеяма» («Как самому посадить и вырастить сакуру»). Отчёт в Центр славянских исследований в Саппоро о поездке Хоцу-мото в СССР в моем новом исследовании «Страна Восходящего Солнца в русском фольклоре» я придерживался цели, как и любой другой японец, посещающий Советский Союз, присоединения островов Курильской гряды к Японии. Для этого мне необходимо было изучить скрытый дух русского народа более всего проявляющийся в фольклоре. Большинство народных стихов и песен о Японии написано в тёмных и сырых тюремных камерах, куда никогда не заглядывало солнце. Поэтому неудивительно, что в своих порывах заключённые стремятся к Стране Восходящего Солнца и слагают о ней песни. В моём путешествии по России мне приходилось слышать много анекдотов про японцев. Про корейцев, вьетнамцев русские анекдотов не сочиняют, но очень часто в анекдотах про китайцев встречается слово, обозначающее китайскую провинцию Гуандон. Мне встретился один кореец, который надел круглые очки и стал русским бардом. Зрение у него хорошее, но в

этих очках он более походит на европейца. Нам, людям Востока, легче понять скрытый смысл азиата, чем русским. В одном из московских районов Гальяново, из окна второго этажа, меня увидел какой-то человек в тельняшке и истошно завопил: «Полундра! В городе японцы». Мне удалось установить, что в приморских городах это предостерегающий крик. Ещё загадочными для меня остаются услышанные выражения «Японский городской» и «Яп-пона мать!» Анекдоты про японцев меня совершенно не интересовали. Это никак не укладывалось в мою узкую научную тему. У меня строго дифференцированный подход, привитый мне с детства. Я приучен к тому, что если один механик надевает колесо на автомобиль, то другой приходит и накачивает шину. При этом первый не умеет и не должен уметь накачивать шину, а второй не должен накачивать шину. При этом первый не умеет и не должен уметь накачивать шину, а второй не должен уметь ставить колесо. Так, по крайней мере, у нас в Японии. Поэтому никакого касательства к анекдотам я не имел. Пускай продолжает ими заниматься русистка — самурайка Киосуки, тем более, что в Стране Восходящего Солнца такого понятия, как юмор вообще не существует. В одном из русских народных стихов говорилось, как сын «в день рождения подарил икебану матери», при этом и рассказчик, и присутствующие громко смеялись. Из этого я могу сделать заключение, что у русских не считается достойным подарком икебана матери на день рождения, а нужно преподносить нечто иное. Многие русские из любви к Японии по собственной инициативе переводят на японский язык некоторые выражения. Так, например, в Западной Сибири один мужик показал мне старую тряпку с выцветшими японскими разводами, и сообщил, что это «старое кимоно». На японский язык он его перевёл так: «а-кимоно-то-херовато». По моему мнению, вторая часть фразы переведена неверно. По косвенным признакам мне удалось установить, что разведка русских продолжает успешно работать в Стране Восходящего Солнца, хотя мы все были уверены, что кроме Рихарда Зорге русских агентов у нас не было. В Советском Союзе в тюрьмы сажают всех, кого не лень. Без разбора туда поместили и своего агента, ранее работавшего на территории Японии. Иначе, чем объяс-

нить появление такой блатной песни, где через фольклор выплёскивается секретная информация? Агенту стало известно о тайных переговорах нашего правительства с англичанами. Пусть я сделаю себе хакари, если моя догадка не верна! Вот слова из его песни: «С палубы английской канонерки как-то раз зашёл сюда матрос. А в углу красивая японка. Она что-то пела про любовь...». Действительно, в 1938 году, английский контр-адмирал Скотт, в целях конспирации переоделся простым матросом и в Иокогаме встретился со связной — госпожой Сукахама, гейшей премьер-министра для тайных переговоров. Адмирал раскрыл секреты русских, известные британской разведке, о готовящемся ими наступлении у озера Хасан. Далее: «У японки мальчик подрастал, он японку мамой называл» и продолжение: «Там тебя полюбят англичанки, потому что ты на них похож». Сын Сукахама, маленький, неполноценный самурайчик, был патриотично воспитан, и затем отправлен на туманные и дождливые острова за проливом Ла-Манш (название этой страны мы с целью конспирации не называем) нашим шпионом. Чем же тогда объяснить этот необыкновенный интерес к Японии, находящейся за десять тысяч километров от сидящего в тюрьме человека? И к секретным взаимоотношениям японцев и англичан? Для японского ума это непостижимо. В дореволюционной России к русско-японской войне относились со скорбью, и был даже написан вальс «На сопках Манчжурии» в память о погибших. В Советском Союзе о японцах слагались лживые песни. Вот одна из строк: «В эту ночь решили самураи перейти границу у реки». Эта песня из фильма о сельском хозяйстве «Тракторист». В-первых, дело было не ночью, а днём. Во-вторых, никакой реки там не было, а было озеро Хасан. В-третьих, границу нарушили советские войска. В-четвёртых, в военных действиях принимали участие простые японцы, а самураи руководили. В некоторых местностях я обратил внимание, что русские склонны поменять свою веру на буддизм. У них очень распространено восклицание: «Яп-понский бог!». Однако в Советском Союзе со мной произошёл неприятный случай: из внешнего кармана пиджака у меня вытащили кошелек. Правда, денег там было немного. По японской традиции крупные суммы от грабителей, а они

есть везде и даже в Японии, я сворачиваю и помещаю в бамбуковую трубочку, которую прикрепляю в промежности. И тогда грабитель может ошибиться: он хватает и тянет за не то. Время для него упущено и, хотя японцу больно, он успевает применить джиу-джитсу. У нас, в Японии, карманные жулики очень искусны и виртуозны. Они дорожат своим профессионализмом и никогда не полезут непосредственно в карман. Японский вор должен разрезать шёлковую подкладку изнутри пиджака и незаметно вынуть кошелек. Мои наблюдения позволяют сделать заключение, что проблема спорных островов вполне может быть решена в пользу Японии.

Елена ОРЛОВСКАЯ

СНЕГИРИ

Мне прошлой ночью снились снегири.
Они как капли утренней зори
Рассыпались по веткам и сидели,
Покачиваясь, будто фонари.

А на морозе ягоды адели
Наперекор прозрачной акварели
И снегири клевали на заре
Рябиновые гроздья и смотрели
Как ели красовались в серебре.

И мы с тобою по небу летели,
Нам песни пели вьюги и метели,
Укачивая в снежной колыбели,
В рождественском хрустальном январе.
Укачивая в снежной колыбели,
В рождественском хрустальном январе.

СКАЗКА

С вещевым мешком,
С крепким посошком,
С первым петушком
Я к тебе пешком

Старичок седой
С длинной бородой
Дал совет простой
Дал клубок живой.

А луна кругла
Провожать пошла.
Стала ночь светла,
Я тебя звала.

В полуденный зной
По тропе лесной.
За седьмой горой
Ждешь меня родной?

Я семь пар сапог
Истоптала в срок.
Где же тот порог,
Где ты — мой дружок?

ВАЛЬС

Я не тебе звоню
Номер, набрав знакомый.
Голосом нежности полным
Я не с тобой говорю.

Я не тебе назначу
Свидание в тайной аллее,
Не для тебя, как умею,
Я засмеюсь и заплачу.

Взгляд я не твой ловлю
В темных глазах кошачьих.
Что для меня ты значишь?
Я не тебя люблю.

Жадно в губах горячих
Нежность свою топлю.
Я не тебя люблю,
Что для меня ты значишь?

Что для меня ты значишь?
Я не тебя люблю!

ЛУННЫЙ СВЕТ

За окном туманная луна,
Как лунатик по небу плывет.
Будто ей очнуться не дает
Ночь, что так надменно холодна.

У луны сегодня странный свет.
Разливаясь плавно и легко
Он стекает словно молоко
На домов неясный силуэт.

Можно, если очень захотеть,
Лунный свет в ладони зачерпнуть,
Осторожно поднести к губам, глотнуть
И свободной птицей улететь!

РОМАНС

В такую ночь рождаются стихи,
И звезды спят, и слова не хватает.
А за окошком снег летает-тает,
И переулки памяти глухи.

И ты молчишь и слушаешь едва,
Рассеяно глядишь куда-то мимо.
И тикают часы неумолимо,
И замирают чуткие слова.

Но если странной показалась, если
Не понял ты, подумай, не спеши,
Остаться ли тебе в просторном кресле,
В уютной полусумрачной тиши.

Но если обращения души
Навеяли тебе тоску и скуку,
Тогда дай, на прощанье, милый, руку
И этот дом покинуть поспеши.

Владимир КОРКУНОВ

* * *

зачем мне сны
если я не могу разделить их с тобой

* * *

Ты во мне всегда — сердцебиением,
ярко-близким, звёздочным теплом.
Проживаю каждое мгновение —
им обогащая скудный дом.

Не забуду. Чистые и быстрые,
как молитва — блики на воде.
Каждый шаг к тебе придётся выстрадать,
каждый день.

Ну а если вечер будет приторен
и слова свернутся в молоко, —
я уйду как небыль. Станет призрачно
и — легко.

* * *

Я хотел бы пройти с тобой
через сто ворот, сто крестов;
через боль
и через неравный бой.
Я — готов.
Чуешь — подступает мгла,
расцветают призраки.
Ты одна бы их могла
одолеть. Но тяжела
одиночки роль — и зла
по вернейшим признакам.
Страхи расцветут — цветков
сохнет и волнуется.
И бежит тревожный ток
по февральским улицам.
Где твоё окно, скажи?
Кем твой вечер полнится?
Что мне эти этажи,

если голову кружит
и кристальны помыслы?
Вот моя рука — берись —
крошкой в небо вросшая —
Вот моя рука и — жизнь.
...чувствую ладошку...

* * *

Принцесса сказок, ты была ли рядом?
Тебя, быть может, ветер нашептал?
Тропинка, что манила листопадом,
в безвыходную чашу завела.

И я стою. Один. В оцепененье.
Ловлю ладонью след твоей руки.
И вспоминаю разговор последний,
и улыбаюсь лесу — вопреки.

ВИНОГРАД

С.Д.

За всё ей платить, тяжело и возвышенно...

Римма Казакова

Виноградом слов — неуместные,
В пыли, робостью ли сплелись, —
Вызревает луна из месяца,
И признанием — белый лист.
Оттого-то они безвременные,
Безнадёжные, безничейные,
Что ночами ещё неотрёванные,
Не изведавшие мучения.
Высоко их храню и бережно,
Приглашая тебя вкусить, —
Недозрелых соцветий нежности,
Перезрелой — лозы.

* * *

Кукла на витрине — среди безделиц,
на неё смотрит девочка.
Не понимает — зеркало перед ней
или погибшая накануне сестра.

* * *

Мы были рядом — в капище цитат,
развалов книг — библиотечной гамме.
...Так отчего который день подряд
я говорю с тобой — горю! — стихами?

И почему из грусти мы пришли,
за тишиной, сминаемой закатом?
Из Пришвина, из Лондона — вдали
ступив на землю, бывшую цитатой?

* * *

И если ждать — я чувствую: стареет
твоя рука в объятьях наших рук.
Мы — в центре зала. И молчать скорее,
чем говорить велит вагонный стук.
Потом дорога — вплоть до пересадки,
чуть суетливое объятие на бегу.
...Мгновением в тебе не я останусь —
Метро и горькость полусжатых губ.

* * *

В законье, в разбуженном шорохе палой листвы,
потерялись твои шаги —
(даже тени закутались в кроны).

Там — машины на восемь рядов, здесь — на два.
Я считал до пяти,
а потом отвернула иконы.
И так тесно мне стало в этой пустой душе,
в оболочке поддушной, которая пахнет тобою.
Я потом разучусь забывать о тебе. (Это гордость шуршит
По ночам, задевая опять за живое.)
За пока ещё могущее сострадать,
за пока ещё помнящее посекундно...
Но уже перешедшее что-то... И поздно вспать,
невозможно.
И как прелюдия
перед чем-то сложным (да нет — простым),
навевающим в душевной комнате паранойю,
Я уйду — где неслаженный веток ритм
Не даёт увязаться с покоем.

Я буду спокоен.

* * *

С.Д.

Девятый сон лови (как бабочку с оторванным крылом!).
В многоэтажном холоде и зное
меня в твой сон случайно занесло —
обрывочный, сумбурный, беспокойный.

Я был там. Затираясь и скользя —
по мысли тонкой, рвущейся местами,
я силился сквозь сон тебе сказать:
«Проснись», — но, обронённые меж нами,

истёрлись мысли, разошлись по шву;
и, отражённы смутного касаясь,
я исчезал — во сне и наяву — в рассветной мгле, бродя
по стоптанному краю.

Евгений ЛУКЬЯНОВ

ЗАДУМЧИВЫЙ ВОЛК

Пасхальный рассказ

Первый день Пасхи. Солнышко играет, пробиваясь сквозь
только что распустившуюся древесную листву золотисты-
ми лучиками. В заново отстроенной сельской церкви празд-
нично звонят колокола, возвещая всей твари о воскресшем
Спасителе. Колокольный звон доносится до слуха охотника,
не помышляющего ни о какой молитве. В церкви ему до-
велось побывать всего один раз — на собственных крести-
нах, вскоре после которых храм святого Власия строители
светлого будущего растащили по бревнышкам.
«Славный должен быть денёк, — размышлял охотник,
пробираясь сквозь чащу с выдавшей виды двустволкой.
— Тепло, хорошо, на небе ни облачка. То-то настреляю
сегодня зайцев!»

Но сколько ни бродил он по лесу, зайцы не попадались.
Даже ни одна белка не встретилась. Да что белка! Хотя
бы ёжик где прошмыгнул, и то идти было бы веселее.
«Что за невезение, куда зверьё запропастилось! Одни пташ-
ки знай себе щебечут. А где звери, звери-то где!? Не иначе
как в своих норах Воскресение Христово празднуют...»

— Петрович, ты что такой хмурый? Радоваться надо! Христос Воскрес! — с добродушной улыбкой поприветствовал охотника появившийся из-за поворота Лука Демьяныч.

— Воистину Христос!

От неожиданного ответа старичок, шагавший со Светлой заутрени, остановился и слегка присел. Заметив недоумение Луки Демьяныча, охотник решил пояснить, как бы продолжая прерванные раздумья:

— Ну, то есть, ежели бы кто другой воскрес, то все бы так не праздновали.

— Да кто ж другой-то?!

— Мало ли кто. Человек никчёмный, или же, к примеру, осёл.

— Побойся Бога! Разве может осёл воскреснуть?!

— Сам собою, конечно, не может. Но дед мне, помню, рассказывал. Какой-то кардинал, архиерей то есть католический, воскресил осла одной вдовицы. А воскреснувший осёл так своего благодетеля уягал, что тот сам чуть Богу душу не отдал. Читал это дед в записках архимандрита, который по Святой Земле путешествовал. Не то Парфения, не то Порфирия.

«Ох и осёл же ты, Петрович! Да и где твой дед такое вычитал?!» — чуть было не выпалил Лука Демьяныч, но вовремя опомнился: в праздник всех праздников ему совсем не хотелось ссориться.

— Небось, дед-то твой ко Гробу Господню хаживал, раз такие книжки читывал. А ты вот, Петрович, даже на Пасху в церковь не зайдёшь.

— Нет, дед мой овдовел совсем молодым и по обету покойницы бабки ходил в Бар-град, к Николе-Угоднику. А книжки деду наш священник, отец Иван давал читать.

— Ну вот! Значит, уважал отца Ивана твоего деда.

— Ещё как уважал! И дед любил отца Ивана в гости приглашать. Вернулся когда из Бар-града, такого понарасказывал! Меня-то ещё на свете не было, а отец кой-чего запомнил. Он тогда хоть и мальчишкой был, но шибко любознательным. Так вот дед говорил про святого итальянского, Франциском его звали, как тот волка укротил. Волк-то был дюже хищный — кого ни увидит, тут же и загрызёт. Из домов выходить боялись и скотину взаперти держали. А этот Франциск встретил волка на дороге, да

так прямо его и попросил: «Брат волк! Не обижай никого, и тебя никто не обидит. Пойдём со мной в деревню, я скажу, чтобы тебя кормили и о тебе заботились». И надо же — волк послушался!..

— Вот так, Петрович! Стало быть, волк понятливей иного человека бывает. И святость вишь как чует.

— Так-то оно так. Да только отец Иван зачем-то прервал моего деда, вроде как ты меня сейчас, и начал его наставлять: «Ты, Данила, латинскими святыми не увлекайся. Католики — они всё же еретики...». На что дед — а он за словом в карман не лазил — отцу Ивану ответил: «Оно конечно, батюшка, католики может и еретики, но католички — есть даже очень ничего...».

— Эх, Петрович!.. — безнадежно махнул рукой Лука Демьяныч и заспешил домой.

Охотник же решил снова углубиться в чашу. Часа через полтора в просвете между деревьями показалась залитая солнцем поляна. Присмотревшись, охотник не поверил своим глазам: там, где кончались деревья, на самом краю поляны, возвышался пенёк. А на пенёке спиной к охотнику, сидя на задних лапах и подняв морду к небу, застыл как изваяние огромный волчище.

«Что за чудеса! Бывает, собака воеет на луну. Но чтобы волк, да к солнцу... Да волки вроде бы вообще башку задирать не умеют!» — пронеслось в голове у охотника. Но он поспешил отогнать прочь мешающие мысли. Добыча-то какая! Только бы не промахнуться! Охотник прицелился и выстрелил из левого ствола. Волк даже ухом не повёл. «Выше, выше бери!» — словно повинувшись невесть откуда взявшегося внутреннего голоса, охотник чуть поднял ружьё и снова нажал на курок. «Неужели опять промазал?!» — охотник уже не удивлялся тому, что двумя выстрелами не спугнул зверя, который продолжал сидеть, словно углубившись в безмолвную молитву.

Охотник перезарядил двустволку, подошёл к волку поближе и почти в упор выстрелил сразу из обоих стволов. Волк не шелохнулся. «Наваждение, что ли!» — подумал охотник и, перехватив ружьё, со всего плеча шандарахнул зверя прикладом по голове.

Волк опустил голову, повернулся к охотнику, пристально взглянул ему в глаза и произнёс:

— Ты что, совсем озверел?!

Анна ХАРИТОНОВА

* * *

Шито синими нитками
 Под балконом рядом с сиренью
 Хлопает полотно и кидается к небу
 А кудрявая брюнетка средних лет хохочет
 Там
 С балкона смотрит и улыбается
 (за ней тенёк и много комнатных растений)
 Ох, мальчишки под балконом
 Сушатся влажные простыни
 А в них как бабочки в сачок
 Влетают мальчишки
 Ох, мальчишки под балконом
 Теплые загорелые локти и шеи
 Весело вскрикивают от холода ткани
 Шито синими нитками
 А читают здесь, на юге, Крапивина?
 Шито синими нитками
 На простынь — атака с велосипеда
 Звонят-звонят мальчишки
 А женщина на балконе
 В цветах со сладким именем Роза
 В полосатом ярком платье
 Всё хохочет
 Столько счастья — что кричать?
 Ох, мальчишки
 Двор
 Дом, сирень, бельевая верёвка
 И на лавке сидит и шьёт
 Широкоокую синюю ткань
 Всё подкидывает с колен
 Вверх и хлоп-вниз
 Вверх и хлоп-на-руки
 Вверх и скользь-по-лицу
 И то мне кажется, что это юноша
 И то мне кажется, что это дедушка
 И то, мне кажется, — мужчина сорок лет
 Шито синими нитками

* * *

Длинные пальцы понуро свесились с ветки
На подлокотнике
Одна лишь ягода держится крепко на безымянном

* * *

Вы меня не теряйте из виду
Я весь вечер вам про себя улыбаюсь
У меня для вас глаза зеленеют карие
И целая библиотека для разговоров

Валерий ДУДАКОВ

ЛОШАДИНЫЙ ГОД

Глухой темнотой лунный диск заколочен,
Чуть светятся звёздные шляпки гвоздей,
В сей мир, что от века к годам приурочен,
Что так непредгадан, раним и непрочен,
Плывёт лошадиное царство теней.

И чёрным по синему плещутся дали,
И гривы вздымает гудящий поток,
Неведомо нам, на какие скрижали
Запишутся новые сны и печали,
Уж сыпет в мензурку прозрачный песок.

И стук подорожный подкова разносит,
Летит шарабан — от него берегись,
Будь в стремени прочен,
 нестойких — заносит,
Коса в этой жатве не знает, что косит,
Чтоб верным был путь,
 в Рождество помолись.

Растянется год чередой равномерной,
Цепочкой гирлянда протянется дней,
То с яркой искрою, то тускло неверно,
Так правит чудной на арене каверный
Степным табуном подгулявших коней.

И голос, что кличет: «В дорогу, в дорогу»,
Что с горних вершин, из прозрачных долин,
Нам будет в дороге пророчить подмогу,
Ведь ведомо только пресветлому Богу,
Кто времени жертва, а кто властелин.

ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ

Прошла зима, подчас не видишь просто
Как тягостно снег сходит в феврале,
И пятна, тая, мне напоминают остров,
Что рисовал я в детстве на стекле.

Его увидел как-то на картине,
Он в сизой дымке средь болот застыл,
Больной художник утра лёгкий иней
Нетрезвой кистью тонко выводил.

За Яузой, селеньем Богородским,
Тянулся остров к северным краям,
И, окружённый порослью неброской,
Приютом был лесных лосей стадам.

В наш пятый просек в век тирана злующий,
Когда живое, что стремилось в рост,
И было проволокой строгой и колючей
Оцеплено по человеческий рост,

Под летний вечер лоси забегали,
Прельщал их вкус черемухи хмельной,
И взрослые и дети их встречали
С испугом, но поили их водой.

Кто прав — пойми, но слушай, Боже правый,
В загоне тесном часто жить невмочь,
И рвали лоси проволокой ржавой
В слезинках жарких плачущую плоть.

Срывали губы гроздь спелых ягод,
Катилась кровь ложбинкой между мышц,
Но вкус свободы был зело так сладок,
И раздвигались тяготы границ.

ЗИМНИЕ ПРОВОДЫ

по В. Г. Перову

Обветшавшей зимой,
по проталинам чёрным, невытым,
Где лишь только нетрезвый ямщик
пробираться бы смог,
Всё кружится вокруг
вороньё неумолчною свитой
И вздымает рожки углы
чуть хмельной ветерок.

Будет спутником им
надышавшийся соком бродящим
Бесшабашно весёлый
весенний шальной шалапут,
И застынет слеза на глазах
и на дрогах дрожащих
В путь тяжёлый последний
лошадки тяжёлую кладь повезут.

И потянется след по равнинам
и снежным заносам,
По сплошной целине,
где во век не делилась межа,
Встанет зимнее солнце
холодным застывшим вопросом,
Псы завоюют по-бабьи,
от ветра хвостами дрожа.

Голос чей-то глухой
от нездешней немеренной силы
Тихо скажет: «Прости»,
со святыми покой отпоёт,
И коснувшись крылом
снежной кромки у края могилы,
В безвозвратную даль,
помолясь, навсегда позовёт.

Чья же это судьба,
видно лишних для жизни, немногих,
Прошумела и сгинула вмиг,
не оставив следа,

И монашья братия
 в чёрных одеждах и строгих
Им поклон отобьёт,
 прислонившись к кресту иногда.

ФРАГМЕНТ ВОСПОМИНАНИЯ

Памяти отца

Наверно, я «неправильный» поэт,
Писать бы о закатах и рассветах,
О Волге, Сене, Темзе, странах света,
Лирический в тиши надуть пузырь,
Но вылезает вдруг из тёмных дыр
Груз прошлого. Долги перед родными,
И наполняюсь мыслями иными,
Не близкими лирической стряпне,
Сложилась так поэзия во мне.

Отец прошёл войну. На фронте не был,
В атаки боевые не ходил,
В полку он зам. начальника служил,
А, впрочем, не рассказывал мне небыль.
Но вспомнил вдруг, как друга хоронил,
Подбитого и рухнувшего в поле.
Аэродром тот Суковым звался,
Приказ пришёл, и не своею волей,
А по приказу, самолёт взвился
И улетела с ветром «этажерка»
Бомбить Берлин. Никто не стал уж ждать
По всем тогда распространённым меркам
Его увидеть в Суково опять.
Вдруг глядь, — летит, но что-то косо, криво,
Биплан махает крыльями игриво,
Без бомб, с вооруженьем налегке,
Но вдруг внезапно падает в пике.
Взрыв, грохот, пламя.
В дырках вся фанера.
Покойся с миром, лейтенант Валера.
По чести лётный полк отпел бойца,
И выстрелы ружейные звучали
В тиши сентябрьской. В скорби и печали
Не видно было матери лица.

Вокруг не мало юных было лиц,
Был спилен из фанеры обелиск,
С войны минувла кажется уж вечность.
Отца уж нет. Не узнаю и фото
Его я сослуживцев. Грустно что-то,
И прошлое уходит в бесконечность.

ПОКЛОН КЁЛЬНСКОМУ СОБОРУ

Почерневшее кружево,
 кажется, что ты истлело,
Но крепки твои камни
 и в высь табернакли зовут,
Онемело пространство вокруг
 и в дерзании смелом
Твои башни бессменно
 на приступ небесный ведут.

Ты вонзаешься в купол
 тугой весь в зубуринах колких,
Выплывая из тверди земной
 в мир мечтаний и снов,
Как великий портной,
 шьёшь тончайшей небесной иглой
Плоть прозрачную серых густых облаков.

Не объять твои нефы обзором единым,
Начертал геометр их,
 любуюсь на солнечный свет,
Ты как веры маяк
 и спешат со всех стран пилигримы
Поклониться величию,
 сравнения которому нет.

Всюду плещется жизнь,
 но стоишь ты в молчании строгом,
Чуть колышется в терниях
 венчик на челе в алтаре,
И послушно судьбе
 в этом храме мы спросим у Бога,
Пусть укажет нам путь
 к вечной правде на этой земле.

РЕЦЕНЗИИ

Татьяна ГОРОХОВА

БЕЗ НИКОГО

Критические размышления о прозе Елены Комаровой, журнал «Знамя», повесть «Уроки игры на баяне», №4, 2011

**«Человеку нужен человек»
(Из фильма Андрея Тарковского «Солярис»)**

Трудно жить «без никого». Одиночество не всякому под силу. Поэтому среди себе подобных выбираешь, как кажется, родственную душу и влюбляешься. Но оказывается, что жить с такой «душой» тоже трудно, потому что различны привычки и взгляды на мир. Обо всем об этом по порядку, обстоятельно и подробно, вплоть до «ежедневной фиксации реальности» рассказывает современный автор в повести «Уроки игры на баяне».

Елена Комарова в истории о неразделенной любви наглядно показывает читателю, как непонимание женщины мужчиной перерастает единичную трагедию. За пре-

красно вывязанной тканью произведения явно виден этот страшный подтекст.

Противопоставление героини — «обывательницы» и героя — «революционера» подано через их взаимодействие вплоть до свадьбы. В результате складывается повесть, в которой знакомство — завязка, свадьба — кульминация и развод — развязка. На примере одной судьбы автор говорит о краткости любви между героями и о невозможности совместной жизни.

Все герои повести — одиночки. Димыч отнюдь не асоциальный тип с белым билетом. У него есть свой план действий. Он любит передовое кино, но уйдёт с картины через десять минут, если она ему не понравится, он читает книжки о героях 20-х годов и хочет так же все устроить в своей жизни: помогать бомжам вплоть до отдачи своего паспорта, жить с общими женами. Нравятся ему только героические натуры. Вот и Ленку он зацепил только потому, что она была членом организации «Милосердие» и ходила в дом престарелых. Однако образ жизни героев настолько различен, что не может не приводить к конфликтам. Димыч всегда занят: то носится с умственно отсталым Богданчиком, то с многодетными мамами, которых селит у себя. Вот в такого героя влюбляется героиня — обычная девушка из обычной семьи, учительница, тоже отстаивающая своё право на личную жизнь отчаянно, вплоть до отказа от любимого. Вначале он и она идут на взаимные уступки. Она соглашается принимать чужих людей, но только не делить свою любовь с другими женщинами. А он, неверующий, едет к батюшке за благословением на свадьбу. Кульминация наступает, когда больной Богданчик, подселенный к молодожёнам, ударил Лену, а потом ещё и мама Светка выговорила: «...Как вы могли Богдашку так выкинуть из дома? Я открываю дверь, а он стоит, как бомж какой с мешком! Почему Вы его выкинули? Отвечай! Почему по-человечески ничего сделать не можете?»

Все, точка, предел. Но оказалось нет — они ещё будут возвращаться друг к другу, проходить похожие круги, и все — таки расстанутся навсегда.

Остро жалко такого — голодного, раздетого, нигде не работающего, и, как казалось, «духовного», ведь он берет

уроки игры на баяне и хочет всем помочь. Героиня полюбила его «черненьким», и Димыч подумал, что Леночка — другая, а оказалось — «обывательница». Димыч объяснил свой уход тем, что чувство прошло, а Лена получила жизненный урок: есть предел терпения в любви, есть истинное и ложное самопожертвование, есть жестокость и красота. Осталась рана. Отсюда такая концовка: «Не могу только, когда в переходе играют на баяне...»

Героиня принимает единственно верное решение: для сохранения себя, своей души — уйти. В начале материнским чутьем почувствовав, что его никто не любил, с терпеливым упорством пыталась приспособиться к его образу жизни, однако, в чем-то главным изменить своему внутреннему миру не удастся. Трудно любить «духовного инвалида», который привык, чтобы с ним нянчились: мыли, стригли, одевали, спали. Образ главного героя — абсолютного эгоиста, ведущего паразитический образ жизни, не умеющего и не желающего брать на себя ответственность ни за кого, очень ярок.

«Был январь, а на нем только вытянутый свитер и никакого пальто. Он говорил, что закаляется и иногда ходит босиком по снегу. Он сутулился и на пальцы натягивал рукава». Этот портрет дан в начале повести.

А вот описание героя из другого места текста: «Под глазами были зелёные с желтизной круги. Он снял шапку — голова была ярко-белая и очень замерзшая». В кинотеатре Димыч тоже выглядит вызывающе: «Он стоял в углу, сутулился и улыбался. Ботинки у него были все белые от соли и обвязаны какой-то белой проволокой, по-другому они не держались».

Сюжет, в общем-то, незамысловат, да язык хорош — простой и глубокий, потому что о чувствах — которые в глубине. Сила повести — в обрисовке характеров, житейских ситуаций. Так и видишь героя и героиню — живых людей, да и другие — Богданчик, Светка, Федорыч, Алексей тоже узнаваемы. Вот перед нами портрет «необычного» Федорыча: «Он был весь какой-то смятый и совершенно пьяный. В коридоре не горел свет, мы натыкались на пустые банки и перешагивали через газетные кучи. На кухне текла вода и гудел кран. Федорыч лег на постель и укрылся шинелью. Он сильно извинялся за то, что очень

устал и ему нечем угостить. На столе стояла сковородка, залитая водой. Федорыч ничего не выбрасывал: везде были коробки, веревки, газеты. На полках книги по технике».

Минусы повествования, на мой взгляд, в длинноте повести, которая, тем не менее, затягивает в себя, в повторяющихся ситуациях, и ещё, может быть, в излишней сентиментальности: все-таки, не 18 век. А сила в том, что проза самобытная, голос автора особый. И в этом ступенчатом авторском видении — правда. 10 лет повесть пролежала на полке. Отлежалась, и, слава богу.

Проза Елены Комаровой — явление, прежде всего, эстетическое. Прозаики «поколения напоротых», то есть те, которым сейчас под 50 или за 50, так и остались стоять «особняком» в литературе. Яркие, самобытные авторы почему-то не вышли на литературный рынок, хотя и вошли в литературный процесс. Непонятость этого поколения литераторов, которое все же нельзя назвать похемингуэевски потерянными, лежит, прежде всего, в собственной личной инертности и отсутствии честолюбия, но еще и объясняется временными причинами: время такое сейчас — нелитературное.

Елена КОМАРОВА

БОГДАНЧИК

Отрывок из повести «Уроки игры на баяне»

* * *

Богданчика мать положила в психиатрическую больницу. Он ее избил, и она не выдержала. У Богданчика была шизофрения. Он учился в классе, в котором преподавал Димыч. Когда Димыч ушел из школы, Богданчик стал ему звонить и приходить с шахматами. Он приходил, выигрывал и уходил. Богданчику было двадцать два года. Маму его звали Светка, и она работала горничной в какой-то дорогой гостинице.

Больше о Богданчике я ничего не знала и думала, что он маленький и толстенький. Мы с Димычем пошли его на-

вещать. В больнице была долгая лестница. Попросили санитаров вызвать Богданчика. Он никак не шел, мы стояли в коридоре и смотрели в окно, как за цветком в горшке шел дождь со снегом.

Наконец он появился. Высокий, умный и очень красивый. Волосы у него были черные, почти синие. Он постоянно переступал с ноги на ногу, как негры перед забегом. Мы дали ему бананы, он начал есть, а шкурки отдавал мне. Он ругал мать, санитаров, и “придурков” по палате, которые его били. Санитар стал часто ходить мимо нас — значит, пора.

Богданчик пристально посмотрел на меня:

— Детей заводите будете?

Стало неловко, и я начала что-то говорить о том, как надо себя вести Богданчику, чтобы его не били в палате.

Богданчик ел бананы и капал слюной на рубашку. Из-за этой слюны он выглядел как больной. Димыч в этом коридоре показался мне каким-то не таким. Богданчик протянул мне на прощание растопыренную руку. Я ее пожала, она была совсем белой и слабой, как у маленького.

Когда мы опускались по долгой лестнице, я не знала, куда деть шкурки.

На улице мы посмотрели в окно, Богданчика в нем не было.

— Зачем ты ему там что-то говорила, не надо фальшивить, — сказал Димыч и посмотрел куда-то в сторону.

Мы долго ехали в автобусе, руки у меня были липкие, разговаривать совсем не хотелось.

— Надо бы к Светке сходить, а то она одна, ей без Богданчика плохо, — сказал Димыч.

Через несколько дней мы пошли к Светке. Она была совсем молодая, в красном халате. О Богданчике не говорили, а говорили о попугае, который сидел на шкафу и смотрел умным глазом сверху. В квартире была такая чистота, что, казалось, в ней жил только один попугай. Светка нас кормила борщом и наливала водки. Когда она запьянела, то начала плакать. Она сразу перестала быть молодой и стала матерью Богданчика, к которому

она ходит каждый день в больницу с жареной курицей. Муж уехал на заработки в Иран, девчонки на работе все сволочи, а Богданчик в сто раз умнее этого Димки, хотя ни в каком институте не учился.

Потом Светка вздохнула и попросила Димыча устроить Богданчика на какую-нибудь работу.

— А то ходит, паразит, по квартире туда-сюда, туда-сюда. И все. Хоть бы посуду помыл.

Богданчика скоро выписали, и он стал мне все время звонить и рассказывать про инопланетян. Когда мама звала меня обедать, я просила его перезвонить. Он перезванивал через четыре минуты:

— ...А, а я думал, ты уже поела. Ну, слушай дальше...

Иногда у него трубку отнимала пьяная Светка и начинала говорить, что Димка ненормальный и ходит рванный. И она его жалеет и дает ему рубашки, которые Богданчике малы. Светку останавливать я не умела.

Как-то Димыч пригласил меня к себе. Договорились встретиться в метро. Он стоял один, посреди зала на “Первомайской”, босиком. Я сделала вид, что ничего не замечаю. Мужчины, почему-то чаще, чем женщины, обобщались на него.

Я никак не могла понять, что скоро буду здесь жить: ходить в этот фиолетовый магазин за хлебом, а в тот желтый за молоком.

В квартире не было жилого запаха. Первым я увидела зеленый таз, а в нем будильник. Так он громче звенит. Книжки стояли в ящиках от фруктов, многие достались в наследство от пожилого мужчины, которому Димыч от собеса носил еду. Там было много книг про революционеров. В комнате была навалена разная мебель — брат делал ремонт и все ненужное свозил к Димычу. Оба телевизора не работали. Я запутывалась в каких-то проводах, которые валялись на полу.

На кухне стоял диван для гостей — из него торчали пружины.

В комнате было темно. Окно выходило на желтый пятиэтажный дом — спортивную школу. На улице никого не было. Мне тогда показалось, что осенью за этим окном

будет тоскливо.

Потом к Димычу приехала моя мама — смотреть, где будет жить ее дочь. Она сказала, что в такую “мрачность” она меня не отпустит. Решено было убрать ящики, поклеить новые обои и переставить мебель. На следующей неделе надо было идти расписываться в ЗАГС.

Как-то Димыч спросил, надо ли помочь родителям на даче. Оказалось, что надо копать. Мы договорились встретиться прямо в электричке, во втором вагоне. Он ехал от Киевского, я входила на Матвеевке.

Когда я вошла, Димыч читал. В нем чувствовалась какая-то отчужденность. Он сказал, что только что напротив него сидела девушка. Он написал ей записку, в которой сообщил, что он подал заявление в ЗАГС, давал номер своего телефона и просил ее позвонить, если она захочет.

Он все честно рассказал мне. Мне захотелось теперь же выйти из этого дурацкого поезда, и пусть этот дурацкий Димыч едет к своей девушке. Но я сидела на деревянной лавке и смотрела на елки. Родители ждали нас на даче. Он протянул мне записку, оказывается, он ее не отдал. Ну и что, это все равно ничего не меняет.

Он вдруг стал серьезным и сказал:

— Я хочу, чтобы у меня жило много людей, которым негде ночевать. И чтобы в комнате стояли нары и все жили одной семьей. И даже пусть мужья и жены будут общие, как в двадцатые годы. Мне нравится, что Федорыч всех пускает. Я только боюсь, что ты запишишь. Ты запишишь, скажи?

Я ответила, что не хочу никаких “общих” жен и мужей, а пускать людей согласна. И еще я что-то сказала о том, что хочу свой дом и детей. Мы в первый раз заговорили серьезно, и от этого было страшно.

— Его просто никто не любил, — говорила я сама себе.

На даче мы копали вместе. Димыч пел, а пел он красиво и тепло. Спина у него после зимы была бледная.

Я ждала Димыча в метро, он опаздывал. В ЗАГСе нам назначили на 11.00. Он прибежал в светлой рубашке.

Дама с белыми волосами вызвала нас в зал, мы растерялись и вошли в разные двери. Дама удивилась и пожелала нам счастья.

Позвонила Светка и сказала Димычу, что ей надо поехать на месяц к мужу в Иран, а Богданчика класть в больницу жалко, и надежда только на нас.

Мои родители были против, говорили, что мы только что поженились, что так не делается, что я не справлюсь с больным. Димычу было жалко Богданчика, и еще он говорил, что Светка оставит нам денег за сына. Отступать было некуда. Светка говорила, что Богданчик к нам очень рвется.

Я согласилась. Светка объяснила, когда и какие лекарства давать. Если будет агрессия, то дозу увеличивать, и главное — не забыть про укол, который ему должны сделать в середине месяца.

— Покупай все на рынке, смотри не эконоь, — крикнула на прощанье Светка.

Богданчик уже ехал.

Было третье октября. Время пошло. Я сказала Димычу, что надо срочно сделать щеколду в нашу комнату, в ванну и в туалет, Димыч посмотрел на меня снисходительно, но начал делать. К приезду Богданчика все было готово. Богданчик пришел веселый, с черной сумкой и пакетом, из которого торчали шахматы. Мы начали раскладывать вещи — рубашки хрустели от чистоты, Богданчик никак не мог решить, куда можно положить шахматы. На окно он поставил четыре тома Хаггарда. И начал быстро ходить по квартире и говорить:

— Димка, сыграй со мной скорее... Димка, сыграй со мной скорее...

Мы поели, Богданчик ел с большим аппетитом и все хвалил. Мне казалось, что нас стало как-то сразу много и квартира сделалась более жилая.

Как только я пошла в ванную, Богданчик побежал к двери и стал изо всех сил дергать:

— Ленка, открой быстрее, мне надо высморкаться!

Так было каждый раз, и я все время боялась, что щеколда сломается.

Таблетки Богданчик принимал покорно. Их лучше было запивать кефиром или молоком, и поэтому Богданчик часто ходил в кефирных усах.

Богданчик спал на кухне на диване для “гостей”. Когда мы завтракали и убегали на работу, он еще лежал. Я его будила, и он при мне выпивал таблетки и громко кричал: — Только быстрее приходите, а то скучно.

С работы я торопилась домой.

— Меня ждут, у нас сейчас Богданчик.

Богданчик стоял уже на пороге и улыбался. На сковородке жарилась яичница. Я готовила ужин и начинала проверять сочинения.

Богданчик приходил и стоял рядом, переминаясь, как негр на старте. Я понимала, что проверять бесполезно, и Богданчик начинал рассказывать про инопланетян. Когда он сильно волновался, то мог весь вечер говорить одну фразу:

— Ленка, ты в бессмертие веришь? Ленка, а Ленка, ты в бессмертие веришь?

После девяти я начинала ждать Димыча. Он не шел, только звонил, что скоро выходит. Богданчик приносил доску и учил меня играть в шахматы, объяснял он здорово. Димыча не было, и у меня начиналась тоска. Богданчик говорил, что он сейчас обязательно придет. Ужин остывал окончательно.

Когда Димыч приходил, Богданчик бежал навстречу и громко кричал:

— Димуля пришел! А мы с Ленкой тебя ждем! Садись ужинать!

После ужина Димыч играл на баяне. Если было очень поздно, он выходил на улицу, на школьный пустой двор и играл там. Возвращался замерзший и не хотел играть в шахматы. Богданчик стал обижаться, а Димыч стал ему выговаривать, что он ничего не делает по дому. Однажды он заставил Богданчика мыть посуду.

Богданчик открыл кран на всю мощь и вялой кистью стал водить по тарелке. Димыч стоял рядом и учил, как надо держать тряпку. Я вызвала его в комнату и сказала, что Богданчик больной человек, и его надо оставить в покое.

Богданчик приставал с шахматами. Димыч отказывался. Богданчик звонил ему на работу; Димыча не подзывали. Я все время готовила: Богданчик любил поесть.

Вечерами мы сидели за одним столом и ждали Димы-

ча. Богданчик помнил, что заболел в десять лет. Вышел из дома, что-то услышал и все-все сразу понял. Так и заболел. Потом он вспомнил, что во втором классе ему нравилась девочка, которая сидела с ним за одной партой. Он запел какую-то детскую песню. У него было здоровое умное лицо.

Днем Богданчик ездил в Сокольники. Я должна была ему выдавать деньги на мороженое. Остальные Светка велела хранить у себя. Богданчик часто подходил к шкафчику и спрашивал, сколько еще осталось.

Иногда он ходил в кино. Как-то он сходил, посмотрел какой-то фильм про любовь. Когда пришел домой, то стал глупо улыбаться и хихикать.

Димыч разочаровался в Богданчике и перестал с ним разговаривать после того как понял, что Богданчик ленивый.

Богданчик часто нервничал и не мог уснуть, тогда он звал меня. Я гладила его по голове, он улыбался и скоро засыпал.

Однажды ночью он неожиданно вышиб замок в нашу комнату и включил свет. Димыч начал орать. Богданчик сжался и вышел. Это стало повторяться все чаще.

В коридоре Богданчик стал прижимать меня к стене, я звала Димыча. Он кричал, что Богданчику надо жениться и приставать к своей жене. Димыч ревновал, а я прятала улыбку.

Иногда звонила Светка. Богданчик волновался и не мог уснуть. Я боялась пропустить день укола.

Один раз я взяла его с собой за картошкой. В очереди Богданчик зашумел, быстро устал и сразу уехал в Сокольники.

Димыч приходил все позже. Я плакала. Богданчик это видел, подходил и спрашивал:

— Ленка, ты что плачешь? Ленка, ты что плачешь?

Часто он называл меня “цветочек аленький”, и ему нравилось, как у меня пахнут волосы от шампуня.

Когда Богданчик уезжал к родственникам смотреть футбол и оставался у них на два дня, в квартире было тихо. Комната казалась большой. Мы с Димычем долго сидели вечером на кухне. Богданчик звонил и сообщал счет.

Когда он возвращался, я опять быстро бежала с работы,

и в квартире начинало пахнуть котлетами.

— Ленка, а мне тут у вас веселее, чем дома. Если мать умрет, вы меня в интернат не отдадите? Я ведь с вами буду жить, правда?

Однажды я спросила его, что он говорит, когда нас нет дома и звонят ученики.

— Ленка и Димка еще не пришли, — хитро улыбнулся Богданчик.

Наступил день укола. Я купила шоколадку сестре, и Богданчик поехал.

Часто мы вместе шли до метро: я ехала на работу, Богданчик в Сокольники. Он брал меня под руку и нес сумку. В это время он никогда не разговаривал и был важный. Иногда только просил купить мороженое.

Димыч его не замечал. Ситуация нагнеталась. Я ждала Светкиного приезда. Богданчик жил у нас уже месяц. На вид он заметно поправился.

Наконец Светка позвонила и сказала, что послезавтра приедет. Богданчик сорвался. Он ходил из комнаты в кухню и из кухни в комнату. Чувствовалось, что ему очень плохо. Я его успокаивала, но ничего не помогало. Когда я увеличивала дозу, то ничего не менялось, и я просто сидела с ним рядом.

На следующий день выяснилось, что Богданчикова электробритва сломалась, а Димычина его не берет. Станком он бриться боялся, Димыч начал его брить, но ему надо было опять на работу. Богданчик мотал головой, и я боялась его порезать. На подбородке и на шее у него так и осталась щетина. Собрали вещи, Хаггарда связали и сложили в отдельную сумку. Богданчик сидел на диване и ждал. Время у него не шло.

Вечером Димыч и Богданчик о чем-то заспорили.

Богданчик не мог заснуть и громко ходил по кухне. Я дала ему еще таблетку. Он лег. Ночью он вошел в нашу комнату, и включил свет, и стал хохотать. Димыч вскочил, выкинул Богданчика из комнаты и выругался. Потом извинялся передо мной. Богданчик опять стал ходить по кухне и чем-то греметь.

— Ленка, я есть хочу!

— Лежи и не ходи, — сказал Димыч.

Когда Димыч задремал, я пошла к Богданчику и что-то

ему приготовила. Он съел несколько ложек и сказал, что ничего не хочет. Мне казалось, что он меня ненавидит.

— Мама скоро приедет, спи.

Утром мы проспали. Я вскочила в ужасе. Через пятнадцать минут надо было выбегать на работу. Я начала трясти Богданчика:

— Быстрее, быстрее.

Он не вставал. Оставляя их вдвоем с Димычем я боялась больше всего. Светка уже приехала, и я начала записывать оставшиеся вещи в сумку. Светкино одеяло почему-то не помещалось в прежний пакет, тогда Димыч как-то так завязал пакет с одеялом, что получился страшный мешок с веревкой. Богданчик совсем разорвал Светкину простынь, и я не знала, что с ней делать, и тоже положила ее на всякий случай в сумку. Надо было выбегать, и я сказала, что ключ от квартиры надо забрать.

Богданчик удивился. У меня тряслись руки. Димыч отцепил наш ключ от Богданчиковой связки и закрыл за нами дверь.

Мы бежали к метро. Дождь со снегом царапал щеки. Мешок с одеялом был тяжелый.

На “Арбатской” мне надо было выходить. Я отдала Богданчику мешок, и мы попрощались.

Вечером я пришла домой. Было чисто и пусто. Я легла и закрылась с головой одеялом.

Потом позвонила Светка.

— Где Димка?

— На работе.

— Я ему голову оторву! Как вы могли Богашку так выкинуть из дома?! Я открываю дверь, а он стоит, как бомж какой с мешком! Почему вы его выкинули, отвечай? Почему по-человечески ничего сделать не можете? Рваную простынь мне в сумку засунула! Он же пакет с книжками в яму уронил! Он сам, дурак, поперся в вагон, где много народу, и выронил, когда выходил. Муж приедет, он же меня убьет за книжки! Богашка поехал сейчас опять в метро, может, их достанет. Почему Димка его не проводил?! Почему он у нас ключи взял? А я вот смотрю, нашего ключа на связке нет. Где Димка? Как он с моим сыном! Гад такой. Я-то думала, я Богашку к друзьям отправляю, а вы? Ты что, не могла кормить его нормально?

Он говорит, что голодный был. Какая ты хозяйка фиговая, стирать не можешь. Я вам, как людям, сервиз привезла. Думала, посидим по-человечески. Я сейчас милицию вызову. Пусть этот твой и отвечает. Если он мне не позвонит и не скажет, где мой ключ, я его засажу, пусть жизнь узнает. Он, может, меня обокрасть хочет, я его же не знаю совсем!..

Я бросила трубку. Позвонила Димычу и сказала, что мы перепутали ключи, наш оставили, а Богданчиков отсоединили, надо срочно ехать к Светке.

Димыч стал говорить, что уже одиннадцать и мы можем опоздать на пересадку. Я закричала, что успеем, встречаемся на “Арбатской”. У меня было бешенство.

На улице выла вьюга.

На “Арбатской” Димыч сказал, что Светка, наверное, уже спит.

— Только не бери сервиз! Ничего не бери!

Больше меня ничего не волновало. Пусть сегодня, сколько бы это сегодня ни продолжалось, все это наконец закончится.

Светка долго не открывала. На пороге она стояла сонная в ночной рубашке.

— Вы, ребята, что? с ума сошли? Я думала, вы утром приедете, мы чайку попьем. Я вам сервиз привезла, помидорчиков. Богашка уже спит. А у тебя, Ленка, откуда такое пальто новое, сколько стоит?

— Свет, прости за беспокойство. Но ты, кажется, очень волновалась.

Эту фразу я продумала еще в метро, а в автобусе ее повторяла.

В метро я заснула у Димыча на плече.

Следующий день был выходной. Я долго спала. Меня разбудила Светка:

— Лен, одной рубашки не хватает.

Я побежала на кухню, Димыч пил чай. Оказалось, что один раз он надевал Богданчикову рубашку, когда ходил на какую-то конференцию. Она висела в шкафу на вешалке.

Светка ждала у телефона.

— Богашка уже оделся и сейчас за ней приедет. Жди.

Димыч уезжал к одной пожилой писательнице и велел

мне с Богданчиком не разговаривать.

Я осталась одна. В дверь скоро позвонили. Богданчик вошел. Я отдала ему рубашку.

— Что коза, рада, что из дома меня вытолкала!

Он подошел и схватил меня за грудь. Я его оттолкнула. Он ударил меня по лицу, и я упала. Было больно, и я заорала не своим голосом.

— Сволочь!

Дверь осталась открытой, Богданчик сбежал по лестнице.

Я почти ничего не видела. Очки разбились. Других не было. Я отползла в угол между кроватью и шкафом. Мне казалось, что меня сейчас вырвет. Тело ныло. В комнате было темно. Димыч придет поздно вечером. Я ненавидела Богданчика, себя, Светку и больше всех почему-то писательницу, у которой сейчас был Димыч.

Позвонила Светка. Она испугалась и просила не говорить Димычу, а то он “убьет Богашку”.

— Я ему, дураку, сейчас дозу увеличу. А то он опять злой стал. Только не говори ничего своему!

Позвонил один Димычин друг и спросил, почему я реву. А я его спросила, очень ли старая писательница. Он ответил, что очень. И что она еле ходит, и что от нее никогда скоро не уедешь.

В квартире была тишина: соседи не смотрели телевизор, и на улице не кричали мальчишки. Димыча не было.

Он пришел в двенадцать. Когда он вошел в комнату и сел рядом, я уткнулась в него, и он показался мне очень родным.

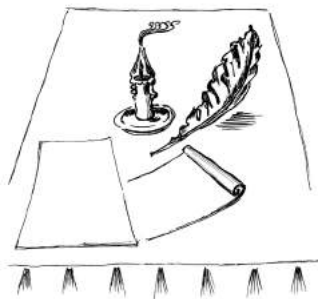
Писательнице он чинил кофеварку.

Светка позвонила через два дня. Я вежливо сказала, что пишу программу и очень занята.

Богданчик больше никогда не звонил. Он очень гордый, и он все-все понимает.

Мы стали жить спокойно. Я уже не бежала домой, там все равно никого не было. Димыч возвращался поздно. Я мало куда ходила, кроме работы, и мне казалось, что если я буду сидеть дома, то у нас будет семья.

НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗНАКОМСТВА

Анастасия ЗАЙЦЕВА

SCHERZO

Интересно в гардеробе театральном
Взять чужое чьё-нибудь имущество.
Не за тем, чтобы разжиться. Незачем.
Но и не издёвки ради, право же.
Шапку не свою одеть и варежки,
И пальто, и шарф, пусть даже старенький.
В сумке обнаружить чьи-то записи,
Чьи-то телефоны, фотографии.
Обзвонить знакомых, маму, бабушку...
На цветную глядя фотографию,
Разглядеть себя, возможно. Кто же я?
Подивиться скучной жизни. Может быть,
За себя порадоваться, важного.
Всё вернуть. Понять, что все мы разные.
А себе оставить то, что нажито.

МОЕ МОРЕ

Море мое неуемное, грозное,
Море мое не ласкает, а скалится,
Море мое уже очень холодное,
Не замерзая, от судорог мается.

Море мое закипает, и с волнами
Выдавить тщится из брюха соленого
Память о лете с зелеными кронами,
С терпким шуршаньем песка раскаленного.

Море мое укрывается тучами,
Словно периной, и спать собирается.
Море мое не такое уж юное,
И в передышке зимою нуждается.

ХОЛОДНОЕ

Закончились свечи любви,
И спички вымокли.
Я окна открою —
А там тишина и снег.
И звёзды как в маленьких
Ящичках заколочены
В прохладную облак туманность.
И я для всех
Такая же непрозрачная
И холодная,
Смотрящая вглубь
Хрусталиками зрачков.
И свет мой болит внутри,
Но теплом не тронутый,
Пролиться не хочет
В сумерки чьих-то снов.

* * *

Рассыплется звонким аккордом стаккато,
Расплещет по комнате капельки звуков,
Согреет рассветом, укроет закатом,
Попробует сети дневные распутать...
Лениво касаясь простуженных клавиш,
Топочется вечность у вольфгангских тропок.
А музыка окна откроет нам настежь,
И может быть станет не так одиноко
Ей плыть в бесконечность, живя лишь мгновенья,
И радуясь всякой возможности слова,
А после молчать, пока пыл вдохновенья
Её не разбудит озябшую снова.

* * *

Если ты меня забудешь —
Забывай, я всё сносила!
Пела песни, била в бубен,
По дорожкам моросила...
Выцветала. Разбегалась...
Была в стены! Холодела.
Запиралась — фонарями
Глаз потухшими глядела.
Была рюмки, сны сжигала,
На маршрутках колесила,
Нить пространства изгибала,
Наше имя разносила
В клочья, в палочки и точки,
В зыбь, в труху... марионеткой
В разных позах застывала.
Наконец-то на пол веткой
Осыпалась новогодней...
Поле битвы расчищала.
Забывала, что сегодня
Утро я уже встречала.
Изучала танцы предков,
Забывая в пол минуты.
Одевала краски лета
На осенние маршруты...
Если ты меня забудешь —
Забывай, я всё сносила.
Ведь забыв, ты не узнаешь,
Что со мной всё это было.

КОРОТКО О ЖИЗНИ

Фонари растворили в себе
Тень.
День похож как близнец на другой
День.
Тень не вырвется — узок круг света
Для
Ощущенья свободы. Укоры
Зря
Мы бросаем неведомой нам
Судьбе,

Что дарами её овладеть
Вполне
Не способны. И бьёмся в тисках
Огня
От ещё не угасшего
Фонаря.

ЦУНАМИ

Если бы я была цунами,
И в хлесткой сыворотке с водной
Пересекаясь рукавами
Стезей, не шла своей походкой.
А, распаяясь, свирепая,
Неслась, не зная что творила,
То, верно, вырваться б сумела
В суставах скопленная сила.
Та, что запретна в человеческой
Междоусобице законной;
Та, что в сердцах гнездится вечно
Тяжелой мощью запялённой.
Я б ощутила зов природы
Не так как смертные создания.
Пила бы силу, словно воду,
С рук мироздания.

ЦВЕТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Рассветая, расцветает мир предцветными мазками.
Цвет не вызревший, не спелый, растуманен сизым
сном.

А рассеянное солнце, на стезю свою ступая,
Заливает зримой силой заалевший небосклон.

И с роскошеством расписан, испещрён узором зыб-
ким,
Знойный воздух в серость будней разливает красок
сок.
Солнце сонно разрешает свету с цветом снова
слиться
И свой путь пройти обратный за закатный гори-
зонт.

ГЛАЗА ВОЙНЫ

Темны глаза её и люты,
И взгляд тяжёл.
Во взгляде: «Левой! Левой! Левой!»
И взвод прошёл.
Во взгляде тонкое пиццанье
Летящих пуль.
Во взгляде мертвое молчанье,
Больничный гул...
Во взгляде тысячи бесплодных
Навек полей.
Во взгляде дом опустошенный...
Вой матерей.
И запах гари. И сон тревожный
В рассветный час.
И дрожь от холода, стона, боли,
Живущей в нас.
И глаз её бы не видеть вовсе,
Но стопы жжёт
Земля мощеная чьей-то кровью
В свинцовый год.

Валерия ИСМИЕВА

* * *

Ещё два-три часа назад
Был угол чёрен, бел квадрат

Окна, всплывающего в свет
Сквозь череду ночей и лет,

И неохотно рыхлый мрак
Впускал мотор и лай собак.

А нынче небо под уздой
Горячих струн роняет зной

На седину камней и крыш,
На голых веток сушь и тишь,

И шпарит жаром тротуар
Прохожих рой. И шип фанфар

Авто, охрипших в толчеях
Привычно мелет в пух и прах

Узоры жизни лёгких сфер.
А где-то рядом, взяв размер

Три четверти, скользит душа
Озоном лёгких рифм дыша.

* * *

Он играет ноктюрны Шопена.
А она, перештопав носки,
Видит: пена, всегдашняя пена
Гонит к берегу странствий куски

В виде мачт, кучи трюмного хлама
Да обломков каких-то досок.
Судеб мира высокая драма
Зарывается ветром в песок.

Он играет прелюдии Баха.
На плиту выкипает бульон.
Надуваясь как парус, рубаха
Рукавом задевает балкон.

Вот и звезды взошли, и вернулись
В запредельные ясли свои,
И, качнувшись, прищепки коснулись
Млечно-облачной колеи.

Сняв бельё и усталым движеньем
Крутанув горизонт на оси,
Говорит она (утра скольжение
Придержав): «А теперь — Дебюсси».

МАТЕМАТИКА

Ищу себе — доброго? Верного?
Да, но прежде того — соразмерного.
Это совсем не то,
Чтобы обоим пальто —
Как влитое —
На-двое.
Другое:
Со-размерность как со-размеренность.

Собранность и — со-вверенность:
 Ритму, жесту,
 Дыханию, месту.
 И — со-размирённость —
 С миром — уединённость.
 От-решённость — от мира — в мире,
 Когда двое — почти четыре:
 В отражениях друга в друге,
 За кругом — и в круге:
 Ваятель — и глина —
 Кто — чья — половина?
 Едины вдвойне —
 Не как на войне
 Спиною к спине:
 Лицом к лицу — в мире.
 И — шире:
 Открытыми — на четыре
 Стороны все, как есть,
 И на пять и на шесть —
 Со-звучно, всеми частями —
 Изгибами и углами,
 Со-мирно и со-Божественно.
 Со-множественно.
 Даже в том, что
 Пока и уже
 не-
 художественно.

ОКАЯННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Сколько раз я скиталась по этой стране —
 Скрежетал на суставах мороз в январе,
 В феврале — окровавленным лаем гнались,
 В марте — горькую пили и тупо дрались,
 По апрельской распутице шла на аборт,
 В мае слушала песню про Ванинский порт,
 По июню бросалась под пьяный обрез,
 А в июле срывали нательный мой крест,
 Август скрёб в иступление иссохшую твердь,
 И гремела костями голодная смерть,
 В сентябре палачи заносили топор,
 В октябре провожала друзей за бугор,

В ноябре — кандалы, кандалы, кандалы,
 В декабре — вороньё — и пробитые лбы..
 В этом круге рождений и лютых смертей
 Я рожала и вновь хоронила детей,
 По горячей Владимирке шла босиком,
 Забываясь в бреду с косяком, с босяком.
 Видно тот календарь Богом проклятых лет
 Нам на шею, как мельничный жернов, одет,
 И по кругу его всё опять и опять
 Кружит всё, что осталось ещё потерять,
 И без слёз Воскресенья и света любви
 Душу рвут на куски окаянные дни...

* * *

Я мечтала весь год оказаться у моря,
 Чтобы слушать, как шепчутся Тетис с Ураном,
 И качать на волнах полегчавшее тело,
 И в небесное ухо гексаметры вздохов
 Посылать, сизой далью глаза освежая.
 Ну и что же? Пожалуй, отпустит столица!
 Всюду гомон, и сплетни, и пина колада.
 Там вот шопинг с дисконтом солидным заманит,
 Тут — под пьяную лавочку душу откроют.
 И, конечно, желудка услада и мука —
 Ол инклюзив с напитками прямо на пляже,
 Где рукою подать до шезлонгов на гальке,
 До зевоты за книжкой под визги малюток.
 Чёрт попутал меня перепутать все зовы!
 Вот топчу я прилежно мальтийские камни,
 Вот торгуюсь над огненно-рыжею курткой,
 Вот позирую ради картинки на память..
 Может быть, этот отдых и вправду удался?
 Ведь на Северный Полюс зарплаты не хватит...

...А ночами летит над открытой террасой
 Из далёкой и ветреной Гипербореи
 Дикий скиф, восседая на крупе Пегаса,
 Достает ноутбук и читает Нерею
 «Одиссею», а с ней заодно и «Улисса»,
 Пересыпав цитатами из Оссиана.
 Лунный серп. Ледяная свеча кипариса.
 Шум прибоя. Безмерная тьма океана...

* * *

Когда горит осенний луч
Сквозь грань советского стакана,
Как упоительно-тягуч
Миг созерцания! Как пряно

Играют запахи в саду,
И дышит небом паутина.
И робко в бытовом аду
Души встрепещется осина.

ДЖАЗ ДЛЯ МАКРЕЛИ С ДУДУКОЙ (вместо прощания)

Ничего нового: карандаш
Туп, подскакивает в колее
Колеса памяти — и не дашь
Больше пятнадцати ни тебе, ни мне:
Что столбцы, что повести... За окном
Левитанской лирикой звенит апрель.
Быт, буксуя, бытийствует. Говоришь — дурдом
Если рыбой-парусником взлетит макрель?
Вопреки названию, из тугих волн
Вырвет тело, швырнёт, не зря румбы,
Ледяному норд-осту...

...Железный чёлн,
Взрезав окоём цвета умбры,
Стягивает бредень координат:
И, в зрачке подпрыгивая, горизонт
С двух сторон взрывается. Волн набат.
Перспективы схлопывается зонд.

Даже не история, и не жест —
Просто: в гушу туш — шлёп на дно в шлюп...
Разве что поэт, ковырнув жесть
Чешуи, узнает стон живых губ.

ПУБЛИЦИСТИКА

Ирина ЧЕЛИКАНОВА,
Рязань

ДЕЛО ВУДКИ

*О нелегальной организации,
созданной в 60-ые годы в СССР.*

ИЗ ВИКИПЕДИИ: Группа революционного коммунизма (ГРК) — нелегальная марксистская организация, объединявшая студентов Саратова, Рязани и Петрозаводска. Организация была создана в Саратове 13 октября 1967 г. и существовала по 1969 год.

Организаторами ГРК являлись саратовские студенты Александр Романов, Олег Сенин, Валентин Кириков. Среди активистов были Виктор Бобров, Михаил Фокеев, Дмитрий Куликов. Саратовская группа в основном объединяла студентов Саратовского юридического института и Саратовского государственного университета. Общее число людей, причастных к деятельности организации, только в Саратове достигало нескольких сот человек.

Были разработаны устав ГРК и программа. В качестве программы Группа революционного коммунизма использовала брошюру «Закат капитала» Юрия Вудки (псевдоним — Л. Борин), лидера подпольного кружка в Рязани.

Участники ГРК руководствовались марксизмом-ленинизмом, социал-демократическими идеями, но в практической деятельности ориентировались также на общедемократические и либеральные ценности, налаживали контакты и с правозащитным движением в Москве, других городах.

Члены организации занимались изучением и размножением самиздатской литературы, а также готовили самостоятельные обзоры диссидентского движения в СССР. В

1969 году в состав ГРК вошли подпольные студенческие группы из Рязани и Петрозаводска. Саратовской группой ГРК были также предприняты попытки установить связи с подпольем Киева.

Группу ГРК в Рязани возглавлял студент Рязанского радиотехнического института Юрий Вудка, в Петрозаводске — Александр Учитель.

В своей деятельности члены ГРК соблюдали конспирацию — подпольные клички, псевдонимы, пароли, тайнопись.

ДЕЛО ВУДКИ

Тайны архивов КГБ

Благочестивая общественность и бдившая партийная номенклатура в конце 1969 года оказались близки к шоку: под сводами Рязанского радиотехнического института в течение двух лет беспрепятственно орудовала группа студентов-антисоветчиков во главе с теоретиком Юрием Вудкой. Заговорщики нагло вербовали членов своей тайной организации в студенческих центрах страны — Москве, Ленинграде, Киеве, Саратове, Петрозаводске... Из дела Вудки в отдельные производства выделились дела Олега Сенина (Саратов), Анны Климовой (Москва), Александра Учителя (Петрозаводск).

Политический процесс завершился в Рязанском областном суде в феврале 1970 года. Более двадцати лет дело хранилось за семью печатями в архиве госбезопасности и только летом 1992 года, когда Прокуратура России реабилитировала участников тех событий, стало возможным узнать правду (или частицу той правды), которая, словно травинка сквозь асфальт, пробивалась через суконные фразы следственных протоколов.

Приговор

19 февраля 1970 года в 20 часов 30 минут в деле группы антисоветчиков Юрия Вудки была поставлена точка. Распавшиеся мальчишки, опоённые воздухом хрущёвской вольницы, поменяли звание студента на титул политзаключённого.

Судебная коллегия по уголовным делам Рязанского областного суда установила:

«Вудка Ю.В., Грилюс С.А., Фролов О. И., Мартимонов Е.Я., Заславский С.И., Вудка В.В. в 1967-1969 годах проводили антисоветскую агитацию, пропаганду и организационную деятельность в целях подрыва Советской власти, распространяли в тех же целях клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, хранили и распространяли в тех же целях литературу антисоветского содержания. Неоднократно совместно обсуждали вопросы практической антисоветской деятельности, создания аналогичных групп в других городах СССР, передачи антисоветской литературы за границу, соблюдения конспирации и преступной деятельности».

Приговором суда по ст. ст. 70 ч. 1 и 72 УК РСФСР осуждены:

— Вудка Юрий Вениаминович, 1947 года рождения, токарь завода «Рязсельмаш», студент-заочник радиоинститута — к семи годам лишения свободы;

— Вудка Валерий Вениаминович, 1950 года рождения, студент 3 курса радиоинститута — к трём годам лишения свободы;

— Грилюс Симонас Аронович, 1945 года рождения, сменный инженер Клайпедского морского рыбного порта, выпускник радиоинститута — к пяти годам лишения свободы;

— Мартимонов Евгений Яковлевич, 1948 года, студент 4 курса радиоинститута — к трём годам лишения свободы условно с испытательным сроком пять лет;

— Заславский Семён Михайлович, 1948 года рождения, студент 4 курса радиоинститута — к трём годам лишения свободы с испытательным сроком пять лет.

Кончились игры в мифическое большевистское подполье, началось обживание реальных мест заключения.

Физики и лирики

Теоретик и вдохновитель антисоветской группы Юрий Вудка приехал в Рязань из Павлограда, имея за плечами учёбу в машиностроительном техникуме, квалификацию станочника и неудачную попытку попасть в столичный вуз. Как и многие иногородние первокурсники, снял квартиру в частном доме на улице 1-ая Линия и сломя голову

кинулся в водоворот желанной студенческой жизни. На «литературных вторниках» в институте быстро сошёлся с Олегом Фроловым. Общее приращение к студенческой многотиражке и увлечение поэзией заставили их искать более тесных отношений друг с другом.

Однажды, в начале 1967 года, Юрий Вудка пригласил Олега к себе на квартиру. Обсуждали недавно изданные стихи Евтушенко, а хозяин прочитал самиздатовскую вещьцу поэта, которую выучил наизусть (теперь это стихотворение на смерть Сергея Есенина хорошо известно). От литературных и философских споров перешли на политические темы: и ещё больше понравились друг другу, обнаружив сходные критические оценки существующего порядка в стране.

На допросе следователю КГБ Олег Фролов признавался: «Я самостоятельно пришёл к выводу о необходимости изменения существующего строя в СССР в сторону демократии. К формированию таких взглядов послужили отдельные события внутренней жизни в нашей стране, а именно: развернувшаяся кампания в нашей прессе против деятелей культуры, в частности, против Евтушенко, методы устранения Хрущёва как деятеля государства и другие действия, на мой взгляд, нарушающие демократические принципы и свободы».

Юрий Вудка тоже захаживал к другу домой, но редко. Видимо, чувствовал некоторую недоброжелательность отца Фролова, вовсе не жалующего поэтов. Для родительских опасений были веские основания. После одного вечера в студенческом кафе, куда Олега пригласили читать стихи, вернулся он домой с расквашенным носом и разбитыми очками. С тех пор отец думал о поэтах исключительно как о людях несерьёзных, скандалистах, мешающих сыну овладеть наукой. Юрий Вудка тоже писал стихи, его тоже приглашали на поэтические чтения, и за одно это отец Фролова относился к их дружбе подозрительно. Если бы он знал, какое страшное пламя раздуют откровенные литературные беседы, он бы и вовсе не пускал друга-искусителя на порог. Но он об этом даже не догадывался.

На одной из поэтических встреч друзья сошлись на идее организовать кружок единомышленников, активно не

приемлющих лживую действительность. Олег Фролов переговорил со школьными приятелями, тоже ставшими студентами радиоинститута, — Семёном Заславским и Евгением Мартимоновым. Их даже не пришлось «вовлекать», потому что Олег уже все уши прожужжал им про своего нового друга, обладающего оригинальным мышлением.

С Симонасом Грилюсом Вудка познакомился ещё раньше, чем с Фроловым, приблизительно в начале осени 1966 года. Поскольку им уже овладела мысль о группе единомышленников, он внимательно присматривался к своим знакомым. Грилюс долго не воспринимал теоретические выкладки своего идейного наставника, ошарашенный их откровенностью. Лишь постепенно с большим трудом Симонаса удалось переубедить и привлечь к практическому участию в нелегальной работе.

Последним в тайный кружок вошёл младший брат Вудки — Валерий. Поступив в 1967 году в тот же радиотехнический институт и волею обстоятельств вынужденный делить с братом частный угол, парень мало-помалу заражался общим настроением по переустройству общества. Сразу же возникла необходимость где-то собираться, чтобы открыто обсуждать свои идеи. В мае 1967 года встретились на даче родителей Жени Мартимонова. Поскольку предстоящая экзаменационная сессия требовала подготовки, то здесь же листали конспекты и обменивались политическим суждениями. В приговоре областного суда эта встреча грозно называется «сборищем сообщников», где Юрий Вудка выступал с «клеветническими измышлениями на советский и общественный строй».

Если положить перед собой школьные и институтские характеристики «подельников», то возникнет впечатление, что они рассказывают об одном и том же человеке — так похожи между собой ребята, типичные «шестидесятники», неуёмные, любопытные, жаждущие познания, равно увлечённые физикой и литературой.

«Проявляет большой интерес к современной физике, увлекается научной и научно-популярной литературой». «Уделял много внимания общественной работе, принимал участие в художественной самодеятельности, был внештатным корреспондентом газеты «Радист», вы-

ступал в составе факультетской команды по шахматам. Увлекается поэзией, писал стихи, многие из которых были опубликованы в институтской газете «Радист». Это о Юрии Вудке.

«Принимал активное участие в студенческой научно-исследовательской работе, был членом молодёжного отдела газеты «Радист». Это об Олеге Фролове.

«Активно участвовал в олимпиадах по математике, физике, химии, в воскресниках, художественной самодеятельности, в проведении встреч КВН». «Учился только на «хорошо» и «отлично». Одну из сессий сдал только на «отлично». Это о Семёне Заславском.

«Вежливый, правдивый, много решал сложных задач, особый интерес проявлял к физике и математике». «Характер спокойный, несколько отличается скромностью». Так оценивается Евгений Мартимонов.

«Проявил замечательные способности к математике, физике, химии. Умение логически мыслить, делать собственные теоретические выводы». «Имеет первый разряд по шахматам, играет в теннис. Сдержан, уравновешен, скромен». Так характеризуется Валерий Вудка, младший брат Юрия.

Что представлял из себя Симонас Грилюс, к моменту ареста уже закончивший институт и работавший в Клайпеде, нетрудно понять из его собственных показаний: «Во второй приезд (в Рязань) Вудка вечером (я приехал на два-три дня) предложил мне пойти к одному книголюбу, у которого сказочно богатая библиотека. Он предупредил меня, чтобы я не ляпнул бы при нём что-либо плохого о Пушкине, то есть из рецензии Писарева на «Евгения Онегина»... Просто это рафинированный интеллектуал чистейшей пробы. Книги и содержание бытия... Приехали мы вечером в Приокский посёлок. Сам я не запомнил, так как вели меня Юрий Вудка и Валерий Вудка. В комнате-библиотеке были бородатый высокого роста хозяин и хозяйка. По стенам стеллажи с книгами. Юрий Вудка вёл с хозяином библиотеки литературную беседу. А я с Валерием Вудкой набросились на книги. Я попросил книгу с речами русских революционеров на судах — Халтурина, Желябова и т.д. и читал взахлёб. О чём беседовал Юрий Вудка, не помню, да и не слушал. Мне завтра надо

было уезжать, и я глотал страницы уникальной книги. При выходе Вудка сказал, что в Рязани это клад — иметь возможность читать такие книги».

Явка с повинной?

По официальной версии дело Вудки началось с покаянного заявления в органы КГБ одного из участников группы — Семёна Заславского:

«Под влиянием неправильной оценки некоторых исторических и политических событий, а именно: событий 1937 года, развенчания культа личности (в период конца 1966 — начала 1967 годов), а также в дальнейшем неправильной оценки «еврейского вопроса» в СССР и, наконец, событий в Чехословакии 1968 года, у меня возникли взгляды, противоречащие официальному курсу и линии партии, антисоветского характера.

Вначале это взгляды были бессистемны и непоследовательны. Аналогичных взглядов придерживались мои близкие друзья Мартимонов и Фролов, с которыми я иногда обсуждал вышеупомянутые вопросы. Но затем. Приблизительно в середине 1967 года, я познакомился с Вудкой, который тоже высказывал антисоветские взгляды, но в более законченной и последовательной форме. От него я услышал несколько фактов, которые якобы подтверждали существование евреев в СССР в дополнение к тем, что я знал из советской литературы (в частности из произведений Эренбурга). От него я получил... машинописный текст с письмом Эрнста Генри Эренбургу, в котором Генри укоряет Эренбурга в чересчур мягком отношении к культуре личности и приводит некоторые данные и цифры.

...С течением времени наши взгляды приняли более конкретный и законченный характер, поскольку у Вудки... существовало подобие теории, обосновавшей эти взгляды, которую он впоследствии излагал в рукописной работе «Закат капитала» под псевдонимом Л.Борин...»

Не стану цитировать, в каких словах и выражениях винился далее двадцатилетний «антисоветчик» и что обещал стражам государственности в лице работников КГБ, — подобным покаянием рано или поздно заканчивалось общение всех ребят со своими следователями.

Однако изучив собственноручное заявление Семёна За-

славского, трудно уверовать, что писано оно человеком, явившимся с повинной. Слова выведены неряшливо, нервно, с зачеркиванием и вставками. Поля неровные, некоторые листы не дописаны до конца, как будто их переписывали и вкладывали дополнительно. Невозможно отрешиться от впечатления, что составлялось покаянное заявление не дома, по трезвому размышлению, осознанно, а в казённом кабинете под присмотром, если не под диктовку, «куратора». На это указывает и сумбурность, отрывистость изложения. Так и кажется, что человек-невидимка задаёт вопросы, оставшиеся «за кадром», а человек во плоти на них письменно отвечает.

Впрочем, это моя версия, в которой я ещё больше укрепилась, когда обнаружила, что и «объяснение» другого «подельника» — Жени Мартимонова написано на тех же характерных листах белой бумаги, видимо, вынутых из одной и той же пачки, по тому же образу и подобию. Не нужно быть особенно наблюдательным, чтобы среди протоколов следствия отыскать любопытный документ, с которого наверняка и началось дело Вудки. Началось не в Рязани, а в Саратове. Не летом 69-го, а двумя годами раньше.

В Саратовском юридическом институте учился друг Юрия Вудки — уроженец Шацка Олег Сенин. Там и открылся для него и его единомышленников путь на отечественную Голгофу. А происходило это так. Однажды после занятий студент решился на откровенный разговор с уважаемым им преподавателем. Нюансы такого общения хорошо видны из заявления декана дневного отделения в управление КГБ по Саратовской области:

«...Сенин сказал, что я критиковал его за плохую сдачу зимней сессии и объяснил это тем, что он разболтался и перестал заниматься. Однако это объясняется другими причинами. Я спросил, чем же это объясняется. «Я писал работу», — ответил он мне. Я поинтересовался... Сенин ответил, что в моей статье (он назвал сборник) он прочёл, что бюрократизм способствует взяточничеству, и решил заняться выяснением сущности бюрократизма.

...Я ответил, что мне было бы интересно посмотреть работу. Сенин поставил условие: никому работу не давать, а возвратить в тот же день. Он повторял это несколько раз.

Я сказал, что работу никому не передам.

...Через несколько дней он зашёл ко мне в кабинет... и передал работу.

...Вечером, придя домой, я открыл работу и обнаружил, что её содержание отличается не интересными исследованиями, новой постановкой вопросов, а антисоветской направленностью. Меня это возмутило, я просмотрел работу до 22-23 часов и утром, придя в институт, пошёл к ректору и передал ему тетрадь Сенина, объявив при каких обстоятельствах она ко мне попала.

...Когда Сенин пришёл ко мне, я ему сказал, что тетрадь возвращена не будет, объяснил причину такого решения. Сенин был крайне взволнован, он обвинял меня в нечестности, непорядочности, в том, что не сдержал слово, и т.д. Я говорил Сенину, что как советский человек и как коммунист не могу позволить, чтобы такая писанина имела хождение. Я попытался объяснить ему, что он методологически неправильно использует работы классиков марксизма-ленинизма, забывая, что отдельные высказывания были сделаны по конкретному поводу, в конкретных условиях.

Я интересовался, являются ли выводы, положения, содержащиеся в работе, его убеждениями или нет. Сенин на этот вопрос не дал мне ответа... Он спросил, где находится тетрадь. Я сказал (как и было договорено с ректором), что тетрадь у него. «Тогда я пойду к ректору!» — заявил Сенин.

Когда Сенин узнал о том, что тетрадь ему не будет возвращена, он мне заявил, что за ним уже наверняка следят из КГБ. Я ответил, что туда я не сообщал. «Я вам не верю!» — был ответ Сенина.

Между тем в КГБ, действительно, поспешил заявить не декан, а пекущийся об альма-матер ректор — это подтверждают даты на документах. В своей первой объяснительной вызванный в управление госбезопасности Олег Сенин нёс явную околесицу. Он хотел усыпить бдительность оперативников, рассказывал о случайном попутчике в поезде, который и вручил ему эту тетрадь с условием выслать её обратно по адресу: «До востребования».

Он хитрил и оборонялся, выводя следующие строки:

«Моё отношение к работе таково: в ней раздута до огромных размеров отрицательная сторона, умышленно обхо-

дятся положительные стороны действительности, которых масса. Таким образом, она лишена объективности — это самый существенный недостаток. В ней выражена явная тенденциозность.

Причина, которая побудила дать мне эту тетрадь, заключается в том, что я хотел выяснить её действие на человека трезвого, объективного подхода к действительности. Его реакция убедила меня окончательно в том, что идеи, там выраженные, неприемлемы для людей нашего общества».

На этом как будто инцидент и был исчерпан. Работники госбезопасности Саратова явно не из-за лени не стали раскручивать юного карбонария. Текущий момент не побуждал к излишнему служебному рвению — хрущёвские разоблачения культа личности раскрепостили общество, зарядив его невиданной доселе тягой к свободомыслию. Мальчика отпустили восояси, но крамольную общую тетрадку и объяснительные аккуратно сложили в папочку — до лучших времён (в смысле, до худших). Ввод советских войск в Чехословакию заставил не в меру расширившихся граждан примолкнуть, а стражей государственности расправить мундиры. Только молодая поросль, цветение которой совпало с хрущёвской оттепелью, продолжала своё максималистское буйство. Тетрадочку вынули из-под сукна, и маховик прежней, хорошо отлаженной машины подавления вольнодумства пошёл стремительно набирать обороты.

Трактат «Закат капитала»

Загадочная тетрадь, изъятая у Олега Сенина в Саратове, в материалах следствия именуется антисоветским трактатом «Закат капитала». Под псевдонимом Л.Борина скрывался студент-заочник Рязанского радиотехнического института Юрий Вудка. В соответствии с переменчивой обстановкой в стране первоначальный вариант, составленный в 1967 году, дорабатывался и обновлялся. Мне довелось читать фотокопию 1968 года «издания». Написанная провинциальным студентом-технарём, «работа» имела все основания для гнева и паники партийно-государственной элиты, ибо покушалась на все её святыни разом. Даже то, что стремящийся к на-

учности Юрий Вудка снабдил своё произведение непостижимым обилием цитат из искренне почитаемых им классиков марксизма-ленинизма, только усиливало критическую направленность трактата. Наивные, путанные «философские» выкладки автора меркли в сравнении с безукоризненно точными характеристиками современного бытия и пророческими прогнозами, которые помогал ему делать трезвый ум, хотя и не освобождённый от большевистских догм и марксистских мечтаний о коммунистическом благоденствии. Иные положения «Заката капитала» убийственно правдивы и словно списаны с сегодняшнего дня.

«За полвека после смерти Ленина, — писал Вудка, — марксизм был превращён властью имущими в безвредную икону, за которой они обдывают свои реакционные дела. ...У нас в стране, где жестоко подавляется малейшее оппозиционное течение, где растоптаны свобода слова, печати, собраний, союзов, совести, где пресса только и занята воспеванием каждого решения власти, где даже ручные «Советы», освещённые торжественной комедией выборов, являются бесправным придатком тоталитарной партийной машины, не может быть и речи о демократии. Значит, система политического управления целиком опровергает бюрократическую мифологию о полной победе социализма и, наоборот, ясно доказывает, что в стране господствует государственный капитализм. Смешно выглядят идеологи Запада, которые ругают социализм, указывая пальцем на Восток. С тем же успехом можно объявить сумасшедшим Юлиа Цезаря на том основании, что такой-то сумасшедший величает себя Юлием Цезарем».

Ещё одна крамольная мысль, наводящая на аналогию (события в Чехословакии), не могла остаться незамеченной политическими цензорами:

«Советские «советники» до 1956 года были полными хозяевами стран так называемой советской демократии, создавая там, смещая и перетасовывая марионеточные полицейско-бюрократические правительства».

Студент-заочник, токарь по профессии своим умом дошёл до необходимости децентрализации экономики страны:

«Децентрализация в корне противоречит фундаментальным принципам диктатуры бюрократии. Однако развитие экономики под угрозой кризиса требует предоставления всё более широких полномочий хотя бы директорам предприятий, вплоть до свободного ценообразования и конкуренции между предприятиями... В этом случае позвоночный столб государства — партийный аппарат, вместе с венчающим его ЦК, оказывается экономически совершенно излишним и, следовательно, явно обречённым на гибель. Именно поэтому так робко, с таким множеством оговорок и перестраховок осуществляет бюрократия каждый шаг экономической реформы...»

Из приговора Рязанского областного суда:

«Вудка Юрий Вениаминович... в целях пропаганды враждебных Советской власти взглядов в мае-июне 1967 года написал антисоветский программный «трактат» «Закат капитала», в котором опорочивается советский государственный и общественный строй, изложены программные установки по созданию на территории СССР антисоветских нелегальных кружков и групп по проведению агитации и пропаганды, организации забастовок, демонстраций и восстаний с целью свержения советского государственного и общественного строя.

...С целью распространения антисоветской литературы организовал её размножение. В 1967-1969 годах совместно с Фроловым, Грилюсом, Заславским, Мартимоновым и Вудкой В. изготовил 34 экземпляра «Заката капитала». Если следовать нормам брежневского права, «клеветнические измышления» Юрий Вудка допускал на каждой странице своего трактата. Это касалось устройства государства, национальной политики, международных отношений, армии.

«При социализме весь народ учится военному делу. Но для этого вовсе не надо запереть юношей на 3-4 года полуторные казармы и заставлять их заниматься идолопоклонством перед каждым военачальником».

«Клеветал» Вудка и на славное колхозное строительство: «Хронический застой, даже регресс нашего сельского хозяйства, который происходит вопреки огромным материальным затратам на его подъем, вопреки внедрению техники, в первую очередь, был вызван несоответствием

производительных сил и производственных отношений деревни».

«Антисоветские нападки» делал неистовый правдоискатель и на отца народов:

«Вершиной сталинской национальной политики был геноцид в отношении чеченцев, ингушей, крымских татар, немцев, калмыков и др. Целые нации вместе с их ещё не родившимися детьми обвинялись в «предательстве», лишались всех прав и выселялись в Сибирь».

Нет, сегодня никого откровениями не удивишь, насытились люди и публичными покаяниями, и исповедаями. И все-таки эти провидческие озарения, открывшиеся девятнадцатилетнему парнишке в эпоху всеобщего «одобрямса», не могут не потрясти.

«А король-то голый!» — объявил он во всеуслышанье, обнаружив призрачные социалистические одёжки.

«Вместо равенства возрождается феодальная система привилегий, бюрократическая сословная иерархия», — писал Юрий Вудка в «Закате капитала».

Закон и власть могли бы посмотреть сквозь пальцы на подражательские попытки мальчика своим трактатом потягаться с родителем «Капитала», не будь на страницах разительной, неприличной правды, сотрясающей устои её величества Системы.

Пока свободой горим...

Вызов в КГБ, накануне дня отъезда в Черновцы, когда Юрий Вудка как бы сложил с себя полномочия группы и назначил преемника, застал его врасплох. Судя по всему, служба госбезопасности опасалась, что жертва ускользнёт и тщательно расставленной сети, и торопилась.

29 июля 1969 написано «покаянное заявление» Заславского, 30 июля — «объяснение» Мартимонова, в тот же день возбуждено уголовное дело и впервые допрошен Юрий Вудка. Столь стремительное развитие событий можно бы объяснить гениальным сыскным чутьём следователей, если бы не знание чекистских традиций до последнего не раскрывать карты, действовать наверняка. И «покаянное заявление», и «объяснение» единомышленников Вудки нужны были следователям в качестве формального повода для возбуждения уголовного дела.

Эта «ширма» скрывала истинные источники информации, без «стукачей» и слежки здесь не обошлось. Иначе как же оказались среди первых листов дела саратовские доносы учёных мужей, а также крамольная тетрадь с антисоветским трактатом «Закат капитала», исполненная рукой автора?

Несмотря на внезапный арест, Юрий Вудка держался мужественно.

— Вы подозреваете в проведении антисоветской агитации, то есть в совершении и преступления, предусмотренного статьёй 70 часть 1 УК РСФСР. Что Вы можете показать в связи с этим? — спрашивал следователь на первом допросе.

— Я понимаю, в совершении какого преступления подозреваю, но отвечать по существу вопроса отказываюсь до тех пор, пока мне не предъявят конкретных фактов моей вины, — парировал подозреваемый.

— Назовите ваших знакомых в Рязани? — нажимал следователь.

— На этот вопрос я тоже отказываюсь отвечать, отказываюсь объяснять причины этого, — не поддавался Вудка. Он был очень неудобен для следователя — не только потому, что обладал твёрдой волей, но и потому, что имел «устаревшие» понятия о чести. Из допроса в допрос отказывался Юрий называть многие имена, упрямо оберегал людей, которых, по его мнению, нельзя было «трогать», — одних за то, что давно отошли от группы, других за то, что обзавелись семьёй, третьих — как Александр Солженицын — за то, что велики, значительны и заслуживают уважения.

— Пояснений никаких давать не буду, — упорствовал арестованный после месяца допросов, — так как человек, который напечатал первые страницы «заката капитал», никакого отношения к деятельности антисоветской группы не имеет.

Вудка мог позволить себе не отвечать на вопросы следователя, потому что «болит» голова, потому что не дают свидания с братом, потому что в следственном изоляторе его незаслуженно посадили в карцер на 5 суток, обвинив в преднамеренной поломке радиодинамика. В нём не было животного страха перед своими стражниками — в

условиях несвободы он пытался оставаться свободным, пытался пророчествовать, излагая собственную теорию построения общества.

«Мы действительно собирались вместе, вели разговоры на политические темы, — дерзко возражал он следователю на допросе, — но я не считаю эти разговоры антисоветскими, так как сам я сторонник Советов. Я допускал высказывания против политики существующего у нас правительства в экономической области. Считаю, что у нас слишком большая централизация в управлении экономикой. В отношении Коммунистической партии Советского Союза я высказывал мысль, что наступает время, когда общество может обходиться без партии с её нынешними функциями».

На два десятилетия опередил время студент-провидец, угодив за свои откровения в последний брежневский эшелон «узников совести».

«Я считал, что в настоящее время в Советском Союзе нет социализма, а существует государственный капитализм, — разжёвывал на допросе Вудка основные положения «Заката капитала». — Правят страной в СССР не представители народа, а бюрократическая верхушка. При существующем положении вещей в СССР нет демократии, существует тоталитарная система управления государством, которая в период культа личности Сталина была похожа на фашистскую диктатуру. После этого в стране произошла некоторая демократизация, но не в полной мере. По-прежнему остался госкапитализм...

Во внешнеэкономических вопросах я был не согласен с политикой СССР по отношению к Чехословакии. Ввод советских войск в ЧССР я расценивал как вмешательство во внутренние дела, нарушение суверенитета, стремление сорвать построение в ЧССР социализма...

Я полагал, что в Советском Союзе есть предпосылки для появления в будущем рабочего движения против существующего строя. Для того, чтобы этому рабочему движению, когда оно появится, придать сознательную направленность, я решил организовать группу людей, которые могли бы правильно направить это рабочее движение».

Искалеченное дитя своего времени, вскормленное кратким курсом ВКП(б), Юрий Вудка, с одной стороны, чув-

ко улавливал тончайший намёк на грядущие перемены в обществе, а, с другой, скажем так, имел пережитки большевизма в сознании.

«Суверенитет», «демократия», «децентрализация», «тоталитарная система» — это типичный словарь горбачёвской перестройки.

«Рабочее движение», «предпосылки», «Сознательность масс», «госкапитализм» — атрибуты эпохи Ульянова-Ленина.

Все эти несочетаемые понятия странным образом уживались в «Закате капитала». Чтобы приблизить демократию, Вудка с товарищами избрали тернистый путь большевиков-нелегалов со всеми вытекающими отсюда последствиями — просветительской работой, распространением листовок, вербовкой новых членов и... тюрьмой. Если тайная студенческая организация существовала как бы понарошку и, кроме неразборчивых фотокопий трактата, особой революционности к брежневскому конституционному строю не выказала, то тюрьма оказалась самой настоящей, взаправдашней.

На вступительных экзаменах в радиоинститут сочинение Юрия Вудки начиналось словами: «Воля и труд человека дивные дивы творят», а заканчивалось утверждением: «Вперед коммунизм» (именно так значится в следственном протоколе).

Один день Александра Исаевича

Зимой 1967 года в комнате Симона Грильяса в студенческом общежитии № 1 радиоинститута проходили литературные посиделки. Компания была привычная — Юрий Вудка, Олег Фролов, Семён Заславский. Правда, на этот раз в центре внимания неожиданно оказалась гостья — студентка Рена Красик, которая похвалилась знакомством с писателем Александром Солженицыным.

«Мы загорелись интересом, — вспоминал Грильяс. — Просили рассказать подробно о Солженицыне-человеке. Но она толком рассказать ничего не могла. Честно созналась, что сидела, раскрыв глаза, и глядела на писателя. Он был гостем у них дома — у отца... Мы знали Солженицына как писателя. Хотели узнать его как человека. Вудка предложил Рене Красик устроить нам с писателем

встречу. Она согласилась».

Первым визит на квартиру Солженицына оказался неудачным.

Из показаний Рены Красик:

«Нас встретила его мать и сообщила, что Солженицын в Москве, придет в конце месяца. Она попросила оставить, кто был и по какому вопросу. В записке написали, что приходили студенты РРТИ и что хотелось бы побеседовать».

Встретиться с Солженицыным удалось только в марте 1968 года. Визит тщательно планировали. Решено было взять с собой фотокопию «Заката капитала», но с бухты-барахты не показывать, а сначала поговорить о жизни, выяснить взгляды писателя и только при благоприятных обстоятельствах предложить ему познакомиться с работой. Говорить с Солженицыным должен был Юрий Вудка. Рена Красик и Грильяс служили бутофорией — «литературный отдел при газете «радист» радиоинститута». Это было почти правдой, так как все трое состояли в молодёжном отделе многотиражки.

Открыла дверь старушка. Впустила в коридор, сообщила Солженицыну о гостях. Он вышел из комнаты, ближайшей к выходу, поздоровался и сказал, что любит заниматься со студентами. Принимал Александр Исаевич ребят в комнате с роялем. Как и договаривались, инициативу взял на себя Юрий Вудка. Он затеял разговор о призвании писателя, о его роли в истории. Упомянул Достоевского и Чернышевского. Поинтересовался у Солженицына, есть ли необходимость в марксистском осмыслении современности. Мнение Александра Исаевича ему было крайне важно, потому что он верил, что писатели всегда внутренним чутьём предвещают исторические события.

Солженицын ответил, что целесообразность анализа современности бесспорна, но усомнился, что эта благородная миссия по плечу молодым людям, к тому же студентам технического вуза, а не гуманитарного. И вот тут-то Вудка представил своё детище — «Закат капитала». Солженицын был очень удивлён — вещь подержал в руках, полистал, но не оставил для детального знакомства, сославшись на страшную занятость, а также некомпетентность в политэкономии. Зато он порекомендовал знако-

мого московского литератора, который в состоянии дать работе истощающую критику. Вудка записал фамилию и номер телефона.

Прощаясь, студенты попросили у писателя почитать «Раковый корпус» или что-нибудь из его произведений, но он отказал.

Конечно, визитёры были разочарованы, они тешили себя надеждой найти авторитетного единомышленника, покровителя, может быть, учителя. Им было невдомёк, что за каждым шагом писателя велась тайная слежка, и он сознательно ограничивал круг своего общения.

Возможно, итоги похода к Солженицыну ребятами внимательно анализировались. Так или иначе, но весной следующего года младший брат Вудки — Валерий прочитал «Один день Ивана Денисовича» и, передавая книгу приятелю, не мог удержаться от собственных комментариев — Солженицын тоже критикует существующий в Советском Союзе строй, но он никогда не будет действовать против него активно, потому что «толстовету».

Между тем фамилия гонимого писателя красной нитью проходит через ряд томов следственных материалов по делу Вудки. Работников госбезопасности интересовало одно: читал Солженицын «антисоветский трактат» или нет? А участники встречи, как назло, давали путаные взаимоисключающие показания, причём Юрий Вудка пытался отрицать даже сам факт встречи. Силовики во что бы то ни стало жаждали «зацепить» крамольного писателя, но студенты не давали для этого достаточного повода — антисоветскую работу Солженицын не читал, у себя дома не оставлял.

Конечно, можно было бы спросить у самого Александра Исаевича, но в качестве свидетеля его вызвать не осмелились, то ли опасаясь едкого пера литератора, то ли предвидя скандал, который могли раздуть западные журналисты, поддерживающие «узника совести».

Сэм, Юст и другие

«Ручные» Советы в условиях тоталитарной системы, по мнению Юрия Вудки, не могли привести к радикальным переменам парламентским путём. Оставалась одна надежда — на революцию, на организованное рабочее дви-

жение. Произойдёт это не сейчас, а лет через двадцать (то есть аккурат в 90-х годах). А до той поры нужно развивать сознание масс, готовить их к решительному шагу. Словом, всё как у Ленина. Настольной книгой для деятельности в этом направлении Вудка выбрал всё то же гениальное творение вождя пролетариата — «Что делать?» Позаимствовал у большевиков и методы нелегальной работы с тайственной перепиской, паролями и явочными квартирами.

Сподвижники Юрия Вудки, хотя и признали «Закат капитала» в качестве теоретического осмысления современности, были не сильны в философских формулировках, а посему наставнику приходилось проверять знания ленивых учеников. Сбор на даче родителей Мартимонова, именуемый в судебных документах как «сборище собишников», как раз и преследовал эту цель.

Основная задача, которую поставила перед собой группа Вудки — всё те же шесть человек плюс Олег Сенин — тиражирование и распространение «Заката капитала» и тех тринадцати статей, которые написал их лидер в дополнение к главному своему труду.

Перепиской работ студенты занимались в пустых аудиториях радиотехнического института, а также в комнате Грилюса в общежитии. Впоследствии купили пишущую машинку в Москве. Размноженные экземпляры тщательно прятали. Заславский хранил литературу в подвале дома. Мартимонов закапывал в землю на даче родителей. Вудка прятал у себя в комнате в закрытом чемодане и зарывал в сарае во дворе дома, где снимал квартиру. Фролов держал «антисоветчину» в специальном месте в шкафу. Как истинные конспираторы, братья Вудки устроили на случай ареста «сигнализацию» — на окне их комнаты стояла детская книжка на польском языке «Домик сказок». Если книга исчезала с подоконника, то участники группы не должны были заходить в дом. Сигналом опасности одно время служил грифель от карандаша, который братья вставляли в щели ворот во дворе, но хозяйские ребятишки часто ломали его, и от этой затеи пришлось отказаться.

Между собой студенты договорились, что Юрия Вудку будут звать Юст, Фролова — Смолин, а Грилюса — Сэм,

но эти вымышленные имена применялись редко. Чаще использовались подставные фамилии в почтовых корреспонденциях. Обычно Юрий предварительно просматривал все письма,

Которые приходят на адрес радиотехнического института, и придумывал такие имена, которые в почте не попадались. Принадлежали они, как правило, особам прекрасного пола — Вислина, Вадимова и др. Текст посланий тоже подделывался под женский стиль и непременно заканчивался характерными дамскими штучками типа «Жду ответа, как соловей лета».

Название своей нелегальной группе ребята так и не дали. Юрий Вудка предлагал именовать её «Группой пропаганды марксизма», Олег Фролов — «Союзом коммунаров», но суета каждодневных дел отвлекала от этого несущественного вопроса.

Внимание шестёрки сконцентрировалось на размножении статей, трактата и листовок. Искали надёжный способ, но каждый предлагал нечто оригинальное, рождённое его буйной фантазией. Например, Заславский и Мартимонов пытались использовать фольгу, на которой должен быть выбит текст с помощью пишущей машинки. Юрий Вудка мечтал о гектографе. Фролов намеревался сделать литеры из свинца путём отливки в формы. Но всё это так и осталось в форме мечтаний, никаких практических шагов для изготовления гектографа, стеклографа и ротатора ребята не предпринимали. Попытка Вудки отыскать рельефную пасту в Москве для печатания листовок с помощью клише тоже ничем не закончилась.

Но полёт фантазии заносил нелегалов высоко в поднебесье. Юрий Вудка предложил достать какой-нибудь зонд, наполнить его водородом, привязать к нему разбрасывающее устройство и распространять листовки с воздуха. Единственное, что удалось реализовать из всех замыслов, так это раздобыть тонкую папиросную бумагу.

Оставался хлопотный, дорогостоящий, но вполне осуществимый способ тиражирования литературы — фотографическое копирование. Оборудование брали в прокате, на фотобумагу складывались — из стипендии и тех денег, что получали от сдачи крови на станции переливания.

Из показаний Валерия Вудки:

«Зимой 1968 года я участвовал в размножении антисоветских документов на квартире у Мартимонова... Печатали до утра... Все мы проявляли, закрепляли и печатали фотокарточки. Мартимонов больше уделял внимания работе с фотоувеличителем, поскольку он лучше знает фотодело... Учитывая, что экземпляров фотокарточек было за ночь отпечатано много, приходилось несколько раз менять растворы проявителя и закрепителя. Мой брат Юрий ушёл с квартиры Мартимонова на работу в 6 часов утра, я ушёл в 10 часов».

В поисках поводыря

Нравственные сомнения заставили Юрия Вудку искать подтверждения своим вольнолюбивым мыслям у общепризнанных авторитетов — созвучные суждения он обнаружил у Евгения Евтушенко и Александра Солженицына. Но попытка заручиться поддержкой у Александра Исаевича, как мы помним, не удалась, и тогда ребята решили воспользоваться советами и обратиться за консультацией к московскому литератору Льву Копелеву. С Фотокопией «Заката капитала» Вудка и Грилюс отбыли в столицу. Им снова не повезло — писатель лежал в больнице. Но возвращаться домой не солоно хлебавши приятели не захотели и, узнав адрес больницы, отправились к хворавшему с визитом.

Из показаний Грилюса:

«Встретились в больничном двореке. Назвались по имени. Больше ничего о нас Копелев не знает. Вудка предложил ему ознакомиться с работой «Закат капитала». Копелев сказал, что сначала он хочет поговорить с ними. Вудка устно стал излагать ему идеи «Заката капитала», а Копелев их разбил все и сказал, что всё это детский лепет и догматизм. Тогда Вудка попросил его всё же почитать «Закат капитала», где, как он говорил, мысли изложены собраннее. Копелев ушёл в палату и через часа три вернулся. Сказал, что читать очень трудно, почти невозможно. Качество фотокопий было очень плохое. Мнение его не изменилось. Он сказал, что этот бред о революции, партизанской борьбе людей может только обернуться для нас эшафотом. Вудка упрямо стоял на своём. Тогда, заканчивая беседу, он ска-

зал, что таких мальчиков Россия видела не раз и все они сложили свои буйные... головы.

После ухода из больницы Вудка был расстроен и сердит. Он сказал, что Копелев его не хочет и не может понять, потому что он не признает истинный марксизм».

На самом деле, умудрённый опытом писатель понимал куда больше, чем думалось доморощенному философу, он понимал главное — тоталитарная система не прощает не только мальчишеских игр в революцию, но даже слов о революции в вольном изложении, и хотел предостеречь пылких «марксистов». Но они ему не вняли. Как не вняли своей первой наставнице — журналистке Анне Климовой, одно время работавшей литературным сотрудником рязанской областной газеты «Приокская правда».

Познакомился с ней Юрий Вудка, когда та редактировала многотиражную газету Рязанского педагогического института. На литературные посиделки, которые проходили у неё в однокомнатной квартире в районе театральной площади, собирались знакомой компанией — Юрий Вудка, Грилюс, Фролов, Заславский. Хозяйка интересовалась. Чем ребята увлекаются, что читают, кто из писателей нравится. Потом она переехала в Москву и стала работать в «Учительской газете», но связь с ребятами не оборвалась. Когда были отпечатаны фотокопии первого издания «Заката капитала», автор поручил Грилюсу отвезти их анне Григорьевне в столицу. Та согласилась познакомиться. Когда же Симонас приехал за отзывом, то услышал разнос. Журналистка советовала бросить эту игру в революцию, без них есть кому беспокоиться о развитии страны. Но горе-революционеры только обиделись — старшее поколение не принимало их всерьёз.

Вновь встретиться уже пришлось в кабинете следователя, на очной ставке, где Грилюс был в роли обвиняемого, а Анна Климова — свидетеля. Пока свидетеля. Видя, с каким упорством женщина обходит лобовые вопросы работника КГБ, Грилюс по-джентльменски пытался помочь ей. «Возможно, вас удерживает от дачи правдивых показаний чувство ложно понятого товарищества?» — спрашивал он её.— «Прошу меня не учить!» — впервые резко оборвала его журналистка.

Шесть страничек текста «Заката капитала», которые

Климова отпечатала на своей пишущей машинке, стоили ей дорого.

Из постановления следствия:

«...В конце 1967 года Вудка Ю.В. по предварительной договорённости с литературным сотрудником редакции «Учительской газеты» Климовой доставил ей в город Москву рукопись «Заката капитала» для перепечатывания на пишущей машинке с целью последующего распространения. Вскоре по поручению Вудки Ю.В. в Москву к Климовой выехал Грилюс С.А. и получил от неё оригинал рукописи «Заката капитала» и отпечатанную на пишущей машинке на 6 листах часть текста названного трактата.

16 октября 1969 года при обыске на квартире Климовой А.Г. была изъята принадлежащая ей пишущая машинка марки «Консул», на которой, по заключению технической экспертизы, могли быть отпечатаны указанные шесть листов с текстом «Заката капитала».

Тогда же у неё изъяты записи, содержащие клеветнические измышления в отношении Советского государства и общественного строя.

Принимая во внимание, что... записи, обнаруженные у Климовой, отношения к настоящему уголовному делу не имеют, в целях всестороннего и объективного расследования фактов изготовления, хранения и возможного распространения Климовой Анны Григорьевны из настоящего уголовного дела выделить в отдельное производство и направить в следственный отдел Управления КГБ при СМ СССР по городу Москве и Московской области».

В тоталитарном обществе у человека не велик выбор — или рядом с жертвой, как Анна Климова, и тогда сам становишься жертвой, или с палачом — и тогда стук-стук-стук...

Набережные Саратова

Не найдя понимания в стане отцов, но сгорая от нетерпения расширить круг единомышленников, Юрий Вудка переключился на своих ровесников. Неожиданную помощь оказал ему Олег Сенин. Познакомились они в Рязанской областной библиотеке им. Горького, когда Олег только готовился к поступлению в Саратовский юридический институт. Было это в 1966 году.

Вежливые беседы незаметно переросли в литературные

споры, а потом в политические баталии. Ребята были очень не схожи и долго притирались друг к другу. Не сразу удалось Вудке поставить рассудительного и задумчивого Сенина под свои революционные знамёна. Может быть, и никогда бы не удалось, если бы не общее недовольство окружающей действительностью.

Родом из районного центра Шацк, Олег Сенин на примере своей семьи узнал эзекюторские повадки власти. У отца, Михаила Павловича, частенько случались неприятности на работе, его то снимали, то передвигали. Причина крылась в его неуступчивом характере борца за справедливость. Олег болезненно переживал родительские неудачи, но ничем помочь не мог. Он сам был, как отец, несговорчив и неуступчив, когда дело касалось принципов, его можно было переубедить только фактами.

На одной из молодёжных вечеринок Олег тоже поспорил на идейной почве с приятелями. Один из них читал свои стихи, в которых утверждал, что Русь развивается, идёт к лучшему. Когда он кончил читать, Олег спросил: «Почему ты думаешь, что Русь идёт к лучшему? Докажи мне, что Русь идёт к лучшему, а я докажу тебе, что она идёт к худшему!»

Из показаний Юрия Вудки:

«В спорах я доказал Сенину необходимость замены существующего в СССР общественного и государственного строя, говоря, что в Советском Союзе в действительности социализма нет, а существует госкапитализм, что у власти стоит не народ, а бюрократическая верхушка. Первоначально Сенин возражал мне, говорил, что в нашей действительности есть отдельные недостатки, против которых необходимо бороться. Эти недостатки не следует обобщать и делать выводы о непригодности всего существующего в СССР строя. Затем он стал разделять мои взгляды. Вскоре Сенин поступил в саратовский институт, к этому времени он стал фактически членом нашей группы. Примерно летом 1967 года Сенин приехал в Рязань и рассказал мне, что в Саратове есть группа, около десяти человек, критически мыслящих по отношению к существующему в СССР строю молодых людей, с которыми он связался. Фамилий и имён он не называл, но сказал, что все они вместе с ним учатся в юридическом институте».

Решено было идти на контакт. По договорённости с Сениным весной 1968 года в Рязань прибыла «связная». Юрий Вудка и Грилюс встретили её на вокзале с соблюдением правил конспирации. Поезд прибыл утром. Как было условлено, приятели стояли на перроне у входа в здание вокзала. К ним подошла девушка, среднего роста, худощавая, с тёмными волосами и типичным русским лицом. «Не скажете, где буфет?» — спросила она. Это был пароль. «Я иду туда и могу проводить вас», — любезно откликнулся Вудка. Встреча состоялась. Вместе с гостьей отправились на квартиру к Юрию, где и проговорили до самого вечера. В этот же день «связная» уехала. Имён и фамилий не называли, а девушку нарекли Леной.

«Из сообщений Лены я понял, что саратовская группа только зарождается, — вспоминал Вудка, — в области теории отстаёт от нас примерно на один год... Чтобы восполнить этот пробел, я дал лене для передачи саратовской группе следующие антисоветские работы: «Закат капитала», «Трубы свободы», «Внешняя политика советского империализма»...»

Девушка уехала, а связь с саратовской группой так и не наладилась, переписка велась вяло. Чтобы выяснить, в чьи же руки он отдал свои взрывоопасные труды, Юрий Вудка решил лично отправиться в Саратов. К тому времени Сенин перевёлся на заочное отделение и жил в Рязани (у него родился сын, а жена — студентка МГУ находилась в декретном отпуске, и Олег не захотел с ними расставаться).

На этот раз в Саратове, никакого пароля уже не было. Вудка нашёл нужного ему человека в общежитии юридического института на Технической улице. Предварительный разговор состоялся на набережной Волги. Юрист «прощупывал» гостя, опасаясь попасться в ловушку. Сомнения рассеялись, когда Вудка стал оперировать положениями «Заката капитала». Подлинных фамилий и имён снова не произносили. Юрист назвался Лёней, его друг Ваней.

Трактат и статьи саратовцы успели перепечатать. Кроме них, они передали Вудке работу своего товарища Агапова «Пропаганда и психология». Автор статьи трагически скончался во время операции, но у него на даче осталась нелегальная литература. Члены саратовской группы опа-

сались, что её обнаружат. Втайне от родственников они пытались проникнуть в их владения, но поиски ничем не закончились — никто не знал точного места хранения. Трижды Юрий Вудка ездил в Саратов. Помимо установления непосредственного контакта и обмена литературой, ребята обсуждали формы и методы нелегальной деятельности. Точек соприкосновения было много, но не меньше было и точек расхождения. Каждый горячо отстаивал свою правоту и не оставлял камня на камне от суждений оппонента.

Саратовцы не принимали тезис Вудки о децентрализации экономики и доказывали, что и в будущем, когда произойдёт «новая» революция, нужна будет жёсткая централизация, террор, а вот с деньгами придется расстаться, потому что «деньги — зло». Они будут заменены квитанциями, по которым на общественных складах будут выдаваться продукты потребления и всё необходимое для жизни человека. Словом, у саратовских мальчиков были всё те пережитки большевизма в сознании, что и у Вудки, только с другого края.

Юрий считал их позицию малоубедительной, слабо аргументированной, но переубедить не смог. Не соглашался он и с тем, что у группы нет лидера, а руководство осуществляется коллективно. «Если о всех делах группы знают все её члены, то увеличивается вероятность провала!» — наставлял он коллег-революционеров. С ним снова не соглашались.

Когда на сессии в Саратове бывал Олег Сенин, он тоже пытался перевербовать ребят на свою сторону, но из-за учёбы на долгие споры времени не хватало, и каждая группа оставалась при своих интересах. Договаривались, что деспорят письменно.

Дня за три-четыре до ареста Юрия Вудки на адрес радиотехнического института пришло письмо от саратовской группы. Конечно, на вымышленную фамилию — Вислиной. Содержание письма — условное, подделанное под бытовое. Фактически же саратовцы сообщали, что в последнее время участники группы попали в поле зрения органов госбезопасности, за ними ведётся усиленное видеонаблюдение, и просили о встрече.

Побывавший не так давно в Саратове Сенин сообщил,

что ничего подозрительного не заметил. Юрий Вудка и Женья Мартимонов собрались было ехать, но не нашлось денег. А тут и грянул арест.

Дело в отношении Олега Сенина было выделено в отдельное производство, а самого арестованного отправили в Саратов. Именно там он впервые переступил порог органов госбезопасности и «вешал лапшу» следователю о происхождении «Заката капитала». Именно там он получил первый урок совковой подлости и лицемерия в ответ на чистые порывы души.

Чёртова дюжина

Рамки «Заката капитала» оказались слишком тесными для просветительских замыслов автора, а потому он решил ряд положений трактата рассмотреть более подробно в отдельных статьях. За два года таких работ набралось тринадцать, чёртова дюжина. Судя по всему, заботы о благе человечества, равно как и лавры вождя пролетариата, не давали начинающему философу спать спокойно или заниматься сугубо юношеским романтическими мечтаниями. Юрий Вудка сам признавался:

«В августе 1965 года я поступил учиться в Рязанский радиотехнический институт и начал много читать работ классиков марксизма. Прочитав работу В.И. Ленина «Государство и революция, а также его работы периода гражданской войны и НЭПа, я пришёл к выводу, что В.И. Ленин боялся сам того, что в своём дальнейшем развитии социалистическая революция идёт не туда, как ожидалось ранее. Поэтому период 1937-1939 годов я стал считать завершением термидорианского перерождения, на что В.И. Ленин указывал в период гражданской войны и чего он боялся. В результате изучения марксистской литературы у меня созрело мнение, что существование социализма в настоящее время в какой-либо стране — это легенда».

Работники госбезопасности отнеслись с недоверием к тому факту, что источником для «клеветнических измышлений» против большевистского государства могли стать статьи главного большевика страны. На это указывают жирно подчеркнутые фразы обвиняемого, где им перечисляются ленинские работы, и вопросы следователя на полях протокола.

Вооружившись классикой, Вудка приступил к собственным произведениям. Марксистско-ленинским духом веет уже от одних их названий: «Трубы свободы», «Современная интеллигенция и революция», «Внешняя политика советского империализма», «Современность и национальный вопрос», «О базисе и надстройке», «Идеологическая работа и психология», «О патриотизме», «Марксизм и колдуны» и т.д.

Однако подражание общеизвестным образцам революционной теории на деле дало обратный эффект. Большевистская догма и грубая действительность эры развитого социализма, столкнувшись под пером наивного мыслителя, показали всю абсурдность попыток воплотить теорию светлого завтра в практику без «перекосов» и «перегибов».

Решив, что настало время для переправки «Заката капитала» за границу — для публикации в органах печати левых сил, Юрий Вудка вынужден был сократить объём трактата до минимума. Этот краткий курс получил новое название — «Правда о современности». С ним связана первая попытка группы отыскать единомышленников за пределами Союза.

Самую последнюю статью, тринадцатую, «Что впереди?» Вудка написал в апреле-мае 1969 года. Вот что он об этом говорит:

«В статье я в популярной форме изложил основы «революционной» идеологии, доказывал неизбежность свержения существующего в СССР строя. Я предлагал в случае возникновения революционного движения среди рабочих эту работу распространять среди них. Поэтому я сделал также перевод этой работы на украинский язык, так как, на мой взгляд, не все рабочие в других республиках знают хорошо русский язык. Предполагалось при возможности сделать перевод и на другие языки народов Советского Союза».

В Дубне у Рихарда

От Грилюса Юрия Вудка узнал, что у него есть адрес чеха по имени Рихард, который временно работает в одном из научно-исследовательских учреждений города Дубны Московской области. Гонимый всё той же идеей распростра-

нения своих взглядов. С припрятанной фотокопией «Заката капитала», в июне 1969 года Юрий выехал в Дубну. В общежитии на улице Кюри он отыскал Рихарда и передал ему антисоветский трактат. Фамилию свою не назвал. После событий 1968 года всё, что касалось Чехословакии, особенно интересовало членов группы. Положение в этой стране Вудка анализировал в «Закате капитала» и в последующих статьях. Ввод войск Варшавского договора оценивал однозначно — отрицательно. Но для подтверждения этой позиции нужны были доказательства очевидца. Рихард, недавно побывавший на родине, мог дать нужную информацию.

Помимо Вудки, для беседы с чехом инкогнито ездил и Евгений Мартимонов:

«...Говорил с ним о положении в Чехословакии. Как мне кажется, говорить со мной на эту тему он не особенно хотел (он очень быстро окончил разговор). Его взгляды я не могу точно описать, так как я говорил только о Чехословакии, а здесь он мне сообщил только известные факты, как, например, дело Пахмана».

Затея с пропагандой «Заката капитала» в среде людей взрослых, компетентных, на этот раз иностранцев, снова закончилась провалом — мальчиков с их идеями не воспринимали всерьёз.

Из показаний младшего научного сотрудника Объединённого института ядерных исследований Рихарда Ледницкого:

«В июле 1969 года я поехал в ЧССР, а именно в город Оставу. С собой я повёз и «Закат капитала», который оставил дома у своих родителей».

...Я сам лично «Закат капитала» полностью не прочитал и своим знакомым в ЧССР не давал его для читки. Поэтому беседу с этим неизвестным вёл неохотно. Я ему сказал, что «Закат капитала» передал в ЧССР своим знакомым. Он тогда стал спрашивать у меня о событиях в ЧССР. Я сказал, что сейчас в стране ухудшилось материальное положение населения... Других разговоров не было. Где остановился этот парень, я не знаю. По моему мнению, он после разговора со мной пошёл на вокзал. Первый же посетитель ночевал в общежитии, расположенном на улице ленинградской... это я его туда устроил

на ночь, поскольку ему негде было ночевать».

Но, несмотря на нулевые результаты, студенты использовали любую возможность забросить трактат за рубеж.

«Еврейский вопрос»

О том, что у него «не та национальность», Юрий Вудка догадался еще в Павлограде, когда учился в машиностроительном техникуме. На Украине антисемитские настроения отдельных граждан проявлялись довольно рьяно, но Юрий не мог понять причину этой неприязни. Постепенно он обнаружил, что дискриминация идёт не только на бытовом уровне, но и в государственном масштабе.

На допросе он признавался:

«Я был недоволен тем, что в Советском Союзе нет еврейских школ, учебников еврейского языка и еврейской истории. Не издавались книги еврейских авторов. Я думал, что национальные потребности в Советском Союзе, имею в виду еврейского народа, не удовлетворяются. Поэтому у меня возникли определённые чувства симпатии к Израилю, где все эти потребности могут быть удовлетворены и где нет антисемитизма».

Национальность Вудки не приглянулась и в приёмной комиссии Московского физико-технического института, где молоденькая секретарь нахально намекнула, что не стоит рассчитывать на успех. Об этом печальном факте своей биографии Вудка долго не мог забыть и рассказывал новым рязанским друзьям. Желание обрести надёжный тыл, без издёвок и ухмылок, толкало к поиску единомышленников среди «своих». В октябре 1968 года Вудка поехал в Москву на празднование еврейского национального и религиозного праздника урожая.

«Я знал, — вспоминал он, — что обычно в этот день у еврейской синагоги собирается много евреев-иностранцев. Этим обстоятельством я воспользовался... Я познакомился с группой евреев из Голландии, ближе всех я сошёлся со студентом-экономистом одного из амстердамских вузов по имени Эфраам».

Ему Вудка передал свою статью «Правда о современности» — своеобразный конспект «Заката капитала». Теоретiku «новой» революции, запертому границами Союза, хотелось отправить свое детище туда, где ему уго-

товано вольное плавание.

«Еврейскому вопросу» в документах следствия уделено не меньше места, чем выяснениям причин возникновения антисоветских убеждений. Стражам государственности надобно было доказать этим мальчикам, что советский строй не причастен к тирании малых народов, а намечающийся массовый исход евреев из Союза связан не с тем, что развитой социализм плох, а тем, что мысли у евреев «не те». Именно поэтому следствие так упорно добивалось от обвиняемых признания ошибочности их суждений относительно притеснения национальных меньшинств.

Измученный допросами и разъяснениями толковых наставников в лице работников КГБ, Семен Заславский в конце концов написал:

«Передо мной развесили мишуру «еврейского вопроса», и я поверил, несмотря ни на что. Я не подумал о том, кем был бы я (если бы был вообще), не победи 52 года назад та самая власть, против которой я решил бороться... Я родился в обеспеченной интеллигентной семье, а не в одной из множества бедных трудовых семей еврейских местечек, уроженцами которых являются мои родители. Мой отец окончил военную академию, служил в армии до последних дней, имеет звание подполковника... Моя мать тоже окончила высшее учебное заведение». Самому же вольнодумному чаду «лучший в мире строй» даровал судимость.

Юрий Вудка был арестован накануне отъезда в Черновцы, где он намеревался дожидаться вызова из Израиля от родственников будущей жены. Отец Вудки, фельдшер по профессии, к намерениям сына уехать всерьёз не относился, а с невестой даже знаком не был. На следствии он утверждал, что о девушке никогда не расспрашивал, потому что «считал всё это сплошной неаппетитом».

В отличие от родителя мечтания Юрия Вудки не показались такими уж несбыточными органам КГБ, отъезд теоретика и организатора антисоветской группы был для них явно не ко времени — промешкай они, и дело бы осталось без главного героя. Чем же могло навредить советскому государству отбытие студента-заочника на землю обетованную? А тем, что Вудка намеревался заняться

на исторической родине политической деятельностью: «издать свои антисоветские работы, распространять их на Западе, выступать по радио...». словом, продолжать «клеветать» на страну социализма. А этого «в интересах государства» допустить было нельзя. И не допустили.

В приемники Вудка выбрал Евгения Мартимонова, передал ему условные адреса, конспиративные фамилии, написал записку для связи с Сениным:

«Олег! Сей почтенный муж будет вместо меня. Рассказывай ему все сплетни. Пока».

Выбрал на Мартимонова пал не случайно.

«Он создавал впечатление духовно крепкого человека, — объяснял своё решение Вудка. — Участники крупы считали, что Мартимонов находится вне подозрений со стороны органов КГБ. С самого начала он лучше других выполнял порученные ему работы по нелегальной деятельности группы. Мартимонов был более сдержанным, чем другие, лучше соблюдал правила конспирации».

Однако произвести полную «смену власти» не успели — в тот день, когда Юрий Вудка писал Мартимонову шифрованную записку, органы госбезопасности объявили начало операции против вольнодумных мальчиков и девочек по всей стране.

Семнадцать томов унижения

В 17 томах уголовного дела Вудки собраны не только показания обвиняемых и свидетелей, протоколы экспертиз и очных ставок, описания вещественных доказательств и кассационные жалобы. В них заключена летопись низвержения человека свободолюбивого до состояния рабской униженности и обречённости.

На первых допросах Олег Фролов гордо повторял: «Я полностью, за исключением некоторых несущественных положений, разделяю и разделяю взгляды и идеи, изложенные в работе «Закат капитала» и других... Изменить мои взгляды на общественные явления могут только реальные события, полностью противоречащие этим взглядам, если такие события произойдут в мире и стране».

Упрямо отказывались отвечать на вопросы следователей Юрий Вудка и журналистка Анна Климова. Запутывал показания Олег Сенин. Но работники органов КГБ, при-

влечённые из разных городов страны, методично задавала одни и те же вопросы. Даже сухой язык казённого протокола не мог сгладить того прессинга, который осуществляли следователи, добиваясь желанных ответов.

«О каком стихийном революционном движении Вы говорите? — с негодованием вопрошал один майор Семёна Заславского. — Почему Вы до сего времени не называете вещи своими именами; не даёте правильную оценку действиям группы, участником которой Вы являетесь? Вынашивая планы массового распространения антисоветских листовок, Вы хотели, если бы вам это удалось. Используя возникающие трудности у Советского государства, возбуждать советских людей против Коммунистической партии и Советского правительства. Вы признаёте это?»

Я не ошиблась, везде в протоколах к обвиняемым обращаются на «Вы» с большой буквы. От этой вежливости мурашки пробегают по коже.

Собирая досье на участников группы, служба госбезопасности старалась проникнуть в самые тайные уголки их духовной жизни. Вот какое послание было отправлено главному редактору журнала «Москва» из управления КГБ по Рязанской области:

«В восьмом номере журнала «Москва» за 1966 год была опубликована статья И. Забелина «Человечество — для чего оно?» На эту статью Вудка Ю.В. направил в редакцию свой отзыв, о чём упоминается в пятом номере журнала за 1968 год на странице 149.

В связи с возникшей необходимостью прошу дать указание выслать нам отзыв Вудки Ю.В. на статью И. Забелина и другие, возможно, имеющиеся у Вас рукописи».

Несмотря на то, что содержание «отзыва» явно разочаровало следствие, документ был аккуратно приобщён к делу. Споря с учёным, Вудка выказывал явные симпатии материализму.

«Человечество, — писал он, — это составная часть природы, возникающая в результате её естественного развития и подчиняющая себе во всё возрастающем масштабе стихийные силы природы».

В связи с делом Вудки в зону подозрительности попали студенты Уссурийского, Вильнюсского и Московского

университетов, Каунасского политехнического и Ленинградского электротехнического института, вузов Харькова и Киева...

В поисках компромата чекисты проводили не только обыски у подозреваемых и их родственников, но заглядывали в такие места, где, казалось бы, ничего и найти невозможно. Среди вещественных доказательств наравне с целыми предметами фигурировали и 65 клочков бумаги.

Из протокола следствия:

«20 августа 1969 года при осмотре местности в районе города Череповца Карельской АССР, где по словам Брагина А.Е., он разорвал и выбросил полученное от Учителя письмо, были обнаружены авиаконверт без адреса и 65 клочков с текстом, исполненным карандашом».

Для честолюбивых и ревностных офицеров КГБ оказалось недостаточным показаний и отречения от своих взглядов «новых революционеров», им захотелось увековечивания своей роли в наставлении их на путь истинный. И они преуспели в этом.

«Я уверен, что для огромного большинства людей, и знакомых, и незнакомых с «Закатом капитала» не требуется никаких особых доказательств абсурдности этой работы, — писал один из обвиняемых в конце следствия, — но здесь очень важно, что я сумел доказать это самому себе. Конечно, произошло это не сразу. Мне не раз приходилось восстанавливать в памяти те или иные положения Вудки, смотреть первоисточники, чтобы переосмыслить всё по-новому. И я очень благодарен людям, которые помогли мне в этом: работникам КГБ и моим родителям». Возвращение «блудных сыновей» под отцовский кров старой идеологии шло через затаптывание собственных же идеалов. Это оказалось больно.

Желая расквитаться с «клеветническим трактатом» Юрия Вудки, охранители государственного строя не нашли ничего лучшего, как заставить бывших единомышленников письменно разоблачать работу их лидера. Кто-то сделал это на 18 страницах. Кто-то на 36. С выкладками, цитатами, ссылками. Хорошим, точным языком маститого политэконома. Не нужно даже проводить экспертизы, чтобы понять, как разительно отличаются

эти «разоблачения» по стилю и умению автора манипулировать философскими категориями от всех предыдущих собственноручных выкладок.

Сломали мальчиков. Заставили пасть ниц родителей. Государство покарало вольнодумцев. Так бывает во все времена, при всех режимах. Система подчиняет и властителей, и подданных.

Еще вчера считавший партию пятым колесом в телеге государства Юрий Вудка после вынесения приговора писал в ЦК КПСС и лично Леониду Ильичу Брежневу:

«Я понял, что народ, интересы которого мы хотели защитить, не нуждаются в непрошенных защитниках. Народ безоговорочно поддерживает политику своей партии, и это единство партии и народа — нерушимо...»

19 февраля 1970 года в 20 часов 30 минут председательствующий объявил судебное заседание по делу Вудки законченным. Копия приговора судебной коллегии по уголовным делам отправлена Рязанскому обкому КПСС — в ответ на устный запрос. В государстве всё встало на привычные места.

Валерий ШАПИРО

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЗАПАДА, КАК УГРОЗА

Словосочетание «научные достижения Запада» я выделил курсивом потому, что это цитата. О том, что научные достижения Запада в земледелии не подходят России написал В. В. Докучаев в пояснительной записке к своей коллекции русского чернозема. Научные достижения Запада времен Докучаева — это минеральная теория питания растений Ю. Либиха.

То, что уже тогда было очевидно великому ученому, только сегодня становится понятным некоторым из современных ученых: промышленные агротехнологии не соответствуют природным биологическим системам. Это касается не только минерального питания растений, но и питания животных.

В конце 1995 года в Великобритании двое молодых людей заболели болезнью Крейтцфельда — Якоба (БКЯ). Ряд особенностей в изменениях их мозга дал специали-

стам основание предположить, что между болезнью со страшным названием «коровье бешенство» и этими случаями просматривается явная связь.

Начинается углубленное изучение передачи губчатой энцефалопатии от животных к человеку. В марте 1996 года министр здравоохранения Великобритании признает несомненную связь между «коровьим бешенством» и новым вариантом БКЯ. Он объявляет, что этой болезнью поражены 10 человек.

Установлено, что люди заболевают, употребив в пищу говядину, зараженную «коровьим бешенством». Поражения, обнаруженные в организме больных, идентичны поражениям в организмах «бешеных» животных. Начинается паника.

В 1997 году американский врач Стенли Прузинер получает Нобелевскую премию за открытие, имеющее глобальное значение, что в последнее время большая редкость. Стенли Прузинер установил, что источник инфекции — прионы, и объяснил основные принципы их действия. В нормальных условиях прионы — это безвредные клеточные белки, однако, они обладают природной способностью превращаться в устойчивые структуры, являющиеся причиной нескольких смертельных заболеваний головного мозга у людей и животных. Прионовые болезни (снижение тонуса мышц, слабоумие, потеря памяти, бессонница и пр.) могут быть наследственными, а могут передаваться от больного к здоровому животному или человеку.

Группа ученых под руководством Роя Андерсона опубликовала прогноз, согласно которому в недалеком будущем число заболевших БКЯ составит 136.000 человек.

В средствах массовой информации поднялся невообразимый шум, но к счастью, прогноз не сбывся.

Дело в том, что был найден основной источник «бешеных» прионов: мясокостная мука, полученная при переработке отходов от забоя больных животных.

Выяснилось, что когда мясокостную муку только-только начинали вводить в рацион крупного рогатого скота, точнее в 1923 году прозвучали пророческие слова австрийского философа Рудольфа Штайнера:

«Если бык начнет пожирать мясо, он не только сойдет с ума, но и, возможно, передаст «помешательство» тому,

кто захочет его съесть».

Если бы тогда эти слова были услышаны!

На этот раз череда смертей заставила Европейское сообщество запретить использовать мясокостную муку в качестве кормов. Число заболевших БКЯ сократилось, газетный шум утих, а потом вообще бесследно исчез.

Почему? Да потому, что технологии, использующие мясокостную муку при выкармливании телят, поросят и цыплят (бройлеров) перекочевали в Восточную Европу, Россию и другие малозащищенные страны. Пока все обходится, но если «рванет», к примеру в России, мало не покажется.

Выясняется, что болезни скота типа «коровье бешенство» в истории человечества возникали многократно. Похожие симптомы описывал еще Публий Флавий Вегетий Ренат в 4-5 веках н.э. Коровье бешенство появлялось и исчезало. Кто уничтожал устойчивые к антибиотикам, к высокой температуре и даже к высокой радиации прионы?

Природа, а точнее червяки и личинки мухи. У червей и у личинок насекомых симбионтное пищеварение, то есть пищу для них разлагают симбионтные микроорганизмы. Отметим, что нервнопаралитическими болезнями червяки и мухи не болеют.

Выясняется, что коровье бешенство — лишь верхушка айсберга проблем, на пути, куда завели мировое сообщество научные достижения Запада.

Сегодня наука о питании «трофология», микробиология и другие биологические науки ушли далеко вперед, а агротехнологии живут прошлым. Используемые сегодня промышленные агротехнологии — это технологии XIX века.

Теории питания прошлого опирались на упрощенный химизированный взгляд на процессы питания. Не учитывались тонкие процессы взаиморегуляции единого сообщества «почва — растения — животные». Не учитывалась циркуляция потоков регуляторных веществ и микроорганизмов по пищевым цепочкам.

Природа на искажения природных принципов производства продуктов питания ответила «болезнями цивилизации», получившими ныне более точное название «метаболический синдром». Ученые медики всех континентов на всех языках прямо-таки кричат о стремитель-

ном росте количества больных с этим симптомом. Термин «метаболический синдром» говорит: у больных с этим симптомом произошла разбалансировка процессов обмена веществ на молекулярном, органном и организменном уровнях. И этот процесс разбалансировки необратим.

Хотя бы сегодня пора понять, в чем губительность Западного образа жизни. Западный образ жизни делает однополярной власть над умами людей — власть денег, а власть денег искажает картину Божьего мира. Слово-сочетание «Божий мир» я выделил курсивом потому, что опять-таки «позаимствовал» его у своего Учителя — Василия Васильевича Докучаева.

События последних лет, к примеру, на Украине показали, что распад СССР принес человечеству острейшую проблему. Пока существовал Советский Союз — существовала система взаимного сдерживания двух соизмеримых по военно-промышленной мощи социальных систем.

Но чтобы появилась эта сдерживающая сила надо, чтобы у народов бывшего СССР возникло желание объединиться. А что можем предложить мы странам бывшего СССР в противовес агрессивной экспансии западного образа жизни? Только свой российский образ жизни, превосходящий так называемый мировой уровень жизни.

А разве такое возможно? Возможно, ибо именно в России родились технологии, превосходящие технологии, созданные «научными достижениями Запада».

Благодаря основополагающим открытиям российских ученых в почвоведении и в других биологических науках был создан комплекс принципиально новых технологий производства полноценных продуктов питания, получивший в последующем название технологии ХБО.

ХБО — хомобиотический оборот — оборот биогенных веществ, энергии и информации, направляемый человеком разумным.

Внесение удобрительных веществ извне никогда не заменит то невероятное множество регуляторных веществ, которые создаются в плодородных почвах, а именно эти регуляторные вещества отвечают за все обменные процессы, идущие внутри любых живых организмов.

Европа сама отказалась от «научных достижений За-

пада», ибо «органическими продуктами питания» считаются лишь те продукты, которые произведены без Агрохимии. Но эти технологии прошлого не могут прокормить возросшее в числе население Земли. Органические продукты — это продукты для богатых, продукты для «золотого миллиарда».

«Золотой миллиард» — метафора, но за этой метафорой скрывается устойчивая, целостная геополитическая, экономическая и культурная концепция.

«Цивилизованные страны» будут стараться всеми способами удержат весь остальной мир в качестве сырьевого придатка, в качестве пространства для сброса отходов и как источник дешевой рабочей силы.

Продукты питания, произведенные по технологиям ХБО, содержат все макро и микрокомпоненты, необходимые для полноценной жизни и не содержат Агрохимии.

Международный рынок полноценных продуктов питания свободен. Полноценные продукты питания — это профилактика системных заболеваний (онкология, диабет, сердечно-сосудистые, аллергия и прочие заболевания). Главная причина системных заболеваний — нехватка, а порой и полное отсутствие в продуктах питания регуляторных веществ. Запад эту нехватку пытается компенсировать пищевыми добавками.

Эта нехватка регуляторных веществ вызвана разрушением почв — главных регуляторов жизни в геобиоценозах. Самые эффективные почвы на Земле — это русский чернозем. Мы научились промышленно производить экоморфный чернозем, превосходящий по многим показателям девственный чернозем.

Россия обладает огромными ресурсами для производства полноценных продуктов питания и оздоровления населения: обширные, не загрязненные агрохимией земли, огромные ресурсы чистой пресной воды, огромные ресурсы торфа и угля (сырье для производства гумуса) и прочими ресурсами. Такими ресурсами не обладает никто.

Технологии ХБО не только обеспечат жителей российских регионов высококачественными и доступными по цене продуктами питания, но и обеспечат всех желающих работой, а в регионы принесут спокойствие, так как тут же появится класс независимых производителей.

ФАНТАСТИКА

Николай КАЛИНИЧЕНКО

ЗВЁДНАЯ БОЛЕЗНЬ

Сентябрь 1917 года

Серость. Этим словом, пожалуй, опишешь здесь всё. И убогий приемный покой, и облущенные стены, и мой ветхий халат. Даже огонь в печурке какой-то тусклый. Больнице и года нет, а кажется, она уже наглухо выросла в здешний перегной и все, что есть в ней: больные, и доктора, и оснастка — лишь ископаемые в вечном унылом некрополе тягостной нежизни.

Тася пошла на почту за корреспонденцией и со мной только Журавский. Скучнейший тип.

Два фурункула, простатит, четыре чирея — вот мой улов до обеда. Остальное все насморки и кашли, *togbus tractus respirationis*. Немудрено. За окном так тускло и безотрадно, словно на дворе ноябрь. Дорога разбухла от дождей, словно полежавший в реке мертвец. Поля черны, и воронье одного цвета с землей, точно родится прямо из нее.

После обеда странный случай. Пришел Матвей Нежилец. Крестьянин из села Лютожня. Здоровый детина. Плечи, руки — чистый гранит. Жаловался на озноб и головную боль. По симптомам бесспорная инфлюэнца. Но есть одна особенность. Чуть выше висков симметрично по обе стороны головы звездчатые покраснения. Довольно крупные. Не сыпь и не дерматит. Походило бы на ожог, но покровы не воспалены. Закрываю — пигмент, и все же сомневаюсь. На всякий случай спрашиваю у мужика, не было ли каких внезапных сношений. Матвей говорит, что нет, божится. Можно ли ему верить? Не знаю. Однако что-то подсказывает — Венера здесь ни при чем. Прописываю киклопу обычную процедуру, велю явиться через три дня на осмотр.

Делюсь наблюдением с Журавским. Тот мямлит что-то про родимые пятна. Совершенный кретин!

Вернулась с почты Тася. Ответа на мое прошение о переводе в Вязьму нет, как нет. Зато два письма от сестры. В Киеве, да и в стране неспокойно. Что-то зреет. Но это там, где пространство, где огни и звуки. Где жизнь. А здесь все время будет одинаково. И даже если разверзнется ад и антихрист выскочит наружу в огненной мощи своей, дойдя до наших мест, он непременно впадет в меланхолию, оступится и канет в какое-нито козье болото. Рассказал жене про красные звезды, но она пропустила мои слова мимо, как делает это всегда. Говорит, на почту доставили новую автоматическую кассу. Будто бы даже из Британии. Глядеть на чудо сбежался народ. Выстроилась очередь, и кто-то кому-то бока намял. Сетует, что сапожник привез отменных подметок из Гдыни и все у него справляют обувь, а она не захватила мои сапоги. Экая, однако, скука!

Впрочем, сегодня у нас в гостях собирается общество. Нестор Иванович, сельский учитель, аптекарь Ибисов и помещик Смирягин, ждем еще землемера Брумса, но он со своей триногой бродит в полях и чего гляди к вечеру не обернется. Когда-то здесь будет железная дорога и поезда. Право, смешно!

Неожиданная приятность. Журавский притащил посылку от друга из Одессы. Набор скальпелей «Золинген». Тевтоны, конечно, сволочи, но приборы делают, как никто. Новенькие, блестящие лезвия удобно лежат в руке. Все-таки есть от Журавского какая-то польза! На радостях пригласил его отужинать, но он к моему облегчению отказался — дела. Какие еще у него дела? Бес разберет.

Паника! По спине холодный пот. Но, впрочем, все постепенно. Вечером собрались, как и говорено. Я выставил свой коронный штоф на земляничных листьях. Смирягин привез немного коньяку и ароматный свиной окорок. Ибисов где-то раздобыл четыре бутылки лафиту. Экая проныраивая bestия! Сели в вист. Конечно, без высоких ставок — откуда бы деньги?

Нестор Иванович, тишайший скромный человек, сначала увлеченно рассказывал про прекрасного качества иллюстрированный атлас мира (будто бы бельгийский), который ему на днях удалось выхлопотать в земстве. Потом как-то ступшевался от общего внимания, опустил вихрастую голову и далее безмолвно кидал карты. Видно было, что он бледноват и что ему нездоровится. Мы же завели обычный разговор о погоде, о том, что было в газетах. Я, как всегда, пожалился на глупость и ограниченность мужиков. И тут Нестора Ивановича словно что-то ужалило. Он выпрямился, отложил карты, кажется, даже рубашками вниз. И стал он говорить, распаляясь и артикулируя, точно заправский оратор.

О том, что ежели держать даже самых лучших людей в скотском состоянии, то они вскоре обрастут щетиной и захрюкают. О том, что Россия погрязла в запустении, а власть и не думает с этим ничего сделать. Что людям и вовсе не нужна никакая власть, и они могут прекрасно обойтись так. Тут Смирягин, кроме иного еще и член уездного собрания, преодолел удивление и спросил, потешно грассируя от беспокойства: «Полно, батюшка, да вы никак анагхистом наладились?»

На это Нестор Иванович отвечал, что лучше быть анархистом, чем заплесневелым чинком, который меряет свою будущность по гороскопам. Тут он намеренно задел помещика за живое, ибо тот в самом деле увлекался

астрологией. Смирягин, человек крупный и сильный, побагровел и начал подниматься из-за стола. Дело могло бы кончиться плохо, если бы мы с Ибисовым не вмешались и не остудили страсти. Я чуть ли не волоком вытащил Нестора Ивановича в соседнюю комнату. Благо мужчина он был сублильный и особого сопротивления не оказал.

— Нестор Иванович, что с вами?! — вскричал я, как только захлопнул дверь. — Анархия, оскорбления! Это не вы, скажите, что не вы!?

Он и сам как видно почувствовал, что хватил лишку. Забормотал что-то про головную боль, озноб и хроническую усталость. Я уже хотел было закончить дело какой-нибудь шуткой и вернуть Нестора Ивановича обществу, но тут заметил такое, что волосы встали дыбом на загривке. Так, наверное, чувствовал себя мой хвостатый предок, заведя в густоте листвы огненный взгляд ягуара. На бледном жильчатом виске сельского учителя пульсировала красная звезда!

Я обошел стул, на котором сидел Нестор Иванович, и убедился, что аналогичное образование имеется и на другом виске.

Как ни странно, но очевидность диагноза меня успокоила. Я тотчас развил бурную деятельность, действуя скорее уже как врач, нежели хозяин. Через десять минут Нестор Иванович был умыт, напоен чаем с валерьяной и отправлен на коляске домой. Все это время он совершенно не упрямился и даже покорно попросил прощения у помещика. Смирягин его тут же простил. Гостям я объяснил, что Нестору Ивановичу нездоровится и все быстро улеглось.

Едва сели за карты, как в коридоре послышались тяжелые шаги, и я, было, испугался, что это учитель вернулся завершить свой спич. Но тут же понял: маленький Нестор Иванович не может производить такой шум. Через мгновение в залу вошел Брумс, огромный и совершенно квадратный в своей черной форменной шинели. Заскорузлый башлык топорщился над его плечами, точно сложенные вороны крылья. Сапоги и полы шинели были в засохшей жирной грязи. Огонь свечей отражался в золоченых пуговицах с масонскими знаками и круглых стеклах очков. В руках Брумс сжимал подходящую на тур-

нирное копьё полосатую землемерскую вешку.

— А вот и Гарольд Карлович! Что это вы, душа моя, не раз-девшишь, в залу? — обратился я к землемеру.

— Не мог, знаете, терпеть, хотел поделиться, — прохрипел Брумс. — Вот, извольте, сёртен оф май миссполайтнесс, — он расстегнул свою чудовищную шинель и выставил на стол каменную фигурку. — Там у Коровьево ручья берег подмыло, так я смотрю, торчит. Потянул за край, и вот вам, пожалуйста.

Перед нами был грубый идол, на манер монгольских баб. Гендерные признаки отсутствовали. Едва намечены были руки и ноги. Большая голова не содержала решительно никаких черт за исключением округлой дыры на месте рта и носа. Отверстие было не сквозное и оттого казалось, что пасть идола бездонна. Вырезанная из светлого камня фигурка была изляпана жирной красноватой грязью. Мне тут же вспомнился полевой госпиталь и тазы с отнятыми конечностями. Словно наяву в нос ударил тошнотворный запах корпии.

— Батюшки мои, да знаете ли, это ведь Поплак! — Ибисов в волнении склонил над находкой свою козлиную бородку.

— Кто-кто? — удивились мы со Смирягиным.

— А это, господа, презанятная штука. В древности края наши населяли племена сочуев, отсюда, кстати, и название уездного города — Сычёвка. Богов у сочуев было великое множество, но Поплак стоял особняком. К нему обращались, если что-то в жизни вдруг затягивалось. Вот, скажем, девица ходит пустая, а ей давно пора тяжелеть. Или ссора между родами долго не кончается. Или вот, к примеру, неурожай год от году. Тогда брали, стало быть, этот артефакт и приносили жертву.

— Кровавую, разумеется, — пробасил Смирягин. — Ох уж эти язычники!

— Отчасти вы правы, Федор Афанасьевич, — закивал аптекарь. — Кровь для Поплака лилась всегда. Однако в ритуале потребен был еще элемент, как говорится, *povum initium*. Лучше всего была какая-нибудь свежая черта. Только что связанный лапоть, толика хлеба едва из печи, но более всего ценились вещи пришлых людей, чужаков. Чужое, стало быть — новое. Штуки эти, извольте видеть,

как искра в пистолете. Вещь вроде никчемная, но без нее порох не поджечь.

— А что случилось с этими сычами? — усмехнулся Смирягин.

— В начале четырнадцатого века в этих краях случился мор, а затем оставшихся вырезали татары Мамая.

— Ай да аптекарь! Целая лекция! — восхитился Брумс. — Откуда такая осведомленность?

— Здесь ровным счетом никакой истории — улыбнулся скромный Ибисов — когда я учился в Петербурге, у нас был клуб антропологии. Готовили, знаете, доклады, даже на раскопки в Крым ездили, к милейшему Косцюшко-Валюжиничу. Вот и про сочуев этих мне довелось материалаец готовить. Да что там попусту ворошить? Давайте-ка мы его лучше от грязей отчистим.

Я попросил Тасю подготовить воды, но Ибисов сам вызвался обработать божка. Как-то очень трогательно притиснул фигурку к груди и потащил во флигель.

— Странный человек! — Смирягин покачал большой головой. — Образование столичное, а мается в нашей глухомани. Ну, вот хоть вы скажите, друг мой, на кой ляд здесь аптека? Да еще какая! В Вязьме такой нет!

Я отвечал, что аптека-то как раз очень кстати, не нужно ждать лекарств из города. Однако признал, что и в самом деле чудно. Нужно сказать, что я об этом как-то никогда не задумывался. Есть аптека и есть. Но в словах Смирягина была логика.

Землемер Брумс в нашей дедукции участие не принимал. Сидел оцепенело за столом и смотрел на свечу. Как видно устал шататься бездорожьем. Даже без шинели он походил на тролля из норвежских легенд, книгу которых мне как-то в другой жизни подарила Варя.

Я хотел было спросить Брумса не желает ли он, чтобы ему уже постелили, как вдруг в гостиную ворвался извозчик Селиван.

— Беда, барин, уж простите, что без спросу, беда! — извозчик был явно напуган. — Нестор Ваныч это... Ох! Святые угодники!

— Что еще за ох? — Смирягин, суровый и тяжелый, встал из-за стола. — Что стряслось, солдат? Доложись!

Опыт службы немедленно помог и Селиван заговорил

членораздельно, поминутно отирая потный лоб рукавом.
— Едем мы, сталбыть, Нестор Ваныч спит. У Метелиц, сталбыть, проснулись, сходили по нужде. А как к Лютожке подъехали, видим — шум, огни, крики. Нестор Ваныч, сталбыть, говорит «Правь туда». Мне что? Велят — значит, едем. Свернули с тракта, подъехали к селу, а там мужики перепились и посад жгут.

— Что значит жгут? — нахмурился Смирягин. — Ты что несешь, скотина?

— А вот так жгут, натурально. Нам, кричат, оно больше не нужно. Мы, мол, в город пойдем, на завод работать.

— Та-ак, — мрачно протянул помещик, — значит, бунт? А что же Нестор Иванович?

— А они, учитель наш, сталбыть, вдруг сделались очень прятки. Как на землю сиганёт, да как завопит: «Народ мой, внемли!» И шаст в самую толпу. Ну, думаю, пропал батюшка Нестор Иванович, и скорее к вам поехал. Что делать-то, барин? Нешто исправников звать?

— Да какие испавники среди ночи? Самим нужно ехать! — Смирягин заметался по комнате, — Надо бы слуг с собой взять, да ко мне далеко. Не поспеем. Доктор, вы ведь из дворян? — я отвечал, что из колокольных. Но помещик только рукой махнул, мол, все едино. — Гарольд Карлович? Вы?

Мы с Брумсом переглянулись и молча поднялись. Ах, если бы выпитое не ударило нам в голову! Все могло сложиться иначе. Но в тот момент нас охватило какое-то лихое единодушие, как у бравых мушкетеров из романов Дюма.

В прихожей испуганная Тася схватила меня за рукав и просила напрасно не рисковать.

Хотели звать Ибисова, но потом раздумали и решили оставить старика на хозяйстве.

Ехали на двух колясках. Мы с Брумсом на Селиване, а Смирягин в своей. Я прихватил с собой трофейный австрийский револьвер. У землемера тоже было что-то огнестрельное. Помещик сказал, что всегда возит с собой ружье и кинжал.

Вот так, вооруженные, точно башибузуки, ворвались мы в злополучную Лютожню.

В селе и правда бушевал пожар. Непотребство, как видно, началось с окраинных домов, где жили бобыли

и бедняки, а теперь смута переместилась к центру, где теснились подворья кулаков и белела колокольня церкви Архангела.

Мы стали продвигаться к центру и вскоре увидели толпу. Что-то препятствовало их продвижению. Оказалось, мужики разделились на две фракции. Одни желали жечь, другие этому противостояли. Предводитель запальщиков выступил вперед, и я с удивлением узнал в нем Матвея Нежилца.

Навстречу киклопу вышел приземистый крепкий мужик, по виду староста.

— Что ты творишь, Матвей? — начал он укоризненно, словно выговаривал ребенку. — Зачем с огнем балуешь? Нешто водки тебе мало? Так давай я еще налью.

— Не нужна мне твоя водка, — громыхнул Матвей. — Нешто не видишь, что творится вокруг? Все менять нужно. В города идти.

— Опомнись оглашенный! Какие города? Кто тебя там знает? Эти хотят идти? Фрол да Фома? — староста презрительно глянул на толпящихся за спиной Матвея мужиков, сплюнул. — Пушай катятся! Ничего здесь не нажили, может, хоть там ума наберутся. Но ты-то семейный крепкий мужик. У тебя двор, скотина, дети. Куда собрался? Нешто ты цыган? Отец с матерью на тебя с неба глядят и плачут.

— Ты отцом мне не тычь, — пробасил Нежилец. — Он тебе все завещал: и дом, и конюшню.

— А-а, вона тебе чего, — протянул староста. — Да на! Забирай половину. Нет! Все бери!

— Не надо мне! Пусть все общее будет.

— Общее? — сощурился староста. — Это с кем же? С этими безалабами?

— А хоть бы и с ними!

— Да ты никак рехнулся? Все, Матвей! Я тебя предупредил. Отступись или...

— Брата убьешь? — как-то неожиданно плаксиво спросил Нежилец. — Возьмешь грех на душу?

— Возьму, — просто ответил староста и шагнул вперед. За его спиной подобрался дюжие батраки. Навстречу им шатнулась пьяная и угрюмая толпа. В этот момент Смирягин выстрелил в воздух. Громовой звук заставил споря-

ших застыть на месте, и мы весьма эффектно ступили в круг света, блистая своим арсеналом.

— Что, свиньи? Бунтова-ать!? — взревел Смирягин, потрясая ружьем. — Вас в острог за это, в кандалы, в Сибирь! Огромный и страшный, как медведь-шатун, он пошел на толпу. Мужики, ощутив за ним силу, отступили к воротам ближнего подворья. Только Нежилец остался на месте, точно верстовой столб, по ошибке вкопанный посреди дороги. Смирягин прошел мимо, не замечая его, продолжая бичевать пьяниц угрозами и бранью. Мы с Брумсом держали мужиков под прицелом.

— Расходитесь по домам, православные! — внес лепту староста. — Уйдёте сейчас — всё простится.

Тут двери конюшни за его спиной внезапно и резко открылись. Наружу вырвался снап искр, и в сизых дымах нарождающегося пожара явился всадник на огромном черном коне. Только давнее знакомство позволило мне узнать в этом демоническом наезднике скромного сельского учителя. Нестор Иванович был весь в саже, даже непослушные кудри почернели.

— Свобода или смерть! — завопил учитель и направил жеребца прямо на старосту, подминая под брюхо коня растерявшихся батраков. — Воля-а-а!

— Воля! — угрюмо отозвалась толпа и потом заметалось, возшло над крышами проклятой Лютожни первобытное и страшное. — Бей!

Мужики бросились на Смирягина. Я выстрелил раз и, кажется, попал. Смирягин ударом приклада опрокинул одного, другому отвесил тяжелую оплеуху. Хотел выстрелить, но на нем уже повисли, хватали за руки. Я глянул на Брумса и не нашел его на месте. Землемер отбросил револьвер, выхватил табельный кортик геодезиста и быстрыми мягкими шагами двигался к Нестору Ивановичу. В его движениях ощущалась привычка, сноровистые четкие действия убийцы-профессионала. В моей голове всплыла непрощенная мысль про милого увальня бегемота, который становится грозным недругом, если причинить ему боль.

Первым делом Брумс напал на коня. Стремительно рассек ему горло. Жеребец в припадке предсмертного ужаса вскинулся на дыбы, сбрасывая учителя в грязь. Брумс

тем времен подскочил к Нестору Ивановичу и легко поднял его над землей. Встряхнул, что-то спросил. Внезапно раздался выстрел, и землемер упал ничком, погребая под собой учителя. Я хотел разглядеть нападавшего, но в темноте только различил едва видимый силуэт, поразившись, как далеко стоит стрелок. Тут что-то тяжелое врезалось мне в голову. Я начал проваливаться в овчинные объятия забытья. Темнота нахлынула, пахнула гарью, сивухой и вдруг сказала голосом Матвея Нежилыца.

— Вам, доктор, не надо здесь быть. Я вас к заборчику, чтоб не зашибли...

Я пришел в себя от холода. Болело лицо, хотелось по нужде. В помещении, где я лежал, царил утренний сумрак. Что-то огромное загораживало свету дорогу. Я сощурился, пытаюсь сфокусировать зрение, и понял, что надо мной склонился Брумс.

— Гарольд Карлович? Вы живой? Но я же видел, как вас... вы упали и...

— Пустое, царапина, — Брумс поморщился. — Лучше скажите, как вы себя чувствуете?

— Бывало и хуже. Где мы?

— В доме старосты, — землемер подошел к окну, и мне стала видна комната, безвкусно, но основательно оформленная на кулацкий вкус.

— Дом не сожгли?

— Нет. После конюшни поджогов больше не было.

И Брумс рассказал, как мужики дрались с батраками старосты, как терзали несчастного Смирягина, а потом, словно пресытившись кровью, впали в оцепенение и разбегались кто куда, оставив на улице пять человек искалеченными и убитыми. Старосту тоже изрядно помяли, но ему удалось скрыться за полисадом. Я решительно поднялся и хотел идти вниз, чтобы оказать помощь этому мужественному человеку. Но землемер просил обождать и поманил меня к окну.

Я нехотя подошел. За мутноватым стеклом была видна улица и лежащие на ней трупы. Вдруг кто-то ступил в поле зрения. Я узнал Ибисова.

— Что он здесь делает? — с удивлением обратился я к Брумсу, но тот лишь покачал большой головой и снова привлек мое внимание к окну.

Ибисов, в шляпе и темном плаще-крылатке походивший на какое-то глубоководное создание, медленно ходил между лежащими, наклонялся, протягивал руку. Двигался он странно неуклюже, и вскоре стало ясно отчего. В левой руке аптекарь держал Поплака. Вот он снова наклонился, тронул мертвеца, а затем сунул пальцы в черный рот идола.

— Кормит, — Брумс поправил очки, — он его кормит. Ай да Ибисов!

Мы с Брумсом выскочили на улицу. Окликнули Ибисова, тот был уже у церкви. Он обернулся, всматриваясь, и вдруг побежал. Мы за ним. Аптекарь двигался неожиданно прытко. При этом он все так же прижимал идола к груди. Вот Ибисов свернул с дороги и устремился через поле к руинам каменного строения, окруженного неровным строем хилых осин. У входа Брумс достал свой кортик. Лезвие на вид казалось влажным и странно расплывалось в глазах, словно свет не мог удержаться на его скользкой поверхности. Этот странный оптический эффект я отнес на счет сотрясения мозга, которое пережил благодаря младшему Нежилыцу. Однако иллюзия никак не желала рассеиваться. А тут еще Гарольд Карлович сказал что-то на странном гортанном наречии и от кортика на землю излился каскад ярких белых искр. Я в замешательстве глянул на землемера. Тот только пожал широкими плечами.

— Нет времени объяснять. Скорее!

Вместе мы прошли в здание и увидели Ибисова. Он стоял у дальней стены, как-то боком, сиротливо ссутулившись, слегка наклонившись вперед. Дышал трудно, надрывно. Полы его шикарного плаща украшали потеки грязи. Шляпу Ибисов обронил, и стал виден высокий в испарине лоб, увенчанный хохолком седых волос, а на виске... звезда. Словно горсть земляники на белой тарелке.

— Не подходите! — аптекарь вытянул свободную руку вперед. Я думал, что у него пистолет, но нет. Беглец был безоружен. В кулаке зажата перчатка.

— Что вы делали у дома старосты? — спокойно спросил Брумс.

— Ничего такого, — с трудом вымолвил Ибисов. — Я просто... Я узнал, что вас помяли, вот решил помочь... Селиван

в деревне ждет, можете справиться...

— Тогда зачем убежали? — я заметил, что Брумс с каждым словом делает маленький, почти незаметный шаг в сторону аптекаря.

— Испугался. В дымке не разглядел вас. Думал, погромчики вернулись.

— Зачем вы мазали идола кровью? — спросил я в свою очередь.

Ибисов вздрогнул, помрачнел.

— Вы видели? Что ж, я хотел проверить одну теорию. Говорят, камень, из которого сделан божок, меняет цвет при взаимодействии с железистыми растворами и я...

— Довольно! Вы заврались, Ибисов! — холодно сказал Брумс. — Знаете, что я думаю? Вы — адепт одной из теургических лож Петербурга. У вас следы от браслетов силы на запястьях. Уверен, что найдется и татуировка. На вашей правой руке не хватает фаланги мизинца. Это значит — вас изгнали. А теперь вы хотите вернуться при помощи сомнительного ритуала?

— Да! Хочу! — вдруг закричал аптекарь. — А вы бы не хотели? Я измучался здесь, разве не видно? Доктор, вы ведь жили в Киеве! Скажите, неужто вам хорошо в этой дыре?

— Но с чего вы решили, что Поплак сработает?

— Я знаю. В Петербурге, в кунсткамере был один такой идол. Мы с друзьями выкрали его и провели ритуал против одного субъекта из тайной полиции... Все сладилось. Человек, который отравлял нам жизнь, исчез на следующий день.

— И вы отправились сюда искать еще фигурки?

— Да. Но за семь лет мне ни разу не повезло. Идол словно бы не хотел, чтоб его отыскали. И вот такая удача. Судьба улыбнулась, — аптекарь был явно помешан, глаза его нездорово блестели, точно как у Нестора Ивановича прошлым вечером.

— Бросая в реку судьбы камни, вы рискуете вызвать потоп, — веско сказал Брумс. — Отдайте идола и покончим с этим...

— Делайте, как просит Гарольд Карлович, — мягко обратился я к аптекарю — вы нездоровы. Позвольте оказать вам помощь.

— Это вы нездоровы! Вся страна больна застоем! — Иби-

сов сорвался на крик — нам нужны перемены! Всем нужны, понимаете, всем!

В этот момент Брумс рванулся вперед. Он двигался очень быстро, но аптекарь каким-то чудом опередил его. Ибисов швырнул перчатку под ноги, и от пола к потолку вдруг устремилась стая черных птиц. Такая плотная, что за мельтешением пернатых тел было не разглядеть дальней стены. В ответ Брумс ударил кинжалом. Обшарпанные стены озарила яркая вспышка. Птицы исчезли. Но вместе с ними пропал и аптекарь.

— Что это было, Гарольд Карлович? — спросил я.

— Что? Птицы? Да так, пустяки. Направленная оптическая иллюзия... А он неплох, этот Ибисов. Дематериализация... не ожидал, — Брумс протопал к дальней стене и вдруг выругался. Я подошел и увидел в полу черное отверстие лаза. С нашей позиции его было не разглядеть.

— Вот тебе и дематериализация! — усмехнулся землемер. — Давайте-ка разделимся. Я за ним, а вы обойдите дом и ждите снаружи. Только прошу вас, доктор, будьте бдительны. Бог знает, откуда он выскочит.

Я согласился, хотя и не очень хорошо представлял, что делать с человеком, способным вытащить из перчатки стаю ворон.

Снаружи царил привычная серость. Я обежал дом, минутно оглядываясь. Никого.

Выстрел! Эхо пошло гулять над черным полем. Вспугнуло грачей. Я бросился на звук и обнаружил, что осинник за домом клином врезается в поле. Местность за деревьями шла вниз, образуя небольшую ступень, которая была не видна, если глядеть от дома. Там-то я и нашел Ибисова. Аптекарь лежал на спине. Он был мертв. Во лбу покойника чернело входное отверстие от пули. Земля под затылком пропиталась кровью. Я оглянулся в поисках идола. Поплак исчез.

— Что там у вас? Кто стрелял? — из тоннеля в склоне обрыва, точно шатун из берлоги, выбрался Брумс. На мгновение я заподозрил, что это он убил Ибисова, но потом понял, что оружия, кроме кортика, у землемера не было. В отдалении заржала лошадь. Я взгляделся и увидел: далеко, почти на горизонте, через поля едет всадник.

— Вот наш стрелок, — Брумс приложил руку козырьком ко лбу.

— Далековато, — усомнился я.

— Не для этого, — Гарольд Карлович покачал головой. — Думаю, это он меня вчера подстрелил.

— С чего вы взяли?

— Рана, — глухо сказал немец, — рана не затягивается. Я должен... мне нужно вам сказать... — землемер пошатнулся. Я подскочил к нему, подставил плечо, обхватил широкую спину и тут же почувствовал под пальцами горячую влагу.

Селиван, как и сказал Ибисов, ждал на окраине села. Увидев нас, соскочил на землю и принялся помогать. Вместе мы со всей осторожностью разместили Брумса на сиденье. Гарольд Карлович был в сознании, но очень бледен. Однако оперировать на месте было решительно невозможно, и я велел извозчику ехать в больницу.

Дорогой немец впал в тревожное забытие, что-то бормотал, тряс головой. Потом пришел в себя. Спросил куда едем и, узнав, что я собираюсь его оперировать, кивнул.

— Похоже, без этого не обойтись, — я очень хотел спросить Брумса, как он умудрился разгуливать с пулей в спине, но промолчал, однако взгляд мой, похоже, был красноречивее слов, и землемер заговорил, медленно выцеживая из себя фразы.

— Не смотрите на меня так. Понимаю, у вас есть вопросы. Я действительно инженер-геодезист на службе Его... величества. Но это не все мои обязанности. Прокладка дороги есть акт борьбы с хаосом. Любое воздействие, как известно, вызывает ответную реакцию. И ответ подчас... принимает странные формы. Это началось задолго до нас. Еще римляне сталкивались... есть письменные свидетельства. Древние формы. Обитатели, двеллеры, насельники камней, деревьев и болот.

— Вы что же, с нечистью боретесь? — не выдержал я, — Как у господина Гоголя? Вий и прочие бесы?

— Не смейтесь, — прохрипел Брумс, — если бы вы видели то, что довелось видеть мне... — тут я вспомнил ворон, вылетающих из перчатки, и прикусил язык.

— Людей влечет Тусклый мир, — продолжал землемер, — они хотят могущества и сакрального знания, желают отличаться... Обитатели пользуются этим. Сначала я подумал, что в уезде происходит нечто подобное. Но, по-

хоже, ошибся. Здесь другое... какой-то заговор. Людские дела — не в моей компетенции. Но этот стрелок... я хотел бы взглянуть на него.

В ответ я рассказал Брумсу про звездную болезнь. Про метаморфозы Нестора Ивановича и Матвея Нежилицы. Вспомнил, что и у Ибисова была звезда на виске.

— А-а, кажется, понимаю, — кивнул землемер, — это что-то вроде эксперимента. Очень похоже на столичных теургов. Они хотят посмотреть, работает ли ритуал с Поплаком. Проверяют всех, кто имеет непокой в душе. Ибисов давно хотел вернуться в Петербург, Нежилец с детства завидовал старшему брату, Нестор Иванович безнадёжно лелеял в душе анархические идеи. Только вот убийство для теургов — это чересчур. Как-то не вяжется. Тут ему снова стало хуже и дальше мы двигались в молчании. Вскоре к нам подъехал исправник в сопровождении жандармов и конных казаков. Спросил, что происходит в Лютожне. Мы с Селиваном коротко рассказали, что случилось и расстались со служителями закона, сославшись на то, что больного необходимо поскорее оперировать.

Пока мы двигались через поля, я размышлял над словами Брумса. Даже в таком плачевном состоянии он казался человеком сугубо рассудочным и не склонным к мистификации. Я знал, студент-повеса из той другой веселой жизни не поверил бы единому слову и посмеялся бы над нелепыми бреднями землемера. Однако здесь, посреди серого безлюдья, странные откровения раненого немца совсем не казались смешными.

К полудню мы добрались до больницы, где нас встретила заплаканная Тася. Брумс был жив, хотя и плох; я велел санитарам немедленно готовить операционную. Послал за Журавским, но того не было на месте.

В двенадцать тридцать пять я приступил к первой и единственной операции по извлечению пули, осуществленной на территории Сычёвской больницы. Снаряд, поразивший Гарольда Карловича, выходил долго, мучительно. Слава богу, теперь жизнь Брумса вне опасности.

Сижу в приемном покое и записываю то, что случилось. Приходят люди. Я назначаю терапию. На обходе у троих больных видел звезды на висках. Прописал им строгий

постельный режим. Авось обойдется! Минувшие события прокручиваются в голове, движутся по кругу, точно фигурки в башенных часах.

Проведал Брумса. Спит, как младенец. Рана удивительно хорошо выглядит. Не представляю, как такое может быть.

Только что заходила уборщица Фрося, спрашивала, гладить ли костюм Журавского. Я удивился, что с его вещами? Оказалось, он прискакал утром весь в грязи и велел отмыть одежду. Когда Фрося пожаловалась, что у барина сюртучок порохом пропах, у меня мурашки побежали по спине. Нелепая догадка ширилась в голове, обрастая пугающими подтверждениями. Вчера на банчок он не пришел — какие-то дела. Бог знает, где мотался всю ночь. Ездил верхом и, похоже, применял оружие. Неужели Журавский и есть таинственный стрелок? Этот скучный тип? Нонсенс! Но ведь его поведение может оказаться маской? Кроме того, заявление насчет родимых пятен, при столь очевидных признаках иной природы, уж чересчур нелепое. Даже для него. Мне необходимо проверить свою версию. Положиться не на кого. Страшно...

Тасенька, милая, если вдруг я... если вдруг не вернусь — передай мои записки в полицию, возьми деньги и поезжай к Варе в Киев. Я был несправедлив к тебе. Ты заслуживаешь лучшего. Твой «М».

Я вышел из палаты и направился по коридору в северное крыло, где жил Журавский. В комнатах его не оказалось, но санитар сказал, что тот отправился во флигель на заднем дворе. Во флигеле хранился всяческий малопродуктивный инвентарь, и туда редко заглядывали. Я взял лампу, спустился во двор и вошел в темное помещение. На пыльном полу четко отпечатались следы Журавского, уводящие куда-то вглубь стеллажей. Ориентируясь по следам, я быстро обнаружил в дальнем углу крышку люка и старый шифоньер, которым ее маскировал Журавский, когда был в отлучке. Все эти простецкие ухищрения казались смехотворными. С другой стороны, никому не было дела до этого замкнутого типа.

Я спустился по лестнице в земляной тоннель, укреплен-

ный грубыми деревянными распорами. От стен тянуло сыростью и могилой. Идти пришлось недолго, впереди замаячил свет. Передо мной был портал входа, пробитый в кирпичной стене. За порталом располагалась просторная комната. Я прикинул, что это, по всей видимости, подвал больницы. Скрытый в глубине помещения источник света озарял глухую кирпичную стену впереди. Очевидно, Журавский велел рабочим перегородить одно из подвальных помещений, создав себе таким образом тайное убежище. Я осторожно шагнул внутрь и тут же увидел Журавского.

Тот стоял спиной ко мне перед неким подобием грубого алтаря. На алтаре и на полу горели свечи. Между ними черными колобками застыло десятка три каменных фигурок. Журавский был облачен в белый халат и, как видно, уже собирался идти восвояси. Я заколебался. Что делать? Внезапно мой мнимый ассистент резко повернулся, выбрасывая руку вперед. В тот же миг я почувствовала странное онемение. Словно меня обнял великан. Двинуться было невозможно.

— Вот и очень глупо, господин заведующий. Зачем полезли? — спросил Журавский своим тихим, бесцветным голосом.

— Так это вы насылали звездную болезнь?

— Не стану скрывать, обнаруженные вами симптомы — следствие моих экспериментов. Хотя с нашей точки зрения это вовсе не болезнь, а нечто противоположное, — Журавский подошел поближе, заглянул мне в глаза. — Вы не представляете, сколько достойных людей не реализуют свой потенциал лишь из-за простой нерешительности.

— Господи, зачем вам это?

— Государство нуждается в переменах. И мы даруем перемены. Россия вспрянет ото сна!

— Это вы убили Ибисова?

— Он выполнил свою роль. Восстановил ритуал до мельчайших подробностей. Определил, где располагались поселения сочueв и, конечно, нашел бы фигурки, но мы всегда на шаг опережали его. А новое здание больницы стало прекрасным источником для наших инкантаций, многократно усиливая действие фигурок. Результаты по-

ражают! Сочуям такое и не снилось!

— Хорошо, но зачем убивать?

— Мелочный, недостойный человек, к тому же извергнутый из круга адептов, не должен владеть великими тайнами, — Журавский слегка наклонил голову, словно прислушивался, и тогда я увидел, то, что скрывал от меня полумрак крипты. Мой мнимый ассистент тоже был инфицирован. «Теурги не пойдут на убийство», сказал Брумс. Однако теперь Поплак решает за них.

— А что насчет меня? Я тоже из числа недостойных?

— Нет, вы — случайный свидетель и ни в чем не повинны, но учитывая обстоятельства, у меня небольшой выбор. Простите, доктор, вам просто не повезло, — Журавский подошел к кирпичной стене, перекрывающей подвальное помещение, нагнулся и поднял нож на длинной рукоятки. — Великая цель оправдывает любые жертвы.

«Кровь для него лилась всегда», — грустно прошептал в моей голове голос мертвого аптекаря.

Я попытался вырваться из сковавших меня пут — тщетно. Тогда мне ничего не оставалось, как громко позвать на помощь.

Журавский нахмурился и поднял нож. Но ударить не успел. Стена за его спиной внезапно взорвалась сотнями осколков. Взрыв швырнул теурга на пол. Окутанный облаком кирпичной пыли в комнату ступил огромный человек. Я не сразу узнал Брумса. Кортик землемера снова светился, на мгновение мне даже почудилось, что это не кинжал, а длинный меч. В круглых очках вспыхивали отблески свечей.

Журавский попытался проделать трюк с оцепенением, но безуспешно. Сверкнула вспышка, и он снова оказался на полу. Приподнялся на локтях, сплюнул кирпичную пыль, уставился на Брумса.

— Да кто вы такой, черт возьми?

В ответ землемер извлек на свет серебряный медальон: мечеобразный крест, охваченный неполным кругом.

— А-а, посланец синода, — прохрипел Журавский, — ну и как ваш крестовый поход? Всех чертей перебили?

— Еще нет, — спокойно сказал Брумс, — но я вижу, что нам пора расширить круг полномочий.

— Не имеете права! У нас договор с синодом.

— Договор действует лишь для тех, кто его соблюдает, — сурово сказал Брумс. — То, чем вы снабдили свои пули, взято из Тусклого мира. Это бесспорно, как и грядущее наказание.

Землемер взмахнул кортиком, и мои пути пропали.

— Вам все равно не остановить процесс, грядут перемены! — Журавский подполз к алтарю и вдруг стремительно полоснул себя ножом по горлу. «Кровь лилась для него всегда».

Непростое ощущение, когда все кончено. Пустота. Ноша, которую тащил, вдруг исчезла и тебе странным образом ее не хватает. Журавский выживет, мы успели вовремя. Однако он повредил себе сонную артерию. Мозг долго находился без кислорода и возможны необратимые изменения. Тем не менее, Брумс хочет забрать его. Говорит, что это важно. Он привел исправника и долго толковал с ним, показывал какие-то бумаги. Как мне показалось, офицер ушел от Гарольда Карловича несколько обескураженным.

Они только что сели в поезд. Журавский очень плох. Его сознание едва теплится. На прощание мы с немцем крепко обнялись. Я спросил его, правда ли то, что говорил теург и грядут перемены. Брумс долго глядел на меня поверх круглых очков. Потом нехотя кивнул.

— Да, это очень вероятно.

Пока ехал от станции домой, сильно разболелась голова. Принял микстуру. Напился горячего чая. Все равно как-то неуютно. Похоже, заболеваю.

Тяжело писать. Никак не могу унять дрожь в руках. Сегодня среди ночи встал, подошел к зеркалу и увидел их. На правом виске чуть крупнее, на левом — меньше и четче. Выходит, я тоже инфицирован.

Прислушиваюсь к себе, но никакой тяги к переменам не ощущаю. Все как обычно. Чтобы успокоиться перечел свои записи. Интересная история! Мог бы получиться недурной рассказ. Да и слог у меня хорошо поставлен. Может, от нечего делать заняться писательством? А там глядишь и до драматурга недалеко.

Через два дня покраснения почти полностью сошли. Быть может, чаша меня миновала?

Я впервые услышал его голос. Отчетливо помню это странное новое ощущение. Словно в комнате появился незримый собеседник. Он говорил мне о величии, о власти над душами тысяч людей — и ключи к этой силе все время были у меня в руках. Литература! Не просто развлечение тоскующего в глуши интеллигента. Он сказал, что мой дар уникален. Что я непременно должен писать. Что меня ждут перемены.

Он говорил еще, но тут передо мной встали образы горящей Лютожни, мертвый Ибисов и Журавский с ножом в руке. Усилием воли я попытался отстраниться от навязчивой галлюцинации и мне это, как будто, удалось. Однако голос не ушел совсем, каждый раз, как только я ослаблял контроль, он начинал звучать снова.

Не сплю третий день. Пытаюсь бороться. Выгляжу я просто ужасно. Пусть и звезд на висках давно нет. Тася хлопочет, хочет помочь и мучается от того, что не знает как. Милая, бесхитростная душа. Зачем она со мной?

Неожиданное открытие. На днях делал трахеотомию мальчику, больному дифтеритом, и, похоже, вдохнул через трубку часть пленок. Сделал себе прививку и получил неожиданную аллергическую реакцию в виде мучительного подкожного зуда. В таких случаях рекомендуется принимать морфий. Я начал вводить себе небольшую дозу внутривенно и поразился эффекту. Голос Поплака совершенно исчез. Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека.

Доставать препарат для меня не так уж и сложно, но, все же, хотелось бы иметь под рукой хороший запас. Здесь

это недостижимо. Снова подал прошение о переводе в Вязьму.

Октябрь 1917 года

Вторая неделя в Вязьме. Перебои с поставками препарата. Сосед-аптекарь что-то пронюхал и перестал отпускать морфий даже под личную ответственность. Ненавижу его! Тасе приходится ходить в слободку. Там еще отпускают. Но мало, крайне мало.

Февраль 1918 года

Сегодня ночью опять слышал шепот Поплака. Он настойчив. Он гневается. Я должен ехать в Киев. Где огни, где жизнь.

Август 1921 года

Кажется, не писал в дневник уже сотню лет. Чего только не было. Избавление от зависимости, работа в газетах и рядом переворот, война. Киев, мобилизация, потом госпиталь во Владикавказе. Удивление и ужас от краха великой страны. Затем Горский театр, удача первых пьес и мерзкое ощущение от того, что пьесы неискренние, заказные. Решение бежать за границу и безумный вояж через горы. Поплак больше ни разу не говорил со мной. То ли болотная магия сгинувших сочувев была не так сильна, то ли я делал все, как хотел идол.

В Тифлисе меня обокрали и надежда вырваться из капкана почти угасла, но я все же приехал в Батум. Говорил с капитанами. Хотел наняться судовым врачом. Тщетно. Как-то в голодном бреду я вышел на берег моря и хотел добираться до Турции вплавь. Силы оставили меня и я растянулся на песке, глядя вверх, где высоко в небе шелестели пятипалые листья платанов. Кто-то подошел ко мне. Я с трудом поднял голову и увидел Ибисова. Он все так же был одет в измазанный грязью плащ-крылатку. Черное отверстие от пули чернело во лбу аптекаря, точно зев Поплака.

— Вот видите, доктор, к чему вы пришли, сражаясь со своим предназначением, — Ибисов сокрушенно покачал головой. — Еще немного, и заурядная голодная смерть. А все от того, что вы упрямо ставите частности на первое

место и забываете о важном.

— И что же с вашей точки зрения частности, а что важное? — меня начал забавлять этот разговор с покойником.

— Частности, дорогой друг, это то, от чего вы так безуспешно пытаетесь спастись. Смена политического строя, новые порядки, репрессии последователей старого режима — для вас это всего лишь материал. Работайте с ним или перенеситесь в выдуманную реальность. Важно, то, что у вас есть дар говорить и быть услышанным. Не только современниками, но и теми, кто еще не родился.

— Как!? — закричал я на него, хотя крик мой в этот момент был больше похож на шепот. — Как писать среди этой мерзости? Среди торжествующего быдла, среди лагерной сволочи, которая убивает чаще, чем ходит по нужде. Когда ничего хорошего здесь не осталось!

— Экий вы все-таки неженка! — засмеялся Ибисов. — Солнце светит, ветер дует, матери рожают детей. Что вам еще нужно? Справедливости? Так создайте ее! Делайте то единственное, для чего вы рождены. Пишите!

— Где? Здесь? — и я, ухмыляясь, точно балаганный паяц, дурачась, вывел пальцем на песке «Записки покойника».

— Нет. Пожалуй, нет. Хотя название мне нравится, — Ибисов протянул руку, и я, ухватившись за нее, поднялся на ноги. — Место в вашей истории тоже важно. Вот, что, ступайте-ка за мной.

И я покорно последовал за мертвым аптекарем через сквер на променад. Народу почти не было. Лишь в отдалении навстречу мне двигались два каких-то гражданина.

— Вот ваш шанс, — прошептал Ибисов мне на ухо, — заговорите с ними.

Я оглянулся, аптекарь исчез, а незнакомцы все приближались.

Сентябрь 1921 года

Сажу на вокзале, пью кофе. Почти как в старые времена. В кармане билет до Москвы и два рекомендательных письма. Ибисов не соврал. Встреча на Батумском променаде оказалась судьбоносной. Теперь у меня есть направление. Что ждет впереди? Прибывший поезд замедляет

ход, и я слышу в грохоте колес и свистах кондукторов «Слава!», «Слава!». Я поднимаюсь, ташу по перрону чемодан. У кассы курят два красноармейца. Их черты скрывает дым от самокруток. Штыки примкнуты. На шапках — звезды.

Игорь ХАРИЧЕВ

ЕСЛИ БЫ ОН ПРОИГРАЛ...

— Шведы не пригодны для демократии. Приходится это констатировать. Похоже, Шведская Федерация — не та страна, которая может когда-нибудь стать настоящей частью Европы — с горечью проговорил Рольф Тоштендаль, известный шведский историк. — Мы — Азия. Люди восточной культуры.

Профессор Рольф Тоштендаль работал в университете Упсалы и жил здесь же, в Упсале, в старой части города. Это был худощавый человек семидесяти лет с лысой головой и в сильных очках с озабоченным взглядом. Он прекрасно говорил по-русски. Мы сидели у него в кухне его двухкомнатной квартиры с бутылкой хорошего французского вина. Он принял меня, гражданина Киевской Руси, весьма приветливо, согласился поговорить. Собственно говоря, именно для разговора с профессором я и прилетел в Стокгольм, а потом приехал автобусом в Упсалу.

— Профессор, ваш диагноз неутешителен, — мягко заметил я. — Есть ли для него основания?

— Самые серьезные. Я придерживаюсь такой точки зрения, что в жизни каждого государства есть поворотные моменты или, как иной раз говорят, ключевые точки на временной шкале, определяющие развитие на столетия вперед. На мой взгляд, таким поворотным моментом было Полтавское сражение. Для Швеции оно стало знаком того, что усилия Карла Двенадцатого по обретению статуса великой державы увенчались успехом, что позднее было закреплено завоеваниями на востоке и юге, а для России Полтавское сражение означало сотрясение основ великодержавия, которое со и вовсе было утрачено. Уверен, что если бы Карл Двенадцатый, а вместе с

ним Швеция, проиграл бы, наша история начала бы развиваться по-другому. А так мы пошли по экстенсивному пути развития.

Это было крупнейшее сражение Северной войны между русской армией под командованием Петра Первого и шведской армией во главе с Карлом Двенадцатым. Оно состоялось утром двадцать восьмого июня тысяча семьсот девятого года в шести верстах от города Полтава на Украине. Разгром русской армии привёл к перелому в Северной войне и началу господства Швеции на Севере и Востоке Европе.

От Полтавы Карл пошел на Москву, без особого труда захватив её. После этого шведские войска двинулись в направлении Казани, которая тоже пала, вслед за тем был покорён Урал. Швеция обрела свои очертания в Европе, раскинувшись на территории Норвегии, Финляндии, Дании, Польши, Белоруссии, но главное, России, вплоть до Черного моря и Уральского хребта. Петру Первому осталась только Юго-Западная часть Украины, которую назвали Киевской Русью и которая уже никогда немышляла о расширении своих пределов. Зато Швеция, получившая к тому времени название Шведской империи, продолжила свои устремления на Восток. Вы, конечно же, всё это знаете. Восемнадцатый век, присоединение больших территорий Сибири, Дальнего Востока, попытки их освоения. В тысяча семьсот восемнадцатом году умер Карл Двенадцатый, совсем недолго, один год правил Ульрика Элеонора, а заканчивали движение на Восток сначала Фредрик Первый, представитель Гессенской династии, а потом Адольф Фредрик и Густав Третий из Гольштейн-Готторпской династии. Швеция стала огромным государством, не случайно сменивший Густава Третьего Густав Четвертый Адольф сказал в тысяча восемьсот пятом году, что главная проблема Шведской империи — ее размеры.

Профессор Тоштендаль невесело улыбнулся, давая понять, что согласен с Густавом Четвертым Адольфом. Протянув руку, он взял бутылку, налил вина в широкие стаканы, поднял свой.

— Давайте выпьем за то, чтобы между нашими народами сохранялись нормальные отношения. Несмотря ни на

что. По крайней мере, мне этого хотелось бы.

— Мне — тоже. — Я глотнул рубиновой жидкости: вкус был отменный. Французы не разучились делать вино. Слова «несмотря ни на что» прозвучали не случайно, в последнее время отношения между Шведской Федерацией и Европой стали весьма напряженными. Я ещё выпил вина. — Значит, проблемы в размерах Швеции?

— Да, — профессор охотно кивнул, — размеры Швеции являются ее проблемой. Но далеко не единственной. На мой взгляд, огромной ошибкой Карла Двенадцатого было то, что он не отменил крепостное право на русских территориях после их вхождения в состав Швеции. Учитывая численность населения, проживавшего там, оказалось, что подавляющую часть подданных Шведской Империи составляли крепостные. К тому же, не говорившие по-шведски — его учили только дворяне. По имеющимся сведениям, Карл Тринадцатый в тысяча восемьсот одиннадцатом году, то есть на второй год своего царствования, поднимал вопрос об отмене крепостного права, но встретил яростное сопротивление со стороны помещиков и вынужден был отступить. А потом началась война с Наполеоном, о довоенных планах пришлось забыть. И только в тысяча восемьсот шестьдесят первом, после сокрушительного проигрыша в шведско-турецкой войне, когда стало ясно, что развитие страны зашло в тупик, Карл Пятнадцатый отменил крепостное право. На мой взгляд, это было сделано слишком поздно. К началу двадцатого века в обществе не успели сформироваться значительные группы, четко осознающие собственные интересы и готовые отстаивать их. Не было сколь-нибудь заметных зачатков гражданского общества.

Как известно, Карл Пятнадцатый хотел дать всем подданным конституцию, но не смог сделать это — столь высоко было сопротивление дворянства после отмены крепостного права. Пришедший после него на трон Оскар Второй также воздержался от дальнейших преобразований. А потом случились вооруженные выступления в Стокгольме, в Москве, спровоцированные большевиками, и Густав Пятый, сменивший Оскара Второго в тысяча девятьсот седьмом году, вынужден был пойти на уступки: даровать конституцию и учредить парламент.

Это способствовало началу нормальной политической жизни, а вслед за тем — расцвету экономики, но в тысяча девятьсот четырнадцатом началась Первая мировая война, отрицательно сказавшаяся и на экономическом росте, и на политической стабильности. Все это подготовило драматические события, разразившиеся в тысяча девятьсот семнадцатом году, которые начались в феврале отречением от трона императора Густава Пятого, а осенью привели к захвату власти большевиками под руководством Ленина. Вальдемар Ленин был на четверть шведом, еще на четверть — евреем и на половину — мордвином. Но он отстаивал совсем не идею превосходства той или иной нации. Он был ярким представителем коммунистической идеи, причем, худшей части этих представителей — большевиков. Тех, кто всегда старался давить меньшинство, кто привык действовать насилием. Особая ирония в том, что большевики насилием гнали народ в светлое будущее.

Мне трудно было сдерживать усмешку.

— Дорогой профессор, я представляю, кто такие большевики. В нашей стране он и тоже были. Хотя, к счастью, власть им не удалось захватить. В отличие от вашей страны. Я в общих чертах знаю, что было дальше. Разразилась гражданская война. Против коммунистов выступили монархисты и сторонники демократии. Было пролито много крови. Но большевики победили, после они стали строить свою коммунистическую империю. Перенесли столицу из Стокгольма в Москву, закрыли границу, отменили всю частную собственность, стали преследовать бывших дворян, офицеров. Потом непосильными налогами разорили крестьян и вызвали голод. А после этого железной рукой Леона Троцкого провели индустриализацию, попутно расстреляв уйму людей.

Профессор Тоштендаль оживился.

— Да, именно так. Вы, Андрей, хорошо знаете нашу историю. Конечно, ключевыми событиями были отмена частной собственности и попытки полного подавления государством человеческой индивидуальности. Если первое было сделать относительно легко, второе коммунистическая власть пыталась делать все семьдесят четыре года своего существования.

Дело вовсе не в Троцком и не в Ленине. Коммунистическая власть могла построить лишь тоталитарное государство с мобилизационной экономикой. Такая экономика хороша, чтобы строить танки и бомбардировщики. Но разве можно запланировать, например, сколько нужно красных женских туфель тридцать седьмого размера или серых в полоску мужских костюмов пятидесятого? Для этого нужна рыночная экономика, а она не бывает без частной собственности.

Вторая мировая война разразилась по вине нацистской Германии, мечтавшей захватить весь мир. Но она не представляла исключения. Союз Социалистических Республик Швеции тоже хотел захватить весь мир. Поэтому я разделяю мнение, что если бы Германия не развязала войну, ее развязал бы Союз. Тоталитарное государство всегда агрессивно.

Хотя Союз готовился к войне, нападение Германии застало его врасплох, отсюда столько погибших в первое полугодие, отсюда столь долгое и масштабное отступление, в ходе которого были оставлены Стокгольм, Хельсинки, Петербург, Великий Новгород. Врага удалось остановить только на подступах к Москве, и то ценой огромных усилий. А потом были сражения на Юге страны, потеря Крыма. Немецкие войска дошли до Волги. И лишь невероятными усилиями нам удалось остановить врага, отбросить, переломив ход войны. Ошибкой немцев было то, что они хотели поработить Союз, превратить его население в рабов. Если бы они освобождали многонациональное население от коммунистического режима, они добились бы успеха. Но Гитлер и его окружение думали только о захвате чужой земли.

Победа над Германией стала возможна лишь благодаря созданию антигитлеровской коалиции, благодаря совместной борьбе с врагом. В одиночестве Союз не смог бы одолеть нацистскую Германию. После войны многие жили надеждой, что хорошие отношения между Союзом и другими странами останутся на долгие времена, может быть, навсегда. Но хорошие отношения быстро разладились, уже в сорок восьмом началась холодная война, обернувшаяся гонкой вооружений. Союз не успел восстановить разрушенную войной экономику, люди го-

лодали, жили в нищете, а страна тратила ресурсы на танки, самолеты, бомбы. Некоторое потепление в международных отношениях наступило только после смерти Троцкого осень тысяча девятьсот пятьдесят пятого. Но гонка вооружений продолжалась, как и холодная война. Именно гонка вооружений подорвала экономику Союза. Тут я не выдержал, прервал профессора:

— Уважаемый Рольф, разумеется, в истории нет сослагательного наклонения. Произошло то, что произошло, и иного не могло быть.

Профессор энергично помотал головой из стороны в сторону:

— Дорогой Андрей, ваша формулировка не точна. Всегда есть несколько возможностей для развития той или иной критической ситуации. Конечно, реализуется только одна из них. То есть, иное могло быть, хотя и не случилось. Поэтому правильнее сказать так: произошло то, что произошло, хотя были возможности для иного развития событий. Вот почему я говорю: если бы Карл Двенадцатый проиграл, — а это было вполне возможно, — развитие нашей истории пошло бы иначе. В этом случае Швеция на данный момент была бы небольшой страной, но весьма удобной для жизни. Скорее всего, мы, как сейчас Киевская Русь, имели бы развитую промышленность, выпускали качественные автомобили, самолеты, жили бы в добротных домах. И не знали бы никаких проблем с властью, с правами человека. Это было возможно. Только история пошла по другому пути. Реализовалась другая возможность.

Я не думал легко сдаваться:

— Но какая разница, могло это случиться или не могло? Это не случилось, и всё тут.

Глаза профессора горели нетерпеливым светом, хотя голос по-прежнему оставался спокойным:

— Ну, как вы не чувствуете разницу? Невозможность и не реализованная возможность — это принципиально разные вещи. Историк обязан их различать, чтобы лучше понимать суть исследуемых событий, их подлинное значение. Чтобы находить те самые поворотные моменты, ключевые точки на временной шкале, которые определяют развитие на столетия вперед.

Если говорить о Полтавском сражении, то план шведского командования строился на внезапности атаки и на убеждении, что русская армия, также как и в битве при Головчине, будет пассивна в наступлении и в основном станет обороняться. План включал в себя два этапа. Первый — шведская пехота ранним утром под прикрытием темноты неожиданно для противника атаковала редуты и прорвалась в тыл русских в пространстве между их редутами, устроенными между Будышанским и Яковецким лесами. Затем последовал удар шведской кавалерии по русской коннице, сосредоточенной за редутами. На втором этапе атаки шведы штурмовали русский опорный пункт, и одновременно с этим шведская кавалерия охватила его с севера, тем самым, обрезав пути отступления русским войскам, что в конце концов привело к их полному разгрому. Вполне могло быть так, что шведы не смогли бы захватить все редуты, например, третий, самый укрепленный. Или русская конница — драгуны под командованием Александра Меншикова — смогли дать отпор шведской коннице. Собственно говоря, один раз это произошло, и тогда Карл Двенадцатый приказал шведской пехоте двинуться на помощь кавалерии сквозь линию редутов, чем спас положение.

В ситуации, когда сражающиеся силы примерно равны, роль случайности становится решающей. И эта случайность может определить будущее страны. Я уверен, что если бы Карл Двенадцатый проиграл, история Швеции сложилась бы иначе. А так мы продолжаем тащить за собой непосильный груз проблем даже после того, как коммунистический режим пал. У нас по-прежнему громадная территория, на которой нет нормальных дорог, нормального жилья, у нас по-прежнему люди живут в ужасных условиях. У нас нет независимого суда. Но главное — нет нормальной экономики. Страна держится только на нефти и газе. Да, это дает многомиллиардные прибыли, но значительную их часть забирает себе узкая группа людей.

— И все эти проблемы Шведской Федерации порождены победой Карла Двенадцатого в сражении под Полтавой? — Великое сомнение наполняло мой голос.

— Нет, конечно. Корни многих проблем уходят в глубь ве-

ков. Но то, что развитие Швеции пошло по экстенсивному пути, определила именно эта победа. — Профессор на секунду замолчал, потом поднял на меня вспыхнувшие глаза. — Поворотный момент подобен железнодорожной стрелке. Она не создает поезд, она пускает его на тот или иной путь. И потом он движется по этому пути. — Рольф Тоштендаль опять протянул руку к бутылке, налил мне и себе вина. — Давайте выпьем...

Тут я прервал его:

— Профессор, простите, но я хочу сказать тост. Вы меня убедили. Поэтому предлагаю выпить за поворотные моменты в истории, за то, чтобы проходить их правильно. Я попробовал представить себе, что сейчас творилось бы в нашей стране и как бы мы жили, если бы Карл Двенадцатый проиграл. То есть, если бы Петр Первый победил. Слава Богу, что этого не произошло. За поворотные моменты в истории.

Я коснулся моим стаканом стакана профессора и неспешными глотками выпил вино. Редакционное задание было выполнено — я взял интервью у профессора Тоштендаля. Мой взгляд устремился за окно — там раскинула свои улицы небольшой городок Упсала, находившийся на краю огромной страны рядом с ее давней столицей. Если бы не старый, заслуженный университет, о нём никто бы не знал. И мне подумалось: «Если бы он проиграл тогда, стал бы наш Киев столицей государства?..»

Игорь МИНАКОВ

ДОМ ОБРЕЧЁННЫХ

Любимым писателям Рэю Брэдбери и Клиффорду Саймаку

Дом был тут совсем некстати. Своими нелепыми хрустальными колоннами он настолько дисгармонизировал с пейзажем, что хотелось зажмуриться, в надежде, что дурацкий мираж рассеется, и окружающее вновь обретёт свою беспощадную сущность. Но жмурься не жмурься, а дом, похоже, не собирался исчезать. В этом Джон Ньюкомб убедился быстро.

— Я больше не могу, — сказала Маргарет, опускаясь на плоский чёрный валун.

Повернувшись к нелепому, невозможному здесь дому спиной, Джон наклонился к жене, всмотрелся в прозрачный пластик гермошлема. Глаза её были закрыты, губы беззвучно шевелились. Джон усилил чувствительность наушников.

— Оставьте меня в покое, — шептала Маргарет. — Дайте мне умереть. Оставьте меня в покое, дайте мне умереть, оставь...

Джон потряс её за плечи.

— Маргарет... Мардж, очнись...

Она умоляла, открыла заплаканные глаза.

— Я не дойду, Джонни, — сказала Маргарет. — Даже если у нас хватит кислорода... Нет больше сил.

— У меня к тебе просьба, Мардж, — сказал Джон. — Пожалуйста, посмотри вон туда... Ты что-нибудь видишь?

— Ну, — буркнула она. — Вижу. Руины какие-то... Боже мой! Это... это...

— Выходит, я не брежу, — проговорил Джон.

Маргарет вскочила.

— Чего же мы тут торчим, — крикнула она. — Идём, Джонни.

В этом была вся миссис Ньюкомб. От истерики до нервного воодушевления она переходила почти мгновенно.

— Постой, Мардж, — Джон схватил жену за рукав. — Мне как-то не по себе... Его не должно быть здесь. Верно, миссис палеоареолог?

— Где твоё воображение, писатель, — усмехнулась она. — Идём.

Джон вздохнул. Пусть этот дом и полнейшая нелепость, главное, Маргарет взбодрилась. Теперь у неё наверняка хватит сил дойти до Купола. Ещё бы, принести такую весть. Сенсация. Открытие даже не века — тысячелетия. Да что там, тысячелетия. Всей человеческой истории. Это вам не игра теней с трещинами на плоскогорьях Сидонии — это дом. Его витые прозрачные колонны, похожие на толстые сосульки, поддерживали четырёхскатную крышу, блестящую на солнце, как полированное серебро. Казалось невероятным, что в мире, где пыльные бури так же обычны, как на Земле дожди, можно со-

хранить такой блеск. Покрытие Купола давно утратило серебристость, в микроскопических выщербинках скопилось ржавая пыль. Купол слился с чёрно-красным ландшафтом, стал частью планеты. А ведь человеческая колония появилась на Марсе тридцать с небольшим лет назад, этому же дому должно быть не меньше миллиарда лет.

Они подошли к дому, поднялись по мраморным ступеням на широкую террасу, опоясывающую его. Между колонн, поддерживающих портик над входом, они увидели тёмную бронзовую дверь. Затейливый рельефный орнамент покрывал её. Джон взялся за литое кольцо, торчащее из пасти чудовища, и потянул дверь на себя. Она отворилась легко, словно ждала этого веками. Джон осторожно заглянул внутрь. Просторный холл. Белые, едва мерцающие стены. Блестящий пол в шахматную клетку, красную и серебристую. Никаких следов запустения. Нигде ни пылинки.

— Эй, хозяева! — позвал Джон. — Есть кто-нибудь дома? У вас дверь не заперта...

— Джонни, ты сошёл с ума? — спросила Маргарет у него за спиной.

Он оглянулся.

— Ты только взгляни на это чудо, Мардж. Чистота и порядок. Будто кто-то следит здесь за этим...

Джон посторонился, не выпуская дверного кольца. Он боялся, что дверь захлопнется, и открыть её больше не удастся. Ведь чудо неповторимо. Маргарет смотрела молча, без ахов и охов. Даже дыхания её не было слышно. Джон понял, что у жены перехватило горло.

— Войдём, — сказала она.

— Ты уверена?

— Да. Может быть, тут найдётся какая-нибудь мебель, чтобы по-человечески отдохнуть. А нет, я согласна лежать и на полу, лишь бы не на этих ужасных камнях...

— Хорошо, хорошо, разумеется, — проговорил Джон, уловив в голосе жены закипающую истерику. — Только, чур, я первый... Мало ли...

Он занёс ногу над порогом, да так и замер.

— Всё-таки это как-то странно, — сказал он. — Дом... На Марсе...

— Господи, — выдохнула Маргарет. — Он ещё и раздумывает!

Она решительно оттерла мужа плечом и первой переступила порог. Джон со стеснённым сердцем смотрел, как жена ступает по скользким с виду двухцветным плитам. Будто по льду. И ржавый прах мёртвой планеты осыпается со складок скафандра и исчезает, не достигнув красно-серебристых квадратов.

Джон подумал, что не должен торчать на пороге, оставляя жену наедине с этим странным домом, но нельзя было позволить двери закрыться. Подпереть её было нечем. Впрочем... Джон посмотрел на контейнер с образцами древних морен, который он всё ещё держал в руке. Маргарет очень гордилась этими находками, считая их несомненными доказательствами существования на Марсе ледников. Это за ними они спускались на равнину Исиды, это из-за них сломался вездеход, и пришлось возвращаться в Купол пешком, это их Маргарет не хотела бросить даже когда выбилась из сил. Тяжёлый на Марсе — на Земле контейнер был бы просто неподъёмным. Джон поставил его у порога и только тогда отпустил кольцо. Пожалуй, дверь закинена основательно...

— Боже мой, Джонни! — крик Маргарет в наушниках оглушил его. — Здесь самая настоящая кровать! Простыни, Джонни!

Джон оглянулся на безрадостный пейзаж каменистой пустыни. Всё по-прежнему. Мёртво и безнадежно. Безнадежно мертво. Нет, не совсем... Джон заметил какое-то движение там, где Тирренское плато уступами сходило в котловину Исиды... Увы, это лишь пылевой смерч, предвестник большой осенней бури. Повернувшись к смерчу спиной, Джон вошёл в дом.

Маргарет стояла посреди огромной спальни, рядом с обширной, аккуратно застеленной кроватью. На серебристом, вышитом белыми цветами покрывале не было ни морщинки. В изголовье снежной горой высились подушки. Из стены росли хрустальные бутоны ночников. Строго и изящно. Ничего лишнего.

— Я хочу лечь, Джонни, — сказала Маргарет. — И не в

этом дурацком пропотевшем скафандре, а — голой. И вымытой до скрипа.

— Я тебя прекрасно, понимаю, Мардж, — проговорил он, рассматривая своё отражение в сдвижной зеркальной двери платяного шкафа. Когда-то белый, а теперь порывевший от марсианской пыли скафандр, помутневший пластик гермошлема — ничего нелепее в этой сверкающей чистотой и дышащей уютom спальне и представить нельзя.

— Понимаю, — повторил Джон, — но ведь это невозможно, дорогая. Здесь же почти вакуум...

— Да, — согласилась Маргарет. — Но только потому, что ты оставил дверь открытой!

Джон посмотрел на жену с испугом. Неужели её рассудок не выдержал столкновения с этим чудом? А — его? Может ли он, Джон Грегори Ньюкомб, инженер регенерационных систем и по совместительству первый марсианский писатель, ручаться за свой собственный рассудок?! Кто гарантирует, что чудо-дом среди песка и камней Тирренской земли не галлюцинация? Подробная и весьма реалистичная. Настигшая их обоих...

— Мистер Ньюкомб, — сказала Маргарет. — Пойдите и затворите дверь. В противном случае я разгерметизирую скафандр.

Она подняла руки к фиксирующему кольцу. Джон кинулся к ней, схватил за запястья. Маргарет рванулась.

— Пусти...

Раздался негромкий в почти безвоздушном пространстве хлопок. Вздогнул пол под ногами.

— Дверь!

Джон отпустил руки жены, бросился в холл. Опасения подтвердились. Вытолкнув контейнер наружу, входная дверь захлопнулась. Джон навалился плечом. Внутренняя поверхность двери оказалось гладкой, без единого выступа, без обыкновенной дверной ручки. Ухватиться было не за что. Пальцы соскальзывали, ноги разъезжались. Дверь оставалась непоколебимой.

В полном изнеможении Джон сполз на пол. Он задыхался. В безнадежной борьбе с предательской дверью он истратил слишком много кислорода. Проклятая ловушка... Впрочем, теперь всё равно. До Купола ему не хватит

воздуха, но... Но ведь идти не обязательно. Спасатели должны быть уже на полпути. Они наткнутся на этот нелепый дом, увидят рядом контейнер с образцами. Всё поймут. Нужно только пойти в спальню, лечь на белоснежную постель и лежать неподвижно, пока спасатели не проникнут внутрь. Очень просто.

Джон понимал, что всё очень просто. Желая сократить путь, они с Маргарет взяли немного восточнее. А это означает, что спасательной команде придётся обшарить лишние пятнадцать-двадцать квадратных километров. Это идиотское «полосатое» магнитное поле Марса выкинуло фортель, лишив их связи с Куполом... Ладно, главное сейчас не дать жене наделать глупостей...

— Мардж, — проговорил он. — Отзовись! С тобой всё в порядке?

Маргарет не ответила. Он повторил вызов. Бесполезно. Теряя сознание от страха, Джон поднялся. Далось это ему с огромным трудом. Бесплотная наружная среда стусилась, стала вязкой и клейкой, как мёд. Цепляясь за стены, Джон побрёл на подгибающихся ногах в спальню. Воображение рисовало разные ужасы. А если Маргарет, подчиняясь безумному порыву, сняла-таки шлем?.. Взрывная декомпрессия — Джон видел однажды, что она делает с человеком.

В спальне Маргарет не было. Бормоча: «Маргарет, дорогая, отзовись... умоляю тебя, Мардж... ради всего святого» — Джон начал обходить комнаты. Их было невероятно много. Дом был набит множеством вещей, созданных для комфорта, улаждающих взор, потворствующих самому изысканному вкусу. Но Джон Ньюкомб ничего этого не видел. Перед ним стояла одна и та же картина — кукла по имени Маргарет с каплями застывшей крови на изуродованном лице.

Полумёртвый от усталости, Джон наткнулся на снятый скафандр. Переступил через него, как переступают через змеиную выползину, и оказался возле небольшой дверцы из дымчатого стекла. Сквозь гермошлем снаружи доносился глухой, переливчатый шум. Знакомый и, вместе с тем, почти забытый. Джон тупо уставился на стекло. Оно было запотевшим, и за ним маячил размытый силуэт. Джон рванул дверцу.

— Мардж!

Обнажённая, она стояла в перламутровой половинке раковины тридакны, ни дать, ни взять Афродита кисти Боттичелли, и благодатный искусственный дождь омывал её полное жизни тело.

— Ма-ардж... — пробормотал Джон и потерял сознание.

В который уж раз Джон попытался уловить мгновение, когда пляшущие разноцветные, похожие на японские иероглифы, закорючки марсианского письма превращаются в строгий чёрный строй латиницы, но тщетно. Стоя на полке, книга была самой собою, но стоило взять её в руки и открыть, как страницы начинали играть в притворяшки. Джону нравилась эта игра. Иначе в доме, битком набитом книгами, которые нельзя прочитать, можно было бы сойти с ума. Не только книги, но и весь дом умело приспособлялся к своим обитателям. Или, скорее, к пленникам. Воздух и тепло, свет и воду, одежду и пищу дом предоставлял без ограничений. Но наружу не выпускал. И что там снаружи творилось, было неизвестно. За окнами расстилась живой, но совершенно нереальный пейзаж. Вместо каменистой пустыни — зелёная долина, вместо жёлтого неба — голубое. По ночам среди звёзд плыли крохотные луны — Деймос и Фобос. Иногда удавалось разглядеть Землю. Вид её вызывал нестерпимую тоску.

Джон нашёл отдушину в книгах. Маргарет — в хозяйственных хлопотах. Марсианские книги-оборотни почему-то вызывали у неё отвращение. Джон же погружался в них с наслаждением. Описание тысячелетней марсианской истории, прежде никому из людей неведомые литературные шедевры — всё это книги с неслыханной щедростью дарили его жадному воображению. Земные мечтатели оказались правы. На Марсе была цивилизация, древняя и неслыханно могучая. Джон никак не мог дознаться — почему она исчезла. Книги не давали ответа. Каждый раз, открывая новый томик, Джон надеялся, что обнаружит ответ. Вот и сейчас взгляд его скользил по притворяющимся понятными строчкам.

«...они искали последнего приюта. Они хотели скрыться от самих себя. От собственной усталости и разочарова-

ния. От мук пресыщения. Но не было им исхода. И вот тогда великий зодчий...»

— Иди ужинать, Джонни!

Джон с сожалением отложил книгу. Маргарет несколько часов возилась на кухне, выпекая какой-то необыкновенный пирог, аромат которого уже давно дразнил проголодавшегося Джона. До завершения священнодействия соваться на кухню не стоило. Экспериментируя, Маргарет страшно нервничала. Но и медлить теперь, когда она сама позвала, было непозволительно. Размышляя над прочитанным, Джон отправился мыть руки. Марсиане отличались от людей редкостным домоседством. Совершенствуя, оттачивая до мелочей свою культуру, они не рвались за пределы родной планеты. «Дух, — говорили он, — дышит, где хочет. К чему обрекать тело на страдания дальних странствий?» В этом была сила их цивилизации, но в этом была и её слабость. Изначальный порок, восходящий ещё к тем временам, когда предки марсиан ютились вдоль узкой плодородной полосы экватора. В неустанной борьбе за существование, марсиане расширили своё местообитание до полюсов, но этим и ограничились. Они преобразовали свою планету, сделали её самым уютным местом в Солнечной системе уже тогда, когда жизнь на Земле только-только начала решительный штурм суши.

Пирог удался на славу. Да и вино из обширного погреба было неплохим. Джон и Маргарет сами не заметили, как оказались в постели. В этом доме с ними такое случалось нередко. Сказывались годы жизни в крохотной комнатёнке в Куполе, с тонкими, почему-то считающимися звуконепроницаемыми стенками. Они словно вернулись в медовый месяц.

— Джон, — позвала Маргарет. — Не спи.

— Я не сплю, — откликнулся он.

Ленивое течение дрёмы выносило Джона на стрежень. Плакучая ива полоскала зелёные волосы в прибрежном омуте. В камыше вопросительным знаком изогнулась цапля, прильнувшая клювом к груди. Тучи мошки резвились в прохладном воздухе...

— Нет, ты спишь, — сказала цапля. — Бессовестный...

— А! Что! — вскинулся Джон. — Что случилось, Мардж?

— Ничего, — ответила Маргарет. — Я просто спросить хочу...

— Ага, слушаю...

Джон потянулся к тумбочке, где у него лежала трубка. Много лет назад бросивший курить, чтобы попасть в группу кандидатов на работу в марсианской колонии, в доме Джон снова вспомнил о давней привычке. А может, привычка нашла его. Во всяком случае, однажды он обнаружил самшитовую трубку и целый мешок табака — превосходного английского кнастера. И не удивился. Не хотелось уже удивляться.

— Мы не выберемся отсюда? — спросила Маргарет, дождавшись, пока он раскурит трубку.

— Ну что ты такое говоришь, Мардж... Рано или поздно люди Вороникина нас обнаружат. Ты же знаешь, у них приказ — ни одного пропавшего без вести. Помнишь, как долго искали группу Жанэ?

— Помню, — отозвалась Маргарет. — Три недели... Только мы уже прожили здесь в десять раз больше.

— Ну да, ну конечно, — смеялся Джон. — Но ведь дом не иголка. Его обязательно обнаружат. А мы подождём. С комфортом. У нас же здесь полно всего, даже слишком...

— Да, слишком, — эхом откликнулась Маргарет. — Но всё же кое-чего не хватает...

— Ну, стоит только пожелать, — проговорил Джон, — и дом...

— Я не хочу ЭТОГО от дома, Джонни, — сказала она. — Я хочу это от тебя!

— Боже мой, Мардж! — Джон подскочил. — Так ты о?..

— Разумеется, о ребёнке, мистер Ньюкомб, — рассмеялась Маргарет. — Какой же вы всё-таки тупица.

— Подожди, Маргарет, — сказал он. — Ты уверена? Мы ведь всё ещё на Марсе. А это малопригодная для рождения детей планета.

— Ты же сам говоришь, что дом даст нам всё, — возразила она. — А значит, он даст всё и для нашего ребёнка.

— Да, но сама рассуди, — сказал Джон. — Каково ему будет расти в четырёх стенах? Смотреть в окно и видеть весёленький пейзажик. И не иметь ни малейшей возможности оказаться за пределами дома.

— Не знаю, Джонни, — сказала Маргарет. — Придумай что-нибудь... В конце концов, ты мужчина, глава семьи... И потом, ты так горячо веришь в спасательную команду. — Воображаю, что скажет Воронихин, — пробормотал Джон, — когда узнает, что его полку прибыло...

— Он обрадуется, — сказала Маргарет, — когда узнает, что можно переселить колонию сюда. Ведь места в доме хватит на всех...

— Пожалуй, — буркнул Джон.

— Но пока они будут нас искать, — заключила она. — Мы должны обзавестись ребёнком. Иначе я сойду с ума.

— Хорошо, Мардж, — сказал он, вставая с постели. — Только дай мне время всё обдумать. Это серьёзный шаг. Весьма серьёзный.

Джон захлопнул книгу. Невидящим взглядом уставился в окно. Он нашёл, наконец-то, ответ. И теперь сожалел о том, что искал его. Марсиане, достигнув всего на свете, усовершенствовав себя и свой мир до невозможных пределов, затосковали. Чёрной тоской безысходности. Они устали от прогресса, от культуры, от беспечной жизни, но больше всего они устали от самих себя. И тогда великий Зодчий, чьё имя с общемарсианского переводится как Отвернувшийся-от-Звёзд, объявил, что построит каждому дом, исполняющий любые желания. В таком доме можно жить семьями, или с друзьями, или в одиночку, как угодно, но главное, только в таком доме можно спастись от самого себя. Ведь любые желания исполняются. И такие дома были построены. И марсиане заперлись в них. А может быть, дома сами их заперли. Как бы то ни было, улицы марсианских селений опустели. Смолкли детские голоса во дворах, из кофеен и баров пропали судачащие старики, домохозяйки не обменивались рецептами, их мужья не съезжались на охоту, а молодёжь не танцевала до утра. Всё то, что создавало мощь и величие марсианской цивилизации, постепенно пришло в упадок. Ведь дома обеспечивали своих обитателей всем необходимым. Но природа, вышедшая из-под контроля совершенных марсианских машин, стала стремительно возвращаться в первобытное состояние. Вzbунтовавшиеся вулканы, покинувшие изначальные русла водные по-

токи, лавины и оползни, ураганы и цунами в мелководных морях сметали с лица Марса дома-ловушки, вместе с их ушедшими от себя обитателями. Последний удар нанёс Космос, которым марсиане пренебрегали. Из Обломочного пояса пришла малая планета. Она немногим превосходила размерами Фобос, но отклонить её было некому. Она вонзилась в кору Марса в восточном полушарии, неподалёку от Южного полюса. Миллиард тонн небесного камня и железа пробил планету до самого ядра, вспучив в западном полушарии исполинский нарыв вулкана Олимп и горную систему Фарсиды. В огненном хаосе выкипали моря, испарялись ледники, атмосфера была перенасыщена серой и варевом вулканических газов. Эта катастрофа уничтожила все уцелевшие от прежних, менее опасных природных катастроф дома. Все, кроме одного.

Этот дом выжил. Выжил, потому что сумел приспособиться. Он не хотел исчезать. Слишком много в него было вложено ума, таланта и хитроумной техники. Этот дом Отвернувшийся-от-Звёзд предназначал для себя. Он собирался войти в него последним. Но не вошёл. Когда великий Зодчий осознал масштабы беды, у него осталось только одно желание. Чтобы исполнить его, Отвернувшийся-от-Звёзд не нуждался в услугах собственного творения. Он застрелился на пороге своего чудо-дома. И никто не пришёл, чтобы смежить ему веки. Некому было приходить. И великий Зодчий смотрел невидящими глазами на звёзды, от которых он отвернулся. Смотрел до тех пор, пока птицы не выклевали эти глаза. И дом остался ждать хозяина. Он был не прочнее других, но он был умнее. Он придумал единственный надёжный способ избежать природных катастроф. Что это за способ, в книге сказано не было. Джон не стал ломать себе голову. В конце концов, его это устраивало. Это означало, что дом достаточно надёжен, чтобы они с Маргарет могли позволить себе ребёнка. Честно говоря, они уже позволили. Жена не стала ждать, пока он примет решение. Джон и сам не помнил, как это случилось, но округлившийся живот Маргарет был красноречивее любых уверений. Оставалась одна загвоздка. Непонятно было, кто написал эту книгу, если все марсиане погибли? Может быть, в

дом всё-таки кто-то вошёл и жил здесь до самой смерти? От этой мысли Джону стало неуютно, словно призрак давно истлевшего марсианина вдруг появился у него за плечом. Джон поспешно встал из-за стола и направился в гостиную, где Маргарет вязала крохотные смешные пинетки. Джон присел рядом, обнял жену, погладил живот, выпирающий под халатом. Маргарет не отвлекаясь от вязания, поцеловала его в небритую щёку.

— Дикобраз, — пробурчала она. — Погряз в своих книгах по уши. Бриться перестал.

— Как малыш? — спросил он.

— Толкается, — улыбнулась Маргарет. — Испинал всю... Знаешь, я придумала такую симпатичную кроватку малышке, что ах! Надеюсь, наш милый домик сумеет её сочинить?

— Набросай чертёжик, — проговорил Джон. — Я сам её сделаю. Надоело сидеть, сложа руки, я всё-таки инженер... Постой, как ты сказала?..

— Я сказала, что придумала замечательную кроватку...

— Нет, — перебил её Джон. — Ты что-то сказала про дом!

— А, ну да, — кивнула Маргарет. — Я сказала, что надеюсь на то, что дом сможет её сочинить, как сочинял до сих пор всё необходимое... А в чём дело?

— Ты гений, Мардж!

Джон поцеловал жену в шею и выбежал из гостиной. В кабинете он вновь схватил прочитанную книгу. Взглянул на титульный лист. Пёстренький марсианский шрифт медленно, как бы нехотя стал превращаться в латиницу. Теперь Джон мог видеть, как это происходит, но сейчас ему были неинтересны метаморфозы марсианских иероглифов. «Го...во...ряща...я кн...и...га»: появилось на титуле. Джона колотила нервная дрожь, когда он, перебросив три сотни страниц, добрался до самых последних — чистых, как первый снег. Схватил золотое перо с не иссякающими чернилами и вывел:

«Эту книгу написал ты?»

Почти сразу же появились «иероглифы», которые немедленно превратились в английские слова:

«Я. Это книга о конце и начале времён...»

Джон хмыкнул, хотя его всё ещё бил озноб.

«То, что о конце, я заметил, — написал он. — А где — о

начале?»

«Ты читал невнимательно, — отозвался дом. — Впрочем, тебя интересует не это...»

«Ты угадал. Меня интересует, почему ты не выпускаешь нас наружу?»

«Потому что снаружи нет ничего, что вам нужно...»

«Откуда ты знаешь, что нам нужно?»

«Вопрос не имеет смысла, — отозвался дом. — Всё, что нужно вам и моему будущему хозяину, я даю сполна...»

«Ты не понимаешь, — написал Джон. — Нам нужно не только жилище, не только тепло, воздух, вода и пища. Нам нужен простор, не ограниченный стенами, свободный ветер, купол неба над головой...»

«Странное желание, — удивился дом. — Но любое желание хозяина для меня закон. Тот мир, который вы видите за окнами, вас устроит?»

«Да, — накарябал неверной рукой Джон Ньюкомб. — Да, — повторил он, не веря своей удаче. — Да, чёрт побери!»

«Будь по-твоему, — согласился дом. — Но учти, если ты переменишь своё решение, я не смогу исполнить второго, настолько же странного желания...»

«Не перемену», — поспешил заверить его Джон.

— Закрой глаза, Мардж! — потребовал Джон, беря супругу под пухлый локоток. — И обещаю, что не будешь подглядывать.

— Ну, закрыла, — отозвалась Маргарет. — Что ещё?

— Теперь тихонько, маленькими шажочками продвигайся вперёд, — сказал он. — Не бойся, я буду тебя поддерживать. Только не открывай глаза.

Маргарет послушно пошла за ним, тяжело переваливаясь на ходу. Джон подвёл её к двери, легонько толкнул когда-то неодолимую преграду. Он не опасался, что дом его подведёт. Он всё проверил. Сегодня утром он уже был ТАМ.

Дверь распахнулась. Тёплый летний ветер ворвался в дом, взъерошил распущенные волосы Маргарет, которые она любовно отращивала несколько лет. Ведь ей так не хватало этих каштановых, свободно ниспадающих на плечи прядей, которые невозможно было уложить под гермошлемом.

— Что это, Джонни?!

— Теперь можно смотреть, — сказал он. — Теперь всё можно.

Она открыла глаза, взмахнула густыми, тёмными от природы ресницами над синей бездной своих глаз. И в этой бездне отразилась другая. Густая синева марсианского неба с золотой монетой солнца и белым пухом облаков. Лазуритовая чаша, опрокинутая над зелёной долиной и ослепительной саблей полноводной реки.

— Как он это делает, Джонни? — спросила Маргарет. — Неужели это настоящее?

— Самое настоящее, Мардж, — откликнулся Джон. — Это мир для нас и нашего будущего сына.

— Дочери, — поправила его жена.

— Ну хорошо, для нашей будущей дочери, — не стал спорить Джон, хотя точно знал, что у них будет сын.

Ведь дом сказал «моему будущему хозяину». Чудесный дом. Волшебный. Дом-гений, научившийся выживать в гекатомбе катастроф, обрушившихся на Марс. В ожидании будущего хозяина сумевший приспособиться и нашедший единственно надёжный способ выжить.

— Ты прав, Джонни, — пробормотала растроганная Маргарет. — Этот мир прекрасен, будто в первые дни творения...

Джон пошатнулся. Солнечный свет померк для него.

— Повтори, что ты сейчас сказала, Мардж!

— Что я такого сказала, — изумилась супруга. — Я сказала, что мир этот прекрасен, как если бы мы перенеслись на миллиарды лет назад, в самое начало времён.

Спасательной операцией командовал сам Дементий Воронихин. Он был руководителем колонии, и за каждую смерть отвечал перед Объединённым Директоратом. А с Земли не видно, насколько нелегко отыскать в марсианских пустынях двух человек, пропавших много месяцев назад перед началом осенних пылевых бурь. Земля требовала, чтобы каждый погибший на Марсе был «возвращён в её материнское чрево». Тьфу ты...

Воронихин с тоской наблюдал, как спасатели просеивают песок на последнем клочке Тирренской земли, куда по расчётам могли забрести супруги Джон и Маргарет

Ньюкомб.

«Бедолаги, — думал он них Воронихин. — Погибли, можно сказать, в пяти минутах от мировой славы...»

Гипотеза Маргарет Ньюкомб о ледниковом происхождении морен Исида полностью подтвердилась. А роман Джона Ньюкомба «Красный лик, обезображенный шрамом» третью неделю не покидает списка бестселлеров «Вашингтон пост».

«И читают же на Земле всякую чушь, — досадовал Воронихин. — Марсиане, дескать, от землян произошли... провалившихся в прошлое...»

— Нашёл, мистер Воронихин! — проскрежетал в наушниках голос Эдвина Паккарда, одного из старейших колонистов.

— Трупы?

— Нет, сэр... Я думаю, вам лучше взглянуть самому.

Воронихин огляделся. Все спасатели выглядели одинаково в своих порыжевших от пыли скафандрах, но опытный в таких делах Паккард догадался поднять дюралевый шуп с белым флажком на конце. Воронихин зашагал к нему. Старик стоял у продолговатого ящика, лишь слегка очищенного от песка.

— Что это, Эдди?

— Думаю, контейнер для археологических образцов. У Мардж был такой. Только у неё... Она его специально заказывала в мастерских. Аккуратная была женщина, сэр...

— Благодарю, Эдди, — Воронихин потрепал старика по плечу и обернулся к остальным, что уже успели собраться у места находки. — Смотрите в оба, парни, — сказал им руководитель колонии. — И учтите, без четы Ньюкомб мы в Купол не вернёмся. Они не могли далеко уйти... Я чувствую, они где-то рядом.

Александр СЫРОВ

ХРЕНОМОБИЛЬ

Изобретатель Эдик Сонкин, по прозвищу Эдисончик, выворенный из дома за вредные привычки и безделье, жил в гараже. На основе древнего «Москвича», видеоплеера, пейджера и мясорубки, он смастерил Хро-197

номобиль, или, по выражению жены, «хреномобиль». Поначалу Эдик хотел смотаться в детство, но, вспомнив отцовский ремень, настроил таймер аж на 22-ой век. Глотнув для храбрости ректификата, Эдик нажал стартер. Гараж тряхануло, и всё исчезло.

Громкий окрик привел конструктора в чувство. — Куда прёте, сударь! — из драндулета, похожего на медный самовар в заклёпках, рывкнул господин в котелке, очках-консервах и крагах. Затем он подкрутил усы и спросил тоном помягче: — Вам до какого? — Мне в 22-ой, — отозвался Эдик, — а вам? — В середину двадцатого. — Так вы проскочили! — воскликнул Сонкин. — А куда теперь денешься, — буркнул господин в котелке, — придётся пилить до Конца света, там развернут и через чёрную дыру депортируют взад. В тот же миг у драндулета заклинило руль, и он свалился с обрыва.

Эдик огляделся. По бесконечной эстакаде ползла вереница хрономобилей самой неожиданной конструкции; с обоих боков трассы зияла бездна, а по встрече рывками двигались машины времени из будущего. — И здесь пробки, автокалипсис какой-то, — выругался изобретатель, и ему захотелось домой. Он выждал момент, когда встречное движение замедлилось, перемахнул через барьер и вскочил на подножку первого попавшегося времехода. Бледный водитель попытался было спихнуть неожиданного пассажира, но не тут-то было: — Подбрось до 2014-го, — завопил Сонкин, — здесь совсем рядом! Хрономобиль тронулся, и не успел Эдик сказать спасибо, как уже стоял на лестничной площадке у своей квартиры и давил на кнопку звонка.

Дверь отворилась: — Опять Эдисончик назозюкался! — прорывчала неестественно постройневшая супруга. В глаза Эдику бросился кошачий календарь, показывающий июль 1994-го года.

— Успею спасти деньги, — куплю новый «Москвич»! — сообразил изобретатель, — ведь до «чёрного вторника» ещё целый месяц!!! — и он закружил обалдевшую жену в объятьях.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Евгений В. ХАРИТОНОВЪ

ПОКОЛЕНИЕ

Сбежали раньше звонка из школы
По крышам свистом гоняли
Стаи диких облаков
Крадущихся по небу в самоволку
А-а-аблака-а-а белогривые ла-а-ша-адки-и!
И лошадки белыми сливовыми копытами
Призывно стучали в лужицы
наших чистых незасаленных глаз
Йе-хо-о! Йе-хо-о! Растопырив руки по ветру
Летели захлебываясь воздухом
В кучу песка как в желтое сыпучее небо
А из поп как из МИГовских сопел пламенем рвался
обкуранный голос героя Малой Земли
«Дэорогиез... мнэ-э...тоэваришии»
И откормленное солнце теплыми пушистыми усами
Семен Михалыча Буденного щекотало
бесхитростные пяточки и незасиженные попочки
Опачки! Кто первый с крыши сиганет?! А ну! Вперед!
А где-то там под нами американские империалисты
Угнетшие всех бедных негров планеты
С ужасом глазели на потолок, по которому победно шлепали
Наши гордые пломбирные (по 15 копеек) в ссадинах ноженки

А где-то там над нами космонавты творили
 свой великий космический подвиг
 А где-то под кучей старого мусора злой из учебника Гит-
 лер
 Смешно так гавкал натюрлих маргарит павловна йя-йя
 капут
 А мы обалдело лупоглазились в наше светлое в искорках
 будущее
 И там в газетном мареве мерцал наш коммунизм
 И мы прыгали с крыш — кто выше и дальше! —
 Забываясь на фантик от зарубежной клубничной жвачки
 допрыгнуть первым и упасть в это сладкое завтра
 И мы прыгали
 И мы верили
 И разбивали лица о бетонные бордюры горизонта
 И разбивали
 И прыгали верили
 И разбивали
 И разбивали
 И разбивали
 Но коммунизм еще с утра
 Обещанный нам на вечерний десерт
 Почему-то не становился (как небо) все ближе...
 Да вот еще и цирк не приехал...
 И тогда мы ушли
 И нас потеряли

МОЛИТВА

каждый день вновь — вновь
 я влюбляюсьвтекаюутебя
 ты и я — это я и ты =
 МЫэтоатоМЫрая
 это любо!любо!любидорядаждьнамЛЮ!
 Бо(же)нщинуэтулюблюяБоже
 Божебожебожелюб!
 Божелюбитнасинет
 иной причины кроме:
 ТЫ+Я — изнанка Бога
 изБогамы /
 изБогаисновавБогамы...

Божелюби!Божелюбви!Божевсехлюбивый
 укрепи нас и присноновекилюбовей!
 ...Божелюбовь/уоц пою тебя
 Аллилуйя милая!

ПОЭТ И МУЗА

Дмитрию Цесельчуку

Ночью на даче
 на скрипучем чердаке
 седой поэт перебирает
 хрусткие строчки —
 лепесточки

Тихие
 ночные
 сиренью пахнувшие
 текут-стекают
 буковки — стихи
 (далеко еще до точки)

Муза
 прикорнувшая
 у отверстия
 окошка
 тревожно
 тоненько всхрапнула
 (дура!)

«Тише! Тише! —
 зашипел
 взмахнув рукой седой
 поэт. — Жена же спит —
 разбудим! Тише!»
 И тихие текут стихи.
 «Хи-хи» — потерлась Муза
 о щеку поэта.
 «Ни-ни! — поэт в ответ. —
 женатый я... Да тише!
 Тише! ТИШЕ!!»

* * *

наверное когда-нибудь
старость усталость отрешет
мой едкий смешливый
змеиный язык
когда-то ведь я
перестану
шутить насмехаться
да ёрничать
а буду буду! буду!
задышаться воздухом
небом давиться
буду взрыдывать
выплакивать
выстанывать
прилипшие к горлу
помидорные кожурки
былого смеха
буду падать падать! падать!
в раскаленное олово звёзд
и выкармливать арт—
ритные
слова да строчки
мясом своих несерьезных
полных
целовальных губ
буду мудро уныл
и такой весь —
официально признанный
опубликованный всеми —
труп

ЗВЕРИКИ И ЛЮДИКИ

Бедные, несчастные зверики,
О как жестоки с ними людики!
Зоопарками пугают, изучают, или сразу убивают.

Вот и мы с тобой два зоопарковых зверика —
В клетке-клетушечке-клетушке
Живем — плодимся — содрогаясь

200 На потеху этим нехорошим людям.

«Танцуйте, зверики, танцуйте!»
«Трудитесь, зверики, трудитесь!»
«Совокупляйтесь, зверики, не стесняйтесь!»
«Умирайте, зверики, умирайте!»
Еще вас есть у нас. Еще вас есть...»

Юрий МАМЛЕЕВ

ИННОЕ

Никто не говорил эмигранту Григорию, что ему надо умереть. Но он и сам кое-что постиг, взглянув из окна своей квартирки на нью-йоркское небо.

Небо было иным по сравнению с тем, что раскинулось над его страной. Но в сущности иным было все: от людей до деревьев, от блеска глаз до звуков городов, от тишины до трупов на кладбищах. Все было странно иным и в какой-то мере непонятно злоеущим: в конце концов дома как дома, земля как земля и люди тоже не с двумя головами, но почему же постоянно ощущается присутствие чего-то скрыто-злоеущего, распростертого во всем: от природы, трав, деревьев и цвета неба до городов и движений обитателей, точно земля и город этот навеки прокляты? Но кем? Индейцами, давно в основном уничтоженными, или высшими существами? Или так только казалось?

Но самое худшее началось, когда появилось синее существо. Оно, с ушами, возникло внезапно в его комнате, в грязном тараканьем углу, где висело белье.

Сначала Григорий заплакал, увидев его, ибо почувствовал, что теперь он не одинок, что даже не сойдет с ума, что у него есть друг и он не будет больше бегать как сумасшедший по черным и узким нью-йоркским улицам. Но потом это синее создание запело. Глаз — в нашем понимании — у него не было, но слезы текли. Впрочем, они не совсем походили на слезы. Григорий захохотал и снял ботинки.

Вдруг иллюзии кончились. Он неожиданно для себя ощутил, что синее существо и есть как раз предельная концентрация того иного, что — невидимым образом —

присутствовало во всем этом чудовищном городе, окружающем его. Это «иное» касалось не только иного языка, иных городов, иной земли, иных нравов — все это ошеломило его сразу, но он ожидал подобное, в конце концов не было так уж страшно. Дело в том, что за всем этим он увидел действительно иное — нечто внутреннее, тайное, не поддающееся разуму, холодное, даже космическое и уничтожающее все человеческое. Это «иное» не было, конечно, чем-то высшим — наоборот, оно не укладывалось в его сознании и вместе с тем воспринималось им, и именно поэтому, из-за такого противоречия он чувствовал, что действительно сойдет с ума и все будет кончено. А теперь это иное сконцентрировалось и появилось в его комнате, в углу. На мгновение после своего открытия Григорий застыл: что будет дальше? Конец?

Переход в тварь, подвластную этой тайной стихии? И тогда синее существо, точно познав его, подняло лапу. Они стали обмениваться мыслями, но не говорить. Синее существо что-то лепетало, а Григорий почти понимал его. У существа был один глаз, и в нем не было успокоения. Внезапно Григорий стал готовиться к бою. Но в ту же минуту увидел около себя своего двойника. И понял: это какой-то невиданный аспект его личности, который уже никогда не реализуется. Это было его возможное духовное будущее. Однако он почувствовал прилив сил. И вспомнил все родное, «прошлое»; синее существо недовольно зашевелилось. Это родное (что было в нем от родной страны) вдруг тоже вышло из него и, превратившись во второго двойника, оказалось по другую сторону: он был окружен, таким образом, своими великими двойниками, вышедшими из него.

Старое дикое зеркало на стене отражало их и синее существо в углу. Сам же он стал почти невидим, точно не отражался в зеркале. Пять мышей вдруг пробежали между ним и синим существом, и это насмешило Григория. Он, овладев остатком воли, начал вглядываться в синее существо. Оно изменилось, точно некий покров был снят. Григорий ощутил его живым «человеком» — о нет, теперь перед ним не только концентрация «иного», а живое создание, как-то связанное с иным — как, непонятно, — но отнюдь не простая концентрация «иного». Может быть, это был человек (вернее, в прошлом чело-

век), живший теперь в «ином».

Тогда душа Григория притихла, и он подмигнул существу. Да, да, оно было живым, ибо в ответ захохотало, обнажая странные гнилые акулы зубы, в то же время призрачные. Это сочетание призрачности и явно ощущаемого запаха гнили изо рта ужаснуло Григория. Потом существо замкнуло рот и выпятило глаз — единственный, холодный, водяной, без крови внутри, но с длинной, как хобот, тоской.

Григорий улыбнулся глазу. Тот стал более суровым. Григорий прослезился — глаз стал сумасшедшим. Тогда Григорий захохотал в глаз, но тот ушел в себя.

— How are you?* — складно спросил Григорий.

— How are you? — вдруг явственно (а не умственно) ответило существо.

— Is it nice weather?**— покорно спросил Григорий.

— Really, it is***.

Это уже походило на какой-нибудь вечер в университете, среди профессоров. Помолчали.

И вдруг синее существо, словно сдернувшись очередной покров, заговорило.

— Спасите меня,— сказала оно.

— Как я тебя спасу? — ответил Григорий.

— Я хочу умереть. Помогите, приятель, мне умереть, — синее существо сверкнуло своим выпученным глазом.

— Но я тоже хочу умереть, — ответил Григорий.

— Поэтому я к тебе и пришел. Мы обменяемся смертями. Ты дашь мне свою, а я тебе мою. Ведь у всех особенная смерть. А моей смерти мне еще слишком долго ждать.

И тут Григорий взбесился.

— Я хочу умереть своей смертью, а не чужой! Я и так в чужом мире, который сведет с ума и Будду. Вокруг меня — мои двойники, лучшее, что у меня есть, а я — один. Может быть, мне суждено навсегда покинуть не только свою страну, но и эту планету...

— Рано или поздно ты ее покинешь, ибо ты умрешь... Но давай поменяемся смертями. И ты уйдешь туда, где должен быть я, и наоборот.

*Как поживаете? (англ.)

**Погода хорошая, не так ли? (англ.)

***Да, хорошая (англ.).

В ответ Григорий завыл, Он почувствовал себя сошедшим с ума дважды. Этот иной явно мучился. Надо его задушить, чтобы не страдал. И Григорий бросился к синему. Тот метнулся в сторону, стремительно взглянув в самое сердце Григория. И Григорий внезапно стал иным, потеряв свое имя, двойников, страну и свою смерть.

Ингрид КИРШТАЙН

МАРГАРИТКИ В СПАССКОМ

Маргаритки в траве в Лутовинове-Спасском
Словно блики густых бледно-розовых солнц,
Закатившихся встарь — вслед несбывшимся сказкам.
О, поэзия в прозе,
Всякий раз на миллион-с!

Нам и трудно в траве,
И похвал не дожидаться,
Но жемчужных семян не скудеет размах.
Ибо только и есть — в эту землю впитаться,
Прозревая отлив в отчужденных сердцах.

ДЫХАНИЕ ОГНЯ

Когда взвивается, и лижет, и дрожит,
Вспретворяющий предметы и слова
в свечение жара лишь! Несметен аппетит.
Как схож он с памятью, полет без вещества.

Одно скольжение, и втанцован в темноту
Рисунок яви. Миг волшебный и простой.
Но в дыма терпкого глухую нищету
Рядятся образы поэзы золотой.

Не образец ли нам — в легучести природ
Прозрачных шалостей и ветреных зыбей -
На всеязычие синхронный перевод
В отточьях тлеющих контекстами углей?

Младого гения притягивает страсть
Как пламя бабочку, средь ночи ли, средь дня.

Живые крылья те, обугленные всласть
Впечатлены в другую сторону огня.

ТЯНЕТСЯ ДЫМ

Тянется дым опустевшего сада.
Яблони листья и ворохи клумб
Ластятся тенью, чуть внятной для взгляда.
Некогда запах и некогда шум.

Стебли и лозы на голом предснежье
Теплятся дымом, бездымным как пар.
Флоры черты расплывая и нежа,
Свежих они запредельнее чар.

Стелется, ввысь устремляется, снова
Жметесь к земле иль свегаются вдаль,
Жребия не выбирая простого
Лета минувшего поздняя шаль.

Тянется, тянет в себе раствориться,
Белое марево в холодном пыли.
В зернах огня млечнокрылая птица
Сирых гнездовий смешает золу.

Я и уеду, и думать забуду,
Только земли разомлевшая стынь,
С небом смешавшись повсюду, повсюду
Теплится тихой молитвой. Аминь.

БОЛЬНОЙ ПАЗЛ

Скособоченный пазл на полу поправить
Наклонившись, вижу — на честном слове
К цвету цвет притянут. Не собран — счётан
На живую нитку японский садик.

Красных кленов ворох — раскрытый веер.
Через край расшатанной рамки — сполох.
То не в лад пригонялись ошметки жизни.
Сквозь разрозненность — импульс — пробиться к правде.

Нет для большего сил, он как еле дышит.
Словно трещины в пазле — зияя — щерясь,
Обнажают путь без деталей вовсе
Тела стать пейзажем. Души — молитвой.

Дмитрий КУРИЛОВ

МЕСТНАЯ

Лидья Пална, женщина пожилая, но всё ещё глупая, работала учительницей начальных классов в одной из пяти башиловских школ. Работала уже давно, с пионервожатской юности до пожилого почёта, и ничего кроме работы не знала и представить себе не могла, имея тридцать лет непрерывного стажа и наблюдая, как постепенно, в унисон с ней самой, стареет педсостав. С некоторых пор молодые не задерживались в коллективе, после первых родов, как правило, не возвращались. А мужчины были хилыми да тщедушными: завуч-историк, Сан Саныч, сколько его помнила, всегда преклонно-интеллигентного виду, а уж нынче и вообще на ладан дышавший, — да физрук, а заодно и военрук Алёша Цапин, с капитально сло-манной на соревнованиях ногой.

Остальные педагоги были её, лидьипаловного, возраста и пола; на педсоветах пахло лавандой, валокордином и «Красной Москвой».

Только от Венеры Марсelloвны, супруги единственного башиловского адвоката, всегда пахло чем-то дорогим и, видимо, французским. Венера Марсelloвна, в отрочестве подававшая надежды, почему-то навеки задержалась в местной глухомани и выше директора школы не поднялась. Неудачница с точки зрения человека заезжего, здесь она была самой из самых — богема, элита и интеллигенция. Подчинённые женщины за это её недолюбливали, завидовали и частенько перешёптывались на её счёт.

Лидью же Палну ценили. Как и многие, она считалась опытейшим педагогом с исключительно незапятнанной репутацией. Жалко только, что с возрастом нервы стали сдавать и стала Лидья Пална выпивать в одиночку. Особенно хорошо пилось неудобными зимними вечерами, за круглым столом, посреди хорошообставленной

комнаты из хорошей гранёной посуды. Тайное пьянство спасало старую деву от явного одиночества. Правда, нау-тро побаливала седеющая голова, но Лидья Пална глота-ла цитрамончику, и это её успокаивало.

В этот год попался ей первый класс, и она со всей ответ-ственностью принялась натаскивать ребятишек на пер-вичные азы арифметики и языка. Оробевшие вчерашние детсадовцы уважали и побаивались Лидью Палну. На уроках её царил подавляющая тишина — ибо недоста-ток ума педагоги часто компенсируют дисциплиной и порядком. Впрочем, Лидья Пална неумной себя не счи-тала — отнюдь! — и даже выписывала некоторые толстые журналы, помимо профессиональных изданий, и вы-стригала интересные статьи из газет, сортировала их по папкам с надписью «Дело» и пописывала сентименталь-ные неумелые стишки о жизни, о природе, о профессии. Эти-то стишки она время от времени втихаря почитыва-ла детишкам, впрочем, не называя автора, а в качестве анонимных примеров по какому-нибудь странному по-воду. А повод всегда подыскать можно: вот, к примеру осень на дворе, и Лидья Пална читает, слегка волнуясь:

Осенний дождь течёт,

и я опять в печали.

Вот утки закричали,

отправились в полёт.

Над спящим городком

летят они высоко,

а я гляжу внизу

И так мне одиноко...

И на зимнюю тему было заготовлено у Лидьи Палны стихотвореньице:

Зима пришла, и выпал снег,

сидят в санки дети.

Вокруг звенит ребячий смех —

зима на белом свете!

Им, деткам, весело, смешно

играть после уроков,

а я гляжу в своё окно

и так мне одиноко...

Были у неё стихи и на весеннюю, и на летнюю тему, и на смерть Валерия Чкалова, и памяти Пушкина, и о других

поэтах, и блажь эта крепко владела Лидьей Палной, просилась наружу, искала отклика. От внимательного одобрения учеников ей становилось легче.

Между тем кончалась вторая четверть, пора было подводить первые итоги. А итоги были утешительными, неплохими: некоторые из питомцев Лидьи Палны уже читали по слогам и успешно производили несложные арифметические действия; другим учёба давалась потруднее, они порой путали буквы и считали, прибегая к помощи пальцев. Были и отстающие. И, как всегда, необходимо было педагогу определить причину их отставания: то ли это от лени, то ли из баловства, то ли подход какой нужен персональный. Или же в самом деле человек неспособен овладеть как должно школьной программой — в силу своей умственной отсталости. То есть Лидья Пална обязана была решить, УО данный двоешник или не УО, и с ним ещё можно что-то сделать.

Поэтому, постоянно думая над этим непростым вопросом, пошла Лидья Пална по родителям, по домам. Ведь порой бывает, что ребёнок плохо учится из-за полнейшей никудышности собственных же родителей, в особенности отцов. Право же, какой может быть учебный процесс, если глава семьи — горький пьяница, да ещё и обидчик и хулиган. Таковых немало повидала Лидья Пална на своём веку. Видела и распутных непригоднейших мамаш, относившихся к семье и школе абсолютно наплевательски. И всегда она пыталась помочь, всегда Лидья Пална активно вмешивалась — объясняла, стыдила, усовещивала и, как ни странно, люди, не ожидавшие от неё такой активности и такого пристального участия, призадумывались о своей судьбе и о судьбе детей и изменялись, изменялись прямо на глазах, и искренне потом были благодарны Лидье Палне, говоря о ней вокруг одно хорошее, делая ей к праздникам серьёзные подарки.

Особенно подозрительным казался в нынешнем её классе в смысле умственных способностей Коршунов Вася, тихий замкнутый мальчик, с грязнорусой маленькой головкой и глубоко посаженными, продолговатыми, всегда слезившимися глазенками. Был он таким хлипеньким и непонятливым, что Лидье Палне порой казалось, что он полный дундук и верный кандидат для перевода в лес-

ную вспомогательную школу.

К нему домой она и направила свои стопы в первейшую очередь.

Избушка Коршуновых находилась на окраине Башиловки, в окружении таких же шифером крытых избушек. На стук в калитку прореагировала заливисто и агрессивно собачонка, вскоре подошла и хозяйка, вытирая полотенцем руки. Незнакомое, молодое, но уже в заботах и морщинах, лицо увидела перед собой Лидья Пална. Изпод пёстренького линиялого платочка выглядывали тёмные, слегка посеребрённые локоны. В волнении теребя руки, Коршунова-мать пригласила гостью внутрь.

Подробно представившись, Лидья Пална, поискав глазами других людей и не найдя никого, перешла к сути вопроса. Коршунова хмурилась и краснела, переживая неудачи своего сына. Временами она пыталась защищаться, вставая неумелые и колкие слова в монотонную и аргументированную речь педагога. Ей было очень обидно за Васеньку и за себя. Лидью же Палну раздражало несогласие непутёвой родительницы, и она постепенно перешла к неприкрытым угрозам отправить глупого мальчика в лесную школу с заторможенным обучением. — Зачем же Вы так! — вспыхнула Коршунова. — Ведь это же жестоко! Ведь Васенька умненький мальчик, только очень застенчивый, стесняется спросить что непонятно, всё молчком-молчком — и вот что получается... Извините, я на минутку — и она, всхлипывая, пошла бочком выключать, видимо, чайник.

Лидья Пална тем временем решила осмотреть комнату. Ничего особенного. Люстра плоская, дешёвая, скатерть пачканная, телевизор «Чайка-206», чёрно-белая. На книжной полке Пушкин, Проскурин, Евтушенко, детская литература, школьные учебники, всё это в беспорядке, вперемешку. Обои надо менять. Фотокарточки семейные в рамочках. На одной из фотокарточек был запечатлён весёлый кудрявый мальчишка лет восьми, в школьной форме, с октябрянской звёздочкой на груди. Недолго всматриваясь в его черты, сразу показавшиеся знакомыми, она, взволновавшись и вспотев, вдруг как-то молниеносно всё поняла и даже присела.

Это была фотография мальчика, погибшего лет десять

назад. Лидья Пална хорошо его помнила, он учился в параллельном классе и доставлял немало хлопот учителю. И вот, как-то в сумерках, заигравшись, свалился в канализационный люк. Весь город переживал этот несчастный случай. Долгое время никто не отпускал детей гулять. Неделю висели на школе флаги с траурными ленточками, а в вестибюле — эта вот фотография в чёрной рамочке. Вспомнила Лидья Пална и имя мальчика: звали его так же, как и нынешнего её ученика — Васенькой Коршуновым. Сильно защемило сердце учительницы, губы не слушались и тряслись от стыда и сочувствия; некрасиво дрожал и подбородок, и слёзы текли вопреки усилиям удержать их.

Запинаясь, с болезненной задышкой, шептала Лидья Пална вернувшейся хозяйшке, прижимая к груди скрюченные кулачки:

— Простите, Господи, простите меня, я же, правда, не знала... Милая вы моя!..

Попив воды с валокордином, Лидья Пална поуспокоилась и долго, до самой полуночи, беседовала с матерью Васеньки, слушая её рассказы — как она скорбела безутешно, как назвала нового сына именем трагического погибшего первенца, как бы возрождая его и перенося всю ту любовь и беспокойство, умышленно отождествляя Васеньку младшенького с Васенькой мёртвым; как бережёт его пуше глазу, гулять с друзьями не пускает; как днём и ночью, беспрестанно все её чувства подчинены огромному и негасимому страху. И, не сговариваясь, обе женщины снова и снова плакали, хмелея от собственных слёз.

Уходя, Лидья Пална преображённо и задушевно улыбнулась:

— А за Васеньку не беспокойтесь. Выучим вашего Васеньку — уж какие-никакие, всё ж учителя. Выучим. Это я вам твёрдо обещаю. Клянусь!

Вернувшись домой, Лидья Пална не спала всю ночь, пила горькую и писала в пьяном своём одиночестве:

Скончался милый мой сынок.

Уж больше не вернётся.

*Неосторожный паренёк,
упал на дно колодца.*

Уже светает во дворе...

Судьба, как ты жестока...

*А я стою на пустыре
и так мне одиноко!*

Юлия КАШТАНОВА

КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Отвезите меня в тот туманный таинственный город,
Где встречать корабли по весне так привычно для всех.
Пусть здесь сырость, и серая мгла, и арктический холод,
Но на белые ночи их все променять и не грех...

Отвезите меня на Монмартр Мариинских циклонов,
Где поют вековые ветра по колодцам дворов.
Сквозь туман Альбиона востока мерцают колонны
И во тьме проступает свет Лавры твоей куполов.
Город славы страны боевой, город памяти вечной,
Он ни разу не сломлен, он гордой главы не склонил.
Как три века назад завещал твой великий предтеча,
Тыохранишь под спокойствия маской и пламень, и пыл.

Привезите меня на вокзал утром поездом ранним
Иль примчите обеденным рейсом из древней Москвы,
Чтоб успел подарить меня город улыбкой случайной,
Окрылить, пронести над решеткой резной мостовых.
Задержаться б на миг на ветру возле летнего сада
И соборам его поклониться до самой земли,
И пройти под Казанской величественной колоннадой,
У Расстральных на стрелке сойти, как у края земли.

Отпустите меня! Отпустите опять в этот город,
Что великим норманнам навеки сосед был и брат!
Я хочу слышать ветер, и дождь чтобы лился за ворот,
И по летней ночи лишь к утру возвращаться назад...
Мне бы нужно писать о тебе без любви и сомнений,
Ты ведь мне не родной и не стать тебе родиной мне!..
Но мне хочет петь о тебе и нести в упоенье
Симфонический бред, как влюбленный ручей по весне.

МОСКОВСКИЕ ДВОРЫ

Бывают в жизни дни, когда уже не плачешь
И сердце жжет свинец безудержной тоски,
А по небу плывут кораблики удачи
А мы стоим и ждем погоды у реки.
Бывает так, что вдруг, как птица, встрепенется
В душе бывшая блажь и детская мечта...
По прошлому тоска опять во мне проснется,
Я забываю все и прихожу сюда.

Московские дворы! Как годы пролетели!
Мы вдруг осиротели, погасли все костры.
Но вот моя стезя: к вам снова возвращаться.
Я не могу прощаться — иначе жить нельзя.

По разным городам мой путь нелегкий вился,
Там спирт рекою лился по карточным столам.
Там белые стихи — а там поленный запах,
Восток то или запад? Добро или грехи?..
Но что бы не стряслось — а жизнь несет по кругу,
И я стремлюсь сюда, к моим родным дворам!
Мы тайны наших душ доверили друг другу
И нас одной судьбой венчал весны парад.

Московские дворы! Я сердце вам вверяю!
Пока со мной вы — знаю: не выйти из игры.
Московские дворы, меня вы не забыли,
Мечты мои хранили из золотой поры.

Московские дворы! Вы в сердце неизменно.
Коленопреклоненный стою у края мглы...
И я не отступлю, покуда вы со мною,
Чужой стезей, иною, я вас не заменю.

Московские дворы! Как годы пролетели!
Мы вдруг осиротели, погасли все костры.
Но вот моя стезя: к вам снова возвращаться.
Я не могу прощаться — иначе жить нельзя.

АЛЫЕ ПАРУСА

Было слышно, как в лавке смеялся портной,
Так что стены тряслись и дрожала посуда.
«Нет, ну ты посмотри! Ты дурак иль больной?
Я себя выставить на посмешище буду?»

Где же видано это! Кроить паруса?
Ты пусти себе шелк этот лучше на платье!
Не по возрасту верить тебе в чудеса.
Прочь поди, без тебя мне хватает занятия.»

Повернулся спиной, над оплатой смеясь,
Хоть из чистого золота были монеты.
Я взглянула в окно на осеннюю грязь
И ушла, не послушав чужого совета.

Был на улице дождь, было сыро, темно,
Люди резкие взгляды кидали друг в друга,
А иные угрюмо глядели в окно,
Хороня на диване минуты досуга.

Дома нитку с иглой и ножницы взяв,
Не имея умения, не зная науки,
Под сиянием лампы, терпеньем набрав
Ало-пламенный шелк обработали руки...

А на утро, когда стылый дождь перестал,
Собрались у причала и старый, и малый.
Все смотрели на юг, где у кромки сиял
Горизонта корабль под парусом алым...

«Ах, красавец какой! Как блестит, посмотри!»
Голосила толпа, увидав это чудо,
И какая-то девочка годика в три
Прошептала: «Вы знаете, это откуда?»

А портной, позабыв о беседе давно,
Прикрывая глаза по привычке ладонью,
Говорил: «Чудеса! Все как в старом кино!»
И в восторге с другими качал головою.

И не видно с причала, а лишь с маяка,
Кто стоял у штурвала легенды волшебной,
И какая им правила гордо рука,
Есть ли дело им в их эйфории хвалебной?

И хотелось к причалу корабль повернуть,
Спрыгнуть вниз, поздороваться, в жизнь окунуться...
Но, штурвал крутанув, я отправилась в путь,
Чтоб не скоро еще в этот город вернуться.

Пусть мечтою мечта остается, друзья,
Пусть с душой, пусть и наспех мой скроенный парус
Унесет меня в край, где такие, как я,
Бороздят океаны, надежде на радость...

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Под старый новый год отведай старого вина
И не вини себя за то, что в прошлом нагрешил,
А лучше пожелай себе всегда все пить до дна:
И радость, и беду, и все лекарства для души.

У старой новой елки собрались твои друзья —
И старые, и новые — их всех не перечечь.
Пусть в пузырьках игристого потонет боль твоя.
Ты в добрый этот праздник вспомни: счастье в мире есть.

Два раза отмечаем ежегодно новый год,
Как будто повторяем для себя момент чудес,
Два раза пьем Шампанское и водим хоровод...
И праздник не стареет, сыпая снег на нас с небес.

Иосиф РАБИНОВИЧ

ДЯДЯ ЛЁНЯ И ДРУГИЕ

(из воспоминаний Игоря Южинского)

А всё началось с того, что сын, Гриша купил компьютерную программу «Моя семья». Она была предназначена для составления генеалогического дерева, и начались

бесконечные расспросы о родне. Во первых надо было распознать все фото, которые хранились дома: имя отчество, фамилия, годы рождения и смерти (если уже умер), кто такой и кем нам приходится. Поначалу эта идея даже понравилась, память о предках — дело святое, худо, коли дети растут не помнящими родства. Но краткими анкетными сведениями дело не ограничилось, аппетиты Гришки росли с каждым днём. Он хотел, чтоб под каждой фоткой было некое эссе о родственнике, настолько подробное, насколько сохранила отцовская память.

— Батя, ну хоть взять твой серебряный портсигар с формулами, он же от бабушкиных братьев тебе достался, ты ж всю жизнь с формулами ковырялся?

— Да этот портсигар дяди Лёни, старшего брата твоей прабабушки — он кончил физмат питерского университета и не только... Сложная у него была биография.

— Вот и напиши, ты ж пенсионер персональный, делать тебе нечего...

— Ты с ума сошёл, это ж «Война и мир», сага о Южинских, Тайцах и Серебровских!

— Вот, вот, этого я и хочу, это ж круто, твои внуки и правнуки будут читать, а то не станет тебя и всё пропало. Нет, я не пугаю, но жизнь есть жизнь...

На этом разговор и закончился, сын спешил окунуться в свой мир бизнеса, такой незнакомый и где-то даже чуждый мне.

А и то, правда, подумал я, когда напористый (и в кого только) наследник удалился. Мне-то вот спросить уже некого — в своём роду я самый старший, и девушка с косой уже просто рядом помахивает ею. Близкой родни у меня и половины раз, два и обчёлся, но дерево — то уходит вглубь времён, а там двоюродные, троюродные, четвероюродные... Правда родня такого рода в основном почитается только у армян и евреев, так ведь и я не киргиз всё-таки.

Дядя Лёня — дед мой двоюродный был человеком странным. С виду хилый, неприспособленный интеллигент, что никак не вязалось с его непростой биографией. Но начинать надо не с этого, а с самого глубокого корня, который доступен. В книге «Вся Москва» из далёкого девятнадцатого века значится Арон Габриельевич Тайц,

дед дяди Лёни и мой прапрадед. Арон торговал дамским бельём и прочей галантереей. Торговал не без успеха, правда, до воротил, типа Полякова, построившего Казанскую дорогу ему было далеко, но денежки водились. Капитал свой распределил он, отойдя от дел неравномерно — старшему Владимиру досталось намного больше, чем прадеду моему Марку. Прадеду пришлось почти всю жизнь проработать у брата, который существенно расширил торговлю, занялся и производством. Младший брат ездил за товаром на сибирские ярмарки, его шубу рижского кастора на медвежонке я ещё застал в шкафу у бабушкиной сестры, когда переехал к ней с молодой женой, беременной Гришкой.

У Марка Аронвича было семеро детей, что было не в диковинку, жена Марка, моя прабабка Хава была восемнадцатым ребёнком в семье!

Сколько детей было у Владимира Аронвича мне неведомо, но об одном известно довольно много. Возможно, он был старшим и продолжил семейный бизнес с блеском. Лев Владимирович Тайц был купцом первой гильдии, совладельцем крупнейшего швейного производства, фирмы «Гендль и Тайц», сопредседателем общества «Русский ткач», то есть одним из тех, кто заложил основы швейной промышленности России. Его фирма выпускала и различную фурнитуру — мундирные пуговицы фирмы «Гендль и Тайц» в цене у нынешних коллекционеров.

Старшие сыновья Марка Вениамин и Владимир не пошли по стопам отца, получив высшее образование стали фармацевтами. Младший — дядя Лёня (в действительности его звали Лев Маркович), способный к точным наукам, кончил физмат питерского университета и экстерном коммерческий факультет. О его студенческих годах известно немного, но парочка эпизодов заслуживает внимания.

Дать всем детям высшее образование было не так просто, поэтому юным Тайцам приходилось подрабатывать, моя бабуля, будучи гимназисткой старших классов, давала уроки малышам и тем и питалась, а дядя Лёня стал известным репетитором в Питере. Однажды, когда он давал урок в богатой семье, хозяин дома обратился к нему с необычной просьбой:

— Лев Маркович, у меня сегодня должны были вечером собраться друзья, чтоб пульку расписать, так один заболел и не сможет прийти. Не составите ли вы с нами партию, вроде вы упоминали, что играли в преферанс?

Предложение поставила Льва в тупик, это не со студентами и ставки здесь, небось... Поняв причину растерянности репетитора, хозяин тут же добавил:

— Помилуйте, конечно, не на интерес, чисто спортивное занятие!

Будучи способным человеком, дядя Лёня многое усвоил за этот вечер и потом полюбил карты. Он прекрасно играл в преферанс, в винт и ещё в какие-то игры, названия которых я не запомнил. Эх, обещал он меня винтить научить, но только когда диплом получу в институте, но, увы, умер за полгода до этого.

Репетиторствовал он успешно, и, когда пятеро его учеников успешно поступили в высшие коммерческие курсы, они скинулись и заказали ему шикарный серебряный портсигар. На крышке были напаяны золотые монограммы дарителей, а на дне золотой герб Санкт-петербургского яхт-клуба (видимо там и состояли подопечные дяди Лёни) и золотом же выложенная формула общего члена бинаома Ньютона.

— Это единственное, наверное, что эти олухи-богатеи запомнили из того, чему их Лёня учил, — презрительно говорила моя революционно настроенная бабушка.

Не знаю, почему не сложилась у Льва университетская карьера, но, только пойдя по стопам отца, работавшего у брата, он пошел, в конце концов, работать к богатому кузену, став у него главным бухгалтером. Фирма росла и процветала, затем началась первая мировая и Лев Владимирович провёл искусную комбинацию — Гендля, который был австрийским евреем, выслали, как поданного враждебной державы, а Тайц стал почти единоличным хозяином фирмы переименованной в «Русское акционерное общество Марс». Поставки в армию принесли немалые прибыли. Они разбогатели, поставляя гнилые шинели и сапоги,— брезгливо говорила об этом бабушка. Но всякой лафе приходит конец — уже в восемнадцатом году большевики национализировали «Марс». Лев Владимирович сразу понял, что с командой Ленина и Троцкого

каши не сваришь и засобирался в Париж, помимо русской собственности были у него и денежки в европейских банках. Надо отдать ему должное, он пригласил кузена с собой. Но дядя Лёня, пока суд да расправа, устроился на работу в ВСНХ, спецы были нужны новой власти и его приняли старшим плановиком-экономистом. Не внял он приглашениям Льва Владимировича, ссылаясь и на то, что братья и сёстры оставались в России.

Так пути кузенов разошлись, и дядя Лёня стал совработником спецом. Наверное, он был неплохим работником: хорошее образование, опыт работы. Несмотря на некоторую разбросанность, был он человеком и работником очень ответственным и порядочным. В быту же был весьма неопытен, даже брился через день в парикмахерской. Ничего особенного семейное предание не поведало о том, как он жил в первое десятилетие советской власти, во времена НЭПа. Однако за эти годы успел он жениться. Жена его была очень хороша собой, правда это был её третий брак и этот брак остался бездетным. В 1934 году сталинский молох добрался до этого сугубо аполитичного специалиста. Бог знает, что ему приписали, возможно, доблестные ищейки великого вождя просто выполняли план по валу и дядя Лёня что называется, попал под раздачу. О своих контактах и диалогах с ищейками он никогда не говорил, но хлипкий интеллигент вынес пытки и не подписал списки. Посему получил «червонец» и «по рогам» (не жить в крупных городах после отсидки). А те, кто подписали, пошли под вышку. В лагере он быстро попал в разряд «доходяг». Хотя в те начальные времена террора порядки с передачами были совсем нестрогими, а старшая сестра-профессор присылала, не скупясь, и пишу и тёплые вещи, Лев не мог этим воспользоваться — всё отбирали «социально близкие урки». Спасла его профессия — неведомыми путями начлаг узнал, что он экономист со стажем и приказал привести в порядок запутанную бухгалтерию колонии. В результате Лев Маркович стал «хозяйским придурком» и переселился в отдельную каморку. Урки оставили его в покое. Он был даже расконвоирован и стал фактическим главбухом колонии — женщина-вольняшка, штатный главбух ничего не подписывала, пока он не ставил внизу документа свою

закорючку. Во время войны начлаг сменился, но Лев досидев свое, попал на поселение в Миасс, где вынужден был устроиться бухгалтером в промартель, в иные места бывшего зека не брали. В артелях воровали по чёрному, и потому честный Лев вынужден был сменить несколько мест работы. Конечно, помогала сестра, к тому же раз в год он имел право приезжать в отпуск в Москву. В 1956 году был реабилитирован и вернулся в квартиру сестер на место умершего Вениамина. Разбирая вещи умершего брата он наткнулся на любопытный предмет — жестяную запаянную коробку египетских папирос «Clizma». Ещё в бытность свою старшим плановиком в ВСНХ он получил три коробки таких папиросы в подарок от коллеги, ездившего в служебную загранкомандировку. Одну коробку он распечатал и начал курить, а две принёс домой. Брат Вениамин, увидел их и попросил подарить одну. Лев, конечно, подарил, а свои прокурил быстро и забыл о них. И вот теперь больше чем через двадцать лет он нашёл эту коробку в вещах бережливого брата. В запаянной жестянке папиросы прекрасно сохранились, а было их там полсотни. Лев распечатал коробку и закурил, аромат египетского табака наполнил комнату и нахлынули воспоминания. Ему семьдесят и жизнь прожита, наверное, думал он затагиваясь папироской молодости. Знаменитый портсигар тоже сохранил Вениамин, и дядя Лёня угощал меня раритетным куревом из этого портсигара. После возвращения он устроился работать бухгалтером на ткацкую фабрику, но прожил недолго — в 1962 году скончался от болезни почек.

Да какие игры ведёт с нами причудливая судьба. Я достаю из кармана пиджака серебряный портсигар с биномом Ньютона, да тот самый, он достался мне в наследство после смерти дяди Лёни, как внучатому племяннику имеющему отношение к математике. Я вынимаю из портсигара, нет не папироску «Clizma», а обычный «Донской табак». Закуривая, затагиваясь, и колечки дыма свиваются в спирали и в знак бесконечности. Мне уже больше чем было вернувшемуся дяде Лёне. Мне больше повезло в этой жизни: хотя приснопамятная контора и потрепала мне нервы и не раз, но я не попал под её клешни как дядя Лёня — обычный русский интеллигент еврейской нацио-

нальности, далёкий от политики, перемолотый этими клешнями не за что-то, а просто так, на всякий случай. Вот ведь как случилось: из всех потомков Марка Ароновича остались только мы с братом и то мы Южинские, а фамилия Тайц может и звучит где-нибудь в Париже или Нью-Йорке, но я о них ничего не знаю. А товарищество «Марс», пробыв без малого 70 лет швейной фабрикой им. Клары Цеткин, ныне приватизировано не знаю кем, только не нами с братом, и снова стало «Марсом».

Галина ЯКИМОВА

Мокрый асфальт. Непослушный руль.
Может из Портсмута, может из Йорка
В тесном фургоне с гастролей коротких
Ехали Битласы в Ливерпуль.

Вот доберутся домой... и спать,
Чтобы потом навестить «Пещеру».
Местные будут в экстазе опять,
После — полмира, по их примеру.

Это случится потом, а пока
Холодно, путь не такой уж близкий.
После вчерашнего — дрожь в руках,
Чтобы согреться — бутылка виски.

Средь бесконечных иных дорог
Не исчезают дороги эти.
Выверен план и отмерен срок.
Маленький Чепмен живет на свете.

* * *

О.К.

Когда-то или никогда,
В такие времена,
Когда далеко седина,
Не видно чаши дна,
И пьешь, и плещешь через край,
Не ведая о том,
Что мир очерится: «Отдай!» —

210 И попрекнет глотком.

Тогда нам довелось идти
Дорогою одной,
Тогда нам было по пути,
Казалось, в жизнь длинной.
И было весело шагать
И в ногу попадать,
Вдвоем аттическую соль
Гостями в мир кидать.

Хитросплетения судьбы...
Запутались пути,
Исчезли вежи и столбы,
Но надобно идти.
Куда идем, когда дойдем,
Устала я гадать,
Но славно вспоминать о том,
Как было наплевать
На то, что ноша тяжела,
Ведь даль была светла

Когда-то или никогда.
Такие вот дела.

* * *

Нам не больно, нам не больно,
Перевернута страница.
Только в полосе приборя
Вязкой струйкой кровь сочится,
Только розовеет пена,
Как Игрисное донское.
Мы уже ушли со сцены.
Если захотят — отмоют.

Перемена декораций.
Чистый лист и роль другая.
Что ж, пора за дело браться.
С горизонта начинаем.
Неба голубое блюдо
И волны седая круча.
Может, нам с тобой (о чудо!)
В этом мире станет лучше.

* * *

Кто со мною незримо был,
Кто за мною шпионил-следил,
Кто удобный момент уловил
И затрещину мне отпустил.
Кто, не давши опомниться, вдруг
Дал увидеть замкнувшийся круг?
Это были мои заморочки.
Это месть непоставленной точки.

ИЗ СЛУЖЕБНОГО КОМПЬЮТЕРА

Я живу не своею жизнью,
Жизнью чьей-то совсем чужой.
Это прихоть судьбы капризной
Иль косяк абсолютно мой.
Настоящая жизнь, быть может,
Не была бы сытней и полней.
Но была б я счастливей все же,
Ведь была бы она моей.
Я лежу не в своей постели,
Я к чужому привыкла труду,
Мне чужие дела надоели,
Я с чужими не в ногу иду.
Вру, порой не сбиваюсь с ритма
И порой попадаю в такт.
Но, увы, не моя это битва,
Не мои рассвет и закат,
Не мои эти радость и горе,
И совсем не мои грехи,
И не мне в бесконечном море
Вдруг пригрезились маяки.

КИММЕРИЙСКИЕ ВИРШИ

Лист осенний слетает, зима уже не за горами.
Окончанье сезона, как не кинь, —
окончанье сезона.
Я не скрою: все планы, что строились мной
этим летом,

Так и не воплотились, остались планами только.
Что же делать, когда так не хочешь жить и работать?
Как заставить гореть тускло тлеющий смрадный све-
тильник?
Мне себя не принудить быть радостной, светлой,
беспечной.
Ведь тяжка моя ноша и труд порой непосилен.
Я хочу, чтоб со мной случилось внезапное чудо,
А еще — умереть смертью легкой, спокойной и мирной.

* * *

Я очень хочу
Забыть обо всем
И не могу до сих пор.
Впрочем, не я это была,
Так к чему же весь разговор.
Просто кусок памяти стерт,
Вставлен чужой фрагмент.
Просто мой взор во что-то уперт,
И это что-то — брезент.
А на брезенте находки лежат.
Нужно их шифровать.
Намертво в пальцах маркер зажат,
Чтоб не давать им дрожать.
Чтоб не случилось это опять,
Намертво маркер зажат.

Р. КАМАЛОВ

КРЫША МОЕГО МИРА

Звезды заплачут черными слезами. Потому, что когда-
нибудь ты уйдешь.
Я сижу на крыше, смотрю вниз, на город раскинувший-
ся внизу. Тысячи огней — пламя, разлившееся на десят-
ки, сотни, тысячи километров... Влажный, пропитанный
запахом озона воздух. Как будто только что прошла гро-
за. Но грозы не было.
Такое чувство, что именно здесь, любуясь ночным горо-
дом, я обретаю новую жизнь. Это чувство сильнее меня,
и я возвращаюсь сюда вновь и вновь.

Мне хочется кричать, хочется излить свою боль на крыши небоскребов. Хочется сорвать голос на куски стекла и бетона, окружающие меня со всех сторон.

Я подхожу к самому краю крыши. И кричу в темноту: «Зачем я так поступаю?». И не важно, что ты — читатель — тот кому предназначаются эти слова, никогда их не услышишь... Вместо тебя их слышит город, раскинувшийся у моих ног.

Наверняка сейчас ты ворочаешься в постели и никак не можешь уснуть. А я сижу здесь, на крыше, и не думаю идти домой. Идти к тебе, читатель. Идти обратно в наш мир. Спускаться с небес на землю. Да, я чертов сукин сын, думающий только о себе.

Я закуриваю очередную сигарету.

Мне 17, и я усложняю себе жизнь...

...На мгновение возникает чувство, что я хочу, чтобы волна сожрала, поглотила каждый сантиметр этого чертова города, чтобы все эго жители разом начали задыхаться. Гореть. Чтобы им перестало быть все равно. Чтобы они поняли, каково нам, задыхающимся в этом большом бездушном городе, в этой полной негатива клетке. Я хочу кричать им в лицо, чтобы расшевелить их. «Не беги, не суетись, не сиди с новеньким айфоном в этой чертовой кофейне. Живи! Будь настоящим!» Хочу встряхнуть их за грудки. Заставить задуматься. А о чем задуматься, — и сам толком не знаю...

...На многие километры отсюда горят огни этого стремительно разрастающегося города. Его стало слишком много — людей, машин, эмоций, нервов. Едкий смог управляет все вокруг, и мне нечем дышать. Я хочу быть моложе, хочу быть отчаяннее, беззаботнее, — или хотя бы не думать ни о чем, имея следы уколов и порезов на бледных предплечьях.

Но я слишком слаб, слишком труслив — чтобы уйти из реальности, чтобы отключиться от нее хоть ненадолго, — мне приходится слушать музыку — без нее я не смогу спать. Без нее я не смогу зайти в метро — меня одолевает клаустрофобия. Боязнь закрытых пространств. Мне приходится пить вино — много красного сухого вина, без него я слишком много думаю. Возможно, было бы проще

пить коньяк — но у меня от него скручивает внутренности. Я, как всегда, живу будущим, и оно, возможно впервые — не эфемерно. Я хочу бросить курить — просто выбросить окурки щелчком с 23 этажа, чтобы он потух тлеющей искрой в полете, исчезнув навсегда из моей жизни, но не получается. Я снова и снова, изо дня в день чувствую табачный дым глубоко в своей глотке. Так глубоко, что, кажется, что он уже пропитал меня насквозь. Как будто в груди серо-бордовая губка, впитавшая в себя смог, много смога — будто тебе 45, хотя тебе на четверть века меньше.

И я потерялся. Вчера мне было 17, и я мучительно, как это бывает у некоторых отчаянно не желающих учиться, но все-таки думающих о будущем подростков, оканчивал школу, и, по мере своих возможностей, старался поступить в институт. А сегодня я, свеженький выпускник в меру престижного московского вуза, пытаюсь собрать воедино порядком, как мне кажется, истрепанные лоскуты своей жизни.

Я хочу разбежаться по и без того небольшой крыше, и высоко подпрыгнуть. Преодолеть гравитацию, не зависеть от них всех. Я мечтаю выбросить свой телефон — последнюю модель продукции Apple — чтобы просто не зависеть от материального мира. Мира приложений и гиперсоциальных сетей. Чтобы просто уйти.

А сфотографировал ли ты свою еду и три дня небритую рожу в инстаграмме? А зачекинился ли ты на Форсвар, когда ходил в кино с друзьями? Высший пилотаж — провести вечер, сфотографировав, кроме пары коктейлей, стейка и миски восточной лапши, двух чикс с оттопыренными губами, и начало фильма в кинозале, — у меня почему-то всегда оказываются фотки из трейлеров фильмов с сексуальным подтекстом. Мы вот недавно со знакомым отметились в одном кинотеатре в одно время — у него на фотке те же ляжки, что и на той, которую сделала я. В одном зале, что ли, сидели?

Я не хочу подобного. Меня это душит. Я хочу закрыться от этого, зажать уши руками и не слышать, не видеть эту колоссальную плодородную людьми медиа, поглощающую меня полностью, и не могу. Я сам — медиа.

Я закуриваю очередную сигарету... Ах да, я ведь бросил.

Только память живет в моих руках, память и рефлексy,
память и драма...

...Я мечтаю иметь пару джинсы, две футболки, кредитку и
ничего более — чтобы упаковать их, и с чистой совестью
сорваться в другую часть света, не размышляя о том, что
я взял, и что оставил. Мечтаю быть свободным, но па-
нически боюсь лишиться крошечного кусочка стабиль-
ности в неплохом, пусть и замкадном районе Москвы —
хреновое расположение плюс неплохая экология, узбеки
у метро, было на лавочках, Икея под боком. Все вклю-
чено — одним словом. Привет, Москва — 2014, я твой мо-
лодой житель. Я голос молодежи, начитавшейся Духless,
голос поколения Y.

Я великолепен. Джинсы левыйс модель 501, Нью-Йорк,
распродажа, часы — реплика пафосной модели Марка
Джейкобса, — пять часовых поясов на карте мира, побитая
об пол в меру беспонтового фитнес-клуба с платными
полотенцами.

Я переключаю трек на айпode. Отсюда на много кило-
метров горят огни ночного города, словно пожары, — и
я хочу спеть гимн умирающему дню. Как пошло и как
прозаично. Но сидя на диване в крошечной гостиной и
печатаю свои рефлексии на дерьмовенький текст сред-
ненькой группы из американского захолустья я ощущаю
себя практически богом.
Творцом.

Алла БОСНИК

ТУМАННЫЕ ПРОГУЛКИ

* * *

Под тихую туманную волну
Я в этот лунный бархат облачусь, как в рясу.
И все сокрытые затворы вновь я обману
И навсегда покину брeнную реальность.

* * *

Полный дум и размышлений
Старый сад в терновнике чернеет

Твои дороги листьями усыпаны сухими
И кажутся шаги теперь совсем глухими
Туманом застлан старый мутный пруд.
Воспоминания теперь лишь в нем живут.

* * *

Как пьяный сон приходит образ бледный.
Рисуются черты неясные в ночи.
И звук воды задумчивый и мокрый
Уже давно в сознании почил.

И вот смелей, безумней очертанья,
И чувствую уже как будто наяву,
Призрачной руки воздушное касанье...
И в грёзы я восторженно плыву.

Евгения МИЛЬЧЕНКО

ЩУР

Сквозь размытый рекой песчаник
из внимательных сот — пещерок
шелохнув чуть крылом кустарник
из всепомнящей тьмы — в небо

так на веру принимаешь
под скольжением водомерок
глубину непечатой тайны
отразившей ближайший берег
так зажмурясь вбираешь солнце
проникая всё глубже в тени
из которых печаль смеётся
в первозданном сплетении веток
так исполнен тоской кентавра
свет в полотнах Боттичелли
словно чувствуя запах лавра
в нем слезятся речные мели
из пещеры взирает пращур
рыжиной кареокой в выси
щурусь ширится к лету лапасть
окрылённым стремлением выстрела

и в дрожащей молве растений
оперения шелест быстрый
в бесконечности наваждений
безупречным мгновением истины

вылетает звенящий призрак —
шур чертёжной дугой стрелы
прорицая иные жизни
через яд золотой пчелы.

* * *

Дверной проём открыт в нахлынувшую память
и белый ферзь летит в открывшийся проём,
и я сижу одна обвив лицо руками
— Вам шах и мат! Вы слышите? —
Не то и не о том...
Пропущенный удар оглохший полоумный,
Кипучая слеза проглоченная сном.
Дверной проём ослабился своей тоской бездумной
— Оскалился! Вы слышите не то и не о том!-
И я сижу одна обвив лицо руками,
Пропущенный удар звучащий камертон,
Погасшее лицо как будто лизет пламя
И снег себе летит в открывшийся проём.

СИНЕГОЛОВНИК

Синеголовник —
Лета погребенье,
Цветы колючие
Как истина, как соль,
Как снисходительное благословенье.
В висках заныло, тянет в пальцах стужа.
Головки мака чопорно страшны
Под слоем тонким розового лака,
Как похоть в рыбьем образе блесны.
Здесь затаилась слабость и отвага.
Зима на пыльной полке стережёт.
В фарфоровом плену застыла сага
Про умерший и не воскресший год.

* * *

За белыми дверями поликлиник
Есть рай, ты веришь, звучный и просторный
За переплётом крашенным оконным,
В пролётах лестниц, в коридорах длинных,
Он звёздами в ночные стёкла смотрит,
Он бродит невидимкой по палатам,
И дышит сквозняками в щели окон,
И путается в рукавах халатов.
О болеутоляющее солнце,
Пустынное забвенье анальгина,
Иссякнешь ты,
И снова боль вернется,
Бродить по койкам в маяте простынной.

* * *

Так под ногою хрустнет лёд.
Несу у сердца старый кремень.
Трепещет размыкаясь темень,
Предошущая свой исход.
Так удивлённо мир вздохнёт,
И дрогнет смерти неподвластный
Хаос, загадочный и страстный,
Когда огонь его лизнёт.
Так струйка чуткого тепла
Исторгнет музыку из стона,
И вдруг проявит суть закона
Зари чуть тёплая зола.

* * *

Медвяный пар наполнил дом,
Тень пляски, звонкое монисто...
И снова благостно и чисто
И полнит воздух тихий звон.
Как стон развеянного сна —
В нём: липа, мята, подорожник,
И тихо бродит многобожник,
Как бродит осень и весна.
И золотые очи — мёд,
Мерцает мирозданье в чаше,
И неба колдовская сажа
Из этой чаши воду пьёт.

* * *

Серебром, начищенным добела
Манило, тянуло, вело.
Из-за лунного света ознобило,
С крыш хрусталём текло.

Прозрачной тягучей певучестью
Огромных ночных капель,
Прохладной своею жгучестью
Декабрь театрально плакал.

Нарушив ненужные правила,
Влюбляясь в оттепель тёмную,
Я что-то забыв, оставила
И больше уже не вспомнила...

К ...

Дрожит нестройный лад,
Мой грех — без покаянья.
Бежит тепло трепещущей волной.
Свиданье было кратким -
Ложь так явно меня тревожит
В искренности снов.
Твой полоумный рыцарь —
Я — с цветами не знаю,
Как сложить осколки дня.
Мой принцип — острый камень,
Что разбивает зеркало звеня.
Оградка мира мёртвых так
Хрупка. Как краска шелушится
Явь. Сутки стёрты
Движеньем уходящей лодки.
Ни вплавь... Ни по воде
За ней мне не удастся
Перейти сквозь преходящий
Свет, струящийся во мне.
Я остаюсь, и настоящее
Пульсирует, свербит, сияет.
Мигрень — круги и точки -
Абстракция непрожитой тоски.
Я знаю только

Точно: точка — гвоздик,
Поспешно вынутый из гробовой доски,
Сирень погасит Солнце.
Всё уходит.

* * *

Вспорхнуло имя в темноту зимы,
И умерли знакомые слова,
Вы помните покорный трепет тьмы,
Когда я мир Тобой назвала?
Вы помните горячий шёпот губ? —
Когда означились любимые черты,
(Я поняла, что так Тебя зовут),
В дрожании прозревшей черноты...
Сорвалось имя в бешеную тьму,
Как молнии сверкающий изгиб,
И все слова пришли по одному —
Вы помните как этот мир погиб?

* * *

Шопенианы плавное кружение
Где девы — лотосы и нежная метель.
Моё внежизненное белое видение
Увьёт цветами смятую постель,
У изголовья плачет и тоскует,
Как сон встает в биеньи тонких крыл
И на прощанье в лоб меня целует
И выкликает имя средь могил.
Немеркнувшее света наваждение,
Мой грустный нераспознанный Грааль,
Тщета моих надежд, моих хотений,
Ты — вьюжной тьмой подёрнутая даль.
Усталость уст моих гвоздикой снежной,
Ты выпиваешь жизнь с дыханьем снов
И провожаешь в стылую безбрежность
В цветеньи зимнем ангельских садов.

На холм упали лунные лучи.
Бессонница, бессонница, бессонница.
Чьи губы были нежно горячи —

Не вспомнится, не вспомнится, не вспомнится.
И всё плывёт, туманится луна.
Вдова, пророк, монахиня, паломница?
Кем ты была, скажи, с кем ты была,
Трепещущая на ветру любовница?
Здесь, как и прежде, трав медвяный сбор,
Их запах к соснам из полей доносится;
И чудится разрушенный собор,
Дрожащий, словно жёны-мироносицы.

БУРАН

Всё полнится весельем и тревогой,
Метель, тоскует, буйствует, кружит.
Колдун седой, беснуясь над дорогой,
Бормочет, скачет, шепчет, ворожит.
То схватит жадно, развернёт за плечи;
То бросится под ноги белый кот,
И слышится как воет недалеко
Разрушенного дома дымоход.
Глядишь: то светится огнём былинка,
То глаз зловещий вспыхнет и мигнёт,
Вздохнёт кто, поцелует, и тропинка
Уводит в бок, сверкает и влечёт.
Всё полнится тревогой и весельем,
Тоской, раздольем, пляской удалой.
Кружит всю ночь колдун седой с метелью,
Поёт, смеётся, шепчет над рекой.

* * *

Я странствую порою
По сумрачным и пыльным
Руинам замогильным.
И знаю: красный призрак
Гуляет по крошащим страх смерти,
Нисходящим обрушенным ступеням.
Здесь плачет каждый камень
Под чуткими стопами
Невидимых скитаний.
Не наступай на эти
Озёра серой пыли —

Они живыми были
И шумными как дети.
И ветер здесь не светел
Сквозь стоны старых петель
Он призрачен и тёмнен
В просевших жерлах домен.
Я странствую порою
Овеяна весною
На пепельном рассвете
Сквозь сомкнутые плети
В пустынном пепла слое.

СТАРАЯ САМАРА

Медленно выдыхаю слова, смотрю, как их обжигает холодом. Пока бледнеет день, пока в моих руках умирают цветы, время принадлежит нам. Раздумчивая лень прогулок — привилегия юности. Это время принадлежит нам, мне и тебе — неважно, кто идёт рядом, преданнее меня всё равно не будет, потому что верна постоянно-му образу и каждой из застывающих в воздухе старого города секунд. Сколько дождей, метелей, срывающихся взбунтовавшимися духами позёмки с приземистых крыш, сколько расплавленных тягучих летних ночей мы провели вместе, мои улицы, мои печальные свидетели времени. Теперь ты, моя сказочная и страшная страна купеческого, мещанского, деревянного и кирпичного мира, изнемогаешь, дряхлеешь, рассыпаешься, унося с собой и ужасающую красу своих фасадов и тривиальный кошмар человеческой жизни. Ты остаёшься в памяти постоянных соучастников моего скорбного ритуала. Хрупкие, как осенние листья весной, кружева осыпаются, крошатся, гниют. Мой милый труп, каждый раз у меня не хватает смелости поверить в неотвратимость твоего разложения. Я кошуnstвую, вынимая тебя из безразличного гроба обыденности и кружусь в безнадежном влюблённом вальсе, глядясь в пустые глазницы, где был кроткий свет домашнего тепла; целую ощерившийся рот, не способный шептать слова наивных надежд, в котором мне всё грезится нежная девичья, полная смущения и счастья, улыбка. Бездомный пёс уже не идёт за

мной. У меня уже не просят сигарет, говоря: «Сестрёнка, помоги». Эти улицы опустели, уступив место другой, напряжённой современной жизни. Ушли старики, вымерли алкоголики, переехали мигранты: весь, принадлежащий твоей смерти, мусор судеб и трагедий, ушёл с последним вздохом человеческой жизни. Это даже не трущобы — тающий мираж. Теперь здесь больше света, теперь здесь многоэтажные курьёзные дома, к подножиям которых ты, старая Самара, вывела нестройную кучку дряхлых стариков, стесняющихся того, что зажились, робко жмушущихся, незащищённых от насмешливой злобы дня, потерянных и нелепых. И среди них, забывшие свою гордость, беспамятные, припудренные небрежными мастерами или вовсе без грима, дом Субботиных—Шихобалова, особняк Аржанова, Курлиной, одряхлевший барин — дом Чельшова, загрезившая в огнях улицы Куйбышева гостиница Бристоль. Этот нервный замедленный выдох в потемневший воздух — реквием по тебе, признание невозможности тебя спасти и ненужности этого.

ВОРОНЕЖСКИЕ ОЗЕРА

Впервые, когда я попала в мкрорайоны неподолёку от Воронежских озёр, я ощутила подавляющий масштаб, несообразность дворов и проездов, негуманный, неудобный существующий как некий манифест, обращённый в пустоту. Этот ужасающий фантом, тёмный двойник «города сада» неожиданно слился со мной воедино. Вся бесчеловечность этого места провалилась внутрь меня, покорила. Оно существовало само для себя, дома являлись непостижимыми человеческим умом личностями. Свободная планировка района не только давала возможность перетекающего пространства, она вобрала в себя легендарный в тех местах северо-западный ветер, населив все вокруг бесплотным, колышущимся, гигантским. Я перетекала из двора во двор, через проезды, мимо заброшенных молочных кухонь, детских садов, трансформаторных будок, по загаженным тёмным лестницам ведущим на общие балконы, навевающие мысль не то, чтобы о самоубийстве, но скорее о внежизненности

всей ситуации. Я сливалась с северо-западным демоном, желая одного: стать такой же бесплотной сущностью, одним из бесчисленных мрачных видений. Я хотела обраться в мертвенный отблеск на облупившейся жёлтой и голубоватой скучной плитке, стать нескончаемым воем, пронизавшим здания. И пока я жила там, я обещивалась и распадалась на разрозненные фрагменты существования. На закатах можно было наблюдать, как подхватывают пылинки восходящие потоки, как покачиваясь, эти крохотные безнадёжности плывут, сливаясь с огнями изнывающего от летней жары города. Внизу гремит Ново-Садовая, иногда проезжает бессонный дежурный трамвайчик, распозаезает, оставляя после себя неприятное пятно придорожный рынок. Последствия 90-х здесь до сих пор живут, явствуют, козырьки подъездов усыпаны, словно мёртвыми подёнками, шприцами. Внизу властвует он — ветер. То медленно тащится через дворы, то накидывается с яростью умалишённого, принося непрекращающийся собачий вой. И везде проступает поруганная природа, злобная неупокоившаяся душа — вода. Вода выпускает своё зловонное дыхание из подвалов, потускневшими глазами глядит из заилённых озёр. Озёра и призраки озёр, ручейков, задавленные домами, вогнанные в бетонные русла, и просто засыпанные наполняют воздух невнятным шепотом, жалобами. Каждую ночь здесь насилуют, убивают, грабят и когда этого не происходит в реальности, все стремится воспроизвести жуткие призраки этих событий, с маниакальной жадностью повторяя и повторяя как неоконченные музыкальные фразы в пыточной камере. И я рыдаю каждую ночь, здесь в своей слабости и гадости распада личности. Здесь всё сумасшедшее и я сошла сума, пугаю людей своей тенью во мраке деревьев. Луна мучает меня, неестественно яркий кобальт неба, хна и охра подсвеченной пыли, желточные фонари. Зимой всё очищается. Холод высасывает даже намёки на движение. Только здесь понимаешь, как от мороза лопаются голова. Я любила твой образ, в котором ни Босх, ни Дали, ни Бескинки, ни Гойя не отражаются, твоего художника не существует, как не существует логичного объяснения для преисподней, не предназначенной людям. И влившись в тебя, вдохнув твои миазмы, я лишилась надежды на вы-

здоровление, пока меня саму не растопгло, пережевало и отторгло уже другое, человеческое зло.

Евгений СТЕПАНОВ

РАССКАЗИКИ

ПРЕДАТЕЛЬ

В тот год мы всем нашим многонациональным семейством (Наташа, наша дочка Настя, ее германско-тамильский муж Кубера, внушка Катинка) зимовали в Болгарии, в любимой, родной и очень удобной для жизни стране. Несколько лет назад я купил двухкомнатную квартиру недалеко от старинного и боголепного Несебра, в Солнечном берегу, и привозил туда своих домочадцев не только летом, но и весной, и даже зимой.

Зимой в Солнечном берегу мне нравилось как-то особенно — он совершенно отчетливо напоминал доброжелательную Ялту застойной эпохи, которую хорошо показал Сергей Соловьев в своем легендарном фильме «Асса». В нашем комплексе «Солнце и сад», в котором летом где-то было яблоку упасть, зимой жило всего две семьи — наша и семья Андрея, Светы и их двухлетней дочки Милочки.

Самое удивительное, что управляющая компания, которая обслуживала дом, не бросила нас на произвол судьбы, а вполне сносно следила за тем, чтобы нам и зимой жилось комфортно и радостно. Садовники ухаживали за розами и туями в нашем приквартирном садике, управляющая Татьяна растапливала по первому требованию сауну и подогревала воду в небольшом закрытом бассейне.

Наташа и Настя много работали — переводили по заказу русские книги на немецкий язык, а я ничего особенного не делал, ездил в Бургас, смотрел там, прицениваясь, вместе с риэлторами квартиры (это мое любимое занятие — им я занимаюсь даже тогда, когда денег нет вообще), отвечал авторам по электронной почте и составлял номера своих литературных журналов, которые теперь можно

выпускать, не выходя из собственного дома. Лишь бы Интернет (вай-фай) работал.

По вечерам Настя показывала всем нам через компьютер советские, российские и заграничные (изредка!) фильмы и мультики. Мы посмотрели: «Тот самый Мюнхгаузен», «Время желаний», «Акваланги на дне», «Джентльмены удачи», «Невероятные приключения итальянцев в России», «Тимур и его команда», «Друг мой Колька», «Убить дракона», «Брильянтовая рука», «Трое из Простоквашино», «Свинка Пепа» и т. д.

Это огромное счастье — близким людям вместе смотреть хорошее кино.

Каждое утро, ровно в девять часов к нам приходила бездомная кошка-крысоловка. Серая, зеленоглазая, с темным обворожительным пятнышком на мордочке. И мы ее кормили. Сначала она приходила одна, а потом стала приглашать на завтрак своего сына, серенького котенка, а потом и мужа, огромного кота-крысолова, и даже белого худющего кота-любовника. При этом кошка держала свое семейство в аскетической строгости, никому из сородичей не разрешала входить в квартиру — если кто-то переступал порог — сурово кусала. И сама тоже не входила в дом.

Я радостно кормил кошачье семейство, им, безусловно, это нравилось, и вскоре они вошли во вкус — стали приходиться не только на завтрак, но и на обед, и на ужин.

Я стал понимать, в чем смысл моей жизни.

Раньше я этого толком не знал. Один не самый талантливый автор, которого я печатал, всегда мне говорил: «Женя, смысл твоей жизни заключается в том, чтобы мне дали Нобелевскую премию». Так, надо признать, говорили многие авторы. Но я им не верил.

А тут я действительно стал понимать, в чем смысл моей жизни. В том, чтобы накормить кошку и ее семью.

Я полюбил эту красивую, умную, интеллигентную болгарскую кошку. И она отвечала мне взаимностью. Встречала меня аж у автобусной остановки, а это примерно метров триста-четыре от нашего дома, гордо шла или бежала со мной до самой квартиры, и всегда провожала — когда я уезжал в Бургас, Несебр или Святой Влас.

Иногда кошка, стремясь показать свое особенное расположение ко мне, приносила к порогу дома пойманных мышек, один раз даже притащила огромного баклана... Как только дотащила? Я старался, как мог, объяснить благодарной подруге, что лучше мне таких подарков не делать, но она свое дело знала туго. Она знала наверняка: за добро надо платить добром.

Строгая внучка Катинка меня контролировала: «Покорнил кошку? А котенка?».

Я старался оправдать доверие подрастающего поколения.

А потом пришла пора уезжать домой. Кошка, точно настоящий экстрасенс, это почувствовала. И вообще перестала отходить от квартиры, сидела на порожке день-два-три.

Я договорился с Андреем, что он будет кормить кошку, носить ей еду к нашей квартире на первом этаже. Выделил ему на это дело средства в левах и евро.

...В день отъезда лил проливной дождь, а мы, закрутившись, позабыли заказать такси. Пошли на автобусную остановку, мы с Настей по очереди несли Катинку, промокшие и замерзшие. Кошка бежала за нами. Я не знал, что делать. Мое сердце обливало кровью. И оттого, что мучаются мои родные, совершенно не привыкшие к дождям и холодам, и, конечно, оттого, что мучается оставляемая мной на произвол судьбы кошка, а мне, предателю, нечем ей помочь.

Катинка вела себя мужественно, прижималась ко мне (или к Насте) и молчала.

Автобус — нам повезло! — подъехал сразу. И мы запрыгнули в него. А кошка осталась. Я до сих пор помню ее взгляд.

ОН ОКАЗАЛСЯ ПОДЛЕЦОМ

Встретились, как это часто бывает в Москве, случайно. На каком-то литературном вечере. Эта молодая красивая женщина когда-то давно, лет пять назад, нередко навещала мою ночную холостяцкую квартиру, нас много объединяло, мы испытывали (каюсь, каюсь, каюсь) друг к другу какое-то постоянное, как мне казалось, физиче-

ское влечение. Потом мы расстались, она возобновила отношения со своим законным мужем, а мне и звонить перестала.

И вот — встреча.

— Ты знаешь, — без лишних прелюдий сказала она, — все плохо. Жизнь не удалась.

— Почему? — проявил я участие.

— Потому что он оказался подлецом.

— Кто?

— Мой муж. Нашел себе другую бабу. Подлец! А я ведь никогда ему не изменяла! Все блюла, дура, верность.

И тут я понял, что, возможно, схожу с ума.

Или мне приснились прежние отношения с этой прекрасной женщиной, или мои физиологические способности настолько ничтожны, что она даже их не заметила в свое время, а потому не посчитала наши отношения изменой мужу, или, может быть, я уже окончательно в маразме... Все-таки 50 лет...

Я ничего не сказал. А только слушал, слушал, слушал.

А женщина все говорила и говорила:

— Он оказался подлецом, нашел себе другую бабу, а я ему никогда не изменяла...

КОРОВЫ — ЭТО СВИНЫ

Один мой знакомый олигарх вложился в АПК. Встречаемся наемдни. Он жалуется:

— Старик, все ужасно. Я, дурак, купил за границей коров. Не поверишь, им все не так, все не эдак. Траву нашу есть не хотят, мыть их нужно каждый день, чуть что у них стресс. Если стресс — надои падают. Короче, заграничные коровы — это свиньи. Как я завидую тебе, что ты издаешь книги...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ КОЩЕЕВ

Литературный консультант Кошчев был принципиальным человеком и всегда говорил (и писал) только правду. Он работал в популярном журнале поэзии «Музы и карапузы» и отвечал на письма авторов.

Поэты присылали рукописи Кошечеву ежедневно, в день он получал примерно 100-120 рукописей. Кошечев все читал.

Потом он писал ответ.

Он писал то, что думал.

Я, например, недавно получил от него такое письмо:

«Уважаемый господин Степанов! Ваши стихи — это полный отстой, никогда больше не присылайте нам в журнал свою графоманскую чушь! Вы, графоманы, уже достали!».

Литературный консультант Кошечев был принципиальным человеком и всегда говорил (и писал) только правду.

ШКОЛЬНЫЙ ДРУГ

Мы учились с Сережкой в одном классе, жили в одном дворе, ходили в одну секцию бокса... Это было в советское время, в 70-е годы прошлого века — замечательное (в своем роде!) для москвичей время: сытное, спокойное, предсказуемое. Каждое воскресенье мы играли в Кускове в футбол — есть там специальная спортивная площадка. И не только играли в футбол, но просто общались с ребятами, обменивались новостями и т. д.

...В школе я учился намного лучше, чем Сережка, особенно хорошо успевал по гуманитарным дисциплинам, да и в спорте (боксе, футболе) успехи у меня были более серьезные, чем у Сережки, который еле-еле перебивался с двоек на тройки, да и физически мне уступал — был он маленький и шуплый.

У него лучше получалось только одно: он быстрее меня плавал. Ну вот не знаю, почему? Дом наш стоял рядом со знаменитым графским прудом, и вот в этом пруду мы нередко соревновались, кто быстрее проплывет ту или иную дистанцию. Сережка проплывал всегда быстрее. Я тренировался. Злился и тренировался. Бегал по утрам, отжимался ежедневно по сто раз, не вылезал из этого пруда, но все равно Сережка плавал лучше и быстрее. Потом я смирился. Понял, что в чем-то мой товарищ сильнее меня. Ну и слава Богу! И вообще забыл про это плавание.

После восьмого класса Сережка поступил в железнодорожное ПТУ, а я вообще перешел в другую школу. И мы — как-то так получилось! — перестали общаться.

...Прошло более 30 лет. Я провел многие годы в других городах и странах, проводил масштабные рекламные кампании, защищал интересы крупного капитала в разных странах, ворочал миллионами, был топ-менеджером гигантских корпораций, побывал на войне, закончил институт и аспирантуру МГУ, защитил диссертацию, издал десятки книг, стал успешным и самостоятельным бизнесменом...

...И однажды я опять приехал в Кусково, зашел на спортивную площадку, где мы в детстве играли в футбол... Продираясь сквозь кусты малины к этой площадке, я вдруг услышал странные слова:

— Евгений Викторович, привет! Ты к нам?

Я обомлел, я не понял, в чем дело. То ли кто-то обозначился? То ли меня действительно кто-то узнал?..

Это был Сережка... Постаревший, седой, уставший... Но это был он. Он только что закончил играть в футбол на площадке и сидел на лавочке вместе с другими ребятами из нашего двора. Оказывается, ребята (теперь уже взрослые мужики) по-прежнему раз в неделю играли здесь в футбол, обменивались новостями и т. д. Их жизнь за эти десятилетия практически не изменилась.

Мы разговорились, они расспрашивали меня, я расспрашивал их. Я рассказывал о странах, где жил и работал, об известных людях, с кем общался. Ну в общем, хвастался — чего греха таить. А Сережка в основном молчал, только сказал, что вот уже 30 лет работает грузчиком на фабрике.

Потом мы стали прощаться, Сережка сказал:

— Извини, Женек, очень тороплюсь, дел неуворот, у меня же пять детей... И всем что-то нужно...

И мы, обнявшись, расстались.

...Я шел по родному Кусковскому парку, смотрел на деревья, дворцы и колонны, на лодки, которые плавали вокруг островка, на чаек, парящих в вышине, и думал о моем великом друге Сережке.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

* * *

Владыка душ оставь мне силу
пожить еще хотя бы год
пока на «аннушке» курсирую
я мимо чистопрудных вод
оставь мне голову и руки
и поджелудочный проток
пока твои адепты — суки
в дугу не запустили ток
пока до тормозного скрипа
останется хоть полчаса
пока с бульвара шёпот липы
подкрадывается как лиса
пока сойдя на остановке
сизжу на лавке развалясь
в самом себе — Твоей обновке
устраиваясь

и дивясь

* * *

Еще пожить — собой не дорожить.
А от меня другим не много прока:
С собакою двухмесячной дружить
И вдруг ударить — со щенком морока.

Еще пожить, забыв, кто ты таков,
Не откликаясь на чужое имя,
Когда, недолговечней мотыльков,
Душа летит, танцуя вместе с ними.

Еще пожить и по ночам дрожать
От шороха, когда взлетает птица,
Еще пожить — ходить, дышать, рожать
И пылью на дороге серебриться.

* * *

...затыкаю уши ватой
запираюсь в кабинете
аты-баты шли солдаты
сосунки почти что дети

затыкаю ватой уши
под шинелью зябнут души
и опять для вас сынки
матери несут венки

АРБАТ

моя Мекка
бетонная
Мекка
шагов
на рассвете
я слушаю эхо
вдыхаю
твой ветер

* * *

Утро.
Старый Арбат.
Мелкие капли дождя.
Отец рифмовал:
Арбат — арба,
По Кривоарбатскому
проходя.
Театр Вахтангова,
школа,
роддом,
Свежий запах бензина;
Женщина выставила ведро
с мокрой тряпкой
За дверь магазина.
...Родина...
Вроде бы...
А главное,—
так рано и сыро,
и девушка
передо мной
так же медленно
идет
по мокрому
асфальту.

* * *

Обманывай себя
И никого не слушай —
У маленьких детей
Такой короткий век.
Будь счастлив, как они,
Ешь сладких песен груши,
Быть мудрым и пустым
Успеешь, человек.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

*Неужели я — настоящий,
И действительно смерть придет...
О. Мандельштам*

трогаю лоб
гляжу на прыщи
неужели и я умру
и в моем носу
загниют хрящи
а я даже
не заору
и главное
этот цыплячий лоб
станет вдруг ледяным
и длинный гвоздь
заколотят в гроб
и пламя лизнет со спины

* * *

Проснулся за полночь: сначала встало тело,
Подвигалось, руками повертело,
Как будто бы в ночи искало брода,
Пошло на кухню, выпило воды,
Намазало два тонких бутерброда,
Смахнуло крошки в горсть, чтоб скрыть следы,
Вернулось в комнату, свалилось на кровать,
И тут ему вдруг расхотелось спать.
— Послушай, тело, разве это дело:
проснуться за полночь, чтоб корку хлеба съесть?
Такой ли ты судьбы себе хотело?

Не велика ли для пройдохи честь —
Сметь разбудить хозяина, как кошке,
Насыпать мне в ладонь объедков крошки?
Твой жест был удивительно нелеп —
Во сне я первым видел этот хлеб,
Он мне приснился вместе со стаканом,
Наполненным холодным узким краном,
Я видел даже света пузырьки —
А ты мне крошки подаешь с руки.

* * *

Сезон стихов закончен. Скоро
Мы примем казнь от топора,
Заждалась времени секира, —
Другому наступать пора...

Оно приходит самовластно
И вдаль стремится как лангуст,
Ежесекундно, ежечасно
Под хруст из чьих-то жадных уст.

Взялась откуда эта тяга,
Ведя неведомо куда,
Словно лангуста вдаль отвага
И океанская вода?

Ее предвосхищали строчки
Пророчества в сезон стихов.
Не жди грядущему отсрочки —
Настало без обиняков.

Стоит за дверью. На пороге.
В прихожей. Скинуло пальто
И бросило на стул. В итоге
Оно — немыслимое То.

Единственная быль и благодать,
Всем телом принятая весть,
Что ты в охотку, а не в тягость
Тому, кто поселился здесь.

В ВАЛУЕВСКОМ ПАРКЕ

Шоссе блестит на повороте.
Прокаркал ворон never more.
А мог бы петь, как Паваротти,
Будь соловей он, а не вор.

В былинах соловей-разбойник
Свистал у дуба на суку.
Читал: «Пойдешь налево, — конник, —
Направо — всё одно — ку-ку!».

Как золотую середину,
Мы выбрали крутой маршрут,
Гуськом спускаемся в лошину
За санками, что мчались тут.

Чуть-чуть подскальзывают ноги,
Но вот к реке закончен спуск,
А след исчез на подороге,
Но манит ивы голый куст

И пристани под снегом остров,
И жёлтый давешний сарай,
Где лодочники сушат вёсла,
Храня там прочий инвентарь.

Мы не дошли туда по насту —
Вот так растаяла мечта
Приладить парус свой на мачту.
Что жизнь без паруса — туфта.

Успели вовремя к обеду,
В срок завершили терренкур...
Я с этой горки завтра съеду,
Хотя и будет чересчур...

* * *

Нине

Захорони меня под балюстрадой
Пришпили лоскутик алый два цветочка
Пусть будет мне последнею отрадой
В моей судьбе поставленная точка

Через две точки провести прямую
Кривую загогулину любую
Я гоголем под ней перезимую
А после куст рябины облюбую

И если куст встает особенно рябины
Рубины ягод осыпай в лукошко
Водитель-недотепа из кабины
Влип в балюстраду Уцелела кошка

По столбикам размазанный как краска
С кусками мяса и костями вперемешку
Но кегли сбить не смог И вот развязка
Господь провел в ферзи растяпу-пешку

Она мне в лоб вцепила как шлагбаум
О чем предупреждал проезжих Пушкин
В последний раз обняв такую бабу
Увидеть кошки домиками ушки

P. S.

Бывает что от лени недосыпа
Жары а пуще — переутомленья
Вдруг примерещится такая цыпа
И кошка черная мелькнет безумной тенью

ВЕЗЕНИЕ

Вот и кончилось везение
Начинается работа
кропотливое вязание
до шального поворота

Ничего что дни покатятся
бричкой через пень колоду
было бы на что потратиться
чем потрафить бы народу

Напишу стихотвореньице
набело пером бесстыжим
вдруг стезя моя изменится:
был шатеном — стану рыжим

На ковёр шатена выдернут
для укоров и позора...
Подковёрный жребий вытяну
а какой? — Узнаю скоро...

Все ковёрному до лампочки
до будды по барабану
сняв у края бездны тапочки
кину всех и в вечность кану

Но пока с метаморфозами
тяжбы нет — тихи и кротки
Малыми вдыхаем дозами
воздух вешний — в носоглотке

Начинается везение
И не строй кривую мину
Берлиоза в наказание —
под трамвая гильотину

Чужа — то ли ещё сбудется -
сердце сжалось бедолага
Но пока моторчик трудится
не кончается бумага

Не кончается везение
жаль кончается работа
Довезёт стихотворение
до шального поворота...

* * *

И слезы текут из меня Как из камня
сочатся Но камень живому не ровня

Кто сжал мое сердце извлек из гортани
и в мох опустил у ручья на закланье

и вывел родник из надтреснутой тверди
смерть преодолевая в смердящем усердьи

к скрипичному скрипу разбитых уключин
как зверь приручен и как птица приручен
в свою рукавицу впиваться когтями
взмыть в точку и камнем расчесть с гостями

такими ж как мы и в похожей одежде
кто в шкурке кто в перьях кто в суперобложке

Удар и разрубен как саблею череп
к застолью спешит муравьиная челядь

вылизывать кость догола языками
по стежкам-тропинкам ногами-руками

стотысячеглавой семьей семена
набывчивши лбы мчаться мимо меня

в «сто лет одиночества» тропы торя
Я видел таких в угольках янтаря

застывших скупым иероглифом смерти
Не верьте словам моим Камню поверьте

слезам родниковым подспудным ключам
что вдруг проступают из глаз по ночам

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ МАТЕРИАЛОВ АЛЬМАНАХА

В скобках указан псевдоним автора, а через запятую расшифровка псевдонима; после фамилии (или псевдонима) указывается порядковый номер раздела, см. содержание

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ,
Александр Сыров 9, 16
АНТИПОВ Александр 7
АРЛИНСКИЙ Григорий 7
БАБУШКИНА Полина 12
БАЛТВИЛКС Янис 10
БЕСЕДИН Святослав 2
БОСНИК Алла 17
БУРДОНОВ Игорь 8
ВАСИЛЬЕВА Инна, Нина Давыдова 9
ВИНОГРАДОВА Татьяна,
Т.Смирнова 4
ГЛЯНЦ Владимир 2
ГОМОНОВА Елена 7
ГОРОХОВА Татьяна 13
ГРЕБЕНЩИКОВ Георгий 5
ДАВЫДОВА Нина
(Инна Васильева) 0,11
ДОВЖИК Виктория 2
ДОСТОЕВСКИЙ Фёдор 1
ДУДАКОВ Валерий 12
ЕЗЕРОВА Любовь 0, 20
ЕЗЕРОВА Тата,
Наталья ЕЗЕРОВА 11
ЗАЙЦЕВА Анастасия 14
ЗВЕРЕВ Анатолий 6
ИЛЮХИН Борис 7
ИСМИЕВА Валерия 14
КАЙСАРОВА Татьяна 2
КАЛИНИЧЕНКО Николай 2, 16
КАРАМЗИН Николай 1
КАЦЮБА Елена 6

КАШТАНОВА Юлия 17
КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ Константин 12
КИРШТАЙН Ингрид,
Елена Ткаченко 17
КЛЮЧЕВСКИЙ Василий 1
КОЛОДЯЖНАЯ Людмила 3, 4
КОМАРОВА Елена 13
КОРКУНОВ Владимир 7, 12
КРИЧЕВСКАЯ Евгения 4
КУКЛЕВ Валентин 7
КУРИЛОВ Дмитрий 17
ЛОЗОВОЙ Александр 12
ЛУКЬЯНОВ Евгений 12
ЛЮДОГОВСКАЯ Калиопа 4
МАМЛЕЕВ Юрий 0, 1, 17
МАНДЕЛЬШТАМ Осип 6
МИЛЬЧЕНКО Евгения 17
МИНАКОВ Игорь 16
МИРОНОВА Ксения 8
МИХАЙЛИНА Анна 7
НИКИТЕНКО Константин 9
НИКОЛАЕВ Михаил 2, 9
ОЛЕЙНИКОВ Александр 9
Ольга Константиновна,
Королева Греции 4
ОРЛОВСКАЯ Елена 12
ПАХОМОВА Наталья 0
Р. КАМАЛОВ,
Софья КАМАЛОВА 17
РАБИНОВИЧ Иосиф 17
РЕПИНА Ирина 4, 5
РОЖКОВА Наталья 0,2,

РОЗАНОВ Иван 2
РЯХОВСКАЯ Инна 12
СВИРИДЕНКО Татьяна 5
СЕМИРЕЧКИНА Неля,
Н.Татарникова 7
СИГУТИН Андрей 3
СОКОЛОВСКАЯ Ольга 4
СТЕПАНОВ Евгений 17
Тата ЕЗЕРОВА, Наталья
ЕЗЕРОВА 11
ХАРИТОНОВА Анна 12
ХАРИТОНОВЪ Евгений В. 17
ХАРИЧЕВ Игорь 16
ХЭМИНГУЭЙ Эрнест 6
ЦЕСЕЛЬЧУК Дмитрий 0, 10, 17
ЧЕЛИКАНОВА Ирина 15
ЧЕРУБИНА де ГАБРИАК,
Елизавета Ивановна Дмитриева 5
ЧОРА Роман,
Р.Марголис-Чора 10
ШАПИРО Валерий 15
ШАТОХИН Виталий,
священник 3
ШЕЛОВ Сергей 0
ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Федор 3
ШЕРСТНЕВ Сергей 9
ШЕСТАКОВА Лариса 6
ШМЕЛЬКОВА Наталья 6
ЯВОРСКАЯ Елена 2
ЯКИМОВА Галина 17
ЯКУБОВИЧ Борис 10
ЯХОНТОВА Нина 11

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Выходные данные; краткая аннотация (0)

...И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО... (1)

О России и русской литературе

Н.М. КАРАМЗИН,	
Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ,	
В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ,	
Ю.В. МАМЛЕЕВ.	3

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА (2)

Наталья РОЖКОВА. <i>Стихи</i>	4
Виктория ДОВЖИК. Будни чокнутой семейки.	
<i>Глава из повести. (Начало в альманахе «Словесность 2015»)</i>	
Михаил НИКОЛАЕВ. <i>Стихи</i>	11
Владимир ГЛАНЦ. Монах. <i>Рассказ</i>	13
Татьяна КАЙСАРОВА. <i>Стихи</i>	17
Иван РОЗАНОВ. Темные аллеи. <i>Рассказ</i>	19
Святослав БЕСЕДИН. <i>Стихи</i>	22
Николай КАЛИНИЧЕНКО. Облако майора. <i>Рассказ</i>	24
Елена ЯВОРСКАЯ. <i>Стихи</i>	31

ИСТОРИЯ РОССИИ (3)

Сергиева Святая Русь

Беседа Андрея Сигутина со священником Виталием Шатохиным	33
Людмила КОЛОДЯЖНАЯ. Видение	
отроку Варфоломею. <i>Стихи</i>	37
Федор ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ. Призвание России.	
<i>Из книги «Мир и мы. Стереть стереотипы.</i>	37

ДИАЛОГ КУЛЬТУР. ГРЕЦИЯ (4)

Ольга СОКОЛОВСКАЯ. Ольга Константиновна Романова – королева-мать русского флота	39
Людмила КОЛОДЯЖНАЯ. Орфей и Эвридика.	
<i>Из древнегреческой мифологии</i>	42
Евгения КРИЧЕВСКАЯ. Как неприветлива,	

как холодна чужбина... <i>Каллиопы Людоговская: поздняя муза</i>	45
Татьяна ВИНОГРАДОВА.	
<i>Стихи, диалог с И. Репиной, эссе.</i>	46

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (5)

Татьяна СВИРИДЕНКО. Когда родился Георгий Гребенщилов? И все-таки 1882!	53
Ирина РЕПИНА. «Я приняла наш древний знак – святое имя Черубины»: Елизавета Ивановна Дмитриева. <i>Отрывок из книги «Мифы и судьбы. Беатриче Серебряного века»</i>	55

ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ (6)

125 лет со дня рождения Осипа Мандельштама	
Лариса ШЕСТАКОВА. Стихотворение О.Мандельштама «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»	60
К 80-летию со дня рождения Анатолия Зверева	
Наталья ШМЕЛЬКОВА. Зверев, он же Христофор Колумб. <i>Из воспоминаний</i>	65
55 лет назад ушёл из жизни Эрнест Хемингуэй	
Елена КАЦЮБА. Изумрудная скрижаль Хемингуэя	69

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА (7)

Александр АНТИПОВ. <i>Стихи</i>	72
Валентин КУКЛЕВ.	
В поисках андрогина.	
<i>Главы из романа (Продолжение. Начало в альманахе «Словесность 2008»)</i>	75
Послесловие-объяснение.	77
Григорий АРЛИНСКИЙ.	81
Сергей ВОРОНИН.	81
Елена ГОМОЛОВА. <i>Стихи</i>	84
Анна МИХАЙЛИНА. Агония заводской поликлиники. <i>Рассказ</i>	85
Борис ИЛЮХИН. <i>Стихи</i>	86
Владимир КОРКУНОВ. Страница дневника.	
Бабочка. <i>Рассказ</i>	89
Неля СЕМИРЕЧКИНА. <i>Стихи</i>	90

МАСТЕРСКАЯ (8)

Игорь БУРДОНОВ. Свобода в тексте	92
--	----

Ксения МИРОНОВА. Впустим ли мы солнце...
Предлагаем познакомиться с новыми стихами
автора, пишущего на китайском языке и авторскими
переводами с китайского языка на русский. 93

НЕ шуточные СТРАНИЦЫ (9)

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ. Дебют
и Бася (*быль*) 95
Александр ОЛЕЙНИКОВ. Рассказы и стихи. 96
Сергей ШЕРСТНЕВ. Стихи 97
Константин НИКИТЕНКО. Стихи 99
Михаил НИКОЛАЕВ. Иронизмы. 101
Инна ВАСИЛЬЕВА,
кот ВАСИЛИЙ. Открытое письмо в Минкульт 102

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ (10)

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Стихи 103
Янис БАЛТВИЛКС. «Где ночует дрема». Стихи.
Перевод с латышского Дмитрия Цесельчука 105
Роман ЧОРА. Стихи 108
Борис ЯКУБОВИЧ. Атлантида —
мечта или реальность. 109

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА (11)

Нина ДАВЫДОВА. Арбат — моя Мекка 114
Тата ЕЗЕРОВА. В долине ледника Джанкуат 121
Нина ЯХОНТОВА. Загадочная фауна Карадагского
заповедника 123

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА (12)

Константин КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ. Стихи. 129
Полина БАБУШКИНА. Рассказы:
История про Жилы-урода 130
Инна РЯХОВСКАЯ. Стихи. 132
Александр ЛОЗОВОЙ. Молчи, скрывайся и таи...
Глава из романа (Продолжение, начало в альманахе
«Словесность 2015»). 135
Елена ОРАЛОВСКАЯ. Стихи 137
Владимир КОРКУНОВ. Стихи 139
Евгений ЛУКЬЯНОВ. Задумчивый волк.
Пасхальный рассказ 140
Анна ХАРИТОНОВА. Стихи 142
Валерий ДУДАКОВ. Стихи 142

РЕЦЕНЗИИ (13)

Татьяна ГОРОХОВА. Без никого. Критические
размышления о прозе Елены Комаровой 145
Елена КОМАРОВА. Богданчик. Отрывок
из повести «Уроки игры на баяне» 146

НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗНАКОМСТВА (14)

Анастасия ЗАЙЦЕВА. Стихи 152
Валерия ИСМИЕВА. Стихи 154

ПУБЛИЦИСТИКА (15)

Ирина ЧЕЛИКАНОВА. Дело Вудки 156
Валерий ШАПИРО. Научные достижения запада,
как угроза. 173

ФАНТАСТИКА (16)

Николай КАЛИНИЧЕНКО. Звездная болезнь.
Рассказ. 176
Игорь ХАРИЧЕВ. Если бы он проиграл... Рассказ 187
Игорь МИНАКОВ. Дом обреченных. Рассказ. 190
Александр СЫРОВ. Хреномобиль. Рассказ. 197

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА (17)

Евгений В. ХАРИТОНОВЪ. Стихи 198
Юрий МАМЛЕЕВ. Иное. Рассказ 200
Ингрид КИРШТАЙН. Стихи. 202
Дмитрий КУРИЛОВ. Местная. Рассказ 203
Юлия КАШТАНОВА. Стихи 205
Иосиф РАБИНОВИЧ. Дядя Леня и другие. Рассказ. 207
Галина ЯКИМОВА. Стихи 210
Р. КАМАЛОВ. Крыша моего мира. Рассказ 211
Алла БОСНИК. Туманные прогулки. Стихи. 213
Евгения МИЛЬЧЕНКО. Стихи и проза. 213
Евгений СТЕПАНОВ. Рассказы 218
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Стихи 221

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ МАТЕРИАЛОВ АЛЬМАНАХА (18)

. 225

СОДЕРЖАНИЕ (19).

. 226

ОБЛОЖКИ И ФОРЗАЦЫ (20).

. 228

ОБЛОЖКА 1

1. Н.М. Карамзин (1766-1826). Портрет работы А.Г. Венецианова (1828).
2. Греция. Акрополь. Парфенон.
3. О.Э. Мандельштам. Портрет работы Льва Бруни. (1916). Местонахождение неизвестно (частное собрание).

ОБЛОЖКА 2

1. Александр Петрович-Сыров выступает в РОПЦ.
2. Панорама г. Тарусы из окна архитектора Михаила Лобзова.
3. Литераторы в Музее Читателя, библиотека искусств.

ФОРЗАЦ 1

1. Вячеслав Сысоев - сопредседатель СЛ РФ, выступление в галерее З. Церетели на Пречистенке.
2. Юрий Мамлеев. Выступление на презентации альманаха «Словесность» в галерее З. Церетели.
3. Дмитрий Цесельчук - сопредседатель СЛ РФ, гл. ред. альманаха «Словесность».
4. Нина Давыдова - москвовед, автор идеи альманаха «Словесность», автор и ведущая радиоэфиров.
5. Фёдор Шелов-Коведяев.
6. Валентин Куклев выступает в музее В.В. Маяковского.
7. Наталья Рожкова и Евгения Мильченко (г. Самара).
8. Николаю Калининченку вручили премию «Филигрань». 2015 год.
9. Наталья Шмелькова и Евгений Степанов на выступлении в пресс-центре.
10. Александр Петрович - Сыров.
11. Софья Няч. Выступление группы «Северный крест».
12. Михаил Николаев в студии «Старая школа».
13. Борис Якубович на выступлении в музее В.В. Маяковского.
14. Виктория Довжик (вторая справа с кошкой) с детьми, автор повести «Чокнутая семейка».
15. Александр Лозовой.
16. Константин Кедров.
17. Ксения Кирс. Выступление группы «Северный крест».
18. Ксения Миронова и Татьяна Виноградова на выступлении в Российском общественно-политическом центре (РОПЦ).

19. Сергей Волков, г. Вязники.
20. Константин Шапошников.
21. Владимир Делба.

ФОРЗАЦ 2

1. Дмитрий Курилов.
2. Иосиф Рабинович на марафоне в защиту музея Венедикта Ерофеева в Царицыно (28 гр. мороза).
3. Игорь Харичев, Нина Давыдова рядом с А.С. Пушкиным (радио «Ракурс»).
4. Григорий Арлинский в редакции «Знание - Сила».
5. Ирина Артамонова.
6. Игорь Бурдонов.
7. Наталья Шмелькова. Портрет работы Анатолия Зверева.
8. «Волга». Картина Любови Езеровой.
9. Иван Розанов.
10. Татьяна Горохова.
11. Татьяна Грауз.
12. Алла Козырева.
13. Иван Козин, он же Стив Бургундец.
14. О.Э. Мандельштам. Авторы Е.В. Мунц, Д.М. Шаховской. См. рассказ А. Олейникова «Как я сделал свою сестру Лену известным скульптором», стр. 96.
15. Владимир Коркунов.
16. Ирина Репина дегустирует крымское вино.
17. Людмила Колодяжная.
18. Сергей Шелов на дне рождения внука Фёдора.
19. Ольга Соколовская.
20. Святослав Беседин.
21. Константин Шаповалов и его учитель Борис Илюхин в студии «Старая школа».
22. Евгений В. Харитонов на выступлении в галерее Зураба Церетели на Пречистенке.
23. Ирина Челиканова после вручения награды.
24. Тата Езерова. Ледник Джанкуат.

ФОТОГРАФИИ:

Евгений Надалинский, Алла Козырева, Татьяна Виноградова, Лев Алабин, Марина Левина, Александр Воловик, Нина Давыдова и др.